

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2017

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 01 (55) 2017
Часть 3
Январь**

Подписано в печать 25.01.2017.
Тираж 900 экз.
Заказ 26172
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LVIII заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

ИНТЕРЬЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ БОТАНИЧЕСКОГО САДОВОДСТВА В СТРУКТУРЕ ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 18 ВЕКА	6
ПРИНЦИПЫ ТИПИЗАЦИИ В ЗАСТРОЙКЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКА)	9

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

ЭТНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ «ЛЕГЕНДА О СИХИРТЯ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ЧАСТЬ 2)	13
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ЭКСТЕРЬЕРА И ИНТЕРЬЕРА НОГАЙСКОЙ ЮРТЫ ..	16
ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫХ ЧЕРТ ДОМРОВОЙ МУЗЫКИ КОНЦА XX ВЕКА	19

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНИВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА	22
ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ	25
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ	27
INTERDISCIPLINARY COOPERATION IN CASE STUDIES ON CORPORATE FINANCE IN A FOREIGN LANGUAGE	30
ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ, СПОРТУ И ТУРИЗМУ	33
РАЗВИТИЕ ГИБКОСТИ У МАЛЬЧИКОВ 8-9 ЛЕТ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРЫЖКАМИ В ВОДУ	36
ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БОРЦОВ НА СБОРАХ	39
СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ	41
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ	42
ОСНОВАНИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ	46
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЗИЧЕСКОГО, ТЕХНИЧЕСКОГО И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ С УСПЕШНОСТЬЮ ТРЕНИРОВОЧНОГО ЗАНЯТИЯ	48
ВЛИЯНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕТОДИКИ ПО САМООБОРОНЕ НА УРОВЕНЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ	50
РОЛЬ ПРАКТИКИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ СПЕЦИАЛЬНОГО (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ	53
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ	56
ПРЕОДОЛЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ СВЯЗАННЫХ С АНАЛИЗОМ И ВИЗУАЛИЗАЦИЕЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ	59
РОЛЬ НОВОЙ ВАРИАТИВНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ АНАЛИТИЧЕСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ХИМИЕЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРОВИЗОРА	63
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТА ОЦЕНИВАНИЯ	65

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ЧЕЛОВЕК»)	69
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ: ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РЕПЛИК И ПРОБЛЕМА ПРЕРЫВАНИЯ РЕЧИ СОБЕСЕДНИКА	71
ФОЛЬКЛОРНЫЕ НАРРАТИВЫ В РОМАНЕ Н.М. ПЕТРОВА «ОТЗВУКИ ТЕХ ВЕКОВ»	73
ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ	76
АНГЛИЙСКИЕ КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ФРАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИРАЗНЫХ ГРУПП	79
REGULARITIES OF VERBAL RITUAL IN COMMUNICATIONS BEHAVIOR PROCESS	83
ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Н. Г. ДОМОЖАКОВА «В ДАЛЕКОМ ААЛЕ»	86

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОГО «Я» В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ	89
ПРОЦЕССЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КОНЦЕПТА ДРУГ В УЗУСАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ	91
НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РАССКАЗАХ И.А.БУНИНА	95
ТУРЕЦКО-НЕМЕЦКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СМЕШЕНИЕ	98
СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТЕКСТА: КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ПОЭТИКА	101

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ	104
КОСМОПОЛИТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	106
ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	109
К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАУК (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ И КОММУНИКОЛОГИИ)	113
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ НЕНАСИЛИЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА	117
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА СИНЕРГЕТИКИ К РЕШЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ	120

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ В СИМВОЛАХ ХИЩНЫХ ПТИЦ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТИВНОМ ТЕСТЕ «ПТИЦА»	122
ОСОБЕННОСТИ ПАРАМЕТРОВ ОЦЕНКИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА С ПОМОЩЬЮ СКРИНИНГ-ДИАГНОСТИКИ «ОМЕГА-С» У ЛИЦ, ОСВАИВАЮЩИХ МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ	125
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОТРЕБНОСТЕЙ В БЕЗОПАСНОСТИ С ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ К УГРОЗАМ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)	128
ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	134
DILETTANTE JOURNALISM AS A WAY OF SELF-ACTUALIZATION	136
КВАЗИЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ	139

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

TRUST IN TRADE BETWEEN PARTIES OF THE CONFLICT AS A CONDITION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION: MEASUREMENT METHODOLOGY	141
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОГО РИСКА	144
ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	147
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ	149
ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	151
СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	154
ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ	157
СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ: СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ	159

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.092

Белоусова О.А.

Доцент,

Санкт-Петербургский Государственный архитектурно-строительный университет

ИНТЕРЬЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ БОТАНИЧЕСКОГО САДОВОДСТВА В СТРУКТУРЕ ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 18 ВЕКА

Аннотация

В статье дано определение экстерьерного и интерьерного объектов ботанического садоводства. Выделены зоны локализации объектов ботанического садоводства исходя из этапов исторического развития Санкт-Петербурга. Предложена классификация экстерьерных объектов ботанического садоводства, в составе которых присутствовали интерьерные составляющие (оранжереи, зимние и висячие сады) по социальному признаку, а так же определено деление оранжерей по функциональному назначению. Рассмотрены интерьерные ботанические объекты дворцовых комплексов начала 18 века, расположенные в первой зоне, давшие толчок к дальнейшему развитию и распространению оранжерей, как на территории города, так и за его пределами. Прослежена взаимосвязь функционального назначения оранжерей и статуса экстерьерного объекта. Определена роль интерьерных объектов ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации в жизни российского общества первой половины 18 века.

Ключевые слова: объекты ботанического садоводства, оранжерея, Санкт-Петербург, функциональное назначение, статус объекта.

Belousova O.A.

Associate professor,

Saint Petersburg State University Architecture and Civil Engineering

OBJECTS OF INTERIOR BOTANICAL GARDENING IN THE STRUCTURE OF THE PALACE COMPLEXES OF SAINT-PETERSBURG IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract

In article definition of exterior and interior objects of Botanical horticulture. The zones of localization of objects Botanical gardening based on the stages of the historical development of St. Petersburg. The classification of exterior objects, Botanical horticulture, which was attended by interior components (greenhouses, winter and the hanging gardens) on social grounds, and also defined the division of the greenhouses for functions Considered interior Botanical objects of the Palace complexes of the early 18th century, located in the first zone, which gave impetus to the further development and spread of greenhouses on the territory of the city and beyond. Traced the relationship of the functional purpose of the greenhouses and the status of the exterior of the object. Defines the role of the objects of interior Botanical gardening of St. Petersburg agglomeration in the life of Russian society during the first half of the 18th century.

Keywords: objects of Botanical, horticultural, greenhouse, St. Petersburg, functionality, status of object.

Объект ботанического садоводства – это комплекс взаимосвязанных элементов: архитектурных объектов различного функционального назначения и собственно участка территории, как эстетической (парадной), так и утилитарной (хозяйственной) выполненной с учетом временных рамок, стилистических особенностей, предназначенный для создания законченной композиции зеленых насаждений.

Объекты ботанического садоводства можно разделить на две основные группы - экстерьерную, самую многочисленную, разнообразную и максимально изученную, а так же интерьерную. Обе группы находятся в непосредственном и тесном взаимодействии.

Экстерьерные объекты ботанического садоводства (ЭОБС) – это объекты, формирующие общую структуру зеленых зон городского пространства, местоположение, планировка и флористический состав которых определяет статус и роль объекта в структуре города. Интерьерные объекты ботанического садоводства (ИОБС) - оранжереи – могут быть как самостоятельными объектами, так и элементом в общей композиции архитектурного объекта – висячие сады, оранжереи зимних садов. ИОБС входят в состав ЭОБС, также оказывая влияние на его статус.

Появление и формирование на берегах Невы города Санкт-Петербурга, становление его как столицы, центра науки и культуры, способствовало появлению различных типов объектов ботанического садоводства, которые формировались, развивались и изменялись вместе с городским пространством. Феномен Санкт-Петербурга заключается не только в единстве объемно-планировочных структур, но и в появлении особых ботанических объектов – оранжерей, развивавшихся с учетом достижений в области ботанического садоводства, способствовавших формированию особого жизненного уклада и культуры, оказавших влияние на формирование архитектурно-планировочных композиций экстерьерных участков ботанического садоводства, демонстрировавших положение в обществе и финансовую состоятельность их владельцев, а так же формировавших в сложных политических и экономических условиях статус столичного города европейской формации.

Анализ этапов исторического развития объектов ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации дает возможность выделить четыре зоны их локализации:

1 - центральная зона, включающая в себя территорию всей Адмиралтейской и Литейной части, часть Васильевского и Аптекарского островов;

2 - южная зона, включающая в себя территорию южного берега Финского залива, а так же города Пушкин, Павловск, Гатчина;

3 - северная зона, включающая в себя территорию Каменного и Елагина островов, а так же территорию, расположенную по правому берегу Невы;

4 - периферийная зона, охватывающая территории Лужского, Ломоносовского, Кингисеппского и других районов области Санкт-Петербурга.

Архитектурные объекты ботанического садоводства присутствовали в большей или меньшей степени во всех выше перечисленных зонах. Оранжерея становится неотъемлемой частью сада, его интерьерной составляющей.

Объекты ботанического садоводства, как экстерьерные, так и интерьерные, вошли в структуру городского пространства и оказали влияние на его формирование, начиная с момента возникновения города. В процессе исторического преобразования городской среды интерьерные объекты ботанического садоводства занимали различное положение и имели различный статус. Так экстерьерные объекты ботанического садоводства (ЭОБС), в составе которых присутствовали интерьерные составляющие (оранжереи, зимние и висячие сады) по социальному признаку подразделялись на:

- Императорские резиденции городские и загородные;
- Великокняжеские резиденции городские и загородные;
- Городские и загородные дворянские усадьбы (богатые, средние);
- Помещичьи хозяйства;
- Городские сады;
- Ботанические сады (государственные и частные).

В свою очередь интерьерные объекты ботанического садоводства (ИОБС), в зависимости от их расположения, по функциональному назначению можно разделить на:

- утилитарно-производственные (парники, теплицы);
- утилитарно-эстетические;
- эстетические (висячие сады, оранжереи зимних садов);
- научно-исследовательские;
- учебно-просветительные;
- выставочно-торговые.

Рассмотрим более подробно интерьерные ботанические объекты первой зоны и проследим взаимосвязь их функционального назначения и статуса. В центральной зоне были сконцентрированы первые в городе экстерьерные объекты ботанического садоводства – садовый комплекс, состоящий из трех Летних садов, сада лабиринт и сада с прудами; сад Посольского (Меншиковского) дворца; Итальянский сад; дворянские усадьбы, расположенные по берегам рек Мойки и Фонтанки; Таврический сад; специальные участки ботанического садоводства (аптекарский огород-императорский ботанический сад, ботанический сад академии наук). В формировании этих объектов использовались характерные для начала 18 века приемы регулярной планировки, осуществлялся подбор древесных растений не характерных для данной местности, были выделены участки под аптекарские огороды, устроены оранжереи – элементы характерные для ботанического садоводства.

В композиционную структуру практически каждого сада была включена оранжерея – первое сооружение подобного рода на Невских берегах. Каждый сад имел различное количество данных построек с определенным их местоположением, что оказывало влияние на их архитектурно-пластическое решение, определяло статус. Так на территории Летнего сада первой императорской резиденция на берегах Невы была возведена одна из первых оранжерей в городе. Ее появление было обусловлено желанием царя иметь в своем городе все возможные редкости, в том числе и экзотические растения. Работа по разбивке сада производилась с 1705 по 1721 год. Строительство дворцов, а тем более зданий практического назначения – жилые дома, всевозможные хозяйственные сооружения в начале 18 века производилось с использованием доступного в то время строительного материала – дерева. «Природа, чтобы компенсировать великие холода, на которые она обрекла эту страну, снабдила ее огромным количеством дерева, чтобы построить здания оранжерей и чтобы поддерживать постоянное тепло в течение зимы для нежных растений» – так об оранжерее Летнего сада отзывался французский ботаник Дешизо и это высказывание будет справедливо не только по отношению к данной оранжерее, но и ко всем сооружениям ботанического назначения этого временного периода.[1, С. 308] К 40 годам 18 века для строительства оранжерей используется не только дерево, но и камень, что видно на карте Санкт-Петербурга 1738 года.

Оранжерея Летнего сада представляла прямоугольное в плане здание ориентированное своими протяженными фасадами на север в сторону Невы и юг в сторону реки Мойки, а торцевыми (равными по ширине подходящему к ней каналу) на восток в сторону реки Фонтанки и запад. Оранжерея располагалась на границе парадной – северной и хозяйственной – южной зоны сада (будущего второго летнего сада) разделенной каналом, проложенным от Фонтанки до Лебяжьей канавки. Ассиметричное расположение оранжереи давало возможность воспринимать в перспективе единовременно обе части сада по западной стороне, в то же время по восточной стороне оранжерея становиться объектом, определяющим границы парадной зоны, локальным архитектурным акцентом пограничной территории. В связи с чем, она должна была функционировать не только по своему прямому назначению, но и выполнять роль садового павильона, являющегося украшением парадной части, где проводились встречи иностранных послов и устраивались праздники. Таким образом, функциональное назначение оранжереи Летнего сада становиться утилитарно-эстетическим.

На берегу реки Мойки в 1712 году, в том месте, где ныне расположен павильон России, возводится дворец для Екатерины I. За дворцом разбивается регулярный сад, где высаживаются преимущественно яблони и устраиваются пруды для разведения рыбы к царскому столу. Разнообразные постройки хозяйственного назначения конюшни, амбары и др. занимали значительную территорию, ограниченную берегами рек – Мойки, Фонтанки, Кривуши (современный канал Грибоедова) и Большой перспективой (современный Невский проспект). На этой территории, за садом, был устроен оранжерейно-тепличный комплекс, предназначенный для обеспечения царского стола

различными экзотическими фруктами. В оранжереях царского дворца уже в начале 20-х годов 18 века произрастали и плодоносили южные растения – ананасы, бананы и другие растения, о чем упоминают современники. Комплекс из пятнадцати оранжерей представлял собой систему линейно расположенных объектов имевших преимущественно прямоугольную форму в плане с небольшими ризалитами.

Планы Санкт-Петербурга 1737-1738 годов отражают положение большой дворцовой оранжереи располагавшейся на месте ныне существующего здания цирка Чинизелли. Протяженное здание оранжереи, аналогично оранжереи первого Летнего сада имеет связь с акваторией реки Фонтанки, занимает участок между набережной, будущей Кленовой аллеи и участком будущей Итальянской улицы. Дворцовая оранжерея являлась локальным акцентом данной территории, формировала хозяйственный участок, где находились различные постройки, включая слоновый двор, граничащий с обширной огороженной территорией, отведенной Анной Иоановной для псовой охоты, а так же была композиционно и визуально связана с постройками правого берега реки Фонтанки (звериный двор и церковь Симеона и Анны). Во времена царствования Елизаветы Петровны на месте охотничьего двора был устроен обширный оранжерейный двор с прудом для полива растений и домами садовников. Таким образом, этот участок городской территории в 18 веке (до восшествия на престол Павла I) был сосредоточием оранжерейных сооружений различного назначения. [2, С. 108, 109], [3]

Так же в центральной зоне, на Васильевском острове генерал-губернатором А. Д. Меншиковым в 1704 было начато устройство модного в то время регулярного сада, а затем и строительство Посольского дворца, роскошной резиденции поддерживающей престиж молодого города. Усадьба с цветником, обширным садом и огородом складывалась по принципу глубинно-пространственного развития дворцовых и хозяйственных построек – бани, медоварня, хлебопекарня, кузница и протянулась через весь Васильевский остров от Большой до Малой Невы. Неотъемлемой частью этой композиции стала большая оранжерея, расположенная в дальней части сада и являющаяся ее акцентом. Прямоугольное в плане здание оранжереи находилось в северо-западной части сада, располагалось параллельно дворцу и ограничивалось центральной аллеей, таким образом, занимая ассиметричное, хорошо обозреваемое со стороны сада положение на участке. Двенадцать гектаров сада обслуживало 67 человек, содержа его в идеальном состоянии, что приносило хозяину немыслимые для Петербургского климата урожаи. Восхищаясь садом и оранжереями Вебер писал, что в саду князя Меншикова на Васильевском острове и почва теплее, и полуденное солнце греет сильнее, поэтому там лучше все произрастает. [4, С. 41, 42]

Объекты ботанического садоводства появляются не только в центральной части городского пространства в районе Адмиралтейства и Васильевского острова, но и на загородных территориях по берегу Фонтанки и на правом берегу Невы, о чем свидетельствуют карты 1737 года.

С целью освоения пригородных территорий именитым и состоятельным горожанам, приближенным Петра I выделялись достаточно большие участки для строительства загородных усадеб. В 1712 году на берегу Фонтанки, недалеко от Невской перспективы, на подаренном Петром своей супруге Екатерине Алексеевне участке, возводится деревянный дворец, перестроенный в 1721-1723 годах архитектором Н. Микетти в камне. За дворцом в сторону Знаменской улицы (улицы Восстания) разбивается Итальянский сад площадью одиннадцать гектаров, размеры сада подчеркивали его статус. Магистралью проложенной от Литейного двора к Невскому проспекту (Литейный проспект) территории сада оказалась разделенной на две разновеликие части. Часть сада квадратной формы в плане, имевшая регулярную планировку и примыкавшая к дворцу со стороны Фонтанки была парадной, на ней располагались великовозрастные деревья и большая оранжерея. Часть сада, оказавшаяся за Литейным проспектом, была в четыре раза больше первой и считалась хозяйственной, не смотря на то, что ее планировочное решение в регулярном стиле было столь же торжественным. Здесь был обустроен сад с ягодными кустарниками и плодовыми деревьями, разбиты огороды с теплицами и оранжереями, где выращивалась зелень для придворной кухни. [5, С. 109]

Большая оранжерея располагалась в северо-восточной части парадной зоны и имела визуальную связь с дворцовой постройкой, прямоугольные в плане оранжереи хозяйственной зоны имели линейное расположение параллельное длинной стороне участка, определяя, таким образом, его северную границу. Такое расположение на участке четко определило роль каждой оранжереи в общей композиции сада. Большая оранжерея, являясь локальным архитектурным акцентом пограничной территории, выполняла утилитарно-эстетическую функцию, оранжереи в хозяйственной зоне выполняли утилитарно-производственную функцию, здесь выращивались не только огурцы, горох, капуста, но и экзотические для Невских берегов дыни, лимоны, апельсины, смородина, базилик, турецкие бобы, майоран.

Итальянский сад поддерживался в образцовом порядке до 1727 года, но после смерти Екатерины I, садовые посадки и дворец пришли в упадок. В 1730-е годы часть Итальянского сада в границах нынешней улицы Некрасова и улицы Жуковского включается в состав слободы Преображенского полка. Огороды с оранжереями расположенные на оставшемся участке Итальянского сада предназначались для обеспечения царского стола овощами и фруктами. [6, С. 37-50]

Дворцовые комплексы начала 18 века дали толчок к дальнейшему развитию и распространению ИОБС как на территории города, так и за его пределами. На территории Санкт-Петербурга, ни когда не имевшей сооружений подобного рода, всего за 50 лет складывается система оранжерей и оранжерейных комплексов. Уже к середине 18 века оранжереи становятся важным архитектурно-композиционным элементом каждого сада. За столь незначительный, с исторической точки зрения, период в сложнейших условиях Санкт-Петербурга благодаря оранжереям был получен высокий результат в плане сохранения, выращивания и акклиматизации различных растений.

Феномен оранжерей Санкт-Петербургской агломерации заключается:

- в быстром внедрении в уклад жизни на разных социальных уровнях;
- в оказании влияния на распространение оранжерей по территории Российской империи вплоть до северных ее районов (Соликамский ботанический сад Демидова);

- в оказании влияния на формирование архитектурно-планировочных композиций экстерьерных участков ботанического садоводства;
- в повышении статуса их владельца и закрепление уже на первых этапах становления города статуса европейской столицы.

Они позволили сохранить русскую самобытность при изменении привычного уклада. Стали элементом роскоши, показателем достатка и веса в обществе, показателем образованности в сфере естественных наук и географии, так как многие владельцы оранжерей занимались наукой, активно развивающейся в России.

Список литературы / References

1. Горышина Т.К. Растительный мир старого Петербурга. Изд-во «Atheneum: Феникс», М.- СПб., 1993. С.308//Невский архив: Историко-краеведческий сборник.
2. Веснина Н. Н. Сады Невского проспекта. Изд. «Прописки», СПб., 2008.
3. Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоановны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
4. Калязина Н. В. Меншиковский дворец-музей. ЛЕНИЗДАТ, 1982.
5. Георги И. Описание российского – императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом / Вступ. Статья Ю. М. Пирютко. – СПб., «ЛИГА», 1996. – С.528.
6. Кормильцева О. М. Итальянский сад// Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1997. С. 37-50

Список литературы на английском языке / References in English

1. Goryshina T.K. Rastitelnyi mir starogo Peterburga [The flora of old St. Petersburg]. Izd-vo "Atheneum: Phoenix", M. - SPb., 1993. P. 308// Nevskiy arhiv:Istoriko-kraevedcheskiy sbornik [Nevsky archive: regional history collection]. [in Russian]
2. Vesnina N. N.Sady Nevskogo prospekta [Gardens Nevsky Prospekt]. Ed. "The Propylaea", SPb., 2008. [in Russian]
3. Bespyatykh Y. N. Peterburg Anny Ioanovny v inostrannykh opisaniykh[Petersburg Anna Ioanovna in foreign descriptions. SPb], 1997. [in Russian]
4. Kalyazina N. V.Menshikovskiy dvorec-muzey [Menshikov Palace Museum]. LENIZDAT, 1982. [in Russian]
5. Georgi I. Opisanie rossiyskogo imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga I dostoprimechatelnostey v okrestnostykh onogo, s planom/vstup. Statiy Y.M. Pirytko[Description of Russian Imperial capital of St. Petersburg and attractions in the surroundings thereof, with the plan / Intro. The Article Y. M. Piryutko]. – SPb., "LEAGUE", 1996. – P. 528. [in Russian]
6. Kormiltseva, O. M.Italiynskiy sad//Pamytniki istorii I kultury Peterburga [the Italian garden// Monuments of history and culture of St. Petersburg]. SPb., 1997. P. 37-50 [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.117

Михайленко Т.Г.

ORCID: 0000-0003-4011-7660, Доцент,

кандидат исторических наук,

Курский государственный университет

ПРИНЦИПЫ ТИПИЗАЦИИ В ЗАСТРОЙКЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКА)

Аннотация

Типовое строительство господствовало в застройке российской провинции в конце XVIII - начале XIX веков. Для зданий были разработаны так называемые «образцовые» фасады, применение которых внедрялось на государственном уровне. Такая застройка не предполагала индивидуальности города, но вместе с тем явилась основой качественного градостроительства в едином стиле. Из центра в губернию посылались чертежи строений и «дворовых мест» с пояснениями к ним. Принципы типизации регламентировались циркулярами министерств и базировались на канонах классицизма.

Ключевые слова: типовое строительство, «образцовые» фасады, застройка.

Mikhaylenko T.G.

ORCID: 0000-0003-4011-7660, Associate Professor, PhD in History,

Kursk state University

THE PRINCIPLES OF TYPIFICATION IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN PROVINCE OF THE LATE XVIII - EARLY XIX CENTURIES (ON EXAMPLE OF KURSK)

Abstract

Typical constructions of building dominated in the development of the Russian province in the late XVIII - early XIX centuries. The so-called «model» facades were developed for the buildings, their use was also introduced at the state level. This construction of building did not anticipate the identity of the city, however, was the basis of the quality of urban development in the same style. The drawings of buildings and «yard areas» with explanations were being sent from the center in the province. The principles of typification was regulated by circulars of the ministries and was based on the canons of classicism.

Keywords: typical construction of building, «model» facades, buildings.

Городская застройка осуществляется в результате взаимодействия множества факторов: экономических, социальных, градостроительных, имеющих свои временные особенности. В эпоху Екатерины II основной регулирующей силой в строительстве было абсолютистское государство. Город был распланирован на прямоугольные кварталы. Для возведения новых строений из столиц присылались так называемые «образцовые» фасады, которые

изготавливались в соответствии с принципами классицизма и отличались строгой симметричностью, часто имели фронтон в центре главного фасада и портик.

В конце XVIII в. применялось восемь разновидностей «образцовых» проектов жилых зданий [1, С.143]. Тогда же были разработаны проекты казённых строений, например, «соляных» магазинов (т.е. складов) [2], присутственных мест для уездных городов [3]. Типовые винные и «соляные» магазины должны были строиться в российских городах в соответствии с местными условиями. Для этого в губернию из центра посылались планы и сметы, причём губернатор сам выбирал, по каким именно планам, какого размера и где именно должно возводиться казённое строение.

Типовое строительство было более дешёво и доступно, чем индивидуальное, поэтому «образцовые» проекты нашли широкое применение повсеместно. Так, в Курскую губернию были присланы проекты В.П.Стасова, удостоенные «высочайшей апробации». Их послал, например, 7 декабря 1811 г. губернатору А.И.Нелидову министр полиции А.Балашёв [4, Л.771]. Это были 10 фасадов для частных строений, соответствующих «нуждам и надобностям городских жителей». В 1809 г. архитекторы А.Захаров, В.Гесте и Л.Руска разработали 100 проектов жилых домов. В 1812 г. 125 «образцовых проектов» создал В.П.Стасов [1, С.161]. Инструктивная записка, составленная В.П.Стасовым, приобрела силу закона (23 ноября 1811 г.) «О правилах при производстве в городах частных строений» [5, С.410]. Плановое частное типовое строительство производилось только по проектам из «Собрания фасадов», изданным отдельной книгой и продававшимся министерством внутренних дел. Это правило было введено 31 декабря 1809 г. [6, С.93]. К 1809 г. в ассортименте министерства полиции имелось 100 фасадов, каждый экземпляр которых стоил 25 рублей. Эта цена упоминается в циркуляре МВД от 11 февраля 1810 г. [7, Л.126,190]

Обеспечением населения типовыми проектами занималась также 2 экспедиция министерства внутренних дел, образованная 17 августа 1810 г. В обязанность чиновников входило составление планов губернских и уездных городов, «снабжение для частных построек планами и фасадами» [8, С.523], «постройки и поправки разных казённых зданий, гостиных дворов, монументов и проч.» [9, Л.459], составление «образцовых» планов частным строениям, составление смет в строительном комитете, назначение архитекторов.

Для ворот и заборов также применялись типовые, «высочайше утверждённые» образцы. Об этом говорится в циркуляре министерства полиции от 6 июля 1811 г., № 787 [4, Л.361]. Серии образцовых фасадов почтовых станций были изданы в 1819 г., церквей - в 1824 г., тюремных зданий и присутственных мест - в 1828 г. [1, С.161]

В циркуляре № 1345 от 23 ноября 1811 г. «О фасадах для частных строений» [10], направленном курскому губернатору из министерства полиции, имеются размеры частей фасадов. Расстояние от кровли с карнизом до окна регламентировалось размером не менее 1¼ аршин. Окна каменных домов делались вышиной не менее 2¼ аршин, шириной 1¼ аршин, исключая мезонины и антресоли, в которых окна могли быть ниже. Дома имели нечётное количество окон.

Для бедных жителей высота окон была не менее 2 аршин, ширина 1 аршин и 2 вершка, простенки делались не уже окон. Расстояние от кровли с карнизом до окон – не менее 1 аршина. Окна от земли возвышались не менее чем на 2 аршина для свободного размещения цоколя и полов. Таким образом, вся высота фасада снаружи составляла 5 аршин или более, внутри – 4 или более аршина. По мнению министра полиции А. Балашева, более низкие строения неудобны для жителей и не имеют приличного вида. Высота кровли была не более ¼ высоты дома.

Специальные столичные мастерские изготавливали элементы барельефов и фриз [11, С.298]. Дома окрашивались в жёлто-розовый и жёлтый цвета, детали выделялись белым. Строения выполнялись кирпичными или рублеными деревянными на каменном фундаменте, с обшитыми тёсом или оштукатуренными стенами. Применялась железная кровля по деревянным стропилам. Для отделки использовались: руст, клинчатые перемычки над проёмами с выделением замковых камней.

По фронту улицы располагались главные усадебные строения, подсобные находились в глубине участка застройки. На улицу также смотрели окна гостиной, комнат для приёма гостей. С этой же стороны дома располагался и парадный вход. Остальные помещения находились в глубине строения и имели дополнительный вход для связи с садом или задним двором. Основу пространственной схемы составляли анфилады или более развитая анфиладно-коридорная планировочная система [12].

Указания по возведению строений часто были написаны на планах застройки, выдаваемых горожанам [13]. Например: «Дозволяется Климовскому построить дом жилой, нижний этаж каменный, а верхний деревянный со штукатуркой на манер каменного по фасаду № 3. Деревянное строение делать от фундамента до кровли не больше 6 аршин; кровлю делать по указанной пропорции в третьей части широты. Строения крыть тёсом или гонтом, другим же ничем не крыть, и деревянные строения в два этажа не делать», - написал губернский землемер Коренев на схеме, утверждённой 22 декабря 1802 г.

Начало применения «образцовых проектов» было положено курским губернским землемером И.Ф. Башиловым, который применил типовой фасад для постройки собственного дома. «Всё то строение производить ему, Башилову, на назначенном по единому плану месте по фасадам от 2-го и 3-го и крыть железом, черепицею или тёсом и дранью в жолузь и другим ничем не крыть» [13].

Разные в Курске строились дома. Это мог быть и деревянный одноэтажный на каменном фундаменте, как у купцов Вязмитиновых в Сергиевском приходе [14, Л.14], и большой трёхэтажный каменный особняк купцов Никитиных на углу улиц Фроловской и Золотой [15, Л.13]. На участке, примыкавшем к особняку, размещались каменный ледник, амбар, сарай, баня. Общая площадь имения составляла 36,5х42 саж².

В документах Государственного архива Курской области сохранились чертежи типичного дома конца XVIII – начала XIX вв. Одно- или двухэтажные строения в основном имели нечётное количество окон с наличниками. Если входная дверь выходила на улицу, то она располагалась посередине. Одноэтажные деревянные дома на каменном фундаменте строились по фасаду № 4. Двухэтажные, с первым каменным, а вторым – деревянным этажом, – по фасаду № 3 [16]. Строились также целиком каменные двухэтажные дома.

Довольно часто встречался почти полностью деревянный дом с каменным уличным фасадом. Такие здания сохранились в Курске до нашего времени, например, на Семёновской, Красной Армии, Верхней Луговой и других улицах. Типовые планы в конце XVIII – начале XIX вв. не делались. Регламентировался только вид фасада. Доказательством тщательности и неотвратимости контроля внешнего вида здания со стороны властей может служить, например, следующий факт. 14 июля 1822 г. курский полицмейстер просил губернского землемера «немедленно освидетельствовать» [17, Л.291] каменную постройку купца А.Ф.Гнучева по поводу того, насколько она соответствует типичным «городским фасадам».

Принципы типизации и повторности применялись в русском градостроительстве очень широко, не только для отдельных зданий, но и для кварталов. Об этом можно узнать из письма от 6 февраля 1812 г. министра полиции А.Балашева губернатору, где говорится о том, что для «устройства...городских кварталов и разделения их на обывательские места» всем губернаторам следует применять выполненные архитектором Гесте двадцать шесть разновидностей чертежей [18, Л.214].

Свои впечатления от застройки типичного города российской провинции конца XVIII - начала XIX веков оставили известные деятели русской культуры. Н.В.Гоголь называл форму современных ему городских строений совершенно плоской и простой. Дома, по мнению классика русской литературы, напоминали сараи или казармы, а их маленькие правильные окна «в отношении ко всему строению были похожи на зажмуренные глаза» [19, С.46]. Историк И.И.Дитятин писал об отсутствии архитектурно-художественной выразительности застройки того времени [20, С.19]. Такое положение объяснялось объективными причинами, а именно: для создания индивидуальных проектов зданий не хватало архитекторов и ремесленников строительного профиля, а также денежных средств и строительных материалов.

Опыт применения типовых проектов для частных построек в России был продолжен впоследствии, при принятии в 1851 г. Строительного устава, а именно: в него была внесена 274 статья «О порядке утверждения планов и фасадов на частные постройки» [21, С. 226-229.].

Основные принципы типизации в застройке российской провинции конца XIII - начала XIX веков можно сформулировать следующим образом:

1. повсеместное применение «образцовых» фасадов;
2. размещение главного фасада основного строения выделенного участка (иначе «дворового» места) по «красной» линии улицы;
3. строительство в пределах выделенного участка;
4. возведение домов на местах, указанных на предварительно составленном проекте планировки участка;
5. единый классический стиль всего города;
6. применение симметрии;
7. регламентирование определённой высоты зданий и ширины фасадов;
8. применение стандартной отделки: руст, клинчатые перемычки над проёмами с выделением замковых камней;
9. использование типовых элементов, барельефов, фриз;
10. применение одинаковых конструктивных решений;
11. стандартная окраска домов – жёлто-розовая или жёлтая с выделением белых деталей.

Реализация типовой застройки стала возможна благодаря централизованному изготовлению «образцовых» фасадов, не сопровождавшихся планами и разрезами, привлечению к внедрению данных проектов высших государственных чиновников: министров, губернаторов, губернских землемеров. Каждое из зданий могло быть выполнено на достаточно высоком художественном и конструктивном уровне, что доказывает их достаточно хорошая до нашего времени сохранность [22]. Принципы типизации городской застройки, начало которым было положено в конце XVIII - начале XIX веков, стали одной из основ строительной отрасли века двадцатого.

Список литературы / References

1. Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм / Т.Ф. Саваренская. – М.: Стройиздат, 1989.
2. Российский государственный архив древних актов, далее РГАДА. Ф.248. Оп.160. Д.971, 972.
3. РГАДА. Ф.248. Оп.160. Д.910.
4. Государственный архив Курской области, далее ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.9246.
5. Пилявский В.И. История русской архитектуры / В.И.Пилявский. – Л.: Стройиздат, 1984.
6. Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII - XIX веках / С.С. Ожегов. – М.: Стройиздат, 1984.
7. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.9240.
8. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Его Император. Величества канцелярии, 1830. Т.XXXI.
9. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.9226.
10. Михайленко Т.Г. О безопасности типовой застройки Курска начала XIX века / Т.Г. Михайленко // Известия ОрёлГТУ. Сер. «Строительство. Транспорт». – 2008. – №4. – С.66-69.
11. Всеобщая история архитектуры. В 12-ти томах; гл. ред. Н.Я.Колли. – М.: Издательство литературы по строительству, 1968. Т.6: Архитектура России, Украины и Белоруссии. XIV – первая половина XIX века / ред. П.Н. Максимов.
12. Леденёва Г. Л. Гражданская архитектура Российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г.Тамбова) / Г.Л.Леденёва [Электронный ресурс]. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. -112с.
13. Михайленко Т.Г. Типовая застройка Курска конца XVIII века /Т.Г. Михайленко // Промышленное и гражданское строительство. – 2009. - №5. – С.40-41.
14. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.212.

15. ГАКО. Ф.33.Оп.2. Д.210.
16. Михайленко Т.Г. Концепция престижного жилья в XVIII в. и в современности (на примере Курска) / Т.Г. Михайленко // Материалы XV международной заочной научно-практической конференции «Технические науки – от теории к практике». – Новосибирск, СибАК, 2012. – С. 105 – 113.
17. ГАКО.Ф. 326. Оп.1. Д.2.
18. ГАКО.Ф.1. Оп.1. Д.9261.
19. Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени / Н.В.Гоголь// Собрание сочинений: в 6т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т.6: Избранные статьи и письма.
20. Дитятин И.И. Русский дореформенный город / И.И. Дитятин // Статьи по истории русского права. – СПб.: Издание О.Н. Поповой, 1895.
21. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года и дополнительные к нему постановления об отдельных отраслях деятельности земства. Правила устава строительного (т.XII, ч.I, изд.1857г.); составили по своду законов, полному собранию законов и собранию узаконений и распоряжений правительства Н. Воеводский и барон Ю. Икскуль. – СПб, 1890.
22. Михайленко Т.Г. О реконструкции старинных купеческих особняков Курска / Т.Г. Михайленко// Безопасность строительного фонда России. Проблемы и решения: материалы международных академических чтений. – Курск: КГУ, 2015. –С.28 – 33.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Savarenskaja T.F. Istorija gradostroitel'nogo iskusstva. Pozdnij feodalizm i kapitalizm [The history of urban art. Late feudalism and capitalism] / T.F.Savarenskaja. – М.: Construction's publishing house, 1989.
2. Russian State Archive of Ancient Acts, further RSAAA. F.248. I.160. T.971, 972.
3. RSAAA. F.248. I.160. T.910.
4. State Archive of the Kursk Region, further SAKR. F.1. I.1. T. 9246.
5. Piljavskij V.I. Istorijarusskoj arhitekturi [History of Russian architecture] / V.I.Piljavskij. – L.: Construction's publishing house, 1984.
6. Ochegov S.S. Tipovoj i povtornojestroitel'stvo v Rossii v XVIII – XIX vekah [Model and re-construction in Russia in XVIII - XIX centuries] / S.S.Ochegov. – М.: Construction's publishing house, 1984.
7. SAKR. F.1. I.1. T. 9240.
8. Polnoje sobranije zakonov rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] – SPb.:Typography II Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Vol.XXXI
9. SAKR. F.1. I.1. T. 9226.
10. Mikhajlenko T.G. O bezopasnosti tipovoj zastrojki Kurska nachala XIX veka [About the security standard development of Kursk the beginning of the XIX century] / T.G.Mikhajlenko // Izvestija OrjolGTU Ser. «Stroitel'stvo.Transport» [Proceedings of Orel state technical University Series «Construction. Transport»]. – 2008. - №4. – P.66-69.[in Russian]
11. Vseobchaja istorija arhitekturi. V 12 tomah, gl. red. N.Ja.Kolly [General history of architecture.In 12 volumes, ed. N.I.Collie]– М.: Publishing house of literature on construction, 1968. Vol.6. ArhitekturaRossii, Ukraini i Belorussii. XIV–pervaja polovina XIX veka [Architecture of Russia, Ukraine and Belarus. XIV - first half XIX century] / ed. by P. N. Maksimov.
12. Ledeneva G. L. Grashdanskaja arhitektura Rossijskoj provincii konca XIX – nachala XX stoletij (na primere zastrojki g.Tambova) [Civil architecture of the Russian province of the late XIX – early XX centuries (on the example of the development of Tambov)] / G.L.Ledeneva [Electronic resource].– Tambov: Publishing house FGBOU VPO «TSTU», 2015. - 112 p.
13. Mikhaylenko T. G. Tipovaja zastrojka Kurska konca XVIII veka [A Typical building of Kursk the late eighteenth century] / T. G. Mikhaylenko // Promishlennoje i grashdanskoje stroitel'stvo [Industrial and civil construction]. – 2009. - No. 5. – Pp. 40-41.[in Russian]
14. SAKR. F.33. I.2. T. 212.
15. SAKR. F.33. I.2. T. 210.
16. Mikhaylenko T. G. Konceptija prestishnogo shilja v XVIIIv. i v sovremennosti [The Concept of a prestigious housing in the XVIII-th century. and in the present (on the example of Kursk)] / T. G. Mikhaylenko // Materiali XV meshdunarodnoj zaочноj nauchno-practicheskoy konferencii «Tehnicheskije nauki – ot teorii k practice» [Proceedings of the XV international correspondence scientific-practical conference «Technical Sciences – from theory to practice»]. – Novosibirsk, Sibak, 2012. – Pp.. 105 – 113.[in Russian]
17. SAKR. F.326. I.1. T. 2.
18. SAKR. F.1. I.1. T. 9261.
19. Gogol N.V. Ob arhitekture ninishnego vremeni [About the architecture of the current time] / N.V.Gogol // works in 6T. – М.: Gpsudarstvennoe izdatel'stvo hudoshestvennoj literaturi [State publishing house of artistic literature], 1959. Vol. 6: Izbrannie statji i pisma [Selected articles and letters].
20. I. I. Dityatin Russkij doreformennij gorod [Russian pre-reform city] / I. I. Dityatin // Statji po istorii russkogo prava [Articles on the history of Russian law]. – SPb.: Edition Of O. N. Popova, 1895.
21. Poloshenije o zemskih uchreshdenijah 12 ijunja 1890 goda i dopolnitelnije k nemu postanovlenija ob otdelnih otrasljah dejatel'nosti zemstva. Pravila ustava stroitel'nogo (t.XII, ch.I, izd.1857r.); sostavili po svodu zakonov, polnomu sobraniju zakonov i sobraniju uzakonenij i raspordzashenij pravitel'stva N.Vojevodskij i baron Ju.Iskul [The Statute on Zemstvo institutions 12 June 1890 and in the complementary of the decision to separate sectors of activity of the Zemstvos. The rules of Charter construction (vol. XII, part I, ed.1857.); was the body of law the complete collection of laws and collection of legalizations and orders of the government N. Voevodskij and Baron Yu. Excel]. – SPb, 1890.

22. Mikhaylenko T. G. O Rekonstrukcii starinnih kupecheskih osobnjakov Kurska [On the reconstruction of the old merchant mansions of Kursk] / T. G. Mikhaylenko // Bezopasnost stroitel'nogo fonda Rossii. Problemi i reshenija: materialy meshdunarodnih akademicheskikh chtenij [Safety construction Fund of Russia. Problems and solutions: materials of the international academic readings]. – Kursk: KSU, 2015. – Pp. 28 – 33. [in Russian]

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.178

Демьяненко И.В.¹, Маразмзина Н.Ю.²

¹ORCID: 0000-0002-8247-6525, старший преподаватель,
Факультет Искусств и дизайна,

Нижевартовский государственный университет,
²ORCID: 0000-0001-7013-4715, магистрант 1-го курса,
Факультет Искусств и дизайна,

Нижевартовский государственный университет

ЭТНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ «ЛЕГЕНДА О СИХИРТЯ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация

В данной статье рассмотрены этнографические источники: предания ненцев, в которых упоминаются таинственный народ сихиртя. Отражено влияние древнего доненецкого населения – сихиртя, в традициях художественной культуры Ненцев на тенденции современного профессионального искусства Западной Сибири и Приуралья. Проанализировано историческое развитие художественной керамики как вида ДПИ, а также формирование основных видов керамики. Статья будет полезна для прочтения студентам и профессионалам в области ДПИ.

Ключевые слова: ДПИ, керамика, искусство, искусствоведение, монументальная керамика.

Demyanenko I.V.¹, Maramzina N.U.²

¹ORCID: 0000-0002-8247-6525, senior lecturer,
Faculty of Arts and design,

Nizhnevartovsk State University,
²ORCID: 0000-0001-7013-4715, undergraduate of 1 course,
Faculty of Arts and design,
The Nizhnevartovsk state university

ETHNO MYTHOLOGICAL IMAGES AND SYMBOLS IN DECORATIVE AND PLASTIC COMPOSITION "THE LEGEND ABOUT SIKHIRTYA": THEORETICAL ASPECT (PART 2)

Abstract

In this article ethnographic sources are considered: legends of Nenets in which are mentioned the mysterious people SIKHIRTYA. Influence of the ancient donenetsky population – SIKHIRTYA, is reflected in traditions of art culture of Nenets in a tendency of modern professional art of Western Siberia and Cisural area. Historical development of art ceramics as type of DPI, and also formation of main types of ceramics is analysed. Article will be useful to reading to students and professionals in the field of DPI.

Keywords: DPI, ceramics, art, art criticism, monumental ceramics.

Согласно преданиям, которым находятся все новые и новые доказательства, тысяча лет назад на северной земле жил маленький, но сильный народ, который явно мог победить ненцев, но уступил землю без войны, позволив им пасти на этой земле собственных оленей. Народ сихиртя не пас оленей, у них были несколько крупней оленей, домашние животные. «Я-хора» — земляные олени, то есть мамонты. Мамонты жили вместе с народом сихиртя под своими высокими сопками, паслись только в ночное время суток или густой туман, больше всего люди, и животные любили зимние ночи, когда возможно было осуществлять охоту. В свои упряжки они запрягали белых полярных волков. Язык сихиртя был «заикающимся». Пришли они сами откуда-то из-за моря.

В исследовании «Я родом из тундры» - Нины Ядне рассказывается, что в этнографии процессы ассимиляции (уподобления) — слияния одних народов с другими при утрате одним народом собственного языка, своей культуры, национального культурного самосознания происходят регулярно. Достаточно длительными были такие процессы у самодийцев (на севере самодийцев представляют четыре народа: ненцы, энцы, нганасаны и селькупы). Таким образом, в сказаниях, рассказах и преданиях о «сихиртя» (тундровые аборигены) в качестве людей живущих и реальных, с некоторыми людьми были случаи семейно-брачные отношения, и воевать с предками ненцев, до сих пор сохранились реальные сведения, причем их выявляют даже в соответствии с этнографическим опросом [3, С. 475-476].

В изучении анализа «По следам моих предков и по тропам детства» П. Г. Турутиной, повествуется о береговом побережье большой воды - арктических морей до того, как на Ямал пришли сихиртя, кочевники-оленоводы, заселено было оседлыми воинами и охотниками на морского зверя и дикого оленя, которые занимались, в частности, и рыболовством. Это подтверждается данными исследований и дневников путешественников, а также результатами археологических исследований и фольклором [1, С. 135-139].

Исследователем зафиксированы мимолетные встречи ненцев с сихиртя, которые, как правило, связывают с определенными заинтересовавшими ненцев предметами быта, которые когда-то принадлежали народу сихиртя.

На примере рассказа: Однажды шел ненец, и внезапно увидел двух человек очень маленького роста. Они веселились и играли на возвышенности с обрывом. Увидев не так далеко человека с оленями, и они незаметно исчезли сквозь землю. Ненец подошел ближе, где они когда-то резвились, и заметил на этом самом же местоположении, очень красивый и необычный мешочек, который был разукрашен разноцветными сияющими камнями. Забрав этот прекрасный мешочек, и сам недалеко спрятался. Спустя короткое время, снова неожиданно появились эти двое маленьких людей и начали внимательно искать свой потерянный мешочек. Как только снова человек вылез из своего укрытия, маленькие люди повторно скрылись в некуда. Ненец решил вернуть им красивый мешочек на это же место и ушел. Когда пришел домой и рассказал об этом своему деду, дед сказал в ответ, что это были легендарные сихиртя.

Содержит некие образы народа сихиртя и ненецкий эпос. Одной из эпических песен содержит рассказ о героиненке, которая после длительных скитаний, пытаясь скрыться от преследования, встречается с девушкой сихиртя, она страдает хромотой. Сама пострадавшая девушка сихиртя оказывает помощь героине, например, дарит ей упряжку, запряженную магическими оленями, защищая от крепких металлических волков-оборотней, и оживляет умершую. Девушка сихиртя, после этой встречи с главной героиней произведения непонятно куда-то исчезает абсолютно непредсказуемо, ее уход такой же удивительный, как и появление. У. Ледкова, которая исполнили эту уникальную песню, сумела изобразить девушку сихиртя: это красивая девушка, в своих руках она держит оружие, стрелы и лук, в одежде, подпоясана, ее голова непокрыта. Одной из характерных черт является в волосах достаточно большое количество красивых украшений из бронзы.

В целом множество ненецких легенд представляют для множества ученых людей, большое любопытство дают множество фактов о жизни доненецких предков и современных ненцев. Безусловно, необходим сопоставление исторических преданий с иными источниками – археологические, литературные. Однако значение таких преданий для науки является очень серьезным.

Рассмотрим понимание подобных легенд учеными и исследователями. Так, серия исследователей считает, что легенды народа и ненецкое предания о сихиртя, которую под собой имеют действительно реальную почву. Русским археологом Валерием Николаевичем Чернецовым, открывшим усть-полуйскую культуру, рассматривается возможности того, что носители этой культуры проживали около 17-25 веков назад как раз в районе Ямала [4, С. 1764-1765].

Таким образом, он отмечает, что на Ямале и в городе Салехарде культура уже существовала, возможно, задолго до поселения на нем ненцев и хантов. И не исключено, что этим доисторическим племенем некая часть своих умений и знаний была передана пришельцам. Некоторыми учеными называется этот пранародсавыры (сипыры, сибирь). В соответствии с этим можно отметить и происхождение названия «Сибирь». Ненецкий фольклор — это название трансформирует в народ сихиртя.

Однако в этом процессе ассимиляции сихиртя смешались с появившимися на Севере самоедоязычными южно-сибирскими племенами. Обнаружены и изучены были действительные отпечатки народа сихиртя в XV - XVII вв. путешественниками. Они нашли множество поселений оседлого типа – так называемых землянок, каркасных лодок, обтянутых кожей, орудий труда из металла, одежды из шкур оленей, и белого медведя и т.п. Исследователем В.Н. Чернецовым приводятся сведения, которые были приобретены им от дедов относительно семейно-брачных отношений: мужчины сихиртя могли брать в жены женщин-ненцев.

До сих пор споры относительно происхождения, и времени продвижений самодийских народов являются спорными, и исследователи спорят об этом и продолжают изучение данной темы.

Сибирские ненцы разделяются на следующие самостоятельные группы: тундровые и лесные ненцев. Сам слово ненец, в качестве самоназвания, стали употреблять со времен, когда ненцы выделились как самостоятельная культура в общем представлении, самоедоязычных племен. Что касается начальных представлений о ненцах, они относятся к 11 веку. Однако в ценных бумагах того периода, племя ненцев лесных никак не выделяют и, поэтому, скорее всего, она была русским неизвестна. Это можно считать вполне естественным, потому что продвижение русских к области, расположенной между Тазом и Обью, начинается только на рубеже XVI и XVII веков. В это время, когда были построены на обской магистрали опорные пункты Сургут и Нарымь, на реке Таз в 1601г. была основана крепость Мангазея. Первые относительно достоверные сведения о лесных ненцах представляют собой данные экспедиции, которая была предпринята русскими с целью подчинить «куннуюсамоядт».

Открыть образы на ранние времена этногенеза доненецких самодийцев помогают антропологические поиски, которые в последнее время возвысились на более качественный уровень. Были обследованы некоторые группы лесных ненцев. Научные публикации и исследование фольклора (особенно эпоса) самодийских народностей помогают открыть древние связи между ними и другими народами, многие важные в этом плане черты культуры. Б.О. Долгих в своих исследованиях широко привлекает данные фольклора.

Фольклорные материалы о сихиртя (сиртя) — низкорослом народе, обитавшем в тундре до прихода туда самодийских народностей, используются при реконструкции состава аборигенного населения Полярной зоны.

Обилие легенд, упоминания в фольклоре говорит о том, что под этими преданиями действительно существует некая реальная подоплека. В целом множество преданий представляют для ученых большой интерес, дают множество фактов о жизни предков современных ненцев. Безусловно, необходим сопоставление исторических преданий с иными источниками – археологические, литературные. Однако значение таких преданий для науки является очень серьезным.

Практическая значимость исследования состоит в том, что данная работа может быть использована учащимися в качестве пособия декоративной пластики, композиции (практическая часть 3 и 4) [2, С. 299-301].

Список литературы / References

1. Брянский И.Н. Развитие и влияние мультимедиа технологий и оборудования на образование / И.Н. Брянский // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Часть II. / Отв. ред. А.В.Коричко. – Нижневартовск: Издательство Нижневартовский государственный университет, 2015. – С. 475-476.
2. Брянский И.Н. Фотореалистичная визуализация с помощью подключаемого пакета v-ray для autodesk 3ds max и его особенности / И.Н. Брянский // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции Часть II. / Нижневартовск: Издательство Нижневартовский государственный университет. – 2014. – С. 299–301.
3. Демьяненко И.В. Природа и этнические мотивы Югры в произведениях современных художников ханты-мансийского автономного округа // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Новосибирск: Издательство Ассоциация научных сотрудников "Сибирская академическая книга" 2015 № 54. – С. 135-139.
4. Демьяненко И.В. Декоративная композиция «Легенда о сихиртя» / И.В. Демьяненко // Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета / Ответственный редактор А.В. Коричко. – Нижневартовск: Издательство Нижневартовский государственный университет, 2016. – С. 1764-1765.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bryanskij I.N. Razvitie i vliyanie mul'timedia tekhnologij i oborudovaniya na obrazovanie [Development and influence of multimedia of technologies and the equipment on education] / I.N. Bryanskij // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii CHast' II. [Culture, science, education: problems and prospects: materials IV of the All-Russian scientific and practical Part II conference] / Otiv. red. A.V.Korichko. – Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2015. – P. 475-476. [in Russian]
2. Bryanskij I.N. Fotorealistichnaya vizualizaciya s pomoshch'yu podklyuchaemogo paketa v-ray dlya autodesk 3ds max i ego osobennosti [Photorealistic visualization by means of the connected v-ray packet for autodesk 3ds max and its feature] / I.N. Bryanskij // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii CHast' II [Culture, science, education: problems and prospects: materials III of the All-Russian scientific and practical Part II conference] / Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet. – 2014. – P. 299-301. [in Russian]
3. Dem'yanenko I.V. Priroda i ehtnicheskie motivy YUgry v proizvedeniyah sovremennyh hudozhnikov hanty-mansijskogo avtonomnogo okruga [The nature and ethnic motives of Yugra in works of modern artists of Khanty-Mansi Autonomous Okrug] // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii [In the world of science and art: questions of philology, art criticism and cultural science] / Novosibirsk: Izdatel'stvo Associaciya nauchnyh sotrudnikov "Sibirskaya akademicheskaya kniga" 2015 № 54. – P. 135-139. [in Russian]
4. Dem'yanenko I.V. Dekorativnaya kompoziciya «Legenda o sihirtya» [Decorative composition "A legend about sihirtya"] / I.V. Dem'yanenko // Vosemnadcataya Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [the Eighteenth All-Russian student's scientific and practical conference of the Nizhnevartovsk state university] / Otvetstvennyj redaktor A.V. Korichko. – Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2016. – P. 1764-1765. [in Russian]

DOAJ

Все материалы, опубликованные в Международном научно-исследовательском журнале, размещаются в депозитарии научных изданий Университета Лунда.

DOAJ (Лунд, Швеция) [<http://www.doaj.org/>].

Таким образом, публикации наших авторов доступны еще большему кругу исследователей, что поднимает их статус и увеличивает возможность цитирования.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.038

Каноква Ф.Ю.

ORCID: 0000-0001-5360-3428, Кандидат искусствоведения,

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ЭКСТЕРЬЕРА И ИНТЕРЬЕРА НОГАЙСКОЙ ЮРТЫ**Аннотация**

Настоящее исследование проведено с целью проведения искусствоведческого анализа для выявления самобытных художественных особенностей в оформлении экстерьера и интерьера ногайской юрты. Традиционное жилище ногайцев – юрта, воплощала в себе модель окружающего мира кочевника. Ее конструкция, организация внутреннего пространства и внешняя форма были выработаны веками. Изделия были легкими и портативными, а каждый элемент их декора нес смысловую нагрузку.

Ключевые слова: ногайцы, юрта, народное творчество, войлок, орнамент.

Kanokova F.U.

ORCID: 0000-0001-5360-3428, PhD in Arts,

Kabardino-Balkarian State University H. M. Berbekov

ARTISTIC FEATURES OF DESIGNING EXTERIOR'S AND INTERIOR'S OF THE NOGAI YURT**Abstract**

Traditional Nogai accommodation - yurt embodied the model of the world of the nomad. Its design, organization of internal space and the external form have been developed over the centuries. Products were lightweight and portable, and each element of the decor had meaning load. The present study was done with the aim of art analysis to identify the distinctive features of art in designing of the exterior and interior of Nogai yurt.

Keywords: Nogai, yurt, folk art, felt, ornament.

Народное творчество ногайцев, являясь неотъемлемым компонентом материальной и духовной культуры этноса, зарождалось и формировалось в условиях кочевого образа жизни. Изделиям кочевников не были присущи станковые и монументальные формы, каждый предмет был портативен и легок, имел функциональное назначение, указывал на социальный и материальный статус своего владельца, оберегал его от злых духов, дурного глаза, болезней.

Племена, влившись в состав ногайского народа, на протяжении столетий занимавшиеся кочевым скотоводством, выработали удобный тип жилища – юрту *терме*, которая легко разбиралась, перевозилась на выючных животных, снова собиралась. Условия жизни ногайцев до XX в. сохранили и другой тип жилища, который перевозился цельным, на повозках – это неразборная юрта *отав* и повозка для перевозки невесты *кюйме*. Каждый тип жилища являлся своеобразным музеем народного творчества.

Конструкция и убранство ногайской юрты описаны в разное время, первое упоминание встречается в XIII в. у фламандского путешественника Гильомо де Рубрука [10, с. 260 - 265], позднее у Жана де Люка [5, с. 473 - 493], Э. де Асколи [3, с. 89 - 180], в XIX в. у А. П. Архипова [2, с. 347 - 356], Г. Ф. Малявкина [9, с. 133 - 173], Г. Б. Ананьева [1, с. 1 - 22], из современных исследований можно выделить историко-этнографический очерк «Ногайцы» [6, с. 112 - 120], монографические работы С. Ш. Гаджиевой [4, с. 57 - 59] и Р. Х. Керейтова [8, с. 203 - 210]. В вышеперечисленных источниках юрта рассматривается как часть этнической истории и бытовой культуры этноса, при этом отсутствует художественная характеристика и искусствоведческий анализ ее основных элементов, несущих визуальную информацию, закодированную в форме конструктивных элементов, архаичных знаков на войлочных изделиях и цветовых формулах. Для заполнения образовавшегося пробела проведено настоящее исследование, основной задачей которого, является на основе методологии, разработанной Российской искусствоведческой наукой в области изучения народного искусства, используя записи западноевропейских и восточных авторов XIII – XVIII вв., гравюры и зарисовки, фотоматериалы и музейные экспонаты, выявить художественные особенности оформления экстерьера и интерьера ногайской юрты.

Согласно сообщению Г. Ф. Малявкина: «Ногайцы, выбрав участок для устройства жилья, клали на землю, предназначенную для свода кибитки деталь – *шангыракъ* - напоминающую колесо, принимали ее за центр и устанавливали вокруг раздвижные решетки, собранный остов юрты снаружи покрывали кошмами, богатые – двумя-тремя слоями длинных войлочных полос *туурлукъ*, а бедные – одним слоем» [9, с. 134]. К верхней части юрты крепили два куса войлока трапециевидной формы, дном, край одного из них откидывался с целью проветривания и поступления света в юрту. Трапециевидные войлоки крепились нижним концом при помощи оттяжек к кольцевой веревке или ленте, опоясывающей юрту, а верхним – шерстяным жгутом к ободу верхнего кольца. Кроме того, каждый кусок войлока притягивали с помощью двух длинных веревок, привязанных к его верхним углам, веревки же, в свою очередь, охватывая наперекрест конус крыши, привязывали к кольцевой веревке. Трапециевидные войлоки украшали антропоморфным орнаментом, имеющим древнее апотропейное значение. Войлоки, расположенные в нижней части стен юрты крепили при помощи натянутых поверх широких, орнаментированных зооморфными мотивами, полос, иногда это были богато украшенные ленты с бахромой, плотно прижимающие кошмы к остоу.

Войлоки, расположенные в нижней части стен юрты крепили при помощи натянутых поверх широких, орнаментированных зооморфными мотивами, полос, иногда это были богато украшенные ленты с бахромой, плотно прижимающие кошмы к остоу. Войлоки нижней цилиндрической части юрты обычно были черными и имели белый фриз (рисунок аппликацией из верблюжьей шерсти), а верхняя конусообразная часть юрты была белой и завершалась черным кольцевым жгутом. Применялись и другие расцветки. «У богачей, - писал А. П. Архипов, - кибитки

обтягиваются белой щегольской кошмой с красными лентами и тесьмами, а у бедняков серыми... и всегда весьма непрочными, приставляемыми наскоро и кое-как» [2, с. 11].

Акцентом всего экстерьера юрты служил вход, представляющий собой проем, закрытый дверным занавесом, расположенными по обе его стороны и сверху вертикально и горизонтально вытянутыми полосами и войлок треугольной формы, зафиксированный над входом.

Орнаментальный декор боковых полос, выполненный из аппликативных нашивок ткани красного или голубого цвета, строился по следующему принципу: центрический орнамент, состоящий из роговидных завитков, вписанных в квадрат, чередовался с горизонтальной полосой из S-образных элементов, создавая вытянутую по вертикали ленточную композицию, служащую обрамлением входа в юрту. Вышеуказанные мотивы повторяются в той же последовательности и на верхней полосе, с той лишь разницей, что композиция вытянута по горизонтали, а края обрамлены розетками с изображениями солярных знаков. В некоторых случаях, верхняя полоса заменялась треугольным куском войлока, декорированным крупным антропоморфным орнаментом.

В зимнее время на вход с наружной стороны навешивали дополнительный войлок - *тосагъа*, *эсик кийиз*, чтобы в юрту не проникал холодный воздух и ветер. Дверной занавес, являясь центром композиции, представлял собой полотно из войлока белого цвета, размером 142 x 88 см, украшенное аппликативной вышивкой в виде сочетаний орнаментов из кусков ткани голубого, зеленого, красного, желтого и черного цветов.

Орнаментальная композиция *эсик кийиза* строилась по вертикали. Окантовочный орнамент фиксировали по всему полю занавеса, бордюр же огибал только боковые и нижнюю части – это было обусловлено тем, что верхняя часть войлока крепилась к двери. Орнаментальный декор бордюра строился по следующему принципу – верхний угол боковых полос заполнялся S-образным элементом, под которым располагали ленточный орнамент, семантически напоминающий греческий меандр, вышеуказанный мотив встречался только на дверных занавесах. Внутренний край боковых бордюров окаймляли соединенными между собой треугольниками. Полоса нижнего бордюра состояла из растительных мотивов (в основном встречались трилистники). Второй ряд нижнего бордюра декорировали зооморфными роговидными завитками, в сочетании с треугольниками. Полоса, разделяющая два яруса бордюра, состояла из соединенных между собой ромбов, она, в свою очередь, соединялась на концах с внутренней каймой боковых бордюров. Верхние элементы всех бордюрных орнаментальных мотивов обращены к центру ковра-занавеса. Центральное поле представлено в виде двух крупных ромбов, окаймленных мелкой полосой. Ромбы разбиты на четыре плоскости крестовидным орнаментом. При смыкании двух ромбов между собой и с бордюрами, образовывались треугольники, декорированные антропоморфным орнаментом в виде стилизованной женской фигуры с упертыми в бока руками (богиня-покровительница домашнего очага), этот же орнамент располагался над входом в юрту.

Своим убранством и нарядным видом отличалась свадебная юрта новобрачных – *отав* (дар отца невесты) [4, с. 58]. А. П. Архипов описал ее таким образом: «По старинным ногайским понятиям, эта заветная кибитка должна быть непременно вышита, украшена и убрана собственными руками молодой и ее душевных подруг и родственниц» [2, с. 349]. По внешнему виду и внутреннему убранству *отавы* можно было определить не только материальное благосостояние семьи, но и такие качества невесты как трудолюбие, аккуратность и мастерство. Каждый *отав* бережно покрывали войлочный ковром *ак кийиз*, изготовленным из шерсти белого цвета. Такой ковер вешали и по стенам юрты во внутренней ее части. Белый фон *ак кийиза* изначально вышивали шерстяными нитками коричневого цвета, а позже, для придания *ак кийизу* живописности и красочности применяли нитки разных цветов. В декоре белых ковров использовали растительные мотивы. Сверху *ак кийиз* опоясывался широкими шерстяными узорчатыми лентами с бахромой.

Отав имел роскошно украшенный войлочный дверной занавес *келинишек эсик кийиз*, его размер был стандартным. Женщины, помогавшие его изготавливать, в процессе валяния желали девушке счастья в семейной жизни, хорошего супруга, добрую свекровь, здоровых детей, долгих лет жизни, богатства. Дверной занавес выполняли в технике аппликации. Излюбленными мотивами являлись геометрические и зооморфные орнаменты. Выкроенные из ткани голубого, зеленого, красного, желтого, черного цветов они имели символическое значение. Нашивая орнаменты разных цветов, мастерицы желали невесте следующее: голубой цвет (символ неба) – всегда чистого неба над головой, желтый (символ разума) – покладистого характера, белый (символ истины, радости, счастья, чистоты) – целомудрия, черный (символ земли) – богатства, зеленый (символ весны, плодородия) – здоровых детей, красный (символ молодости, огня, солнца) – красоты.

Над дверью по обе стороны в определенном порядке навешивали или прикрепляли вышитые четыре полосы войлока прямоугольной формы – две большие – 95 x 33см. и две поменьше – 93 x 28см. (обычно красного цвета). Над дверью, с охватом части крыши, прикреплялся *манглашай* – войлок, вырезанный в форме треугольника. По свидетельству С.В. Фарфоровского: «С входом невесты в *отав* над ним укреплялась треугольная полсть, вышитая из разных пестрых кусков материи. Такая полсть была знаком, что в данном *отаве* живут молодожены [11, с. 29].

Другой, ярко выраженной особенностью юрты новобрачных, является ее *туьнглыкъ* – свадебный флаг из войлока, размером 62 x 97см., обшитый с лицевой стороны аппликациями из красной, голубой, черной хлопчатобумажной ткани в виде рогообразных завитков, спиралей, кружков, треугольников, крестообразных фигур.

Почти на все войлочные изделия, используемые в свадебной обрядности, наносился узор *дува* – амулет. Часто встречающийся на широком поясе *отавы*, на свадебном флаге, по краям войлочных ковров, на мужской и женской одежде. В свадебной повозке *кюйме* узор *дува* в прошлом имел магическое, охранное значение и своими корнями уходил вглубь веков. Можно также предполагать, что элементы *дува* защищали своей магической силой жилище ногайцев, в том числе и жилище новобрачных от злых духов, от неприятностей, от сглаза, капризов злонамеренных сил.

Социальная неоднородность ногайского общества проявлялась и во внутреннем убранстве жилища. У аулбаев и других состоятельных людей юрты имели лучшую обстановку, включающую ковры, кошмы из высококачественной

шерсти с богатой отделкой, шелковые занавески, вышитые вещевые сумки, сундуки, богатую постель. Убранство интерьера ногайской юрты доступно описал Г. Б. Ананьев: «Переступив порог кибитки, на северной стороне ее можно увидеть зеркало с какой-нибудь пестрой рамкой, набитые разным платьем сумки, которые с наружной стороны обтягиваются шкурою жеребенка или козы, с вышитыми на них разными узорами пестрых материй по правой стороне находится кровать с наклонными сторонами, раскрашенная разными яркими красками; на кровати бывает несколько подушек с пестрыми ситцевыми наволочками, тюфяк и одеяло, над кроватью обыкновенно бывает привязана веревка с навешанными на ней разными мужскими и женскими костюмами. Около кровати, ближе к дверям, есть полка, на который ставятся глиняные и деревянные чашки, ложки и ковши, сплетенный веревочкой тонкий камыш – сито» [1, с. 4]. «Рядом с кроватью всегда стоял вместительный сундук. На него укладывали постельные принадлежности. Кровать укрывали занавеской» [4, с. 57]. Все это размещалось в традиционном порядке у стен, чтобы не загромождать место в центре жилища. Лучшими кошами и коврами устилали ту часть пола, которая предназначалась для досуга, особенно *тоьр* – почетное место. Стены изнутри завешивали шелковыми и шерстяными узорчатыми кошами шириной 70-80 см. на стены вешали сумки для хранения домашних вещей. Пол застилали камышовыми циновками, а поверх них вышитыми и простыми кошами, у богатых же еще и коврами.

Ногайские *кийизы*, богато украшавшие интерьер юрты, подразделяли на два вида - ковер настенный *там кийиз* и ковер настилочный *тоьсев кийиз*, заменяющий палас. Настенные войлочные ковры вешались по бокам юрты с внутренней стороны, они в свою очередь делились на держащий ковер *тутув кийиз* и поясной ковер *белдемей*. *Тутув кийиз* служил украшением верхней половины боковых стен юрты, его изготовляли больших размеров и декорировали крупным строгим орнаментом. Войлочный ковер *белдемей* вешали ниже *тутув кийиза* по всей окружности юрты. Неотъемлемой частью ногайского войлочного искусства был белый войлочный ковер невесты *ак кийиз*, изготовленный из шерсти белого цвета и украшенный шерстяными нитками коричневого цвета.

Настилочные ковры изготовлялись разных размеров и расцветок. Они всегда были толще настенных, а узоры наносились методом вваливания и узорного простегивания, они, как и настенные ковры были нескольких видов, так *куба кийиз* – коричневый ковер, изготавливали из шерсти коричневого цвета, его центральное поле оставляли без орнамента, украшая узором только края. Существовал и другой вид ковра *куба кийиз*, который использовали для покрытия деревянных нар, его украшали крупными зооморфными мотивами, симметрично повторяющимися по всему полю изделия. Другой вид постилочного ковра – это пестрый войлочный ковер *алабай кийиз* для его изготовления применяли шерсть белого и коричневого цветов [7, с. 102].

По описанию внешнего и внутреннего убранства юрты видно, что это чуть ли не музей народного искусства, где сосредоточены в таком маленьком уютном помещении все виды народного искусства ногайцев. Около очага стоял железный треножник с казаном, а на стене юрты развешаны всевозможные виды оружия – в таком окружении жила ногайская семья, где с наибольшей полнотой и последовательностью мировоззрение и эстетические принципы ногайского народа раскрываются в традиционном жилище, которое воплощало модель и образ окружающего мира.

Список литературы / References

1. Ананьев Г. Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г. Б. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2. – С. 1 – 22.
2. Архипов А. П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859 год / А. П. Архипов. – Тифлис, 1858. – С. 347 – 356.
3. Асколи Э. Описание Черного моря и Татари, составленное доминиканцем Эмиддио Дортелли де Асколи, префектом Каффы, Татари и пр. в 1643 г. / Э. Асколи // ЗИООИД. – 1902. – Т. XXIV. – С. 89 – 180.
4. Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. / С.Ш. Гадиева. – М. : Наука, 1976. – С. 57 – 59.
5. Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г. / Жан де Люк // ЗИООИД. – 1879. – Т. XI. С. 473 – 493.
6. Калмыков И. Х. Ногайцы. / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И.- М. Сикалиев. - Черкесск. 1988. – С. 112 – 120.
7. Казакбиева О. И. Войлочное производство у ногайцев в XIX – начале XX в. // дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 : защищена 03.02.2010: утв. 09.06.2010 / Казакбиева Ольга Ивановна. – Махачкала, 2006. – 195 с.
8. Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р. Х. Керейтов // Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – С. 203 – 210.
9. Малявкин Г. Ф. Караногайцы / Г. Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. – С. 133 – 173.
10. Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны / пер. А. И. Маленина. – СПб., 1911. – С. 260 – 265.
11. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк / С. В. Фарфоровский // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – Тифлис, 1909. – С. 29.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ananyev G. B. Karanogaytsy, ikh byt i obraz zhizni [Karanogay, their way of life and life] / G. B. Ananyev // Sbornik svedeniy o Severnom Kavkaze [Proceedings of the North Caucasus information]. 1908. – Vyp. 2. – P. 1 – 22. [in Russian]
2. Arkhipov A. P. Etnograficheskiy ocherk nogaytsev i turkmen. Kavkazskiy kalendar na 1859 god [Ethnographic sketch of the Nogai and Turkmen. Caucasian calendar for 1859] / A. P. Arkhipov. – Tiflis. 1858. – P. 347 – 356. [in Russian]
3. Askoli E. Opisaniye Chernogo morya i Tatarii, sostavlennoye dominikantsem Emiddio Dortelli de Askoli, prefektom Kaffy. Tatarii i pr. v 1643g. [Description of the Black Sea and Tatarstan composed Dominican Emiddio Dortelli de Ascoli, prefect of Kaffa, Tartary, and so on. In 1643] / E. Askoli // ZIOOID. – 1902. – T. XXIV. – P. 89 – 180. [in Russian]

4. Gadzhiyeva S. Sh. Materialnaya kultura nogaytsev v XIX – nachale XX v. [Material culture Nogai in the XIX - the beginning of the XX century] / S. Sh. Gadiyeva. – M. : Nauka. 1976. – P. 57 – 59. [in Russian]
5. Zhan de Lyuk. Opisanie perekopskikh i nogayskikh tatar. cherkessov. mingrelov i gruzin. 1625. [Description Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Georgians and Mingrels. 1625] / Zhan de Lyuk // ZIOID. – 1879. – T. XI. P. 473 – 493. [in Russian]
6. Kalmykov I. Kh. Nogaytsy [Nogai] / I. Kh. Kalmykov. R. Kh. Kereytov. A. I.-M. Sikaliyev. - Cherkessk. 1988. – P. 112 – 120. [in Russian]
7. Kazakbiyeva O. I. Voylochnoye proizvodstvo u nogaytsev v XIX – nachale XX v. [Felt production at the Nogai in the XIX – early XX century] // dis. ... of PhD in History: 07.00.02: defense of thesis 03.02.2010 : approved 09. 06. 2010 / Kazakbiyeva Olga Ivanovna. – Makhachkala. 2006. – 195 p. [in Russian]
8. Kereytov R. Kh. Nogaytsy. Osobennosti etnicheskoy istorii i bytovoy kultury: monografiya [Features ethnic history and everyday culture: monograph] / R. Kh. Kereytov // Karachayevo-Cherkesskiy institut gumanitarnykh issledovaniy. – Stavropol: Servisshkola. 2009. – P. 203 – 210. [in Russian]
9. Malyavkin G. F. Karanogaytsy [Karanogay] / G. F. Malyavkin // Terskiy sbornik [Terek collection]. – Vladikavkaz. 1893. – Vyp. 3. – P. 133 – 173. [in Russian]
10. Rubruk G. Puteshestviye v Vostochnyye strany [Journey to Eastern countries] / per. A. I. Malenina. – SPb. 1911. – P. 260 – 265. [in Russian]
11. Farforovskiy S. V. Nogaytsy Stavropolskoy gubernii : istoriko-etnograficheskiy ocherk [Nogai Stavropol province: historical-ethnographic essay] / S. V. Farforovskiy // Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. – Kn. XXVI. – Vyp. 7. – Tiflis [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. – B. XXVI. – Vol. 7. – Tbilisi]. 1909. – P. 29. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.060

Ненашева Т.А.

ORCID: 0000-0003-2538-2685, Доцент кафедры народных инструментов и оркестрового дирижирования,
Пермский государственный институт культуры в г. Перми

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫХ ЧЕРТ ДОМРОВОЙ МУЗЫКИ КОНЦА XX ВЕКА*Аннотация*

В данной статье акцентуализируются некоторые вопросы развития исполнительства на домре в контексте народно-инструментального искусства XX века; рассматриваются доминантные жанрово-стилевые черты в оригинальной музыке для домры конца XX века; утверждается тезис о перспективности развития домры как «концертно-академического» инструмента; анализируется сочинение Софьи Губайдулиной сквозь призму традиционных и современных средств выразительности в камерной музыке для домры конца XX века. Утверждая мысль, что развитие домры, от его истоков скоморошества до профессионализации окончательно состоялось в последней трети XX века, развивается мысль об углублении образной сферы и формировании современной темброво-звуковой доминанты в камерной музыке для домры конца XX века.

Ключевые слова: народно-инструментальное творчество, домровое искусство, оригинальная музыка для домры, жанрово-стилевые тенденции домровой музыки.

Nenasheva T.A.

ORCID: 0000-0003-2538-2685, Assistant professor of folk instruments and orchestral conducting,
Perm State Institute of Culture in Perm

THE EVOLUTION OF THE GENRE-STYLE FEATURES MUSIC FOR DOMRA THE END OF THE XX CENTURY*Abstract*

In this article highlighted some issues development of playing domra in the context of folk instrumental art of XX century; examined dominant genre and stylistic features original music for domra the end of the XX century; approved by the thesis about the prospects of development of domra as a «concert-academic» instrument; Sofia Gubaidulina composition analyzed through the prism of traditional and modern means of expressiveness in chamber music for domra end of the XX century. Claiming the idea that the development of domra, from his beginnings buffoonery to the professionalization finally took place in the last third of the XX century, developed the idea the deepening of figurative sphere and formation of a new timbre and sound dominant in chamber music for domra the end of the XX century.

Keywords: folk-instrumental creation, the art of playing the domra, original music for domra, genre and stylistic tendencies of music for domra.

В отечественной культуре XX века особое место занимает народно-инструментальное искусство. В народно-инструментальном жанре, в свою очередь можно выделить бытование домры, история которой в отечественной музыкальной культуре насчитывает немногим более века: реконструированная трехструнная домра ведет свою историю бытования с 1896 года, реконструированная четырехструнная домра – с 1908 года [2, 4].

Домровое искусство, ярко проявившееся с середины XVI века в коллективной игре скоморохов [4], двойственно по своей природе. Так как, «дуализм отношений к сущности народного инструментария, проистекающий из видимости его размежевания на два пласта фольклорного и академического типа...» [2, с. 134] характерен для исполнительства на домре конца XX века.

Актуальность данного исследования обосновывается необходимостью всестороннего изучения домрового искусства, роли музыки для домры в отечественной инструментальной культуре конца XX века, что требует более углубленного и многокомпонентного анализа. В конце XX большим вкладом в области народно-инструментального творчества становится появление монографий М. И. Имханицкого [4], В. А. Вольфовича, Д. И. Варламова [2], А. Пересада; ряда диссертаций (Е. Скрыбина, А. Желтирова, Е. Волчков, В. Петрик, Б. Шарабидзе) и научных публикаций по вопросам исполнительства на домре (Т. Варламова, А. Козылов, Г. Осмоловская и др.).

В итоге длительного исторического развития домровая инструментальная культура проработала свои специфические признаки. О стилистической репертуарной основе домрового искусства как отражении его специфических признаков указывают выявленные нами доминантные *жанрово-стилевые тенденции* конца XX века: традиционное, жанрово-колористическое и камерно-академическое направления.

Традиционное направление подразумевает использование фольклора и неолфклора, цитирование, обработку, заимствование; жанрово-колористическое направление – использование традиционных и современных темброво-колористических штрихов и эффектов на домре; камерно-академическое направление – использование новых композиторских техник, обновленного мелодического языка, углубления образной компоненты.

Последняя тенденция в наибольшей степени способствует эволюционному развитию домры, формированию ее новой мелодической константы, интонационно-тембрового, жанрово-стилевого, образного обновления в условиях особенностей инструментализма конца XX века. Таким образом, с середины XX века формируется, так называемая, оригинальная музыка для домры, специфически присущая только домровому исполнительству. Звуковая константа домры значительно приблизилась к академическому музыкальному искусству, домра приобретает устойчивые черты «концертно-академического» инструмента. Таким образом, в настоящее время искусство игры на домре является сложной системой синтеза триединства: «исполнитель-репертуар-слушатель», так как именно оригинальный репертуар является основополагающим в функционировании и развитии любого инструмента и базисом в творчестве музыканта-исполнителя. Это важно в той связи, что оригинальная музыка для домры обладает свойствами современной музыки в полной мере, так как оригинальная музыка начала свою историю со второй половины XX века, с появления первого концерта (1945) для трехструнной домры Н. Будашкина [4], отражающее становление традиционного направления в музыке для домры.

К концу XX века сформировалось жанрово-колористическое направление. Предпосылки для развития камерно-академического направления в домровой музыке, развивавшиеся в концертных формах композиторов второй половины XX века: А. Балая, В. Пожидаева, Б. Кравченко привели к возникновению сочинений Софьи Губайдулиной.

На наш взгляд музыка для домры С. Губайдулиной явилась отправной точкой для формирования камерно-академического направления. Особый интерес С. Губайдулина проявляет к звучанию различных музыкальных инструментов: арфы, баяна, японского кото, скрипки, виолончели, фортепиано, китайского чжэну, ударным и др. В 1977 году С. Губайдулиной были сочинены три цикла «По мотивам татарского фольклора» по 5 пьес для домры (сопрано, альт, бас) и фортепиано. Цикл из 5 пьес для малой домры и фортепиано «По мотивам татарского фольклора» (как и для альтовой и басовой домры) своей образностью связан с жанрово-стилевой сферой татарской народной музыки.

Обращение Софьи Губайдуллиной в конце XX века к звучанию народного инструмента – домры, было отчасти случайным и единичным, но достаточно привлекательным по соприкосновению с новым тембровым звучанием. Не прибегая к прямому цитированию, автору удалось насытить весь материал цикла мотивами, глубоко связанными с подлинно татарским мелосом, который ощущается во всей музыкальной ткани. Использование типичных для татарского мелоса оборотов опевания характеризует интонационный строй всех частей цикла. Один из методов работы С. Губайдулиной с фольклорным материалом проявляется и в том, что меняются функции мелодии и гармонии, меняясь местами и образуя единую тематическую линию фольклорного проявления.

В первой части цикла «По мотивам татарского фольклора» встречаются мелодические обороты, построенные на ступенях пентатонического звукоряда, которые являются основой ладового мышления татарского фольклора. В тематизме первой части цикла преобладающая звукоизобразительность настраивает на зыбкость, неопределенность музыкального высказывания. Подобные ладовые колебания, где нет ярко выраженного тяготения к мажору или к минору рождают ассоциации с живописью и музыкой импрессионистов. Такое музыкальное изложение требует от исполнителя полного погружения в образный ряд сочинения, отчасти программного по своему содержанию.

В мелодии первого раздела 1-й части встречается оранаментирование напева – *appoggiatura*, *grupetto*, мелизматика, что является неперменным свойством татарской песенной мелодики. В данном сочинении С. Губайдулиной проявляются основные тенденции музыкальной культуры второй половины XX века, в частности – «полистилистика» [термин А. Шнитке], «при которой музыкальный язык приобрел полипараметровость, а сами параметры вышли из своих прежних границ (например, звуковысотность из сферы полутоновой хроматики в микроинтервалику и глиссандирующую зонность)» [6, с. 446]. В самом начале тематизма I части, в конце фразы происходит так называемое «вертикальное» «нетемперированное *glissando* – четвертитоновое завышение и занижение» [5, с. 6] звука на домре, что требует более образного исполнительского прочтения и точного его воплощения.

Композиторское мышление Софьи Губайдулиной проявляется и в использовании таких современных композиционных средств, как сонорность, звуки кластерных пятен в первой и в пятой частях цикла «По мотивам татарского фольклора». Сонорного эффекта достигли и определенные виды гармонических созвучий – «кластеры» [термин Г. Коуэлла], состоящие из «полутонов (малая секунда, большая секунда) или четвертитонов» [6, с. 450]. В сочинении С. Губайдулиной звучат кластеры диатонического порядка. Одной из особенностей татарских песен также является краткость фраз, их повторность. Многократные повторы одинаковых, звуковых попевок в первом разделе первой части приносят элемент скандирования, подчеркивания ритма. Жанровую, танцевальную характерность мелодике придает неоднократно повторенная интонация.

В качестве тембральной краски в крайних разделах 1-й части С. Губайдулина использует «горизонтальное» нетемперированное *glissando* (глиссандо) с остановкой на определенной ноте (А, G#). Второй раздел насыщен пентатоническими звучаниями, полон лиризмом и насыщен тембровыми домровыми красками (*sul ponticello*, *glissando* и др.). *Pizzicato* большим пальцем правой руки – *piano*, как своеобразный эффект *echo* используется далее, в третьем разделе. *Pizzicato*, исполненное *vibrato*, как дополнительная окраска домрового тембра, придает одухотворенность в подаче музыкального высказывания на домре.

Такое изложение материала явно отражает общее высказывание музыковеда В. Холоповой, что музыка С. Губайдулиной «наполнена «вздохами», «придыханиями», «стопами», «смехом», «плачем», «дрожью», «трепетом», — всем спектром оттенков глубоко переживающей души» [1]. В партии фортепиано при этом зависает кластерный аккорд из секундовых сочетаний вопрошающего характера.

2-я часть цикла завершается очень медленными нисходящими *glissando*, своеобразными стопами нетемперированных глиссандирующих звуков. Четырежды повторяющееся *glissando* (с остановкой на звуке ми), с каждым разом звучащее все тише, вскоре приобретают характер полной отрешенности и статичности.

3-й часть выполняет своеобразную функцию связи между частями, где лидирующая роль принадлежит домре. Музыка носит характер свободного повествования, насыщенного типичными интонациями татарской пентатоники. С. Губайдулина в цикле «По мотивам татарского фольклора» для домры «использует прием включения пауз в музыкальную ткань произведений», как в 3-й части цикла. По выражению С. Губайдулиной, «пауза – музыкальное средство дематериализации в направлении трансценденции. Это жест-приглашение композитора погрузиться в «загадочный колодец своей души», с тем чтобы осознать отношение к чему-то сверхъестественному, сакральному» [3, с. 97].

В 4-й части все контрасты, рельефы, функциональные соотношения создаются С. Губайдулиной исключительно благодаря тембровым оттенкам, деталям ритма, фактуры, громкостным нюансам, особенностям звукоизвлечения на домре. Своеобразие и новизна изложения мелоса в партии домры придает начальной аккордовой теме черты активного, ритмически выдержанного татарского танца. Это новый прием игры аккордов, где есть мелодический голос, подкрепленный звучностью открытых струн и создающий эффект татарского праздника. В среднем разделе 4-й части вырисована четкая смена метроритмической структуры: 5/8, 6/8, 9/8. Метрономическая точность исполнения *tremolo* и *double-strich* на домре, должна сочетаться с насыщенностью интонационно-образной характеристикой татарской музыки. Звуковая константа на домре должна быть насыщена импровизационностью высказывания.

Для музыки второй половины XX века характерна «полипараметровость музыкального языка» [6, с. 451], при которой «приобретает значительность все выразительные средства музыки: мелодия, гармония, ритм, фактура, звуковысотность, динамика, тембральность, артикуляция, штрихи (плавные, певучие, отрывистые) и др. Ведущим элементом в «параметре экспрессии» выступает артикуляция, с контрастом звука плавного, певучего и отрывистого, «дрожащего» [Там же, с. 451]. И в «параметре экспрессии» выявляются две противоположные функции: «консонанс» (легато, континуальность фактуры – непрерывность, узкие интервалы, моноритмия) и «диссонанс» (стаккато, тремоло, трель, дискретность фактуры – прерывистость, широкие интервалы, полиритмия) экспрессии, резким сопоставлением сфер статически-медитативной и динамически-действенной при помощи пар-антитез» [Там же, с. 451].

Такое «действие-контрдействие» [Там же, с. 451] явственно проявляется как раз в драматургии 5-й части цикла С. Губайдулиной, где солирующая домра на свой статический, плавный, отрешенно-выразительный монолог консонирующими аккордами получает «ответ» ломаными, резкими, динамически-насыщенными аккордами партии фортепиано. В партии домры очень важное значение имеют секстовые интонации, которые объединяют фразировочные лиги.

Таким образом, финальная, 5-я часть полностью основана на контрастных высказываниях двух инструментов – домры и фортепиано. В семантике этих двух противодействующих мотивов заложена борьба двух начал: светлого и темного, добра и зла, выражающая основное образное содержание всего цикла, подтверждая то, что «в произведениях ее неустанно контрастируют идеи «согласия» и «разногласия», «живого» и «неживого», «светлого» и «темного», «шума» и «тишины», «чета» и «нечета», бытия «здесь» и «там» [1]. В конце 5-й части музыка «становится все более отрешенной... Звучание как бы растворяется, уходит вдаль, остаются неразрешимые вопросы бытия...» [5, с. 8].

В заключении, отметим, что в аспекте комплексного анализа современной музыки для домры, основных жанрово-стилевых тенденций в музыке для домры конца XX века, выявляется актуальность современной оригинальной музыки для домры в сегменте отечественной музыки, подчеркивается значение камерно-академического направления, его определяющая роль и место для развития современной домры как «концертно-академического» инструмента в культуре конца XX века и профессионального домрового искусства начала XXI века.

Список литературы / References

1. Валентина Холопова. София Губайдулина [Электронный ресурс] / В. Холопова // Путеводитель по произведениям. – М.: 2001. – URL: http://newmuz.narod.ru/st/Gub_Hol01.html (дата обращения: 25.12.2016).
2. Варламов Д. И. Метаморфозы музыкального инструментария: Неофилософия народно-инструментального искусства XXI века / Д. И. Варламов. – Саратов: «Аквариус», 2000. – 144 с.
3. Голубева Л. Н. Теургическое беспокойство современного художника как эстетическая проблема / Л. Н. Голубева // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2001. – №5. – С. 94-103.
4. Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах / М. И. Имханицкий // Учеб. пособие для муз. вузов и уч.-щ. – М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2002. – 351 с.
5. Лукин С. Имханицкий М. Методика работы над новым репертуаром для домры / С. Лукин, М. Имханицкий. – М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2003. – Вып. 1. – 52 с., ноты.
6. Холопова В. Н. Формы музыкальных произведений / В. Н. Холопова // Учеб. пособие, 2-е изд. испр. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – 496 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Valentine Kholopova. Sofia Gubaidulina [Sofia Gubaidulina] [Electronic resource] / V. A. Kholopova // Guide to the works [Guide to the works]. – 2001. – URL: http://newmuz.narod.ru/st/Gub_Hol01.html (accessed: 25.12.2016) [in Russian]
2. Varlamov D. I. Metamorfozy muzykal'nogo instrumentarija: Neofilosofija narodno-instrumental'nogo iskusstva XXI veka [Metamorphoses of musical instruments: Neofilosophy of folk-instrumental art of XXI century] / D. I. Varlamov. – Saratov: «Aquarius», 2000. – 144 p. [in Russian]
3. Golubeva L. N. Teurgicheskoe bespokojstvo sovremennogo hudozhnika kak jesteticheskaja problema [Theurgic concern the contemporary artist as an aesthetic problem] / L. N. Golubeva // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2001. – №5. – P. 94-103.
4. Imhanickij M. I. Istorija ispolnitel'stva na russkih narodnyh instrumentah [The history of the performing art of russian folk instruments] / M. I. Imkhanickiy // Study guide for the musical institutes of higher education and colleges [Uchebnoe posobie dlja muzykal'nyh vuzov i uchilishh]. – M.: Publishing House RAM Named by Gnesin, 2002. – 351 p., [in Russian]
5. Lukin S. Imhanickij M. Metodika raboty nad novym reperturom dlja domry [Methodica of work over a new repertoire for domra / S. Lukin M. Imkhanickiy]. – M.: Publishing RAM Named by Gnesin, 2003. – V. 1. – 52 p., notes [in Russian]
6. Holopova V. N. Formy muzykal'nyh proizvedenij / V. N. Kholopova // Uchebnoe posobie, 2-e izdanie ispravlennoe [Tutorial, 2nd edition correction]. – St. Petersburg: «Lan» Publishing House, 2001. – 496 p. [in Russian]

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.022

Андрющенко Е.В.

ORCID: 0000-0002-9725-9072, аспирант,

Брянский государственный аграрный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНИВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА*Аннотация*

В статье рассматриваются современные педагогические средства оценивания, в процессе использования которых создаются возможности для дифференциации и индивидуализации образовательного процесса, интенсификации и активизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов. Важнейшими принципами инновационных оценочных средств являются объективность, систематичность, прозрачность. Особое внимание уделяется использованию модульно-рейтинговой системы при изучении иностранного языка в аграрном вузе.

Ключевые слова: педагогические средства оценивания, индивидуализация, дифференциация, модульно-рейтинговая система, образовательный процесс.

Andryushchenok E.V.

ORCID: 0000-0002-9725-9072, Postgraduate Student,

Bryansk State Agrarian University

MODERN PEDAGOGICAL METHODS OF EVALUATION WHILE TRAINING IN HIGH SCHOOL*Abstract*

The article deals with modern pedagogical methods of evaluation. In use, the methods of evaluation can create an opportunity for differentiation and individualization of the educational process, intensification and activation of students' independent activity. Their most important principles of evaluation means are objective, systematic, and clarity. The module rating system has been considered during foreign language mastering in agrarian high school.

Keywords: pedagogical methods of evaluation, individualization, differentiation, module rating system, educational process.

Основным направлением модернизации системы высшего профессионального образования РФ является переход на многоуровневую систему подготовки специалистов, что вызвано стремлением к интеграции в европейское образовательное пространство.

Согласно нормативным документам Министерства образования и науки РФ образовательный процесс в современном вузе ориентирован на личностное и профессиональное развитие будущего специалиста, результатом которого должны стать сформированные у выпускника общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, в структуре которых выделяют когнитивный, деятельностный, ценностный и рефлексивный компоненты [2, с. 240–36].

Новые результаты образовательного процесса, выраженные в компетенциях, обуславливают необходимость разработки новых механизмов оценивания, которые рассматриваются как единство организационных форм и технологий оценивания. При этом многие исследователи отмечают, что необходимо применять определённые оценочные инструменты для достижения разных целей.

Необходимо также подчеркнуть, что для объективной и справедливой оценки результатов обучения следует ориентироваться не только на результаты, показанные студентами в момент проведения процедуры оценивания, но и учитывать динамику результативных показателей изменений за несколько циклов оценивания. Здесь остро стоит вопрос – обеспечивает ли преподаватель прирост в образовательных достижениях ученика, его индивидуальное развитие? [1, с. 24–25].

Для осуществления эффективного управления образовательным процессом требуется обеспечить постоянную обратную связь, которая выступает в форме контроля. Согласно общепедагогическому подходу контроль призван выполнять следующие функции: диагностическую, контролирующую, корректирующую, стимулирующую, обучающую, управленческую, оценочную. Получаемая информация является одновременно базой для оценки преподавателем учебно-познавательной деятельности студента и его самооценки своей работы.

Как показывают исследования, инновационные педагогические средства оценивания, ориентированные на выявление динамики личностного и профессионального роста студентов, эффективно стимулируют их самостоятельную, творческую работу в течение всего образовательного процесса, способствуют развитию индивидуального творческого мышления, при этом создаются возможности для дифференциации и индивидуализации образовательного процесса.

При рассмотрении инновационных средств оценивания необходимо подчеркнуть, что выбор оценочных инструментов и процедур для их применения на практике зависит от того, кто и как планирует использовать результаты оценки, для достижения каких целей и для решения каких задач.

Следует отметить, что формирование компетенций не происходит в рамках изучения только одной дисциплины, это сложный и взаимосвязанный процесс. Так, например, согласно требованиям ФГОС ВО по направлению подготовки 35.03.06 Агроинженерия (уровень бакалавриата), утверждённого приказом Министерства образования и науки РФ от 20 октября 2015 г., №1172, и рабочей программы дисциплины «Иностранный язык» у выпускника «... должны быть сформированы следующие общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, а именно: - способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия; - способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия; - способность к самоорганизации и самообразованию; - способность осуществлять поиск, хранение, обработку и анализ информации из различных источников и баз данных, представлять ее в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий; - готовность изучать и использовать научно-техническую информацию, отечественный и зарубежный опыт по тематике исследований» [7].

На наш взгляд, наиболее полно оценить уровень сформированности данных компетенций можно в процессе использования таких инновационных средств оценивания, как модульно-рейтинговая система, портфолио, проектная деятельность, тестирование, написание эссе, важнейшими принципами которых являются объективность, систематичность, прозрачность. Целью использования вышеперечисленных средств оценивания является необходимость создать предпосылки и условия для регулярной учебно-познавательной деятельности студентов в течение всего периода обучения в вузе.

Уже несколько лет подряд модульно-рейтинговую систему успешно внедряют на практике преподаватели кафедры иностранных языков Брянского государственного аграрного университета (БГАУ) для оценивания уровня сформированности компетенций студентов - будущих аграриев и мониторинга динамики их изменений. Можно отметить, что рейтинговая технология оценивания позволяет реализовать компетентностный, личностно-ориентированный и деятельностные подходы и дифференцированно оценить учебные успехи каждого студента.

В период изучения дисциплины «Иностранный язык» студенты 1-2 курсов выполняют различные фонетические, лексические, грамматические задания; тесты на понимание прочитанного или услышанного; составляют аннотации текстов общей и профессиональной тематики; подготавливают рефераты и презентации; выступают с докладами на студенческих конференциях; совместно в микрогруппах работают над проектами и вебквестами; пишут электронные письма личного и формального характера, эссе, контрольные работы; общаются в чате; заполняют формуляры и практикуются в составлении резюме, а значит, зарабатывают и накапливают определённые баллы за отлично, хорошо или удовлетворительно выполненную работу.

Шкалы текущих оценок в баллах, а также план модульных и семестровых контрольных работ разработан по семестрам на весь курс изучения дисциплины и учитывает все виды учебной работы студентов как аудиторной, так и самостоятельной. На аудиторных занятиях студенты получают баллы за активную работу, монологическое или диалогическое высказывание на темы. Предусмотренные Примерной программой дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов, напр. «Россия», «Мой родной край», «Моя будущая профессия» и др.; выполнение традиционных письменных контрольных работ и тестов; подготовку презентаций и защиту выполненных проектов и вебквестов, напр. «Защита окружающей среды», «Экологические проблемы моей малой родины», «Путешествие в Великобританию» и т.п.; выступление на межвузовских конференциях.

Следует также добавить, что используемое в процессе обучения программное обеспечение (ПО) SANAKO Study 1200, непосредственно предназначенное для изучения иностранных языков, позволяет создавать непринуждённую атмосферу на занятии, ситуацию успеха и предоставляет дополнительные возможности для индивидуализации и дифференциации обучения, т.к. оно снабжено функциями чата, обмена письменными сообщениями между студентами и преподавателем, обсуждения, работы в микрогруппах. Использование мультимедийных учебников, напр. «Face2Face» (авторы: Chris Redston и Gillie Cunningham) уровней Elementary, Pre-Intermediate и Intermediate, также способствуют активной работе студентов на занятиях и во внеурочное время и способствуют формированию компетенций благодаря модульной системе изложения учебного материала и возможностям создания самостоятельного создания тестов с их последующим выполнением, заполнения электронного портфолио, он-лайн поддержки, наличию лексико-грамматического справочника. По итогам рейтинга в конце семестра студент может быть аттестован по дисциплине без сдачи обязательного зачёта или экзамена.

Преимуществом модульно-рейтинговой системы, на наш взгляд, является то, что она способствует созданию благоприятных условий для индивидуализации и дифференциации процесса обучения в аграрном вузе; учитывает требования ФГОС ВО; активизирует систематическую самостоятельную работу студентов в течение всего периода обучения, а не только изучения отдельно взятой дисциплины; позволяет объективно оценить уровень

сформированности компетенций, а также проследить динамику их развития; повысить значимость оценок, полученных студентами за выполнение различных видов учебной работы (самостоятельная домашняя работа, коллективная проектная работа, выполнение вебквестов в микрогруппе с использованием Интернет-ресурсов с последующей презентацией полученных результатов), а также стимулирует творческое отношение к работе, как студентов, так и преподавателей.

Необходимо также добавить, что в процессе использования инновационных педагогических средств оценивания наблюдается значительный рост положительно мотивированных на изучение иностранного языка студентов; повышение значимости самоконтроля и взаимоконтроля; качественное изменение взаимоотношений между участниками образовательного процесса, что, несомненно, способствует более глубокому пониманию и осознанию ответственности за планирование, расширение и углубление собственной образовательной траектории и благоприятствует формированию общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущих профессионалов.

В заключении мы должны признать, что реализация модульно-рейтинговой системы, как метода системного подхода к изучению дисциплины «Иностранный язык» позволяет создать оптимальные условия для развития необходимых компетенций мобильной, конкурентоспособной, творческой личности, обладающей критическим мышлением и рефлексией, способной и готовой к самоорганизации, самообразованию и самосовершенствованию на протяжении всей жизни.

Список литературы / References

1. Болотов, В. А. Виды и назначение программ оценки результатов обучения школьников / В. А. Болотов, И. А. Вальдман // Педагогика. – 2013. – № 8. – С. 15–26.
2. Орлов А.А. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании / А.А. Орлов // Моногр. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого. – 2012. – 120 с.
3. Орлов А.А., Орлова Л.А. Мониторинг в системе оценивания новых результатов образовательного процесса / А.А. Орлов, Л.А. Орлова // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. – 2015. – №9. – С. 2414.
4. Романов В.А. Психолого-педагогические условия успешности обучения бакалавров в вузе / В.А. Романов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – №8-2 (27). – С. 90-91.
5. Сластенин В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов и др.; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр "Академия". – 2002. – 576 с.
6. Тимакина О.А., Коннова З.И. Мультимедийный учебник: современные технологические и дидактические возможности с позиции когнитивного моделирования в лингвистике / О.А. Тимакина, З.И. Коннова // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. – 2016. – №1. – С. 116-123.
7. ФГОС ВО по направлению подготовки 35.03.06 Агроинженерия (уровень бакалавриата), утверждённого приказом Министерства образования и науки РФ от 20 октября 2015 г., №1172 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/350306> (дата обращения: 01.12.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bolotov, V. A. Vidy i naznachenie programm ocenki rezul'tatov obuchenija shkol'nikov [Types and purpose of students' academic results due to evaluating programs] / V. A. Bolotov, I. A. Val'dman // Pedagogika [Pedagogics]. – 2013. – № 8. – P. 15–26. [in Russian]
2. Orlov A.A. Kompetentnostnyj podhod v vysshem professional'nom obrazovanii [Competence based approach in higher professional education] / A.A. Orlov // Monograph. – Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo. – 2012. – 120 p. [in Russian]
3. Orlov A.A., Orlova L.A. Monitoring v sisteme ocenivaniya novyh rezul'tatov obrazovatel'nogo processa [Monitoring in an evaluation system of new academic results] / A.A. Orlov, L.A. Orlova // Pis'ma v Jemissija. Offlajn: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Letters in Emission. Offline: electronic scientific journal]. – 2015. – №9. – P. 2414. [in Russian]
4. Romanov V.A. Psihologo-pedagogicheskie uslovija uspešnosti obuchenija bakalavrov v vuze [Psychological and pedagogical conditions of successful training bachelors in high school] / V.A. Romanov // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2014. – №8-2 (27). – P. 90-91. [in Russian]
5. Slastenin V.A. Pedagogika: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij [Pedagogics: Manual for students of higher pedagogical educational institutions] / V. A. Slastenin, I. F. Isaev, E. N. Shijanov and others; edited by V.A. Slastenina. – M.: Izdatel'skij centr "Akademija". – 2002. – 576 p. [in Russian]
6. Timakina O.A., Konnova Z.I. Mul'timedijnyj uchebnik: sovremennye tehnologicheskie i didakticheskie vozmožnosti s pozicii kognitivnogo modelirovanija v lingvistike [Multimedia Tutorial: modern technology and teaching opportunities from the perspective of cognitive modeling in linguistics] / O.A. Timakina, Z.I. Konnova // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika [News of the Tula State University. Pedagogics]. – 2016. – №1. – P. 116-123. [in Russian]
7. FGOS VO po napravleniju podgotovki 35.03.06 Agroiŋženerija (uroven' bakalavriata), utverzhdjonnoĝo prikazom Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 20 oktjabrja 2015 g., №1172 [FSES HE in the field of training 35.03.06 Agriengineering (bachelor's level), approved by the Ministry of Education and Science]. – URL: <http://fgosvo.ru/350306> (accessed: 01.12.2016). [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.035

Батунова И.В.

ORCID: 0000-0002-2252-8303, Кандидат педагогических наук,

Сибирский федеральный университет в г. Красноярск

ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ**Аннотация**

В статье рассматриваются основные проблемы и задачи в процессе обучения иностранному (английскому) языку в неязыковых вузах. Приведены основные методы и принципы организации учебного процесса. Так же рассматривается вопрос мотивации, которая, как известно, напрямую связана с эффективностью обучения, способы формирования мотивации студентов к овладению иностранным языком как во время учебного, так и внеучебного процесса, поскольку любой познавательный процесс основывается на желании познания иноязычной культуры.

Ключевые слова: проблемы, задачи, методы, принципы, мотивация, процесс обучения, иностранный (английский) язык.

Batunova I.V.

ORCID: 0000-0002-2252-8303, PhD in Pedagogy,

Siberian Federal University in Krasnoyarsk

THE EDUCATIONAL PROCESS IN LEARNING OF FOREIGN LANGUAGE (ENGLISH) IN NON-LINGUISTIC INSTITUTIONS**Abstract**

In the article, the author discusses the main challenges in learning of a foreign language (English) in non-linguistic institutions. The basic methods and principles of the organization of educational process. Also the motivation, which is directly related to the efficiency of learning, methods of forming the students' motivation for mastering foreign language during school and extracurricular process, because any learning process is based on the desire of the students to get some new knowledge of foreign language and foreign culture.

Keywords: aims, problems, methods, principles, motivation, learning, foreign language (English).

Процесс обучения иностранным языкам в неязыковых вузах (т.е. высшее учебное заведение, где иностранный (английский) язык не является профильным) в первую очередь, отражает историю и процесс смены подходов и приоритетов к обучению иностранному (английскому) языку в поисках наиболее эффективной и приемлемой научно-методической деятельности. Однако данный процесс обучения иностранному (английскому) языку в высших учебных заведениях необходимо рассматривать в широком контексте происходящего на мировой арене в целом и в сфере профессионального образования в частности, так как необходимость модернизации и совершенствования обусловлена потребностью адаптации системы высшего образования к социально-экономическим потребностям общества. Мнение и утверждение о том, что владение иностранным (английским) языком является неотъемлемым условием успешности и конкурентоспособности современного специалиста на рынке труда, уже давно принято российским обществом. Использование иностранного (английского) языка в профессиональных целях стало необходимостью для специалистов инженерных специальностей, чья деятельность напрямую связана с мировым рынком. В свою очередь, ситуация на мировом рынке и стремление нашей страны полностью интегрироваться в мировое сообщество в качестве равноправного участника вынуждают нас перейти от простого принятия этого утверждения к его полному принятию и реализации. На практике же, мы можем констатировать, что уровень и качество подготовки специалистов инженерных направлений не всегда отвечает предъявляемым требованиям. Одним из факторов, усложняющих выход наших инженерных специалистов на мировой рынок, является низкий уровень владения иностранным (английским) языком. В сложившихся современных условиях иностранный (английский) язык должен рассматриваться не как второстепенная дисциплина, а как необходимый инструмент профессиональной деятельности, так как академическая и трудовая мобильность, единые международные образовательные стандарты, совместная международная научно-исследовательская и производственная деятельность невозможны без высокого уровня владения иностранным (английским) языком.

При анализе овладения обучающимися уровня владения иностранным языком было выявлено, что международные критерии, и критерии требования Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, требуют более высокий уровень владения иностранным (английским) языком для инженеров.

В связи со всем вышесказанным, можно выделить основной барьер, влияющий на овладения иностранным языком, по требованию ФГОС ВО - низкое качество иноязычной языковой компетенции абитуриентов. Лингвистическая, или языковая, компетенция предполагает владение системой сведений об изучаемом языке на разных уровнях – фонетическом, лексическом, уровне состава слова и словообразования, морфологическом, уровне синтаксиса простого и сложного предложения, стилистическом. [6; 3]

Учащийся обладает лингвистической компетенцией, если он имеет представление о системе изучаемого языка и может пользоваться этой системой на практике, употребляя все морфологические и синтаксические преобразования в своей речи. Однако на практике, студенты, поступившие в технический вуз, не обладают базовыми иноязычными знаниями, навыками и умениями. К сожалению, данная тенденция характерна для всех институтов, обеспечивающих подготовку бакалавров и магистров по неязыковым направлениям. Без прочной базы сформированных языковых навыков и умений, о которых мы говорили выше, невозможно развивать разговорные навыки, терминологическую базу, умение беглого чтения и прочие коммуникативные, языковые и межкультурные компетенции.

Тем не мене, в цели инженерного вуза не должно входить обучение базовому уровню иностранного языка. Эту задачу необходимо решать на этапе школьной подготовки, поэтому так важна преемственность и системность в

реформе общего и профессионального образования. Несмотря на все перечисленные проблемы, кафедры иностранных языков технических вузов ищут пути максимально эффективного преподавания иностранного языка и профессионального иностранного языка при минимальном количестве выделенных на данную дисциплину часов и низком уровне владения языком выпускниками школ. Так, в институтах ввели в практику распределение студентов по подгруппам в соответствии с их уровнем владения иностранным языком, который определяется на первых занятиях методами тестирования. Это позволяет в рамках одной программы обеспечивать максимально эффективное преподавание иностранного (английского) языка как для студентов, владеющих базовым уровнем языка, так и для продвинутого уровня. [5, С. 9]

Важную роль в освоении изучаемого языка играет самостоятельная работа студентов, на которую отводятся обязательные часы в рабочей программе. Аудиторные часы, выделяемые в базовом цикле для преподавания иностранного языка, используются в первые два года обучения и тратятся в основном на «подтягивание» языкового уровня основной массы студентов. Для большинства из них вопрос об изучении профессионального иностранного языка вообще не стоит. Такое количество часов явно недостаточно для освоения всех тех компетенций, которые требуются от современного инженера европейского уровня. Зачастую, проблема недостатка аудиторных часов решается за счет так называемого вариативного компонента, который предполагает проведение практических занятий по профессиональному иностранному языку преподавателями профильных кафедр. Такие занятия, как правило, посвящены рассмотрению проблем, связанных непосредственно с профилем подготовки, и предполагают обсуждение этих проблем на более высоком, профессиональном уровне. [4, С. 25]

Поэтому, как одно из решений данной задачи, большой объем учебного материала по иностранному языку выносится на самостоятельную работу студента, которую он должен выполнять вне рамок аудиторных занятий. Для этого разработаны интернет-версии лабораторных работ различных уровней, как для студентов первых курсов, так и для студентов, изучающих профессиональный иностранный язык. Есть возможность самостоятельной работы в лингафонном кабинете, который оборудован специальной аудиовизуальной аппаратурой.

Также, немало важную роль играет и недостаточная мотивация студентов к овладению иностранным языком. Мотивация, как известно, напрямую связана с эффективностью обучения. Любой познавательный процесс основывается на желании познания иноязычной культуры. Низкая мотивация к изучению иностранного языка во многом основывается на отрицательном опыте обучения ему на уровне среднего образования. Студенты, поступив в вуз, часто не видят сферы применения иностранного языка в своей будущей профессии, так как просто еще не представляют своего профессионального будущего. Низкая мотивация к изучению иностранного языка также обусловлена ограниченностью его применения в учебных, производственных, а также в реальных жизненных условиях. И здесь для вуза, для профильных кафедр и кафедр иностранных языков есть широкое поле деятельности в сфере налаживания международных образовательных и исследовательских контактов, совместных международных проектов, академических обменов и пр. [2, С. 127]

Еще одним эффективным (с точки зрения повышения мотивации студентов) методом являются проекты, фестивали, театры, научно-практические конференции, которые организуются на базе института кафедрами иностранных языков. Такого вида мероприятия не только повышают мотивацию студентов к изучению иностранного языка, но и способствуют развитию коммуникативных и презентационных умений, умений работы в команде и прочих необходимых будущему инженеру компетенций. Следует иметь в виду, что все мероприятия внеучебные, требуют достаточно много времени для подготовки. Но даже участие в конкурсах с минимальной языковой составляющей, дает студенту ощущение достижения результата, которое умножается в случае получения призового места. Успех и привлечение внимания ассоциируются с английским языком, что способствует росту мотивации. Особенно заметен такой рост в случае групповой работы студентов при подготовке выступлений. Совместное творчество объединяет и придает дополнительную важность объединяющему началу, которым в частности, в условиях конкурса, является необходимость освоения определенных языковых явлений, как бы малозначительны они ни были. [1, С. 482]

Безусловно, решение данной проблемы требует комплексного, системного подхода, предполагающего реформирование систем общего и высшего образования. Опыт преподавания иностранного (английского) языка и профессионального иностранного языка в ВУЗах показывает необходимость увеличения количества аудиторных часов, отводимых на изучение последнего, внедрения интенсивных методов и технологий обучения, максимально приближенного к реальным коммуникативным ситуациям профессиональной и академической направленности, обеспечения преемственности языковой подготовки между младшими и старшими курсами бакалавриата, а также магистратуры. Тесное сотрудничество с профильными кафедрами является важным условием качественной подготовки студентов технических вузов по профессиональному иностранному языку.

Частично решение данных задач по силам одной кафедре иностранных языков, однако без серьезного анализа, полного взаимодействия с профессиональной кафедрой и модернизации системы языковой подготовки в целом их решение представляется нам невыполнимым.

Список литературы / References

1. Аксенова Н. В., Шепетовский Д. В. Организация внеаудиторной работы студентов как мотивация к изучению английского языка в техническом ВУЗе // Молодой ученый. — 2014. — №7. — С. 481-483.
2. Батунова И.В. Современные педагогические технологии на уроках иностранного языка как важное условие повышения качества образовательного процесса. // IV Международная научно-практическая конференция: Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия – Новосибирск: Международный научный институт «EDUCATIO», 2014. – С.126-128
3. Боброва Т. О. Современные подходы в формировании лингвистической, коммуникативной и межкультурной компетенций в обучении иностранному языку в вузе [Электронный ресурс]. URL: <http://cprsob.ru/load/21-1-0-91>.

4. Вагина И.В. Сравнительный анализ систем профессионального образования России и Франции. // Наука и школа. – М.: МПГУ. – 2010. – №6 – С. – 25-26
5. Похолков Ю. П. Подходы к формированию национальной доктрины инженерного образования России в условиях новой индустриализации // Инженерное образование. Томск, 2012. № 9. С. 5-11.
6. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <http://cprsob.ru/load/21-1-0-91> <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/94>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aksenova N. V. Shepetovski D.V. Organizatsiya vneauditornoi raboti studentov kak motivatsiya k izucheniyu angliiskogo yasika v tehničeskom vyze [Organization of the extracurricular work of students as a motivation to learn English in a technical colleges] / Aksenova N. V. Shepetovski D.V. // Molodoi ycheniy [Collection of scientific works of the All-Russian Scientific Research Institute]. – 2014. V. 1. №7. P. 481–483. [in Russian]
2. Batunova I. V. Sovremenii pedagogicheskie tehnologii na yrokah inostrannogo yasika kak vagnoe yslovie povisheniya kachestva obrazovatelnoy procesa [Modern educational technology in the classes of a foreign language as an important condition for improving the quality of the educational process] / A Batunova I. V. // IV megdunarodnaya konferenciya: nauchnie perspective XXI veka. Dostigeniya I perspective novogo stoletiya [Collection of scientific works of the All-Russian Scientific Research Institute «EDUCATIO»]. – 2014. – P. 126–128. [in Russian]
3. Bobrova T. O. Sovremenii podhodi v formirovanii lingvisticheskoy, kommunikativnoy I megjasikovoy kompetencii v obuchenii inostrannomy yasiku v vyse [Modern approaches in the formation of linguistic, communicative and inter-language competence in foreign language teaching in high school] / Bobrova T. O. // [Elektronniy resours] [Electronic resource]. URL: <http://cprsob.ru/load/21-1-0-91>
4. Vaguina I.V. Sravnitelniy analis system professionalnogo obrasovaniya Rossii I Francii [Comparative analysis of the vocational educational systems in Russia and France] / Vaguina I.V. // Nauka I shkola [Science and School]. 2010. V. 1. №6. P. 25–26. [in Russian]
5. Poholkov U.P. Podhodi k formirovaniy nacionalnoy doktriny ingenernogo obrasovaniya Rossii v usloviyah novoi industrialisatsii [Approaches to the development of Russian national doctrine of engineering education in the new industrialization] / Poholkov U.P. // Ingenernoe obrasovanie [Engineering education]. - 2012. V. 1. №9. P. 5–11. [in Russian]
6. Portal Federalnih gosudarstvennih obrasovatelnoy standartov [Portal of the federal state educational standards] // [Elektronniy resours] [Electronic resource]. URL: <http://cprsob.ru/load/21-1-0-91> <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/94>

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.169

Губанова Н.Ф.

Кандидат педагогических наук,

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

В статье анализируется игровая деятельность дошкольников как способ культурного освоения мира, как форма социализации. Игра в роли ведущей деятельности влияет на сохранение и обогащение игрового мировосприятия дошкольников, что позволяет им творчески преобразовывать окружающую действительность. В статье представлены условия развития игровых умений детей, способствующие построению детской игры, овладению эффективными способами ее проектирования. Культурологический подход рассматривается с точки зрения влияния игры как культурной практики на личность ребенка; рассмотрены ценностные основы игры, определены механизмы социокультурного развития ребенка.

Ключевые слова: культурологический подход, игровая деятельность, игровые умения, дошкольники.

Gubanova N.F.

PhD in Pedagogy, Associate Professor,

State University of Social Studies and Humanities, Town of Kolomna

CULTURAL APPROACH TO PLAY ACTIVITY DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN

Abstract

In the article the author analyzes play activity of preschool children as a cultural way of social adjustment and world exploration. The play as a leading activity influences on keeping and enlarging the worldviews of preschool children, thus helping them to transform the surrounding realm. The development conditions of play skills that help preschool children to build up and produce a play are presented in the article. The cultural approach is viewed in the context of influence of play as a cultural experience on a child's personality, the author considers the axiological framework of play, distinguishes the conditions of a child's sociocultural development.

Keywords: cultural approach, play activity, play skills, preschool children.

В современной педагогике детская игра рассматривается как деятельность, способствующая своевременной социализации и становлению субъектной позиции ребенка при условии ее свободного характера, самостоятельности (Е.Е. Кравцова, Н.Я. Михайленко, Е.О. Смирнова и др.). Самостоятельность – приоритетный принцип бытования игры в дошкольном образовательном учреждении, так как именно свободные формы игры несут развивающий эффект, полностью удовлетворяют потребности ребенка, осваивающего окружающий мир.

В настоящий момент проблема бытования игры в детском саду стоит наиболее остро, так как она не находит должного места в образовательном процессе, подменяется другими видами, чаще всего специально организованной деятельности, следовательно, не выполняет роли ведущей в жизни детей.

О роли игры как ведущей деятельности говорили многие ученые (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др.), всесторонне исследовавшие и обосновавшие ее место в дошкольном детстве. Л.С. Выготский, задавшийся вопросом изучить связь игры и воображения, получил главные ее моменты: без воображения нет игры, оно лежит в основе игрового процесса. А.Н. Леонтьев изучал игру как ведущую деятельность и обосновал, что она обладает тремя основными признаками: в ней возникают и выделяются новые виды деятельности, в ней происходит перестройка частных психических процессов, от нее зависят психологические изменения личности [3, с. 515]. Д.Б. Эльконин, отмечая исторический путь происхождения игры, называл ее деятельностью с социальным содержанием, в процессе которой ребенок, находясь в мнимой ситуации, овладевает социальными отношениями [5, с. 21.].

Действительно, в период дошкольного детства ребенок смотрит на мир через призму игры, фантазии, воображения. Задача взрослого не разрушать, а сохранять и приумножать этот взгляд на окружающее. Можно сказать, что *игровая деятельность есть преобладающий способ проживания ребенком периода детства, в течение которого у него доминирует особое (игровое) восприятие окружающей жизни* [2, с. 125].

Разработчики теории игры изучали не только структурные основы игры, но и описывали игру как социально-культурную деятельность, которая несет в себе культуру своего народа (Т.А. Апинян, О.В. Дыбина, Т.С. Комарова, Г.П. Новикова и др.). Известно, что игра исторически впитала в себя национальные традиции, отражающие формы жизни и быта народа, ценностные составляющие мировосприятия. С помощью игры в народной культуре осуществлялась связь поколений, переосмысливалась событийность, так как в игре отражался не только быт, но и история, предания, суеверия, мифы - целостный духовный опыт народа. Игра как в зеркале воспроизводила культуру бытия и, одновременно, бытие культуры.

Ценность игры для человека состоит в ее двойственном значении, в том, что она сама является частью культуры общества, и, в то же время, развитые, обогащенные формы игры делают уникальный вклад в окружающую культуру.

В истории педагогики и образования сложился культурологический взгляд на детскую деятельность: в ней ребенок использует способы построения в соответствии с культурным традициям того места, где он живет. Сообразно народной традиции, процесс воспитания непременно должен быть проникнут культурным смыслом, в котором отношение к ребенку складывается как к искусно взращиваемому ростку, требующему заботы и ухода, наставления и выучки. В этом смысле, игра учит ребенка нормам и правилам жизни, помогает достижению принятых в обществе образцов и добродетелей (быть порядочным, трудолюбивым, честным), норм социальных отношений (в семье, на работе, с другими людьми). В игре ребенок моделирует те отношения, которые ему прививали с детства (к тем, кто старше; к тем, кто младше).

Вместе с тем, необходимо оценивать игру с позиции передачи культурного опыта от взрослых детям и формирования определенной культуры игры.

Мы вывели организационно-педагогические условия, которые оказывают благополучное влияние на формирование культуры игры у дошкольников:

1. Ознакомление ребенка с окружающей действительностью, расширение его жизненного и национально-культурного опыта.
2. Предоставление в игре выбора разнообразных материалов, оборудования, партнеров по игре.
3. Формирование способов построения игры, игровых умений с учетом возраста и индивидуального развития ребенка.

В программе «От рождения до школы» (под ред. Н.Е. Вераксы, Т.С. Комаровой, М.А. Васильевой) нами разработан раздел «Развитие игровой деятельности», в котором представлена игра как социокультурный феномен, определены задачи, содержание и методические рекомендации для педагогов [4]. В данной программе представлены различные виды игр, которые формируются в разные периоды дошкольного детства и к концу дошкольного возраста принимают самостоятельный характер, и на эту самостоятельность педагогу следует направить свои усилия. В пособиях приведены формы основной и дополнительной работы по развитию игровой деятельности, советы родителям по обогащению детских игр, представлена технология использования педагогического театра как фактора влияния и как средства развития детских творческих игр, игровой культуры ребенка; показана роль взрослого как образца культурного и творческого поведения для ребенка [1].

Механизм социокультурного развития ребенка состоит в том, что малыш считывает социально-культурные образцы, воспринимает способы поведения, под этим воздействием создается мотивация его деятельности, и совокупность внешних социокультурных влияний переходит в собственно развивающие возможности ребенка в личностно значимых ситуациях игры, способствует формированию ценностных установок, способов деятельности и привычек поведения. Подобное развитие можно назвать «социальным развертыванием ребенка», в этом процессе перед ним постепенно разворачиваются жизненные смыслы, открываются перспективы и возможности, расширяются социальные горизонты. Особая роль в этом принадлежит игре, которая способствует развитию внутреннего отклика и эмоциональной выразительности, раскрывает «*поры социальности*» (Н. Ф. Губанова), *под которыми мы понимаем особую чувствительность, восприимчивость ребенка к явлениям окружающего мира, выражающихся в определенных реакциях на взаимоотношения взрослых и способствующих сопричастности ребенка к событиям, очерченным в педагогической ситуации.* Игра является максимально эффективной деятельностью для развития ребенка, так как максимально и исподволь раскрывает его потенциал.

По нашему мнению, роль игры как фактора социокультурного развития ребенка состоит в следующем:

- игра является способом социализации и культурного развития детей, так как в ней заложены основные жизнетворческие смыслы;
- игра многопланова, в ее различных видах происходит комплексное развитие всех сущностных сил ребенка (познавательных, общения, собственно игровых, нравственных, художественно-эстетических и др.);
- ведущим началом игры является социокультурная воображаемая ситуация, в которой разворачиваются игровые события;
- структурные компоненты игры (сюжет, замысел, роль, ролевое действие и поведение) преломляются сквозь личность ребенка, пропитываются его одухотворенностью и становятся сущностными, личностно окрашенными элементами его культурной деятельности;
- игра целостна по своей природе, так же целостно может развиваться в ней ребенок, но это происходит при условии осуществления грамотного педагогического сопровождения, в котором взрослый являет собой образец культурного и творческого поведения.
- взрослый в детской игре всегда рядом, но выступает в разных позициях: как наблюдатель, советчик и партнер, способствует выведению игры на новый более совершенный уровень;
- ключ к полноценной игре – подготовленный воспитатель, владеющий знанием теории игры и основ психологии возраста.

Список литературы / References

1. Губанова Н.Ф. Игровая деятельность в детском саду. Пособие для работы с детьми 2-7 лет / Н.Ф. Губанова. - М.: Мозаика-Синтез, 2015. - 128 с.
2. Губанова Н.Ф. Развитие игровой деятельности детей от рождения до школы / Н.Ф. Губанова // Подготовка студентов к овладению профессиональными компетенциями по обучению, воспитанию и развитию дошкольников и младших школьников: монография / под ред. Г.С. Вяликовой; Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. – Коломна: МГОСГИ, 2015. – С. 124 – 155.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики /А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 584 с.
4. От рождения до школы. Основная образовательная программа дошкольного образования / Под ред. Н.Е. Вераксы, Т.С. Комаровой, М.А. Васильевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Мозаика-Синтез, 2016. – 368 с.
5. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – 2-е изд. – М.: Гуманитарный центр ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gubanova N.F. Igrovaya deyatel'nost' v detskom sadu. Posobie dlya raboty s det'mi 2-7 let. [Play activities in kindergarten. Textbook for teaching children 2-7 years of age] / N.F. Gubanova. - M. - Mozaika-Sintez, 2015. - 128 p. [in Russian]
2. Gubanova N.F. Razvitiye igrovoj deyatel'nosti detey ot rozhdeniya do shkoly [Children play activity development from birth to school age] / N.F. Gubanova // Podgotovka studentov k ovladeniyu professional'nymi kompetentsiyami po obucheniyu, vospitaniyu i razvitiyu doshkol'nikov i mladshikh shkol'nikov: monografiya [Preparing students to master professional competences in teaching and educating preschool and early school aged children: a monograph] / pod red. G.S. Vyalikovej, Moskovskiy gosudarstvennyj oblastnoj sotsial'no-gumanitarnyj institut. [under the editorship of G.S. Vyalikova, Moscow State Regional Institute for Social Studies and Humanities] - Kolomna: MGOSGI [Moscow State Regional Institute for Social Studies and Humanities] . - 2015. - P. 124. - 155. [in Russian]
3. Leont'yev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Mental development aspects] / - M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, [Moscow University Publishing House] 1981. - 584 p. [in Russian]
4. Ot rozhdeniya do shkoly. Osnovnaya obrazovatel'naya programma doshkol'nogo obrazovaniya [Principal education program in preschool education] / Pod red. N.E. Veraksey, T.S. Komarovej, M.A. Vasil'yevoy. - 3-ye izd. ispr. i dop. - [Under the editorship of N.E. Veraksa, T.S. Komarova, M.A. Vasil'yeva. - 3rd edition, revised and enlarged] M.: Mozaika-Sintez, 2016. - 368 p. [in Russian]
5. El'konin D.B. Psikhologiya igry [The psychology of play] / D.B. El'konin. - 2ye izd [2nd edition]. - M.: Gumanitarny tsentr VLADOS, [VLADOS center for humanities] 1999. - 360 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.070

Дубинина Г.А.¹, Паштова Л.Г.², Степанян И.К.³

¹ORCID: 0000-0003-1475-1967, Доцент,

²ORCID: 0000-0002-5618-5978, Доктор экономических наук, Профессор,

³ORCID: 0000-0003-2942-0976, Кандидат педагогических наук,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ УЧЕБНЫХ КЕЙСОВ ПО КОРПОРАТИВНЫМ ФИНАНСАМ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья обобщает опыт обучения дисциплине «Корпоративные финансы» с использованием знаний высшей математики и английского языка при анализе иноязычных деловых ситуаций (кейсов), резюмируя, что междисциплинарный подход позволяет повысить эффективность обучения. Авторы статьи описывают технологию анализа иноязычных деловых ситуаций посредством определения проблематики, принятия решений и их обсуждения (например, устное высказывание или письменный отчет). Особое внимание уделено методам оценивания и объективной оценке учебных достижений.

Ключевые слова: междисциплинарное сотрудничество, корпоративные финансы, высшая математика, анализ иноязычных деловых ситуаций (кейсов), инновационные технологии обучения, технологические изменения.

Dubinina G.A.¹, Pashtova L.G.², Stepanyan I.K.³

¹ORCID: 0000-0003-1475-1967, Associate Professor,

²ORCID: 0000-0002-5618-5978, PhD in Economics, Professor,

³ORCID: 0000-0003-2942-0976, PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation

INTERDISCIPLINARY COOPERATION IN CASE STUDIES ON CORPORATE FINANCE IN A FOREIGN LANGUAGE

Abstract

The article summarizes the experience of training for Corporate Finance applying the knowledge of Higher Mathematics and English to case-analyses in a foreign language and concludes that interdisciplinary approach contributes to the efficiency of training. The authors of the article dwell upon the techniques of case analysis and the ways to develop skills in problem identification, decision making and communication (e.g. oral presentation or report writing). Special attention is given to progress evaluation techniques and objective appraisal.

Keywords: interdisciplinary cooperation, corporate finance, higher mathematics, case studies, case analysis in a foreign language, innovative training technologies, technological changes.

Introduction

Interdisciplinary communication seems to be the main challenge in regard to the instructional strategy used across subject areas and efficient training for practice-oriented case analyses. This paper considers cases in English where teachers of Corporate Finance and Higher Mathematics work collaboratively to plan activity and to provide a supportive environment for students.

By case analysis is meant the study of specific professional situations (cases), specially selected on the basis of actual foreign language material in order to be investigated by the students and then discussed in the classroom. Critical analyses of the situations and decision making processes allow students to put into practice the basic skills acquired while studying a variety of disciplines.

The aim of this study was to present cogent arguments for the need of collaboration between teachers of special disciplines and a foreign language in order to develop the skills of case analyses in a foreign language.

Material and methods

In recent years the Financial University under the Government of the Russian Federation has accumulated significant experience in the use of case analyses in a foreign language for Economics and Finance. The analysis of specific professional situations implies the use of a manual containing particular cases of professional activity in the field of Economics and Finance [2, P. 106].

The steps of analysis are as follows.

- 1) Self-study of the case materials by students.
- 2) Desk research on the case (including the use of Internet resources).
- 3) Joint debate on the case under the guidance of a teacher / a team of teachers.

It's evident that there should be a high degree of cooperation between teachers of different academic disciplines in order to minimize confusion, especially, if materials in a foreign language are involved.

Results

The solution is obvious: case-analyses will be efficient only conditional on targeted thoroughly planned training which should start at the very first lessons and be scheduled thoughtfully, step by step.

All the mentioned above could be applied to case-studies on Corporate Finance, as Corporate Finance is one of the main subjects studied by the students of all the faculties at the Financial University. It is so because Corporate Finance studies the totality of economic relations arising in the process of formation, distribution and use of funds generated during the production and sales of goods and services. Part and parcel of studying Corporate Finance is the knowledge of Higher Mathematics. Calculations are required when carrying out case-studies on Corporate Finance in the following fields:

1. **The nature and organization of corporate finance:** financial performance of the economic entity; basic principles of effective management of corporate finances; ways to ensure financial stability.

2. Corporate reporting and presenting financial information: standards of disclosure for corporate financial information; basics of financial analysis.

3. Financial resources and capital of the corporation: capital structure and its price; appropriateness and efficiency of the use of borrowed funds by a corporation; fixed capital and working capital.

4. Financial policy of the corporation: the role of the financial manager and financial analyst in the development and implementation of financial policies; accounting and tax policies of the corporation; credit policy and management of borrowed funds.

5. Financial environment of business, and entrepreneurial risks: criteria to recognize an impending bankruptcy; quantitative methods for estimating the probability of bankruptcy; models of bankruptcy.

6. Asset Management: operating, production and financial cycles of the business entity; the needs of the corporation for working capital; composition and structure of monetary assets; model for determining the optimal balance of monetary assets in the planned period

7. Cost management and financial performance of the corporation: operational analysis and optimization of production costs; relationships between the volume of production, sales, expenses and net income [4, P. 63-65].

Discussion

As an example we can refer to the pedagogical experiment on developing the skills of case-analyses among the students of Economics which was carried out in 2014-15 by the Mathematics Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation. The experiment was split into three phases under the general title "Mathematical models in solving economic problems» [3, P. 158-166].

The first (group) phase of the experiment was carried out by a team of teachers at the workshop on mathematical analysis. The experiment involved 13 groups of student. Discussion topics were related to economic applications of mathematical analysis, traditionally designed for self-study: arachnid market model; elasticity of demand and the tax burden; income and tax optimization. Each student group was split into 3-4 teams of four participants.

It should be noted that the suggested typical tasks belonging to the course of mathematical analysis on economic applications are usually unexpressive and do not raise interest among students. That is the reason why the idea of offering the students to find a practical situation, in which a certain mathematical model can be used, turned out to be fruitful. Students willingly investigated the chosen cases and presented them to their groupmates. Both the presenting team and other teams' participants showed a keen interest in cases under discussion. The following situations appeared to be especially topical and disputable: crisis in the UK pig production due to Russian anti-sanctions; optimization of turkey meat production by "Evrodon" company; redistribution of the tax burden in "Apple" company, due to the fall of the ruble in 2014; computation of the optimal output of JSC AvtoVAZ and the calculation of the optimal tax rate for the automotive industry.

Within 10-15 minutes at each scheduled workshop the teams submitted the results of their case-study in the form of Power Point presentations, and all the other students, except the participants, scored them, fixing results in specially designed forms. Then the Accounts Commission gathered the forms, drew the balance, and the teacher registered the average score. The best team in the student group passed on to the next (faculty) phase.

The second phase of the experiment was a contest between the teams. Students were offered a particular economic case without specifying precise mathematical tools to be applied, but supplied with a number of details. The problem situation was followed by three options for the investment of young entrepreneurs' capital on a 4-year basis: small business, securities portfolio (investment portfolio/securities holding) or bank deposits. Decision making involved the most efficient investment plan for each year of the proposed options and also the answer to the question: what maximum profit young entrepreneurs would get, if they chose an optimum alternative for each of the four years.

The jurors of the case-championship indicated the use of effective mathematical algorithms (in particular, determination of the coefficient of Sharpe to compare risks and determine the effectiveness of the asset) as the special advantage of the winners. The four winning teams of the second phase became finalists of the third and final (university) phase of the experiment.

The third phase of the experiment was launched as a pilot inter-faculty final of a case-championship for the students of "Mathematical models in solving economic problems" within the framework of the traditional international scientific student Congress (ISSC). For the final phase the classical model of case analyses was used. The suggested case referred to the particular problem situation not only in Russia but also abroad: the management of a company producing a certain product decides whether it is profitable for the company to break into a foreign market in order to increase profit, provided the optimum prices and volume of current demand are known. To solve the problem, it was necessary to estimate the discounted cash flow, with the view to the forecasted taxes and export duties in each of the countries for the period of the next five years. Thus, the final phase of the experiment implied the wider use of interdisciplinary links and activity in finding and processing the required information [1, P. 52-56].

Analysis of the events in question showed that the free use of mathematical terminology in English would allow students to use information resources in case analyses and related decision making more efficiently. For the analysis of a case students are offered a variety of tasks: to systematize and analyze the in-put text, make the Internet request for details of the situation etc. Results should be submitted either in the form of a written analytical note, or in the form of a multimedia presentation. Only after substantial preparatory work, students go on to debate, work out and make a decision [1, P. 52-56].

Case analysis made by a student is considered to be satisfactory if:

- most of the problems in the case were not only articulated but also analyzed;
- largest possible number of calculations were made;
- own conclusions were made on the basis of information about the case;
- written reports submitted on the case meet the requirements.

The traditional 5-point system of evaluation is ill-suited for evaluating a student's progress in analyzing cases. This system does not allow for a differentiated approach to the evaluation of the preparatory work and students' activities during

discussion. Currently, we use a 10-point system in assessing case analysis, and a 20-point system for case analysis accompanied by the role-play.

Conclusion

Thus we may conclude that the interdisciplinary interaction of educational knowledge where a student develops both the professional area content and foreign language competence proves to be most efficient. Language propaedeutics of the use of mathematical apparatus when analyzing cases on Corporate Finance in English is an integral part of such interaction and contributes to educational professional orientation. The techniques of case analyses and the ways to develop skills in problem identification, decision making and communication are more efficient provided there is close collaboration between teachers of special disciplines and a foreign language when materials in a foreign language are used.

Список литературы / References

1. Дубинина Г. А. Обеспечение дисциплин математического цикла для направлений «экономика» и «менеджмент» иноязычной поддержкой / Г. А. Дубинина, И. К. Степанян // Стандарты и мониторинг в образовании. - 2015. - Т. 4. № 3. - С. 52-56. DOI: 10.12737/12370
2. Английский язык: экономика и финансы: учебник в 4 ч. / Г.А. Дубинина, [и др.] – 4-е изд., перераб. и доп. -М.: Финуниверситет, 2016. – 1010 с.
3. Коннова Л.П. Реализация компетентного подхода при обучении математике в экономическом университете средствами кейс-метода / Л. П. Коннова, А. А. Рылов, И. К. Степанян // Стандарты и мониторинг в образовании. 2016. Т. 3. № 6. С. 28-31. DOI: 10.12737/17278
4. Паштова Л.Г. Практико-ориентированное обучение экономистов посредством применения кейсов по корпоративным финансам / Л.Г. Паштова. – Гуманитарная образовательная среда технического вуза: материалы международной научно-методической конференции (11-13 мая 2016 гг.) – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. – с.63-65.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dubinina G.A. Obespechenie discipline matematicheskogo tsicla dlya napravleniy "ekonomika" i "menedgment" inoyasichnoy poddergkoi [Providing disciplines of mathematical cycle for Economics and Management with a foreign language support] / G.A. Dubinina, I. K. Stepanian // Standards and monitoring for education. 2015. G. 4. № 3. p. 52-56. DOI: 10.12737 / 12370 H2 [in Russian]
2. English: Economics and Finance. Textbook in 4 parts. / G.A. Dubinina and others – fourth edition, revised and enlarged - M.: Finuniversitet, 2016. – 1010 p.
3. Konnova L.P. Realizacija kompetentnostnogo podhoda pri obuchenii matematike v jekonomicheskom universitete sredstvami kejs-metoda [Elements of integrative approach to basic mathematical training of economists] / L.P. Konnova, A.A. Rylov, I.K. Stepanyan. Financial University Bulletin. 2016. V 20. I 5. p 158-166. [in Russian]
4. Pashtova L.G. Praktiko-orientirovannoe obuchenie ekonomistov posredstvom primininiya keisov po korporativnim finansam [Practice-oriented economists training through the use of case studies in corporate finance]. / L.G. Pashtova. - The humanitarian educational environment of a technical college: Proceedings of the International Scientific Conference (11-13 May 2016). – p.63-65. [in Russian]

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.162

Кожевникова И.А.¹, Гатина А.М.²¹ORCID: 0000-0002-8408-3637, Кандидат педагогических наук, доцент, Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета²ORCID: 0000-0002-4730-5288, Соискатель,

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ, СПОРТУ И ТУРИЗМУ**Аннотация**

В статье рассматриваются способы определения основного содержания, средств и методов формирования у будущих специалистов по физической культуре, спорту и туризму высокой степени готовности к воспитательной работе. Важная предпосылка успеха в совершенствовании социально-воспитательной работы – органическое сочетание культурно-массовой и творческой деятельности студентов. Данная работа представляет некоторые концептуальные положения, необходимые для построения поликомпонентной модели подготовки будущих специалистов. Результативность воспитательной работы, основанной на системном подходе, будет представлена эмпирическими данными, полученными в ходе эксперимента.

Ключевые слова: воспитательный процесс, готовность к воспитательной работе, обучение, физическая культура, специалист по физической культуре, спорту и туризму.

Kozhevnikova I.A.¹, Gatina A.M.²¹ORCID: 0000-0002-8408-3637, PhD in Pedagogy, Neftekamsk branch of Bashkir state University²ORCID: 0000-0002-4730-5288, Postgraduate student Neftekamsk branch of Bashkir state University**FORMATION OF READINESS TO THE EDUCATIONAL WORK OF FUTURE SPECIALISTS IN PHYSICAL CULTURE, SPORTS AND TOURISM****Abstract**

The article discusses how to identify main content, means and methods of formation of future specialists in physical culture, sport and tourism high degree of readiness to educational work. An important precondition of success in the improvement of socio-educational work is an organic combination of cultural and creative activities of students. This work presents some conceptual provisions that are required to build multi-component model of training of future specialists. The performance of educational work, based on a systems approach, will be presented the empirical data obtained in the experiment.

Keywords: educational process, readiness for educational work, training, physical culture, specialist in physical culture, sports and tourism.

Образовательный процесс высшей профессиональной школы в настоящее время характеризуется, как правило, интенсификацией, технологизацией и частыми инновациями. Радикальные изменения основных принципов жизнедеятельности современного общества влекут за собой необходимость критического переосмысления сущности и функционального назначения воспитательного процесса [1, С. 380].

В социокультурной сфере жизнедеятельности общества становится востребованной профессионально-компетентная личность с высокой степенью готовности к воспитательной работе. Однако учебные заведения по-прежнему ориентируются на узконаправленную подготовку в конкретной области социокультурной деятельности.

Анализ научно-методической литературы, педагогических наблюдений и опроса специалистов свидетельствуют о том, что существующая методика подготовки будущих специалистов по физической культуре, спорту и туризму к воспитательной работе еще несовершенна. На сегодняшний день выпускник вуза должен сочетать профессиональный подход с навыками воспитательной работы, в полной мере владеть профессионально-педагогическими компетенциями, а так же обладать общей культурой личности.

Имеются исследования по отдельным аспектам организации воспитательной работы общеобразовательной школы [2, С. 18], новым технологиям воспитания [3, С. 35].

Проблема подготовки специалистов по физической культуре, спорту и туризму в вузе, с высокой степенью готовности к воспитательной работе является актуальной. Цель проводимого нами исследования заключается в определении основного содержания, методов и средств формирования у будущих специалистов по физической культуре, спорту и туризму высокой степени готовности к воспитательной работе в школе.

На первом этапе исследования (этапе педагогического эксперимента, проводимого на базе Камского государственного института физической культуры и Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета) мы определили, что процесс формирования у будущих специалистов по физической культуре, спорту и туризму готовности к воспитательной работе будет эффективным, если при планировании содержания и методов воспитательной работы ориентироваться на:

- модель формирования личности выпускника физкультурного вуза [2, С. 19],
- формы, которые будут учитываться при организации воспитательной работы в вузе,
- дидактические принципы педагогики при формировании «пирамиды» компетенций.

Центральной идеей предлагаемой нами методики является разработка поликомпонентной модели подготовки будущих специалистов по физической культуре, спорту и туризму к воспитательной работе и ее обработка в условиях педагогического эксперимента, а также выявление педагогических условий эффективного функционирования данной модели.

Образование интегрирует формы воспитательного воздействия и содержание учебного процесса (обучая воспитываем, воспитывая обучаем). Учебный и воспитательный процессы взаимно дополняя друг друга, носят системный характер, имеют много общего, но при всем переплетении форм и содержания возникает необходимость их дифференцировать. Воспитательный процесс реализует педагогическое мастерство преподавателей вуза через неисчерпаемый потенциал студенчества. Обучение является обоюдным процессом, где высокий профессионализм преподавателей нуждается в адекватном контингенте, способном принять, понять, воспринять и усвоить содержание образования. Мы считаем, что мотивация учебной деятельности в первую очередь формируется под влиянием активной жизненной позиции, которая развивается преимущественно во внеаудиторном интервале времени и мероприятиях, нацеленных на свободное время студентов [4, С. 104].

Общественная активность принимает самые различные формы, имея при этом вариативное содержание. Внеаудиторная воспитательная работа основывается на принципах позитивной социализации и достигается через реализацию задач:

- создать систему, развивающую у студентов мотивацию к внеаудиторной воспитательной работе;
- укрепить и сохранить лучшие традиции студенчества;
- обеспечить адаптацию студентов первого курса к новым условиям с использованием форм внеучебной работы;
- изучить интересы, творческие склонности студентов, сформировать их ценностную ориентацию и активную жизненную позицию;
- подобрать и подготовить студентов для активного участия во внеаудиторной воспитательной работе,
- создать профессиональные структуры и органы самоуправления;
- разработать инновационные формы и методы внеаудиторной воспитательной работы, соответствующие интересам и потребностям студентов;
- обеспечить педагогический инновационный поиск;
- развить студенческое самоуправление, как форму практической подготовки студента к роли организатора внеклассной и внешкольной работы;
- пропагандировать здоровый образ жизни и др.

Разработка критериев оценивания по каждому направлению и аспекту воспитательной работы носит системный характер и отражает деятельность как педагогического коллектива, так и студенческую жизнь, включая академические занятия.

Реализация системного подхода на практике выявила объективность ряда критериев, особенно при анализе и оценке общественной активности студенческой молодежи. К их числу могут быть отнесены: стабильность и четкость деятельности всех звеньев системы; массовость участия в мероприятиях; многогранность охвата проблем; креативность, самостоятельный поиск новых форм работы; качество участия, результативность участников конкурсов, соревнований, вечеров, акций, фестивалей; отсутствие правонарушений среди студентов; уровень претензий к качеству проведения культурно-массовых мероприятий; стремление реализовать себя и профессиональной деятельности педагога; реализация индивидуального потенциала каждого студента.

Современное общество характеризуется значительными переменами, которые оказывают как созидательное, так и деструктивное влияние на жизнь человека. В этих условиях образование становится фундаментальным средством формирования критичной, а значит, думающей, размышляющей личности. Именно от образования зависит, сможет ли российское общество осознать, нравственно оценить все социальные процессы и их последствия, а если нужно, то и проявить гражданскую активность [6, С. 9].

Профессионально организованное воспитание может стать средством возрождения национальной культуры общества, предотвращения социальной деградации, восстановления нравственности. Особая роль в осуществлении этого процесса принадлежит компетентному педагогу, способному создать модель гуманистических, нравственных отношений, без которых невозможно полноценное воспитание и развитие человека, как члена общества. Понятие профессионально-педагогической компетентности педагога предполагает единство его теоретической (знания) и практической (компетенции) готовности к осуществлению педагогической деятельности. Длительный, сложный процесс формирования профессионально-компетентной личности педагога начинается в вузе, учебно-воспитательный процесс в котором включает, с одной стороны, последовательное усвоение системы теоретических знаний, характеризующих современный уровень развития теории воспитания, с другой - обязательный практический опыт воспитательной работы [2, С. 18].

Важной составляющей процесса формирования будущего специалиста, способного к проведению системной работы с учащимися в единстве нравственного, трудового, гражданского, физического, эстетического воспитания, является педагогическая практика. Она помогает будущему специалисту увидеть прикладную, практическую направленность теории и методики воспитания, активно и интегрировано использовать теоретические знания при решении различных воспитательных задач, а значит, способствует формированию тех компетенций, которые необходимы для успешного осуществления воспитательного процесса. Кроме того, педагогическая практика позволяет студенту в полной мере осознать свое нравственное положение в обществе и ответственность за качество воспитания будущего гражданина, а значит, за будущее страны [3, С. 162].

По результатам проведенного исследования были определены содержание, методы и средства формирования у будущих специалистов по физической культуре, спорту и туризму высокой степени готовности к воспитательной работе в школе. Мы считаем, что в процессе этой подготовки основной акцент необходимо делать на развитие и коррекцию таких качеств личности студенческой молодежи, как коллективизм, нравственность и гражданственность.

Таким образом, приоритетным направлением социально-воспитательной работы в вузе является организация культурно-массовой и творческой деятельности студентов, способствующая саморазвитию личности и формированию высокой степени готовности к воспитательной работе.

Список литературы /References

1. Гатина А.М. Формирование и значение степени готовности к воспитательной работе у будущих специалистов по физической культуре и спорту //Материалы III студенческой заочной Международной научной конференции «Инновации и перспективы физической культуры и спорта в современном обществе» в 2-х томах. – Иркутск: ФГБОУ НИ ИрГТУ, Том I. - 2014. – С. 380-383.
2. Кузьмин В.С. Курс «Педагогическое физкультурно-спортивное совершенствование» как средство профессионально-творческой подготовки учителей физической культуры //Теория и практика физической культуры. – 2001. №11. С. 18-19.
3. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий: Пособие для преподавателей /А.К. Колеченко. – Спб.: КАРО, 2006. – 368 с.
4. Волкова М.В. Формирование личности школьников на основе интеграции педагогических технологий: теоретико-методологический аспект /М.В. Волкова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – 228 с.
5. Остапенко А.А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технология /А. А. Остапенко. – М.: Нар. образ., НИИ шк. техн., 2005. – 384 с.
6. Бодина Е.А., Ащеулова К.В. Педагогические ситуации: Пособие для преподавателей педвузов и классных руководителей средних школ. – М.: Школьная Пресса, 2000. – 96 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gatina A.M. Formirovanie i znachenie stepeni gotovnosti k vospitatel'noj rabote u budushhih specialistov po fizicheskoj kul'ture i sportu [The formation and the value of the degree of readiness to the educational work of future specialists in physical culture and sports] // Materialy III studencheskoj zaochnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Innovacii i perspektivy fizicheskoj kul'tury i sporta v sovremennom obshhestve» v 2-h tomah [Proceedings of the III International student extramural scientific conference "Innovations and prospects of physical culture and sport in contemporary society," in 2 volumes]. – Irkutsk: FGBOU NI IrGTU, Tom I.- 2014. – P. 380-383. [in Russian]
2. Kuzmin V.S. Kurs «Pedagogicheskoe fizkul'turno-sportivnoe sovershenstvovanie» kak sredstvo professional'no-tvorcheskoj podgotovki uchitelej fizicheskoj kul'tury [The course "Pedagogical fizkul'turno-sports perfection" as a means of professional and creative training of teachers of physical culture] //Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury [Theory and practice of physical culture]. – 2001. №11. P. 18-19. [in Russian]
3. Kolechenko A.K. Jenciklopedija pedagogicheskikh tehnologij: Posobie dlja prepodavatelej [Encyclopedia of pedagogical technologies: Textbook for teachers] /A.K. Kolechenko. – Spb.: KARO, 2006. – 368 p. [in Russian]
4. Volkova M.V. Formirovanie lichnosti shkol'nikov na osnove integracii pedagogicheskikh tehnologij: teoretiko-metodologicheskij aspekt [The formation of personality of students through the integration of pedagogical technologies: theoretical and methodological aspect] /M.V. Volkova. – Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2006. – 228 p. [in Russian]
5. Ostapenko A.A. Modelirovanie mnogomernoj pedagogicheskoy real'nosti: teoriya i tehnologiya [Modeling multidimensional educational reality: theory and technology] / A. A. Ostapenko. – M.: Nar. obraz., NII shk. tehn., 2005. – 384 p. [in Russian]
6. Bodina E.A., Ashheulova K.V. Pedagogicheskie situacii: Posobie dlja prepodavatelej pedvuzov i klassnyh rukovoditelej srednih shkol [Pedagogical situations: a Handbook for teachers of teacher training institutions and headteachers of secondary schools]. – M.: Shkol'naja Pressa [School Press], 2000. – 96 p. [in Russian]

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструментарий ScienceIndex.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.179

Котляров А.Д.

Кандидат педагогических наук, Уральский государственный университет физической культуры
РАЗВИТИЕ ГИБКОСТИ У МАЛЬЧИКОВ 8-9 ЛЕТ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРЫЖКАМИ В ВОДУ**Аннотация**

В данной статье рассматриваются методические подходы по развитию гибкости у мальчиков 8-9 летнего возраста, занимающихся прыжками в воду. Приводятся показатели физического развития детей до начала педагогического эксперимента. Подвижность в суставах определялась в следующих тестовых упражнениях – сгибание туловища вперед; гимнастический мост; продольный «шпагат». Тестирование проводилось ежемесячно на протяжении трех месяцев. Определено, что развитие гибкости с использованием активных и пассивных упражнений, в соотношении 50% на 50%, эффективнее программы с применением только пассивных упражнений. Приводятся результаты педагогического эксперимента, дается общее заключение. Результаты исследований могут быть использованы тренерами по прыжкам в воду, работающим с мальчиками 8-9 летнего возраста.

Ключевые слова: прыжки в воду, подвижность в суставах, мальчики, активные, пассивные упражнения.

Kotlyarov A.D.

PhD in Pedagogy, Ural State University of Physical Culture

DEVELOPMENT OF FLEXIBILITY OF 8-9 YEARS OLD BOYS PRACTICING WATER JUMPING**Abstract**

This article discusses the methodological approaches to the development of flexibility of 8-9 years old boys, practicing water jumping. The indicators of the physical development of children before the start of the pedagogical experiment are presented in the paper. The mobility in joints is determined in the following test exercises – forward soma bending; gymnastic bridging; forward split. The testing has been conducted monthly for three months. It is determined that the flexibility increased better when using active and passive exercises (a ratio of 50% to 50%), and more effective than in case of programs with passive exercise only. The results of the pedagogical experiment are given as well as the general conclusion. Trainers in water jumping who work with 8-9 years old boys can use the results of this research.

Keywords: water jumping, mobility in joints, boys, active, passive exercises.

В прыжках в воду, гибкость, наряду со скоростными и координационными способностями, является определяющим физическим качеством. Рассматриваемое качество необходимо систематически развивать с раннего возраста [1, С. 123]. Обобщенно гибкость (говоря в целом) или подвижность в суставах (в частности) рассматривается как морфофункциональное свойство опорно-двигательного аппарата человека, определяющее максимальные пределы движений звеньев тела [2, С. 121].

Спортсмены, обладающие высокой подвижностью в суставах, могут выполнять движения с большой амплитудой, создавать более быстрое вращение при выполнении прыжков в положении согнувшись и в группировке. При условии хорошего развития рассматриваемого качества прыгун в воду сможет продемонстрировать прыжок высокого уровня [3, С. 23]. В доступной научно-методической литературе, на наш взгляд, не нашло должное обоснование вопроса о целесообразности использования активных и пассивных упражнений для развития подвижности в суставах у юных прыгунов в воду.

Педагогический эксперимент проводился на базе МБУДО СДЮСШОР № 7 по водным видам спорта г. Челябинска во время тренировочного процесса группы начальной подготовки по прыжкам в воду. Всего в исследовании приняло участие 29 детей в возрасте 8-9 лет, которые были разделены на две группы: экспериментальной (13 человек) и контрольной (16 человек).

Был проведен констатирующий педагогический эксперимент для исследования подвижности в суставах при выполнении следующих упражнений – сгибание туловища вперед; гимнастический мост; продольный шпагат.

В первом упражнении оценка подвижности у занимающихся определялась на основании абсолютных значений, во втором и в третьем упражнении рассчитывались индивидуальные и средние групповые значения с учетом роста занимающихся.

Для определения эффективности различных методик по развитию подвижности в суставах у мальчиков 8-9-лет, которые занимались прыжками в воду, был проведен педагогический эксперимент. Экспериментальная группа проводила тренировочные занятия, направленные на развитие подвижности по смешанному типу (использовались как активные упражнения, так и пассивные для развития подвижности в суставах динамической и статической направленности). Контрольная группа использовала активные упражнения статической направленности.

Первая группа испытуемых проводила учебно-тренировочные занятия по смешанному типу: с использованием упражнений, направленных на развитие активной и пассивной подвижности в соотношении 1:1. Вторая – проводила занятия преимущественно статической направленности.

Эксперимент проводился в условиях естественной тренировки в течение трех месяцев. В течение 12 микроциклов в каждой группе проводились учебно-тренировочные занятия по 1,5 часа, где на протяжении 45 минут отводилось специализированным упражнениям на развитие подвижности в суставах.

В каждом микроцикле было проведено по три занятия на развитие подвижности у занимающихся мальчиков-прыгунов в воду.

Педагогический эксперимент проводился с сентября по декабрь 2014 года. Для анализа экспериментальных данных использовались общепринятые методы математической статистики.

Первичное обследование детей в ходе педагогического эксперимента показало, что принципиальных различий по уровню физического развития подвижности суставов у мальчиков 8-9 летнего возраста экспериментальной и контрольных групп не обнаружено (таблицы 1 и 2).

Таблица 1 – Показатели физического развития мальчиков 8-9 лет в начале педагогического эксперимента (n=29)

Показатели	ЭГ М ± m	КГ М ± m	p
Вес (кг)	18,2 ± 2,4	20,1 ± 2,0	> 0,05
Рост (см)	120,8 ± 4,7	121,5 ± 4,3	> 0,05
ОГК (см)	59,3 ± 1,1	58,9 ± 1,3	> 0,05

Примечание: М – среднее арифметическое значение результатов тестирования; m – стандартная ошибка среднего арифметического значения; t – t критерий Стьюдента; p – уровень значимости; КГ – контрольная группа; ЭГ – экспериментальная группа.

Таблица 2 – Показатели развития подвижности суставов мальчиков 8-9 лет в начале педагогического эксперимента (n=29)

Тесты	ЭГ М ± m	КГ М ± m	t	p
Наклон вперед (см)	1,1 ± 0,2	1,3 ± 0,1	0,89	> 0,05
Мост (см/отн)	34,2 ± 0,8	34,0 ± 0,4	0,22	> 0,05
Шпагат (см)	2,2 ± 0,3	2,0 ± 0,5	0,34	> 0,05

Результаты повторного тестирования показали, что через два месяца систематических занятий у испытуемых экспериментальной и контрольной групп произошли улучшения подвижности в суставах, но не в равной степени. Полученные данные представлены в таблице 3 и на рисунке 1.

Таблица 3 – Показатели развития подвижности суставов мальчиков 8-9 лет через два месяца учебно-тренировочных занятий (n=29)

Тесты	ЭГ М ± m	КГ М ± m	t	p
Наклон вперед (см)	7,4 ± 1,2	3,6 ± 0,9	2,53	< 0,05
Мост (см/отн)	44,6 ± 0,9	40,5 ± 1,1	2,88	< 0,05
Шпагат (см)	6,5 ± 0,8	4,1 ± 0,6	2,40	< 0,05

Наибольшие сдвиги у занимающихся в экспериментальной и контрольной группах отмечаются в наклоне вперед (18,6% и 15,7% соответственно), в контрольном упражнении «шпагат» – на 14,5% и 13,6% соответственно. Наименьшие темпы прироста у занимающихся отмечаются в контрольном упражнении «мост» на 4,5% и 3% соответственно.

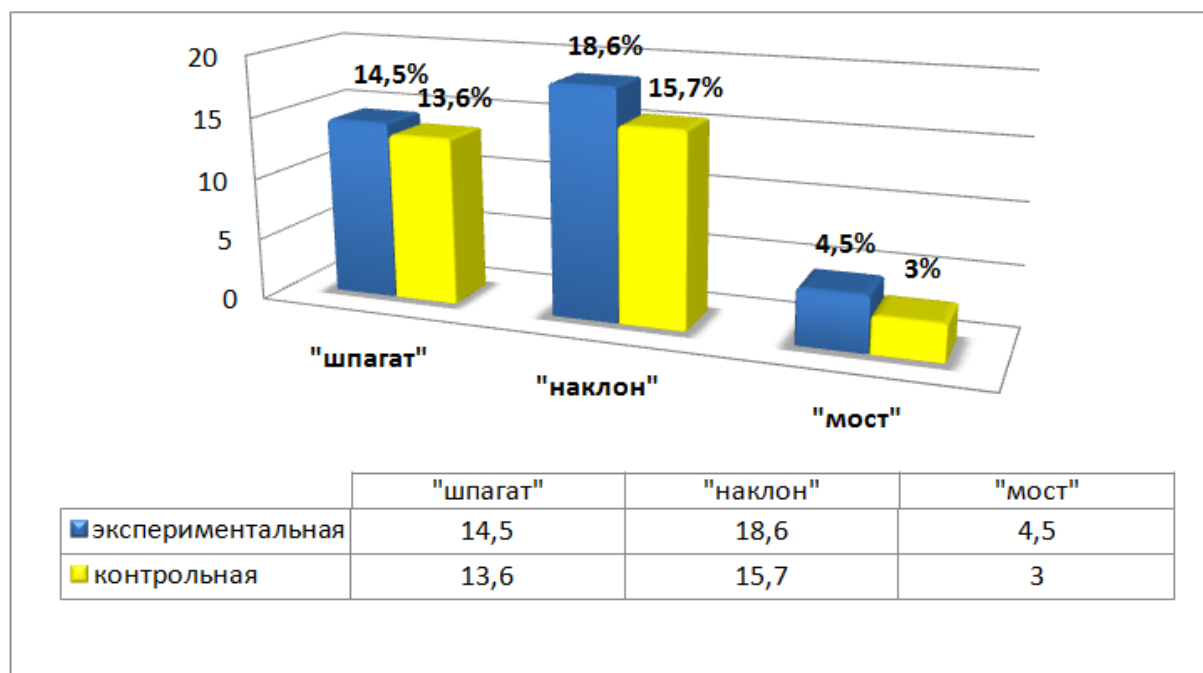

Рис. 1 – Диаграмма темпов прироста подвижности суставов в контрольных упражнениях после двух месяцев занятий

Статистически значимые различия в рассматриваемых показателях были выявлены ко второму тестированию ($p < 0,05$), где показатели детей из второй группы в упражнениях «шпагат» и «наклон вперед» выше.

Если сравнивать результаты эксперимента в обеих группах, то уровень развития гибкости у детей экспериментальной группы, которые занимались по предложенным нами комплексам упражнений выше, чем у детей контрольной группы, которые занимались по общепринятой методике. Так же очевиден более существенный прирост результатов у детей экспериментальной группы.

Через месяц после второго тестирования были проведены контрольные испытания по тем же тестам. Результаты заключительного обследования детей представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Показатели развития подвижности суставов мальчиков 8-9 лет после эксперимента ($n=29$)

Тесты	ЭГ $M \pm m$	КГ $M \pm m$	t	p
Наклон вперед (см)	$10,3 \pm 1,2$	$5,3 \pm 1,5$	2,60	$< 0,05$
Мост (см/отн)	$51,9 \pm 1,7$	$46,2 \pm 1,3$	2,66	$< 0,05$
Шпагат (см)	$9,1 \pm 0,7$	$6,4 \pm 1,0$	2,21	$< 0,05$

Анализ результатов тестирования показал:

– темпы прироста подвижности у испытуемых снизились значительно (рисунок 2);
– дети экспериментальной группы, использующие в своей подготовке упражнения смешанного типа для развития активной и пассивной подвижности, имеют более высокие темпы прироста. Так, в показателях «наклон вперед» темп прироста составил соответственно 4,5% и 3,0% в; в упражнении «мост» – 3,5% и 1,6% соответственно; в упражнении «шпагат» – 2,2% и 1,8%.

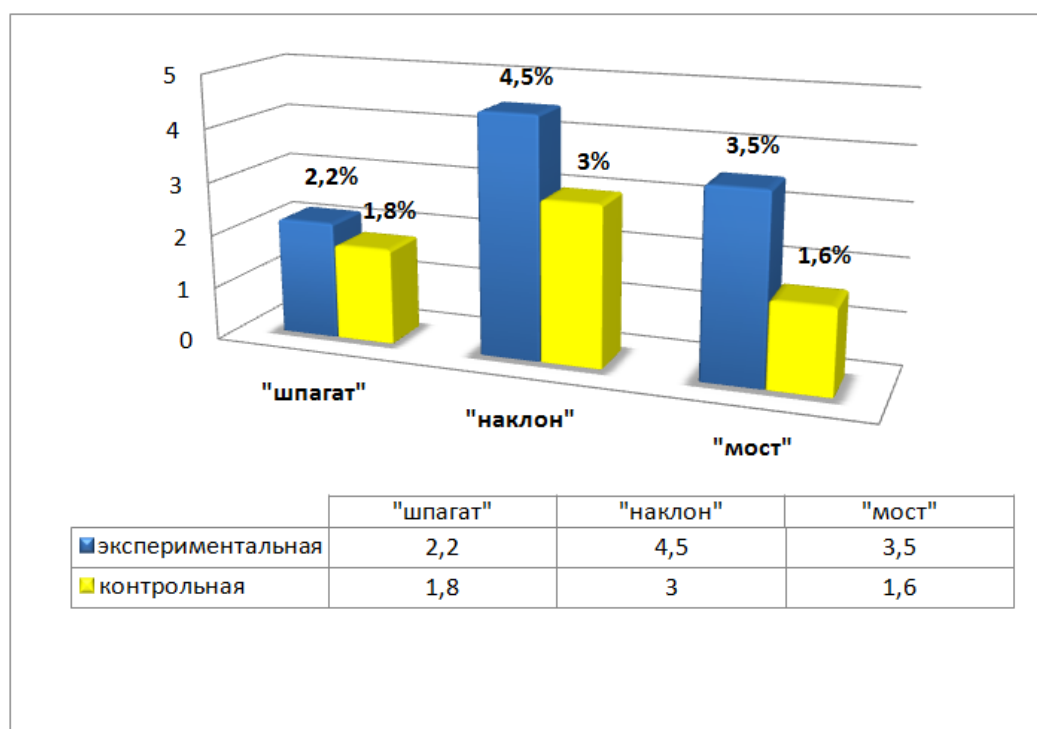

Рис. 2 – Диаграмма темпов прироста подвижности суставов в контрольных упражнениях между вторым и третьим тестированием

В рассматриваемых тестах, как в контрольной, так и в экспериментальной группе, произошли статистически достоверные изменения ($p < 0,05$). Это объясняется, по всей видимости, тем, что как в контрольной, так и в экспериментальной группах применялись специальные упражнения и методы, что позволило повысить уровень развития подвижности в суставах.

Можно предположить, что полученные изменения, произошедшие за три месяца в ходе педагогического эксперимента, могут быть более значимыми в процессе дальнейшего использования предлагаемой нами методики для развития подвижности у мальчиков 8-9-летнего возраста, занимающихся прыжками в воду.

Список литературы / References

1. Холодов, Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта : учеб. пособие / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – М. : Академия, 2010. – С. 123.
2. Холодов, Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта : учеб. пособие / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – М. : Академия, 2010. – С. 121.
3. Водные виды спорта : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Н. Ж. Булгакова, М. Н. Максимова, М. Н. Маринич и др.; под общ. ред. Н. Ж. Булгаковой. М. : Издательский центр «Академия», 2003. – С. 23.

Список литературы на английском языке / References in English

- 1 Colds G. K. Teorija i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta : ucheb. Posobie [Theory and methodology of physical education and sport : of studies. Manual] / G. K. Colds, B. C. Kyznecov. - M. : Academy, 2010. - P. 123. [in Russian]
2. Colds, G. K. Teorija i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta : ucheb. posobie [Theory and methodology of physical education and sport : of studies. Manual] / G. K. Colds, B. C. Kyznecov. - M. : Academy, 2010. - P. 121. [in Russian]
3. Vodnye vidy sporta : uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Watersports : Textbook for student of institutions of higher education] / M. N Marinich; M. N. Makcimova and others; under ed. N. G. Bylgakova. M. : the Publishing center "Academy", 2003. - P. 23. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.095**Лопатина А.Б.**

Кандидат педагогических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БОРЦОВ НА СБОРАХ**Аннотация**

Описана актуальность проблемы организации проведения исследования в условиях сборов высоко квалифицированной команды страны по единоборствам. Особенность подготовки связана с тем, что у всех спортсменов, принимающих участие в подготовительных мероприятиях к ответственному старту, имеется и личный, и общий план проведения сборов. Сложности испытывают специалисты научных групп, проводящих исследования на сборе команд, занимающихся высоко травматичными видами спорта, такими как все виды единоборств.

Ключевые слова: сборы, борьба, нагрузка.**Lopatina A.B.**

PhD in Pedagogy,

Perm National Research Polytechnic University

ORGANIZATION OF RESEARCH OF WRESTLERS AT TRAINING CAMPS**Abstract**

The importance of the problem of study organization under the conditions of training camp with a high qualified team in martial arts is described in the paper. The peculiarity of the training is concerned with the fact that all athletes taking part in the training camp for the responsible start, have both personal and general plan of the training. Professional scientific teams conducting research on the training camp experience difficulties concerned with highly traumatic sports such as all kinds of martial arts.

Keywords: taxes, wrestlers, load.

Целью настоящей работы является описание организационных средств и способов проведения научно – практического исследования в рамках комплексного углубленного специального обследования в условиях учебно – тренировочных сборов команды страны по дзюдо.

Основное комплексное углубленное медицинское обследование команда проходит регулярно в условиях, специально для этого запланированных графиком проведения тренировочных занятий и соревнований, планом. Для реализации этой цели все члены сборной команды страны по дзюдо, в специально высвобожденные дни и часы, собираются в пункте сбора, в котором, либо уже заготовлены площадки и специалисты для проведения осмотра, либо спортсмены помещаются и размещаются в специальных научно – исследовательских учреждениях, где и проводится само обследование в виде скрининговых процедур. После проведения первичного скрининга, анализируются все полученные результаты, что позволяет разграничить выделить два потока спортсменов. В первый поток спортсменов зачисляются те лица, результаты скрининговых тестов которых, удовлетворяют требованиям возрастных и физиологических норм, а также не нуждаются в коррекции каких - либо показателей, поскольку не приводят и не могут привести к развитию расстройств, в том числе и функциональных, что помешало бы спортсменам вести привычный уклад спортивной жизни и не влияет на профессиональные карьерные планы в выбранном виде спорта.

Вторую группу спортсменов составляют те, скрининговые исследования которых, не удовлетворяют нормам и нормативам, даже с учетом профессиональных спортивных корректировок. Данная группа спортсменов нуждается в:

- 1) дополнительном обследовании
- 2) углубленном обследовании
- 3) специальном и / или специализированном обследовании
- 4) коррекции выявленных нарушений
- 5) амбулаторной помощи
- 6) специализированной медицинской помощи в условиях стационара и / или специализированного стационара (например, специализирующегося на лечении травм и посттравматических последствий какой – либо определенной системы организма)
- 7) коррекции выявленных нарушений, не являющихся прямым следствием ведения профессиональной спортивной деятельности, но оказывающих влияние на жизнедеятельность всего организма спортсмена, в том числе и на его адаптивные способности
- 8) специализированной и / или узкоспециализированной медицинской помощи (например, коррекции зрения)
- 9) профессиональной дисквалификации

Для достижения высокого результата применяются специально разработанные учебно – тренировочные планы, предусматривающие последовательное вхождение в режим выполнения интенсивных, высоко интенсивных, а в некоторых случаях даже и околопредельных тренировочных нагрузок. Помимо этого, согласно учебно – тренировочного плана, необходимо соблюдение периодики выполнения тренировочной и соревновательной работы, что закладывается тренером – преподавателем в учебно – тренировочный план изначально и разбивается на отдельные микроциклы. При выполнении такого рода и объема физической работы, спортсмен, конечно же испытывает огромное нервно-психическое напряжение.

Чаще всего средством и методом восстановления организма спортсменов в период физических нагрузок становятся физические факторы (баня), физиотерапия и рациональная фармакологическая поддержка. В предыдущих исследованиях [1] была показана и доказана высокая результативность применения различных восстановительных мероприятий, вводимых в цикл тренировок, проводящихся в рамках учебно – тренировочных сборов. Такие восстановительные мероприятия были рассчитаны на то, что при постоянном выполнении тренировочной физической нагрузки, происходит привыкание организма к физическим нагрузкам и стрессу, которое должно закрепиться в виде долгосрочного и более надежного функционального механизма. При этом применение разного рода восстановительных методик, с одной стороны, закрепляет сформированный приспособительный результат, а с другой стороны, является самостоятельным тренирующим фактором, который тоже вносит свой вклад в достижение искомого приспособительного результата.

Работа проводилась на тренировочной базе в период учебно - тренировочных сборов команды страны по единоборствам, в момент подготовки борцов к ответственным международным соревнованиям.

Углубленное обследование функционального и специального спортивного статуса всех единоборцев, проводилось специально подготовленной для этого командой профессиональных медиков, тренеров, организаторов. Осуществлялось как медицинское обследование и допинг–контроль, так и исследование общей и специальной работоспособности спортсменов. Испытуемые единоборцы были разделены на 3 равные группы. Группы участников исследования были сопоставимы по всем значимым признакам (полу, возрасту, виду спорта, спортивной квалификации, клинко-функциональным показателям) и насчитывали по 32 человека в каждой.

Спортсмены первой группы принимали только новые инновационные препараты, зарегистрированные на территории Российской Федерации и разрешенные к применению на территории РФ.

Борцы второй группы принимали инновационные препараты в сочетании с комплексными средствами реабилитации, принятыми к употреблению в условиях данной команды и разрешенные к применению на территории РФ.

Атлеты третьей группы принимали только комплексные средства реабилитации, принятыми к употреблению в условиях данной команды и разрешенные к применению на территории РФ.

Организация проведения данного исследования была сопряжена с решением ряда организационных и правовых задач, среди которых:

1. Согласование цели проведения данного исследования с главным тренером сборной команды страны по данному виду спорта в отношении необходимости, важности и актуальности осуществления данного научно – практического мероприятия

Пути решения:

- 1) поскольку, одной из таких целей, было совершенствование системы подготовки спортсменов в условиях мировой политической нестабильности, в том числе и в области спорта, то назрела необходимость применения не допинговых средств и способов, повышающих адаптационный уровень организма спортсменов.

- 2) Поиск новых средств и способов активации и гармонизации организма спортсменов, включающих все уровни воздействия на него, и медико – биологический, и педагогический, и психологический, и социальный, выводящий спортсмена на пик формы к заданному этапу соревнований

2. Тесты на содержание запрещенных и неразрешенных к использованию допинговых средств в составе апробируемых препаратов.

3. Предъявление разрешительной и подтверждающей документации главному тренеру сборной команды страны, личным тренерам спортсменов и самим спортсменам для изучения и ознакомления с принимаемыми ими составами

4. Составление добровольного информированного согласия на проведение исследования и участия в нем, подписываемое главным тренером сборной страны, личным тренером и самим спортсменом.

Заключение: исследования должны быть органично вписаны в план проводимых тренировок и всей концепции учебно – тренировочных сборов. Организационные и современные правовые основы должны быть соблюдены во всех аспектах проводимой деятельности.

Список литературы / References

1. Лопатина А.Б. Совершенствование системы подготовки юниоров / А.Б. Лопатина. - Тамбов: «ООО «Юком», 2016. -86 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lopatina A.B. Sovershenstvovanie sistemy podgotovki yuniorov [Improving juniors training] / A.B. Lopatina. - Tambov: «ООО «Ukom», 2016. – 86 p. [In Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.096

Лопатина А.Б.

Кандидат педагогических наук

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ**Аннотация**

В высшем учебном заведении больным студентам сложно посещать занятия физической культурой, какими бы упрощенно-адаптированными они не были. Преподаватель физической культуры на своих занятиях может столкнуться со следующими видами проявлений различного дисбаланса вегетативного статуса студентов: возможны вегетативные кризы, что имеет различное выражение в виде немотивированных головных болей, головокружения, рвоты, скачков артериального давления, причем в сторону как повышения, так и понижения.

Ключевые слова: здоровье, статус, студент.

Lopatina A.B.

PhD in Pedagogy

Perm National Research Polytechnic University

HEALTH OF STUDENTS**Abstract**

There are certain difficulties that students with special needs can encounter when attending classes in physical education, no matter how simplistic and adaptable they are. A teacher of Physical Education may find the following types of displays of various imbalances of vegetative status of autonomic nervous system in students: possible autonomic crises that have different expression in the form of unmotivated headaches, dizziness, vomiting, blood pressure surges both increasing and decreasing.

Keywords: health status, student.

Введение: к сожалению, в последнее время, особенно в последние десятилетия, приходится констатировать, что рост заболеваемости среди подростков неуклонно растет. Если ранее традиционными недостатками в здоровье подростков считались [1]: близорукость и / или снижение остроты зрения, искривление позвоночника и изменение осанки, приводящие к сутулости или даже горбатости, нейро – циркуляторная дисфункция того или иного отдела вегетативной нервной системы, что имело объяснение и анатомо – физиологический субстрат для подобных нарушений, объясняющийся нервными и эндокринными перестройками – сопутствующими переходному возрасту подростков 13 – 15 лет, то в настоящее время приходится отмечать тенденцию, с одной стороны, к более раннему вступлению многих подростков в период полового созревания со всеми сопутствующими данному периоду проблемами, а, с другой стороны, у многих подростков отмечается, наоборот, инфантилизация в онтогенетическом развитии, что также приводит к общему снижению уровня здоровья, и не менее активному нарушению различных отделов вегетативной нервной системы. В связи с этими базовыми дисфункциями в защитно – адаптационном спектре функциональных проявлений, появляются такие сложные симптомокомплексы, как нарушение массы тела (от полной астении и даже анорексии, до избыточно повышенной массы тела и развития метаболического синдрома, сопровождающегося нарушением толерантности к глюкозе, вплоть до развития сахарного диабета, развития злостных форм артериальной гипертензии в молодом возрасте на фоне нарушения обмена веществ и срыва адаптационных механизмов); нарушение параметров свода стопы, что приводит не только к плоскостопию, но и нарушению осанки в общем и целом, которое, в свою очередь является грозным признаком и основой для развития других заболеваний (цефалгия, мигрени, миогелозы, спазмофилия и многие другие проявления неблагополучия в функционировании вегетативной нервной системы). Все это становится субстратом для развития заболеваний кожного покрова тела, лица и головы, слизистых оболочек различных органов и систем органов, включая желудочно – кишечный тракт и другие органы выделения, такие как мочеполовая система, дыхательная система, с частым развитием бронхитов, носящих, в основном, хроническое затяжное течение, что, при неправильном лечении и полипрагмазии, чревато развитием бронхиальной астмы (частота встречаемости бронхиальной астмы среди студентов первого курса высших учебных заведений становится все большей и большей год от года, и в последнее время, по некоторым данным, достигает 5 – 7% от числа всех поступающих абитуриентов). При этом нужно отметить, что частота встречаемости заболеванием, ранее редко встречающемся в популяции вообще, сахарным диабетом первого типа, становится все более и более повышающейся год от года в популяции в общем и целом, что также выявляется среди лиц молодого возраста, поступающих в высшие учебные заведения. Частой проблемой абитуриентов, при проводимых медицинских осмотрах, становятся выраженные поражения опорно – двигательного аппарата. Растет количество выявленных в той или иной степени выраженности, иммунодефицитных состояний, что, как правило, проявляется снижением общего и местного иммунитета, выражающегося в склонности к частым простудным заболеваниям вирусного и бактериального характера. Активно проявляются и выявляются гормональные нарушения у студентов, а особенно, у студенток, которые, зачастую усугубляют положение вещей самостоятельным приемом гормонально активных препаратов, принимаемых ими с целью медикаментозной пероральной контрацепции. Безусловно, все виды гормональных нарушений приводят к расстройству органов половой сферы, что выражается, у девушек, развитием различного рода гинекологических отклонений и заболеваний, а у юношей – формированием структурных и / или функциональных поражений органов мужской половой сферы и развитием андрологических заболеваний или становлением предпосылок к развитию андрологических заболеваний в будущем. На фоне раннего полового созревания, а также раннего вступления в ведение половой жизни, у молодых людей обоих полов, зачастую встречаются заболевания, передающиеся половым путем, и / или последствия их неправильного (зачастую самостоятельного) лечения, проявляющиеся в виде различного нарушения микрофлоры, начиная с дисбактериозов половых путей и органов половой сферы, заканчивая дисбактериозом желудочно – кишечного тракта. Нередко, у абитуриентов проявляются

склонности и симптомы различных психических отклонений (самый распространенный вид – это склонность к депрессии или развитие депрессивного состояния), а также различные наркологические расстройства, включая ранний алкоголизм и бич современной молодежи – различные виды наркотической зависимости. Уже стало неудивительным, что в эпоху современной медицины, которая достигла больших успехов в лечении различных тяжелых заболеваний, в том числе и онкологических, в том числе и развивающихся в раннем детском возрасте, появляется поколение абитуриентов, которые болели онкологическими заболеваниями, перенесенными в детско – юношеском возрасте, были успешно излечены и поступили в высшие учебные заведения.

При проведении медицинских осмотров в высших учебных заведениях среди студентов – первокурсников выявляет многие проблемы здоровья молодых людей, которые возникли у них в детском и / или подростковом возрасте, но при этом никак не корректировались. Более того, такие больные дети были окружены заботой, а, зачастую, и чрезмерной опекой, что проявлялось в освобождении таких детей – подростков от любых физических нагрузок, включая и занятия по физической культуре, что привело к полной дестабилизации процессов адаптации, детренированности, отсутствию навыков к приспособлению, что может спровоцировать изменения сознания (обмороки), различного рода нарушения ритма сердца, вплоть до тяжелых форм аритмии, расстройства функционирования кишечника, как в сторону запоров, так и в сторону диареи, у девушек возможны избыточные менструации вплоть до кровотечений и многие другие виды нейро – циркуляторной дистонии. Биологические критерии таких нарушений связаны, в основном, и базируются дисфункции и дисбалансе вегетативной системы, что ведет к разнонаправленным действиям со стороны всего организма, которому приходится функционировать в условиях избыточной эрготропной и недостаточности трофотропной активности, что приводит, в конечном итоге, к срыву адаптации. Социальные факторы возникновения и / или обострения вегетативных нарушений, обусловлены удаленностью пребывания иногородних студентов от дома и привычного круга родных и друзей, что, в современных условиях несколько компенсируется развитыми личными средствами коммуникации, но не может компенсировать разлуку с любимым человеком, что очень актуально для рано созревающих в гормональном и социальном планах студентов. Совокупность действия всех факторов дестабилизирует организм студента, о чем должны знать все преподаватели высших учебных заведений, особенно, преподаватель физкультуры.

Список литературы / References

1. Лопатина А.Б. Совершенствование системы подготовки юниоров / А.Б. Лопатина. - Тамбов: «ООО «Юком», 2016. -86 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lopatina A.B. Sovershenstvovanie sistemy podgotovki yuniorov [Improving juniors training] / A.B. Lopatina. - Tambov: «ООО «Ukom», 2016. – 86 p. [In Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.010

Милькевич О.А.

Кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой педагогики и психологии Соликамского государственного педагогического института (филиал) Пермского государственного национального исследовательского университета

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Аннотация

В статье представлены результаты изучения вопроса оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, позволившие констатировать отсутствие подобного инструментария. Автором разработаны критерии оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, а также описаны результаты проведенной оценки данного вида партнерства в решении проблем детства учреждениями образования и культуры. Результаты исследования являются основанием для дальнейшего совершенствования процесса социально-культурного партнерства в рамках рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: критерии и показатели оценки эффективности социально-культурного партнерства, методика оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия.

Milkevich O.A.

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Solikamsk State Pedagogical Institute (branch) of federal state budgetary educational institution of higher education
«Perm State National Research University»

METHOD OF ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF SOCIAL AND CULTURAL PARTNERSHIP IN THE PREVENTION OF CHILDREN'S TROUBLE

Abstract

The article presents the results of a study evaluating the effectiveness of the issue of social and cultural partnership in the prevention of child distress, allowed to ascertain the absence of such instruments. The author developed criteria for evaluating the effectiveness of social and cultural partnership in the prevention of child distress, and describes the results of an evaluation of this type of partnership in addressing childhood education institutions and culture. The results of the study are the basis for further improvement of the process social and cultural partnership in the framework of the problem.

Keywords: criteria and indicators for evaluating the effectiveness of social and cultural partnership, method of estimating the efficiency of the social and cultural partnership in the prevention of child distress.

Ориентация современных отраслей научного знания на конкретные, измеримые результаты определяет необходимость рассмотрения вопроса эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия. Термин «эффективность», характеризуя продуктивность использования ресурсов в достижении какой-либо цели, имеет специфическое понимание в зависимости от сферы применения. В отношении социально-культурного партнерства профилактики детского неблагополучия термин «эффективность» не рассматривался. Оценка эффективности чего-либо предполагает систематический сбор информации о деятельности некоторых субъектов, ее характеристиках и результатах, который проводится для того, чтобы вынести суждение о деятельности, повысить ее эффективность и/или разработать планы на будущее.

Поиск методологических оснований и методов оценки эффективности рассматриваемого процесса определил необходимость обращения к трудам исследователей и практиков. Изучение научных трудов Р. Ф. Абубакирова, И.Н.Кизиловой, А.Б.Шипитько и др. и сложившееся собственное видение проблемы позволило разработать методику оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия.

На первом этапе были разработаны критерии оценки эффективности социально-культурного партнерства:

1. Целевая (ценностно-смысловая) направленность - отражает степень выраженности направленности социально-культурного партнерства на возрождение ценностей семьи и детства, формирование культуры внутрисемейных отношений, профилактику детского неблагополучия.

2. Содержательное единство - отражает степень согласованности предпринимаемых усилий различных социальных институтов, специалистов в возрождении ценностей семьи, ценностного отношения к ребенку.

3. Инновационность - отражает сочетание традиционных и инновационных форм и методов, подходов в организации социально-культурного партнерства и профилактических мероприятий, создание новой услуги, инфраструктуры в рамках социально-культурного партнерства.

4. Управляемость - характеризует степень управления и стратегии управления социально-культурным партнерством в профилактике детского неблагополучия.

5. Затрачиваемые ресурсы - отражает затрачиваемые кадровые, материально-технические, финансовые ресурсы.

6. Технологичность - отражает возможность распространения модели и формы социально-культурного партнерства, степень их разработанности.

7. Результативность - достижение планируемых количественных и качественных результатов.

Для каждого из семи критериев определен последовательный ряд объективных показателей эффективности по признаку наличия/отсутствия критерия, а также двух промежуточных показателей для обеспечения точности анализа. Каждому из четырех показателей присвоен соответствующий балл с шагом в 10 единиц, от 0 до 30 баллов.

Таблица 1 – Критерии и показатели оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия

Показатель	Оценка в баллах	Описание
<i>Критерий 1. Целевая (ценностно-смысловая) направленность</i>		
Высокий	30	соответствует наличию четкой направленности социально-культурного партнерства на возрождение ценностей семьи и детства, формирование культуры внутрисемейных отношений, профилактику детского неблагополучия
Средний	20	соответствует наличию основной направленности социально-культурного партнерства на возрождение ценностей семьи и детства
Низкий	10	соответствует наличию общей направленности социально-культурного партнерства на включение семьи и детей в культурно-просветительскую, досуговую деятельность
Нулевой	0	отражает отсутствие четкой направленности социально-культурного партнерства на возрождение ценностей семьи и детства, формирование культуры внутрисемейных отношений, профилактику детского неблагополучия
<i>Критерий 2. Содержательное единство</i>		
Высокий	30	соответствует наличию четкой согласованности предпринимаемых усилий различных социальных институтов, специалистов в возрождении ценностей семьи, ценностного отношения к ребенку
Средний	20	соответствует наличию согласованности предпринимаемых усилий различных социальных институтов, специалистов в отдельных мероприятиях в рамках социально-культурного партнерства
Низкий	10	соответствует наличию общих мероприятий в рамках социально-культурного партнерства без четкого согласования предпринимаемых усилий
Нулевой	0	отражает отсутствие согласованности предпринимаемых усилий различных социальных институтов, специалистов в возрождении ценностей семьи, ценностного отношения к ребенку

Окончание табл. 1 – Критерии и показатели оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия

Показатель	Оценка в баллах	Описание
<i>Критерий 3. Инновационность</i>		
Высокий	30	соответствует включению инновационного компонента на уровне форм, методов, подходов в организации социально-культурного партнерства и профилактических мероприятий, создание новой услуги, инфраструктуры в рамках социально-культурного партнерства
Средний	20	соответствует наличию инновационного компонента на уровне форм, методов, подходов в организации социально-культурного партнерства и профилактических мероприятий
Низкий	10	соответствует наличию инновационного компонента на уровне форм и методов социально-культурного партнерства
Нулевой	0	отражает отсутствие инновационного компонента в социально-культурном партнерстве
<i>Критерий 4. Управляемость</i>		
Высокий	30	соответствует наличию четкого управления и стратегии управления социально-культурным партнерством в профилактике детского неблагополучия
Средний	20	Соответствует наличию основных компонентов управления социально-культурным партнерством в профилактике детского неблагополучия
Низкий	10	соответствует наличию отдельных компонентов управления социально-культурным партнерством в профилактике детского неблагополучия
Нулевой	0	отражает отсутствие четкого управления и стратегии управления социально-культурным партнерством в профилактике детского неблагополучия
<i>Критерий 5. Затрачиваемые ресурсы</i>		
Высокий	30	соответствует использованию различных источников финансирования (включая собственные), собственных кадровых и материально-технических ресурсов организациями-партнерами
Средний	20	соответствует привлечению дополнительных источников финансирования, использование собственных и привлекаемых кадровых и материально-технических ресурсов организациями-партнерами
Низкий	10	соответствует использованию одного источника финансирования, привлечение кадровых и материально-технических ресурсов сторонних организаций, не включенных в социально-культурное партнерство
Нулевой	0	отражает отсутствие дополнительных источников финансирования, объединения кадровых и материально-технических ресурсов с позиции решения задач социально-культурного партнерства
<i>Критерий 6. Технологичность</i>		
Высокий	30	соответствует наличию возможности распространения модели и формы социально-культурного партнерства в связи с четкой их разработанностью
Средний	20	соответствует наличию возможности распространения модели и формы социально-культурного партнерства в связи с достаточной их разработанностью
Низкий	10	соответствует наличию модели и формы социально-культурного партнерства, которые требуют своей проработки и детализации
Нулевой	0	отражает отсутствие возможности распространения модели и формы социально-культурного партнерства в связи с недостаточной разработанностью/неработанностью
<i>Критерий 7. Результативность</i>		
Высокий	30	соответствует достижению количественных и качественных результатов социально-культурного партнерства в полном объеме
Средний	20	соответствует достижению не менее 3/4 запланированных количественных и качественных результатов социально-культурного партнерства
Низкий	10	соответствует достижению не менее 1/2 запланированных количественных и качественных результатов социально-культурного партнерства
Нулевой	0	соответствует достижению менее 1/4 запланированных количественных и качественных результатов социально-культурного партнерства

Представленные критерии оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия отражают понимание зависимости эффективности от затрачиваемых ресурсов, направленности, содержательного единства используемых на практике форм социально-культурного партнерства.

На втором этапе исследования (в течение января ноября 2016 г.) было организовано исследование эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия. Исследованием было охвачено 43 образовательных учреждения (в т.ч. 27 общеобразовательных школы, 15 дошкольных образовательных учреждений), 24 учреждения культуры (в т.ч. 9 библиотек, 8 музеев, 7 дворцов культуры), расположенных на территории Пермского края (г.г.Кизел, Александровск, Березники, Усолье, Соликамск, Красновишерск, Чердынь, Соликамский, Чердынский, Александровский муниципальный районы). Метод сбора информации – метод экспертной оценки и фиксации количественных показателей эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице 2

Таблица 2 - Сводные данные оценки критериев эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия

Формы партнерства	Критерии эффективности социально-культурного партнерства						
	целевая направленность	содержательное единство	инновационность	управляемость	затрачиваемые ресурсы	технологичность	результативность
Фестивали детского творчества	22.3	20.46	24.4	19.3	19.3	24.4	19.3
Благотворительные концерты	17.2	17.67	14.18	16.5	13.49	21.4	16.74
Академия родительского образования/клубы для родителей/школы для родителей	26.7	24.65	25.6	23.02	23.02	26.97	23.02
Образовательные проекты/семинары	18.1	15.34	19.3	16.7	16.04	16.7	15.81
Конкурсные программы для семей	15.3	17.7	17.7	21.6	21.8	21.3	20.7
Творческие лаборатории/научные лаборатории/школы дарований	14.2	17.44	18.83	16.51	20	17.9	13.49
Семейные и детские праздники/утренники	22.09	19.76	20	20	21.62	22.8	17.44
Интерактивные тематические площадки	17.2	22.3	25.3	21.16	18.6	19.3	20

Анализ полученных данных (таблица 2) позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Общая оценка эффективности представленных в таблице форм социально-культурного партнерств в профилактике детского неблагополучия может быть охарактеризована как «средняя».

2. Все формы социально-культурного партнерства можно условно разделить на «традиционные» и «инновационные». У традиционных форм социально-культурного партнерства (благотворительные концерты, конкурсные программы для семей) уровнем «ниже среднего» характеризуются такие критерии, как целевая направленность, содержательное единство, инновационность; критерии «технологичность», «результативность» - выше среднего, что может быть обусловлено богатой практикой проведения подобных мероприятий всеми субъектами социально-культурного партнерства. Такие традиционные формы, как фестивали детского творчества, семейные и детские утренники/праздники, характеризуются выраженностью «выше среднего» всех критериев, что может быть обусловлено сложившимся в обществе пониманием культурных мероприятий как средства профилактики детского неблагополучия посредством включения детей в социально-значимую деятельность, а также распространенностью и популярностью данных форм партнерства в работе с семьями и детьми. У инновационных форм (Академия родительского образования/клубы для родителей/школы для родителей) уровень выраженности всех критериев выше среднего, что определено целевой и содержательной направленностью подобных форм на поддержание семьи как субъекта воспитания и социализации. Такие инновационные формы партнерства, как интерактивные площадки, образовательные проекты/семинары, творческие лаборатории/научные лаборатории/школы дарований, обладают выраженностью критериев «ниже среднего», что может быть объяснено изначальной направленностью на образовательный эффект.

3. Наиболее эффективными формами партнерства являются: Академия родительского образования/клубы для родителей/школы для родителей, фестивали детского творчества, семейные и детские праздники/утренники, которые имеют ярко выраженную целевую (ценностно-смысловую) направленность, содержательное единство, инновационность, управляемость, затрачиваемые ресурсы, технологичность и результативность.

Важным является понимание того, что социально-культурное партнерство подразумевает социальный эффект, отражающий готовность различных групп лиц (специалистов, семей, детей) к совместной деятельности, к реализации социальной активности, а также изменение отношения к детству как социальной группе, требующей особых мер помощи и поддержки. Именно поэтому значимой является разработка и детализация форм социально-культурного

партнерства, имеющих определенную ценностно-смысловую направленность, содержательное единство в поддержании института семьи и детства.

Таким образом, представленная методика оценки эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия и выводы, полученные по результатам ее проведения, являются основанием дальнейшего совершенствования форм социально-культурного партнерства в решении проблем современного детства.

Список литературы / References

1. Абубакиров Р. Ф. Развитие партнерских отношений в социальной сфере российской экономики/ Р.Ф.Абубакиров// Проблемы современной экономики. - 2008. - 1 (25) // <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1880>
2. Кизилова И.Н. Формирование инновационных методов управления в сфере культуры. Автореферат дисс... кандидата экономических наук. СПб., 2011.- 24 с.
3. Милькевич О.А. Социально-культурное партнерство в профилактике детского неблагополучия: возможности и функции/ О.А.Милькевич// Проблемы современного педагогического образования.- 2016.- № 52-7.- С. 277-283.
4. Шипитко А.Б. Оценка системы социального партнерства в условиях модернизации социально-трудовых отношений/ А.Б.Шипитко// <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sistemy-sotsialnogo-partnerstva-v-usloviyah-modernizatsii-sotsialno-trudovyh-otnosheniy>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abubakirov R. F. Razvitie partnerskikh otnoshenij v social'noj sfere rossijskoj jekonomiki [The development of partnerships in the social sector of the Russian economy]/ R.F.Abubakirov// Problemy sovremennoj jekonomiki. - 2008. - 1 (25) // <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1880> [in Russian]
2. Kizilova I.N. Formirovanie innovacionnyh metodov upravlenija v sfere kul'tury [Formation of innovative management practices in the field of culture]. Avtoreferat diss... kandidata jekonomicheskikh nauk. SPb., 2011.- 24 p. [in Russian]
3. Mil'kevich O.A. Social'no-kul'turnoe partnerstvo v profilaktike detskogo neblagopoluchija: vozmozhnosti i funkcii [The social and cultural partnership in the prevention of child distress: the features and functions]/ O.A.Mil'kevich// Problemy sovremenno pedagogicheskogo obrazovanija.- 2016.- № 52-7.- P. 277-283. [in Russian]
4. Shipit'ko A.B. Ocenka sistemy social'nogo partnerstva v usloviyah modernizacii social'no-trudovyh otnoshenij [Evaluation of the system of social partnership in the modernization of social and labor relations]/ A.B.Shipit'ko// <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sistemy-sotsialnogo-partnerstva-v-usloviyah-modernizatsii-sotsialno-trudovyh-otnosheniy> [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.068

Милькевич О.А.

Кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой педагогики и психологии Соликамского государственного педагогического института (филиал) Пермского государственного национального исследовательского университета

ОСНОВАНИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Аннотация

В статье представлены основания моделирования социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, позволяющие повысить эффективность данного механизма решения проблем современного детства. Результаты проведенного ранее эмпирического исследования эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия подчеркивают необходимость и значимость моделирования социально-культурного партнерства, его дальнейшей детализации посредством конкретных методических разработок, направленных на взаимодействие с ребенком и его семьей, с социумом, со специалистами.

Ключевые слова: эффективность социально-культурного партнерства, моделирование социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия.

Milkevich O.A.

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Solikamsk State Pedagogical Institute (branch) of federal state budgetary educational institution of higher education
«Perm State National Research University»

FOUNDATIONS OF MODELING OF SOCIAL AND CULTURAL PARTNERSHIP IN THE PREVENTION OF CHILDREN'S TROUBLE

Abstract

The article presented the base of modeling socio-cultural partnership in the prevention of child distress, allowing to increase the efficiency of the mechanism for addressing the problems of modern childhood. The results of previous empirical research on the effectiveness of social and cultural partnership in the prevention of child distress emphasize the need and importance of modeling socio-cultural partnership and its further detail through specific teaching materials aimed at interaction with the child and his family, with society, with the experts.

Keywords: the effectiveness of the social and cultural partnership, modeling of socio-cultural partnership in the prevention of child distress.

Моделирование социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия является актуальным и значимым направлением исследования, что определяется, с одной стороны, недостаточной эффективностью реализуемых форм и методов профилактики детского неблагополучия. В контексте нашего понимания одним из механизмов профилактики детского неблагополучия выступает социально-культурное

партнерство. С другой стороны, наличие богатого опыта социально-культурного партнерства, накопленного в отечественной и зарубежной педагогической, социально-педагогической и социально-культурной практике, позволяет использовать наиболее эффективные его формы.

Опираясь на работы В.С.Безруковой, И.А.Колесниковой и др., моделирование можно характеризовать как процесс создания желаемого образа некоторого объекта. Объектом моделирования в контексте проводимого исследования выступает социально-культурное партнерство как сложное явление и процесс. По мнению В.П.Сергеевой, именно моделирование выступает уникальным способом познания и преобразования явлений в любой сфере деятельности – социальной, методической, организационной и др. Как отмечает автор, «моделирование способствует пониманию самых сложных систем. Модель как бы концентрирует в себе представления о процессе предстоящей деятельности, предполагает получение определенного результата, что требует научно-теоретического обоснования проблемы и последовательных шагов в достижении цели» [2, с.95].

Первоначально основанием моделирования стало изучение исходного состояния проблемы. В ходе эмпирического исследования были изучены несколько аспектов, а именно – готовность специалистов различных сфер к социально-культурному партнерству, а также эффективность социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия [1].

Так, готовность большего числа специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия, включающая когнитивный, мотивационный, личностный и технологический компоненты, позволяет при моделировании учесть многообразие форм и методов партнерства. Наличие специалистов, характеризующихся несформированностью большинства составляющих когнитивного, мотивационного, личностного, технологического компонентов, определяет необходимость внесения в будущую модель форм и методов подготовки специалистов к данному виду партнерства. При этом, более проблемным является технологический компонент готовности к социально-культурному партнерству, т.е. не у всех специалистов достаточно сформировано владение способами и приемами взаимодействия с другими специалистами, учреждениями и организациями; умение отбирать содержание социально-культурного партнерства с позиции наличия в них элементов воспитывающего, ценностно-смыслового характера; готовность и способность проектировать различные виды социально-культурной деятельности; умение инициировать, проектировать формы социально-культурного партнерства; учет при проектировании различных форм социально-культурного партнерства специфики и традиций вступающих во взаимодействие учреждений и организаций; умение организовать оценку эффективности реализуемых форм социально-культурного партнерства [3]. Выявленные данные подчеркивают значимость усиления подготовки специалистов учреждений культуры, образования, здравоохранения и др. к проектированию и реализации конкретных форм партнерства.

При оценке эффективности социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия были изучены реализуемые на практике формы (общая оценка эффективности может быть охарактеризована, как «средняя»). Наиболее эффективными формами социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия являются: Академия родительского образования/клубы для родителей/ школы для родителей, фестивали детского творчества, семейные и детские праздники/ утренники, которые имеют ярко выраженную целевую (ценностно-смысловую) направленность, содержательное единство, инновационность, управляемость, затрачиваемые ресурсы, технологичность и результативность. Выявленные формы социально-культурного партнерства должны выступать объектом проектирования как на этапе профессиональной подготовки специалистов, так и на этапе реализации профессиональной деятельности.

При моделировании социально-культурного партнерства необходимо учитывать ряд теоретических положений:

- аксиологический подход (Б.М.Бим-Бад, Б.С.Брушлинский, Н.Д.Никандров и др.), определяющий ценностно-смысловой компонент модели социально-культурного партнерства, направленный на всех участников партнерских отношений;
- культурологический подход (А.И.Арнольдов, Ю.И.Ефимов, М.С.Каган, В.П.Тугаринов, Д.И.Фельдштейн и др.), определяющий направленность социально-культурного партнерства, как особого вида культуры отношений, на формирование ценностного отношения к детству;
- комплексный подход (М.В.Кабатченко, М.М.Поташник, Г.Н.Филонов и др.), определяющий необходимость объединения систем и подпроцессов, входящих в социально-культурное партнерство, с целью обеспечения условий его эффективности в профилактике детского неблагополучия;
- теории социального партнерства (И.А.Куликова, В.В.Нагайцев, В.Г.Смольков, М.В.Чепурский, А.А.Шулус и др.), социально-культурного партнерства (В.А.Бурляева, Н.В.Тюкалова, Е.А.Чефонов и др.), позволяющие рассматривать социально-культурное партнерство как исторически и культурно обусловленное явление и процесс, имеющий специфическое содержание и результат, внутреннюю логику развития;
- идеи отечественных авторов (Е.Н.Абузярова, Н.А.Лаптинская, Э.И.Медведь, В.П.Сергеева и др.) о сущности, содержании, системообразующих компонентах социально-культурного партнерства;
- идеи интеграции усилий различных субъектов в профилактике детского неблагополучия (А.С.Макаренко, В.Д.Семенов, С.Т.Щацкий и др.), определяющие необходимость целесообразного содержательного наполнения социально-культурного партнерства, выбора форм, методов и средств реализации этого содержания в решении проблем детства.

Принципами социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, отображающими обозначенными теоретическими положениями, выступают:

- принцип комплексности – создание условий для реализации социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия как комплексной проблемы; одновременно, комплексность отражает необходимость сочетания разнонаправленных мероприятий различных уровней профилактики детского неблагополучия;

- принцип культуросообразности – учет сложившихся ценностей, норм и культуры определенной территории, группы, профессионального сообщества, их специфики, традиций, накопленного опыта профилактики и решения проблемы детского неблагополучия при разработке и реализации программ социально-культурного партнерства;
- принцип субъектности участников социально-культурного партнерства – учет активности и инициативы всех участников партнерских отношений;
- принцип мотивированности – учет заинтересованности всех участников партнерских отношений в самостоятельной и совместной деятельности, в повышении уровня готовности к социально-культурному партнерству;
- принцип семейно-ориентированной направленности социально-культурного партнерства – рассмотрение неблагополучия детства в неразрывном единстве с проблемами современной семьи.

Таким образом, основаниями моделирования социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, с одной стороны, выступают общенаучные подходы в понимании моделирования, комплексного, аксиологического и культурологического подходов, сложившиеся теории социального и социально-культурного партнерства, принципы социально-культурного партнерства, отображающие теоретические положения. С другой стороны, результаты эмпирического исследования позволяют конкретизировать принципы социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, способы их реализации в практике партнерства учреждений образования, культуры, здравоохранения и др.

Список литературы / References

1. Милькевич О.А. Исследование готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия/ О.А.Милькевич// Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. - № 10-3 (52).- С. 169-172.
2. Сергеева В.П. Проектирование инновационных технологий с обучающимися в условиях вуза. Учебно-методическое пособие/ В.П.Сергеева. – М.: УЦ «Перспектива», 2017 - 252 с.
3. Afanasiev V.V., Milkevich O.A., Sergeeva V.P., Ukolova L.I. Problem analysis of social and cultural partnership implementation in preventing children's ill-being/ V.V. Afanasiev, O.A. Milkevich, V.P. Sergeeva, L.I. Ukolova // Indian Journal of Science and Technology.-Vol. 9 (44).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Mil'kevich O.A. Issledovanie gotovnosti specialistov k social'no-kul'turnomu partnerstvu v profilaktike detskogo neblagopoluchija [Research specialists ready to socio-cultural partnership in the prevention of child distress]/ O.A.Mil'kevich// Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. - 2016. - № 10-3 (52).- P. 169-172. [in Russian]
2. Sergeeva V.P. Proektirovanie innovacionnyh tehnologij s obuchajushhimisja v uslovijah vuza. Uchebno-metodicheskoe posobie [Design innovation with the students in a high school]/ V.P.Sergeeva. – M.: UC «Perspektiva», 2017 - 252 p. [in Russian]
3. Afanasiev V.V., Milkevich O.A., Sergeeva V.P., Ukolova L.I. Problem analysis of social and cultural partnership implementation in preventing children's ill-being/ V.V. Afanasiev, O.A. Milkevich, V.P. Sergeeva, L.I. Ukolova // Indian Journal of Science and Technology.-Vol. 9 (44).

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.144

Пальчикова Н.Ю.¹, Гончар Е.А.²

^{1,2}Кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО «Дальневосточная государственная академия физической культуры»
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЗИЧЕСКОГО, ТЕХНИЧЕСКОГО И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО
СОСТОЯНИЯ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ С УСПЕШНОСТЬЮ ТРЕНИРОВОЧНОГО ЗАНЯТИЯ

Аннотация

Целью данной работы явилось исследование особенностей взаимосвязи показателей физического и психоэмоционального состояния юных хоккеистов с успешностью тренировочного занятия. Для определения уровня развития специальной физической и технической подготовки применялись стандартные для хоккея с мячом тесты. Исследование психоэмоционального и интегрального состояния проводилось с использованием программно-аппаратных комплексов «Vibramed» и «Омега С». Выявлено, что в процессе тренировочных занятий изменяется характер взаимосвязи между показателями психоэмоционального состояния, специальной физической и технической подготовленности игроков, интегральными показателями и «успешностью» хоккеистов.

Ключевые слова: взаимосвязь, физическая подготовка, психоэмоциональное состояние, контроль.

Palchikova N.U.¹, Gonchar E.A.²

^{1,2}PhD in Pedagogy, Far Eastern State Academy of physical culture;

ESPECIALLY THE RELATIONSHIP PHYSICAL, TECHNICAL AND PSYCHO-EMOTIONAL STATE
OF YOUNG HOCKEY PLAYERS WITH A SUCCESSFUL TRAINING SESSION

Abstract

The aim of this work was to study the relationship indicators of physical training and psycho-emotional state of young hockey players. To determine the level of development of special physical and technical training we used standard for hockey with a ball tests. To study the state of psycho-emotional we used hardware-software complexes «Vibramed» and «Omega C». It was revealed that in the process of training load changes the relationship between indicators of special physical and technical readiness and psycho-emotional state of the players and the grade of "success".

Keywords: relationship, physical training, psycho-emotional state, control.

Взаимосвязь между различными показателями физического и психоэмоционального состояния человека изучается с позиции научной философии и подкрепляется фундаментальными исследованиями психологов, физиологов, биомехаников, которые свидетельствуют о взаимодействии развития двигательных способностей человека и его психоэмоционального состояния [1, 5]. В современных соревновательных условиях побеждают спортсмены, умеющие быстро восстанавливать свою физическую и психическую работоспособность. Основой взаимосвязи физической и психоэмоциональной сфер является единство физического и духовного развития человека. Важной методологической проблемой в сфере физической культуры и спорта является обобщение и коррекция принципов, средств, методов, в которых гармоничное сочетание физических, технических, психоэмоциональных показателей обеспечит реализацию потенциальных возможностей спортсмена.

Современные подходы к организации тренировочного процесса предъявляют повышенные требования к контролю физического и психоэмоционального состояния спортсмена. Своевременное применение инновационных средств может позволить комплексно контролировать быстроизменяющиеся значения и соотношение физического и психоэмоционального состояния спортсмена в процессе подготовки.

Рядом ученых предложен бесконтактный экспресс-метод, позволяющий исследовать психоэмоциональное состояние спортсмена без вмешательства в тренировочный процесс [3, 4]. Методика анализа виброизображения (Vibramed) предлагает широкие возможности контроля и диагностики более 12 психоэмоциональных параметров состояния человека, применяя информационно-статистический анализ к трехмерному микродвижению головы и вестибулярно-эмоциональный рефлекс [3, 4]. Вестибулярная система является одной из основных систем, контролирующей все органы человека, следовательно, наблюдение за вестибулярной системой позволяет получать информацию о функциональном состоянии человека.

Информативными являются параметры распределения отдельных значений, полученные всего за минуту измерений. Нормальное состояние человека характеризуется определенными нормами (минимальными и максимальными значениями) для каждого параметра виброизображения, в то время как любое отклонение в состоянии человека, характеризуется отклонениями отдельных параметров или групп психофизиологических параметров человека. При этом, чувствительность изменения параметров виброизображения распространяется практически на любые изменения состояния человека, от медицинской патологии до психологической концентрации [3, 5].

Отображение максимальной частоты и средней амплитуды виброизображения выглядит как вибро-аура и отображает состояние человека. Цвет вибро-ауры кодируется специальной цветовой шкалой и отображает максимальную частоту в каждой строке. Любая неравномерность в цвете и размере ауры характеризует движения объекта и психофизиологическое состояние [5].

В исследовании принимали участие 20 спортсменов 15-16 лет, членов сборной Хабаровского края по хоккею с мячом.

Для оценки показателей психоэмоционального состояния, с помощью программно-аппаратного комплекса Vibramed исследовались показатели энергичности, стресса, уравновешенности, саморегуляции, невротизма и др. Видеосъемка проводилась до и после тренировочного занятия контрольной направленности, в основной части которого было проведено контрольное тестирование по специальной физической и технической подготовленности игроков и двусторонняя игра. Для оценки физической подготовленности хоккеистов использовались тесты – «бег 30 м», «бег 60 м», «челночный бег 3 по 10 м», «прыжок в длину с места», «подтягивание на перекладине», рост, вес и др. Для оценки специальной физической и технической подготовленности игроков использовались специфические для хоккея с мячом тесты – «бег на коньках 30 м», «бег на коньках 60 м», «обвод пяти стоек с мячом 30 м с ударом по воротам правой рукой», «обвод пяти стоек с мячом 30 м с ударом по воротам левой рукой», «челночный бег на коньках 6 раз по 9 м» и «бег по восьмерке 220 м 10 кругов» и др.

После тренировочного занятия определялась «успешность» спортивной деятельности с использованием метода экспертных оценок, что позволило сопоставить «успешность» с физическими, техническими и психоэмоциональными показателями спортсменов. Кроме того, проводилось обследование испытуемых с помощью программно-аппаратного комплекса «Омега С» (исследовались показатели «уровень адаптации к физическим нагрузкам», «интегральный показатель спортивной формы», «индекс напряженности», «вегетативный показатель», «уровень энергетического обеспечения» и др).

Данные обрабатывались с помощью статистических методов исследования.

Выявлялись взаимосвязи между показателями специальной физической и технической подготовленности, результатами, полученными «Омега С» и психоэмоциональными показателями. Так, наиболее значимые зависимости выявлены между показателями «уравновешенность» и результатом теста «восьмерка по радиусу спиной вперед» - (до тренировки $r=0,6$, после $r=0,8$); «энергичность» и «бег на коньках 60 м» - (до тренировки $r=0,6$, после $r=0,7$); «торможение» и «бег на коньках 30 м» - (до $r=0,8$, после $r=0,9$); «стресс» и «бег по восьмерке 220 м 10 кругов» - (до $r=0,6$, после $r=0,8$); «невротизм» и «бег по восьмерке 220 м 10 кругов» - (до $r=0,7$, после $r=0,8$). Показатели, полученные с помощью комплекса «Омега-спорт» коррелируют с психоэмоциональными показателями следующим образом: коэффициент корреляции $r=0,6-0,7$ выявлен в тестах «Уровень адаптации к физическим нагрузкам» и «Торможение»; «Вегетативный показатель» и «Саморегуляция»; «Индекс напряженности» и «Энергичность»; «Интегральный показатель спортивной формы» и «Энергичность».

Кроме того, выявлены статистически значимые взаимосвязи между эффективностью двигательной деятельности игроков («успешностью») и психоэмоциональными показателями, специальной физической и технической подготовленностью, показателями комплекса «Омега-спорт» - высокий коэффициент корреляции с тестами «восьмерка по радиусу спиной вперед» ($r=0,7$); «бег на коньках 30 м» ($r=0,8$); «обвод пяти стоек с мячом 30 м с ударом по воротам пр.р.» ($r=0,8$); «обвод пяти стоек с мячом 30 м с ударом по воротам лев.р.» ($r=0,6$); «агрессия» ($r=0,6$); «энергичность» ($r=0,9$); «саморегуляция» ($r=0,7$); «уравновешенность» ($r=0,8$); «торможение» ($r=0,6$); «уровень

адаптации к физическим нагрузкам» ($r=0,6$); «интегральный показатель спортивной формы» ($r=0,8$); «уровень энергетического обеспечения» ($r=0,8$).

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе тренировочного занятия произошли взаимосвязанные изменения показателей психоэмоционального состояния, специальной физической и технической подготовленности игроков с «успешностью» хоккеистов. При улучшении показателей тестов «бег на коньках 60 м», «бег на коньках 30 м» и «бег по восьмерке 220 м 10 кругов» увеличились и взаимосвязи между ними и показателями психоэмоционального состояния «уравновешенность», «энергичность», «стресс», «торможение», что отражается в «успешности» игроков.

Данные исследования позволили выявить значимые показатели, влияющие на подготовленность команды в целом и на тренировочную нагрузку каждого игрока, что в дальнейшем позволит определить оптимальное соотношение показателей физической, технической подготовленности и психоэмоционального состояния команды и каждого спортсмена, корректировать состояние спортсмена, влияющее на успешность его двигательной деятельности.

Список литературы / References

1. Анохин, П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем / П.К. Анохин. - М.: Наука, 1980. - 196 с.
2. Минкин, В.А. Информационно-статистические параметры виброизображения, как базовые элементы расчета любых эмоциональных состояний / В.А. Минкин, Н.Н. Николаенко // Современное телевидение: сборник трудов 18-й международной науч.-тех. Конференции. - М., 2010. - С. 75-81.
3. Минкин, В.А. Применение технологии и системы виброизображения для анализа двигательной активности и исследования функционального состояния организма / В.А. Минкин, Н.Н. Николаенко // Медицинская техника. - 2008. - №4. - С. 30-34.
4. Психомоторика в комплексной оценке психофизического состояния хоккеистов различного возраста и квалификации: монография / В.А. Нестеров [и др.]. - Хабаровск: ДВГАФК, 2011. - С.41-43.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anokhin, P.K. Uzlovie voprosi teorii funktsionalnih sistem [Nodal questions of the theory of functional systems] / P.K. Anokhin. - M.: Nauka, 1980. [in Russian]
2. Minkin, V.A. Informacionno-statisticheskie parametric vibroizobrazhenia, kak bazovie elementi rascheta lubih emocionalnih sostoyanii [Information and statistical parameters vibroimage as the basic elements of calculation of any emotional states] / V.A. Minkin, N.N. Nikolaenko // Current TV: Proceedings of the 18th international scientific-tech. Conference. - M., 2010. - P. 75-81.
3. Minkin, V.A. Primenenie tehnologii i sistemi vibroizobrazheniya dlya analiza dvigatelnoy aktivnosti i issledovaniya funktsionalnogo sostoyaniya organizma [The use of technology and vibroimage system for the analysis of physical activity and the study of the functional state of an organism] / V.A. Minkin, N.N. Nikolaenko // Medical facilities. - 2008. - №4. - S. 30-34.
4. Psihomotorika v kompleksnoy ocenke psihofizicheskogo sostoyaniya hokkeistov razlichnogo vozrasta i kvalifikatsii [Psychomotor in a comprehensive assessment of psychophysical condition of players of all ages and skills]: a monograph / V.A. Nesterov [et al.]. - Khabarovsk: FESAOPC, 2011. - S.41-43.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.032

Сизова Н.Н.¹, Свиягина Е.В.²

¹ORCID: 0000-0002-6310-3723, старший преподаватель,

Владивостокский филиал Российской таможенной академии

²Доцент кафедры методики преподавания спортивных единоборств и атлетизма,

Дальневосточный Федеральный университет

ВЛИЯНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕТОДИКИ ПО САМООБОРОНЕ НА УРОВЕНЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация

Целью настоящего исследования, является определение влияния комплексов прикладной аэробики в учебно-тренировочном процессе по самообороне на показатели физической подготовленности студентов Владивостокского филиала Российской таможенной академии. Данные полученные в ходе исследования подтверждают положительные изменения в показателях, отражающих уровень физической подготовленности занимающихся в ходе применения указанных средств.

Ключевые слова: самооборона, студентки, аэробика, учебно-тренировочный процесс, методика подготовки.

Sizova N.N.¹, Sviyagina E.V.²

¹ORCID: 0000-0002-6310-3723, the senior teacher of chair of physical training,

Vladivostok branch of the Russian customs academy,

²Assistant professor of methodology of teaching combat sports and athleticism, Far Eastern Federal University

INFLUENCE OF THE EXPERIMENTAL METHOD OF SELF-DEFENSE ON THE LEVEL OF PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS

Abstract

The purpose of the real research, definition of influence of complexes of applied aerobics in educational training process on self-defense on indicators of physical fitness of students of the Vladivostok branch of the Russian customs academy is. This received during the research confirm positive changes in the indicators reflecting the level of physical fitness of the specified means which are engaged during application.

Keywords: self-defense, the student, aerobics, training process, method of preparation.

Таможенные органы РФ, причисленные к органам исполнительной власти, непосредственно реализуют деятельность в области таможенного дела, основной целью которого, является обеспечение экономической безопасности России [1]. Работа сотрудников таможенных органов может быть связана с задержанием лиц, совершивших правонарушения, пресечением неповиновения, сопротивления и иных действий, препятствующих выполнению возложенных на них должностных обязанностей. Согласно этим требованиям, в программе по физической подготовке для студентов таможенной академии предусмотрено обязательное прохождение курса «Самооборона». В настоящее время у девушек филиала наблюдается слабая мотивация к учебным занятиям по самообороне и, как следствие всего, слабая степень физической подготовленности девушек [2].

Различные виды аэробики пользуются большой популярностью среди молодежи и способствуют совершенствованию функциональных систем организма. Средства аэробики активно используются не только в оздоровительных целях, но и активно применяются в различных видах спорта, в качестве дополнительного средства подготовки. Мы предположили, что использование комплексов прикладной аэробики в учебном процессе по самообороне будет способствовать совершенствованию физической подготовленности девушек. Для проверки данной гипотезы был проведен педагогический эксперимент, который был организован на базе Владивостокского филиала Российской таможенной академии и проводился в течение 2015-2016 учебного года. Был определена экспериментальная и контрольная группы в количестве 22 девушек. Главное и единственное отличие учебных занятий обеих групп заключалось в использовании на занятиях с экспериментальной группой, в подготовительной части занятия комплексов прикладной аэробики.

Первоначальное тестирование показало практически равный уровень физической подготовленности между испытуемыми группами ($p > 0,05$). Исходные данные выявили низкий уровень физической подготовленности студентов. При сравнении полученных данных с оценочными таблицами рабочей учебной программы, был обнаружен низкий уровень физической подготовленности девушек. Так, в челночном беге 3x10 м (8,87 и 8,85) и прыжке в длину с места (174,86 и 175,91) у студентов экспериментальной и контрольной групп был зафиксирован средний уровень физической подготовленности. В беге на 2000 метров и в упражнении на гибкость, в обеих группах наблюдался низкий уровень подготовленности (613,73 и 614,59; 7,45 и 7,68).

По окончании педагогического эксперимента проводилось контрольное тестирование уровня физической подготовленности. В результате было установлено, что в экспериментальной группе произошло достоверное ($p < 0,05$) улучшение всех тестируемых показателей.

Предлагаемые комплексы выполнялись методом продолжительного тренинга. Девушкам экспериментальной группы предлагалась нагрузка с равномерной интенсивностью выполнения упражнений на протяжении 20-25 минут. Работа осуществлялась преимущественно в зоне аэробного энергообеспечения (МПК 60-70%), что обеспечивало положительные физиологические сдвиги в организме и способствовало воспитанию общей выносливости.

Анализ данных теста экспериментальной группы на общую выносливость (бег 2000 м) показал улучшение показателя с $613,73 \pm 7,78$ до $559,05 \pm 1,03$, что в итоге стало соответствовать хорошему уровню развития выносливости. Прыжковые движения, используемые в экспериментальных комплексах (бег, прыжки, подскоки и запрыгивания, выполняемые на ступах) способствовали воспитанию скоростно-силовых качеств. Это подтверждается результатами нашего эксперимента. В начале эксперимента в результате тестирования выяснилось, что показатели скоростно-силовых качеств, проверяемые тестом «прыжок в длину с места» у девушек экспериментальной группы соответствовал среднему уровню подготовленности, к окончанию исследования данный показатель стал соответствовать высокому уровню подготовленности. В то же время, у девушек контрольной группы уровень развития скоростно-силовых качеств стал соответствовать хорошему уровню развития и составил 4 балла.

Между тем, в контрольной группе за время исследования не выявлено достоверных ($p > 0,05$) внутригрупповых различий между показателями в челночном беге 3x10 м. На начало исследования показатели теста «челночный бег 3x10 метров» у девушек обеих групп оценивались в 3 балла и соответствовали среднему уровню подготовленности. На момент окончания эксперимента у девушек экспериментальной группы показатель данного теста увеличился на 2 балла и составил 5 баллов, что соответствует высокому уровню подготовленности. У испытуемых контрольной группы результаты данного теста остались на прежнем уровне развития.

Полученные в ходе исследования данные, констатируют, что студентки экспериментальной группы стали достоверно ($p < 0,05$) опережать девушек контрольной группы по трем из пяти показателям физической подготовленности. В ходе эксперимента между девушками испытуемых групп не было зафиксировано достоверно значимого различия ($p > 0,05$) в тесте, определяющем гибкость и силовые качества. Но тем не менее, за время исследования показатели гибкости у студентов экспериментальной группы с исходного низкого уровня равного 2 баллам, возросли до 3 баллов и стали соответствовать среднему уровню развития.

Анализ динамики физической подготовленности за время эксперимента выявил, что общий уровень физической подготовленности девушек экспериментальной группы улучшился и стал находиться на хорошей ступени развития (рис.1).

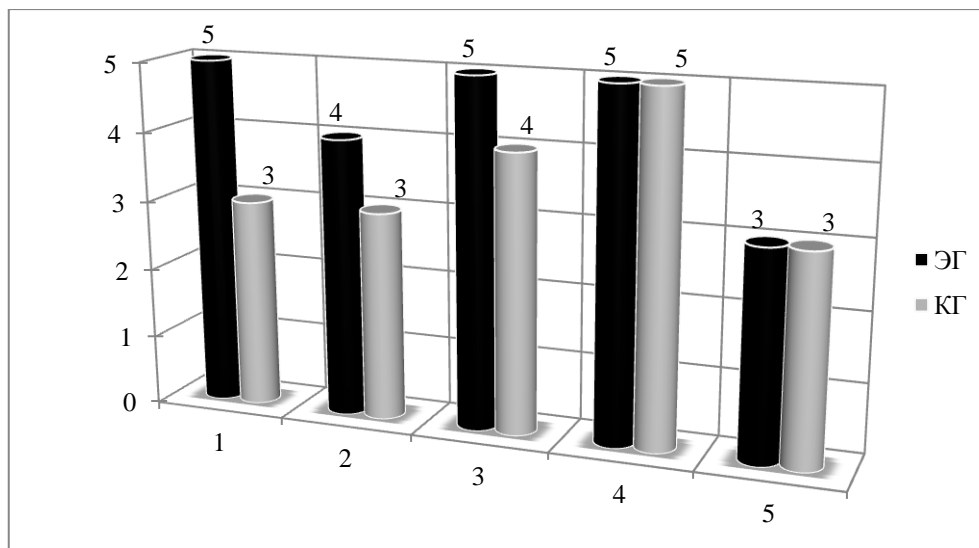

Рис. 1 – Результаты итогового тестирования уровня физической подготовленности студенток экспериментальной и контрольной групп (баллы):

1 – челночный бег 3x10м; 2 – бег 2000 м; 3 – прыжок в длину с места;
4 – поднимание туловища из положения лежа на спине; 5 – стоя наклон вперед

В трех показателях (челночный бег 3x10 м, бег 2000 м, прыжок в длину с места) у студенток экспериментальной группы наблюдалось существенное преобладания в результатах по сравнению с девушками контрольной группы. Общий уровень физической подготовленности студенток экспериментальной группы составил 4,4 балла и увеличился с низкого до хорошего уровня. У девушек контрольной группы средние показатели физической подготовленности составили 3,6 балла, и стали соответствовать среднему уровню подготовленности.

Установленные результаты дают основание утверждать, что разработанная методика по использованию комплексов прикладной аэробики на занятиях по самообороне с девушками вузов благоприятно влияет на развитие физической подготовленности студенток.

Совершенно очевидно, что позитивной динамике развития физических качеств на учебных занятиях по самообороне способствовало использование комплексов прикладной аэробики, структурированных с учетом подбора средств и методов, позволяющих решить задачи всестороннего физического развития.

Список литературы/ References

1. Сизова, Н.Н. Анализ психофизической готовности студентов Владивостокского филиала Российской таможенной академии [текст] / Н.Н. Сизова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 10 (119). – С. 151-156
2. Сизова, Н.Н. Изучение показателей здоровья и физической подготовленности студентов Владивостокского филиала Российской таможенной академии / Н.Н. Сизова, Ю.Д. Исмагилова, Т.Н. Тиосова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 11 (30). – Часть 4. – С. 39-42.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sizova N. N. Analysis of psychophysical preparedness students from Vladivostok branch of Russian customs academy [Analysis of psychophysical preparedness students from Vladivostok branch of Russian customs academy] / N. N. Sizova // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F.Lesgafta, [Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta]. – 2015. Vol. 119, № 1. P.151-156. [in Russian]
2. Sizova N. N. The studying indicators of health and physical preparedness students from Vladivostok branch of Russian customs academy [Izucheniye pokazateley zdorovia i fizicheskoy podgotovlennosti studentov Vladivostokskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii] / N. N. Sizova. J. D. Ismagilova, T.N. Tiosova // International Researching Journal, [Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal]. – 2014. – №11 (30). – Part 4 – P. 39-42. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.018

Скоробогатова Н.В.¹, Юдина В.А.²

¹Кандидат психологических наук, доцент

²Кандидат психологических наук,

Шадринский государственный педагогический университет

РОЛЬ ПРАКТИКИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ СПЕЦИАЛЬНОГО (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Представлено описание подготовки логопеда на кафедре коррекционной педагогики и специальной психологии ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» с позиции высококвалифицированного, практикоориентированного специалиста через усиление практикоориентированности образовательного процесса, включая различные виды практик, педагогическую интернатуру, в содержании которых предусматриваются задачи по формированию профессиональных компетенций и освоению обучающимися трудовых действий.

Ключевые слова: модульное обучение, практикоориентированное обучение, практика, педагогическая интернатура, ФГОС ВО, профессиональные компетенции логопеда.

Skorobogatova N.V.¹, Yudina V.A.²

¹PhD in Psychology, Associate professor,

²PhD in Psychology,

Shadrinsk State Pedagogical University

THE ROLE OF PRACTICE IN THE DESIGN AND THE ORGANIZATION OF THE MODULAR TRAINING OF SPECIAL (DEFECTOLOGICAL) EDUCATION BACHELORS

Abstract

The article presents the experience the Department of Correctional Pedagogy and Special Psychology of the Shadrinsk State Pedagogical University has had while training speech therapists. The educational process has been conducted to train highly-qualified, practice-oriented specialists. This aim has been got by means of making the educational process form students' professional competencies and students' labor actions through implementing various types of practices, pedagogical internship.

Keywords: modular training, practice-oriented training, pedagogical internship, Federal State Educational Standard of Higher Education, speech therapists' professional competencies.

В условиях модернизации образовательных систем и стандартизации образования актуализируется необходимость непрерывного совершенствования подготовки высококвалифицированных, практикоориентированных специалистов.

Подготовка логопеда в современных условиях осуществляется в системе двухуровневого высшего педагогического образования – направление «Специальное (дефектологическое) образование. В ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» на кафедре коррекционной педагогики и специальной психологии реализуются эти уровни образования. На первой ступени – бакалавриат – профиль «Логопедия» и на второй ступени подготовка осуществляется по магистерской программе «Психолого-педагогическое сопровождение ребенка раннего и дошкольного возраста с нарушениями речевого развития».

В настоящее время в вузах осуществляется активный поиск и внедрение наиболее результативных, надежных, технологий обучения. В связи с этим во многих вузах применяется технология модульного обучения, повышающая эффективность процесса обучения и отвечающая всем требованиям процесса образования.

Модуль - это учебная базовая единица цельной и логически структурированной программы по определенной дисциплине. Она включает в себя логически и дидактически завершенные самостоятельные разделы лекционного и практического курсов, литературу, контрольные блоки и форму отчетности. В модуле выделены профессионально-прикладные укрупненные проблемы, цели с учетом специфики вуза и требований государственного стандарта [2].

В ходе разработки модульного обучения особое внимание заслуживают вопросы, связанные с дальнейшим усилением практикоориентированности образовательного процесса, включая различные виды практик, в содержании которых предусматриваются задачи по формированию профессиональных компетенций и освоению обучающимися трудовых действий.

В соответствии с ФГОС ВО, основными видами деятельности выпускника, обучающегося по профилю «Логопедия» программы бакалавриата по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование», нами были определены коррекционно-педагогическая и диагностико-консультативная. Для создания условий освоения студентами данных видов деятельности в рамках образовательной программы мы предусматриваем несколько видов практик: учебная практика (практика по получению первичных профессиональных умений и навыков), производственная практика (1) практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности и 2) преддипломная практика).

Методологическими основаниями углубленной профессионально-ориентированной практики явились компетентностный, практико-ориентированный и системно-деятельностный подходы. Среди принципов, которые были заложены в основу представляемой модели стали:

- профессиональной направленности (учет взаимосвязи содержания всех компонентов программы с требованиями профессионального стандарта дефектолога и специфику подготовки логопеда);
- социального партнерства (обмен ресурсами партнеров образовательных организаций по подготовке бакалавров);
- вариативности (учет ряда факторов, обеспечивающих специфику содержательных, организационных и других сторон практики);

- рефлексивности (анализ и оценка чужого опыта, самоанализ и оценка всех аспектов деятельности) [1, с.132].

Место и роль практики в образовательной программе определили ее содержание и виды деятельности на разных этапах.

Учебный процесс открывается учебной практикой (практика по получению первичных профессиональных умений и навыков). Трудоемкость учебной практики (практика по получению первичных профессиональных умений и навыков) в общем объеме образовательной программы бакалавриата составляет 9 зачетных единиц (2 курс 4 семестр: 3 з.е., 2 недели; 3 курс 5 семестр: 6 з.е., 4 недели).

Основной базой практики на втором курсе являются дошкольные образовательные учреждения города. Целью учебной практики (практика по получению первичных профессиональных умений и навыков), проходящей на втором курсе, является формирование у студентов устойчивого интереса к выбранному направлению профессиональной подготовки, ознакомление обучающихся с процессом организации и содержанием коррекционно-образовательного процесса в специальном (коррекционном) образовательном учреждении, должностных обязанностях специалистов и путях их взаимодействия в педагогическом процессе.

Задачи учебной практики второго курса: ознакомление с нормативно-правовой документацией, регламентирующей деятельность логопеда в образовательном учреждении; составление плана работы логопеда в дошкольном образовательном учреждении; посещение и анализ занятий логопеда образовательного учреждения; разработка плана диагностического обследования, подбор диагностического инструментария, подготовка стимульного материала; проведение логопедического обследования; составление логопедического заключения; составление индивидуального плана работы с ребенком по результатам диагностики; планирование и проведение логопедического занятия по результатам диагностики; подготовка материала для проведения консультаций, бесед с родителями; подготовка аналитического отчета по результатам прохождения практики.

Базой практики третьего курса являются дошкольные и школьные образовательные учреждения, учреждения социальной защиты города.

Целью учебной практики, проходящей на третьем курсе является - ознакомление студентов с особенностями работы учителя-логопеда на базе школьного логопункта и закрепление теоретических знаний.

Задачи практики третьего курса: познакомить студентов с необходимыми условиями работы, с предметно-пространственной средой, стимулирующей речевое развитие ребенка, со спецификой оборудования логопедического кабинета и речевых уголков по возрастным группам учреждения; формировать практические навыки общения с детьми, имеющими речевые нарушения, с педагогическим коллективом школы, с родителями; адаптироваться к рабочему месту, особенностям коррекционно-развивающей деятельности учителя-логопеда; формировать умение работать с медицинскими картами, личными делами детей и речевыми картами; формировать умения применять полученные теоретические знания на практике; изучить документацию учителя-логопеда, научиться оформлять её; ознакомление с контингентом школы, с комплектованием классов; формировать практические умения планировать индивидуальные, фронтальные логопедические занятия; формировать навыки проведения индивидуальных, подгрупповых, фронтальных логопедических занятий; формировать умения анализировать и правильно оценивать как свои занятия, так и занятия сокурсников.

Формами отчетности по практике во всех семестрах являются: дневник по практике, индивидуальный план работы студента, характеристика с базы практики, а также документы, подтверждающие реализацию поставленных задач.

Значимым результатом учебной практики является понимание студентами логики организации деятельности логопеда. Студенты выполняют первые пробные практические действия в новых образовательных условиях, знакомятся с образовательной организацией, видами помощи детям с речевыми нарушениями. Это позволяет студенту начать осваивать современные педагогические средства и технологии, осмысленно действовать для выполнения предложенного задания на практику, оформлять собственный замысел и его реализацию.

На последующих видах практики происходит закрепление и развитие комплекса общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Трудоемкость производственной практики (практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности) в общем объеме образовательной программы бакалавриата составляет 6 зачетных единиц (3 курс 6 семестр: 6 з.е., 4 недели).

Основной базой практики на третьем курсе являются дошкольные и школьные образовательные учреждения города. Целью производственной практики является ознакомление студентов с особенностями работы учителя-логопеда в образовательном учреждении; закрепление теоретических знаний. Задачи производственной практики третьего курса: познакомить студентов с необходимыми условиями работы, с предметно-пространственной средой, стимулирующей речевое развитие ребенка, со спецификой оборудования логопедического кабинета и речевых уголков по возрастным группам учреждения; формировать практические навыки общения с детьми, имеющими речевые нарушения, с педагогическим коллективом детского сада, с родителями; адаптироваться к рабочему месту, особенностям коррекционно-развивающей деятельности учителя-логопеда; формировать умение работать с медицинскими картами, личными делами детей и речевыми картами; формировать умения применять полученные теоретические знания на практике; ознакомление с контингентом детского сада, с комплектованием специализированных групп V вида; формировать практические умения планирования и проведения индивидуальных, подгрупповых, фронтальных логопедических занятий; формировать умения анализировать и правильно оценивать как свои занятия, так и занятия сокурсников.

Завершает процесс профессионального становления бакалавра производственная практика (преддипломная практика), в рамках которой происходит формирование готовности студента к самостоятельной педагогической деятельности по всем задачам, предусмотренным ФГОС ВО и требованиями профессионального стандарта дефектолога.

Трудоемкость производственной практики (преддипломная практика) в общем объеме образовательной программы бакалавриата составляет 15 зачетных единиц (4 курс 7 семестр: 9 з.е., 6 недель; 4 курс 8 семестр: 6 з.е., 4 недели).

Основной базой практики на четвертом курсе являются дошкольные, школьные образовательные учреждения и учреждения социальной защиты и здравоохранения города.

Итак, основной целью организации профессионально-ориентированной практики выступает усиления внимания к таким видам деятельности, которые позволяют студенту осуществить собственные творческие и педагогические идеи, способности работать в команде, реализацию опытно-экспериментальной части собственного исследования, презентацию результатов педагогической деятельности. При этом существенным явлением выступает реализация механизма взаимосвязи относительно деятельности педагога-супервизора, обучающегося и преподавателя вуза.

Руководитель практики от вуза отвечает за составление программы практики, организацию работы со студентами, консультативную помощь в выполнении заданий и оформлении отчетов в дневнике практики и портфолио, за проведение установочной и итоговой конференции по практике, за мониторинг сформированности компетенций.

Руководитель от образовательной организации (супервизор) отвечает за организацию практики и взаимодействие с педагогами, консультативную помощь в выполнении заданий, мониторинг сформированности профессиональных компетенций. Таким образом, при сопровождении студента со стороны супервизоров от организаций и руководителя от вуза происходит переход студента от постановки и решения учебных задач на материале дисциплин к прикладным профессиональным задачам на практике.

Важным подспорьем в реализации подготовки практикоориентированного специалиста выступает педагогическая интернатура.

Педагогическая интернатура – важное условие формирования профессиональной педагогической компетентности студентов. Взаимодействие с опытным наставником (супервизором) способствует становлению у будущих специалистов профессиональной позиции уже на уровне вузовского образования, закреплению профессиональной направленности, овладению профессиональной культурой на основе освоения разнообразных способов педагогической деятельности.

В педагогическую интернатуру студенты университета активно включились с 2014 года. При этом отмечается положительная динамика по привлечению к педагогической интернатуре студентов разных профилей, в том числе, обучающихся на направлении подготовки специальное (дефектологическое) образование. С 2015 года, ежегодно через педагогическую интернатуру проходят более 50% обучающихся. Так, в 2015-16 учебном году, среди студентов, обучающихся по профилю «Логопедия» участие в деятельности педагогической интернатуры приняли 55,6% студентов, в 2016-17 учебном году – 57,14%. Традиционно наставниками (супервизорами) выступают ведущие логопеды дошкольных учреждений города Шадринска.

Целью педагогической интернатуры для будущих логопедов выступает реализация студентами самостоятельной профессиональной логопедической деятельности под руководством опытного специалиста. Задачами, при этом являются:

- формирование навыков организации логопедической коррекционно-педагогической деятельности;
- закрепление практических навыков разработки, использования и анализа методик диагностико-коррекционной работы;

- формирование профессионально значимых компетенций.

Студентками осуществляются следующие виды деятельности:

- знакомство с документацией логопеда и ее составлением (годовой, перспективный, индивидуальный планы календарно-тематический планы коррекционной работы; график и циклограмма рабочего времени логопеда);
- заполнение речевых карт, формулировка логопедического заключения;
- ознакомление воспитателей и специалистов с итогами диагностики детей группы;
- участие в совместном планировании по взаимодействию в реализации коррекционных мероприятий воспитателей и специалистов ДОО с учетом возрастных возможностей и особенностей речевых дефектов воспитанников и системы мер по здоровьесбережению;
- подбор музыкального репертуара и речевого материала в соответствии с речевыми возможностями детей;
- посещение занятий других специалистов (воспитателей, педагога по изобразительной деятельности) с целью наблюдения за речевой деятельностью детей в разнообразных видах деятельности, студенты посещают более 50 занятий (индивидуальных, групповых и фронтальных);
- разработка конспектов логопедических занятий и их проведение (индивидуальных, групповых и фронтальных), всего более 30 конспектов разнообразной тематики;
- разработка программы логопедических занятий для детей группы;
- разработка дидактического материала для логопедических занятий;
- изготовление логопедических игр на развитие речевого дыхания, для артикуляционной гимнастики, игр по лексическим темам «Фрукты», «Овощи», «Ягоды» и др., систематизация картотеки логопедических игр;
- оказание помощи логопеду в диагностической деятельности и на коррекционных занятиях;
- разработка логопедических консультаций для родителей, участие в консультировании родителей логопедом;
- разработка брошюр, буклетов с рекомендациями для родителей и воспитателей по закреплению словообразовательных навыков;
- участие в подготовке к родительским собраниям;
- изготовление логопедического уголка для родителей, папки-раскладушки «Артикуляционные упражнения», пополнение картотеки методических рекомендаций для родителей;
- помощь в подготовке мероприятий, организации праздников;
- систематизация и пополнение иллюстративного и раздаточного материала для детей с ОНР: для фронтальных

занятий, для индивидуальных занятий по работе над слоговой структурой слова, по развитию фразовой речи.

Студентки-интерны в отчетах отметили, что педагогическая интернатура стала важным этапом в их профессиональном самоопределении. Она показала, что они не ошиблись в выборе своей профессии, что тяжелый труд учителя-логопеда им близок и они готовы в дальнейшем, после окончания учебы в вузе, продолжить свой профессиональный и личностный рост в данной области, стремясь стать высококвалифицированными специалистами.

Таким образом, в ходе реализации основных направлений модернизации педагогического образования, связанных с дальнейшим усилением практикоориентированности образовательного процесса, предполагается не только повышение практической подготовки логопедов, но и формирование у них способности к рефлексии, осуществлению собственных творческих и педагогических идей, способности работать в команде, презентацию результатов педагогической деятельности, и что не маловажно, приобретения возможности самостоятельного профессионального развития по окончании обучения.

Список литературы / References

1. Григорьев С.Г., Подболотова М.И., Федосеева З.Р. Модель углубленной профессионально-ориентированной практики магистрантов в условиях сетевого взаимодействия по направлению подготовки «Педагогическое образование» (учитель среднего общего образования) // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т.20. №5. – С. 130-141.

2. Ермолаева Е.И. Модульное обучение в вузе: его основные учебные элементы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/26_NII_2011/Pedagogica/5_92413.doc.htm

Список литературы на английском языке / References in English

1. Grigoriev S.G., Podbolotova M.I., Fedoseeva Z.R. Model uglublennoy professionalno-orientirovannoy praktiki magistrantov v usloviyah setevogo vzaimodeystviya po napravleniyu podgotovki «Pedagogicheskoye obrazovaniye» (uchitel srednego obshchego obrazovaniya) [Model of in-depth professionally-oriented practice of graduate students in terms of networking in specialization "Teacher Education" (teacher of secondary education)] // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. – [Psychological Science and Education] – 2015. – V.20. No 5. – P. 130-141. [In Russian]

2. Ermolaeva E.I. Modulnoye obucheniye v VUZe: ego osnovnye uchebnye elementy [Modular education in high school, its basic educational elements] [Electronic resource] – URL: http://www.rusnauka.com/26_NII_2011/Pedagogica/5_92413.doc.htm [In Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.029

Слепнева К.А.

ORCID: 0000-0002-4949-0907, Магистрант,
Тюменский государственный университет,
Институт психологии и педагогики

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

Аннотация

В статье ставится задача изучить и проанализировать авторские трактовки термина «исследовательская компетенция». Автор проводит сравнительный анализ, показывающий общие тенденции в определении отечественными учеными-педагогами термина. Выявлены такие смыслообразующие понятия, как «совокупность» и «качество или свойство личности». Обозначены характеристики, отражающие специфику исследовательской компетенции: универсальность, метапредметность, интегративность, прогностичность, превентивность, инновативность, индивидуальность.

Материал, представленный в статье, будет представлять интерес для студентов и преподавателей, изучающих тему развития исследовательских компетенций.

Ключевые слова: исследовательская компетенция, магистерское образование, педагогическое образование.

Slepneva K.A.

ORCID: 0000-0002-4949-0907, undergraduate,
Tyumen State University,
Institute of Psychology and Pedagogy

RESEARCH COMPETENCE OF MASTERS IN THE FIELD «PEDAGOGICAL EDUCATION»: ANALYSIS CONCEPT

Abstract

The article considers the study and analyzes the author's interpretation of the term «research competence». The author carries out a comparative analysis showing the overall trends in the definition of domestic scientists-teachers of the term. Sense-identified such thing as a «totality» and «the quality or property of the person». Marked characteristics reflecting the specific research competencies: flexibility, metasubject, integrative, predictive, preventive, innovativeness and individuality.

The material presented in this article will be of interest to students and teachers who study the topic of research competencies.

Keywords: research competence, master's education, pedagogical education.

Педагогическое образование переживает в настоящее время период серьезных трансформаций, одна из целей которых – обеспечить подготовку педагога новой формации, который будет способен к адекватной оценке образовательных ситуаций, проектированию и творческому осуществлению педагогического процесса [2, С. 140].

Вопрос о модернизации педагогического образования активно обсуждается на государственном уровне в управленческих и педагогических кругах [5, С. 4].

Однако в реальности требования к компетентностям специалиста стремительно меняются, поэтому необходимо определение своего рода «доминанты» профессиональной подготовки педагогических кадров. Представляется, что такой доминантой в системе магистерского образования по направлению подготовки «Педагогическое образование» может являться развитие исследовательских компетенций – как интегрирующий вектор профессиональной подготовки, так как обладание данными компетенциями обеспечивает динамичное развитие педагога в изменчивых условиях жизни и профессиональной деятельности в современном социуме.

Наиболее продуктивной ступенью для формирования исследовательских компетенций мы находим магистерское образование. Так, в Тюменском государственном университете Институте психологии и педагогики в магистратуре по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование», магистерским программам «Преподаватель высшей школы», «Методология и методика социального воспитания», «Управление образованием» в соответствии с ФГОС ВО исследовательская деятельность обучающихся значится обязательным разделом ОП магистратуры и направлена на развитие у магистрантов общекультурных (универсальных), общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Вместе с тем, созданию в образовательном процессе объективных условий и возможностей для формирования указанной компетенции необходима предварительная работа по теоретическому анализу термина и сущностных характеристик исследовательской компетенции. Считаем целесообразным, конструктивно и корректно обозначить центральное понятие статьи, по причине того, что в отечественной педагогике до сих пор не сложилось единое понимание данного термина.

Апазова З.Н. определяет исследовательскую компетенцию, как «способность, характеризующую процесс и результат творческой мыслительной деятельности, исследовательско-проектировочной деятельности» [1, С. 13 - 16].

В своих исследованиях Качалов Д.В. пишет о том, что исследовательская компетенция – это «качество личности, комплексная способность объективно оценивать проблемы, преобразовывать их в конкретные задачи, на основе умений для проведения исследовательской работы» [3, С. 26 – 36].

Похожую точку зрения представляют Климентьева В.В., Константинов В.А., Осипова С.И., Соляников Ю.В., выделяя центральным содержательным понятием «качество или свойство личности». В их научных трудах данный термин звучит следующим образом: «совокупность характеристик личности: ценностно-смысловые ориентации, личностные качества, знания, исследовательские навыки и умения, опыт известных и творческих способов исследовательской деятельности в целях решения профессиональных задач» [4, С. 24]; «качество личности, совокупность знаний, ценностных ориентаций, потребностей и опыта исследовательской деятельности, проявляющейся в готовности и способности выполнять функции ее субъекта» [6, С. 22]; «качество личности, позволяющее осваивать и получать системы новых знаний в результате трансляции смыслового контекста деятельности от функционального к преобразовательному, базируясь на имеющихся знаниях, умениях, навыках и способах деятельности» [7, С. 203]; «свойство личности, способствующее решению профессиональных проблем, с помощью средств исследовательской деятельности» [9, С. 20].

Иначе мыслит Савенков А.И., раскрывая в своем учебном пособии исследовательскую компетенцию, «как специфическую функциональную систему психики и связанные с ней качества личности, дающие возможность быть продуктивным субъектом исследовательской деятельности» [8, С. 480].

Также Черняева Л.А. видит «совокупность» смыслообразующим понятием, в своей диссертации она пишет: «исследовательская компетенция – это совокупность личностно-осмысленных исследовательских знаний, умений, навыков, опыта деятельности, ценностных ориентации, поведенческих моделей, сформированных в процессе исследовательской деятельности» [10, С. 25].

Итак, беря во внимание предложенные трактовки, а также основываясь на собственной позиции, под понятием «исследовательская компетенция» мы понимаем:

в широком смысле, это комплекс характеристик личности, обеспечивающих основу для успешного выполнения исследовательской деятельности;

в узком понимании, применимом к теме нашей работы, исследовательская компетенция магистра по направлению «Педагогическое образование» – комплекс личностных образований магистра, включающих обладание им базисными знаниями о методологии исследования и индивидуальным стилем исследовательской деятельности, его личное ценностное отношение к ней и готовность к трансферу сформированных исследовательских компетенций в будущую профессиональную деятельность.

Заметим, что при вариативности авторских дефиниций сущности термина «исследовательская компетенция» очевидны общие тенденции, отражающие специфику рассматриваемого термина:

- универсальность (метапредметность) – приобретенный опыт исследовательской деятельности в период обучения в магистратуре позволит в будущем благополучно ориентироваться в незнакомых обстоятельствах и решать профессиональные проблемы;

- интегративность – представляет не единичное образование, а целую совокупность личностных образований (исследовательская культура, стиль деятельности, уровень интеллекта, направленность мышления и так далее);

- прогностичность – позволяет прогнозировать предстоящее будущее на основе аналитического мышления, адекватности восприятия и способности выделить главное, определить дальнейшие точки роста;

- превентивность – предполагает нестандартное видение потенциальных противоречий в науке, то есть умение видеть проблемы, адекватно их оценивать, когда для других они не очевидны;

- инновативность – возможность выйти за рамки традиционной деятельности, проявить креативные способности, творческое мышление;

– индивидуальность – обусловленность особенностями личности исследователя, его имеющимся опытом исследовательской деятельности, например, в период обучения в Университете по программам бакалавриата или специалитета, а также собственные научные интересы.

Считаем, что вышеизложенные факты, полученные в результате теоретического исследования, указывают на сложность и многоаспектность понятия «исследовательская компетенция». В дальнейшем, полученные материалы позволят нам уточнить содержание, компоненты, уровни развития исследовательской компетенции магистров, разработать модель и программу развития исследовательских компетенций в структуре магистерского образования.

В заключении, стоит добавить, что учитывая господство компетентностной парадигмы образования, обучение в магистратуре должно быть, направлено, главным образом, на развитие исследовательских компетенций студентов как неотъемлемого атрибута личности будущего педагога.

Список литературы / References

1. Апазаова З. Н. Формирование исследовательских умений и навыков у будущих учителей технологии методом проектов / З. Н. Апазаова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 13-16.
2. Загвязинский В. И. Наступит ли эпоха Возрождения? Стратегия инновационного развития российского образования / В. И. Загвязинский. – М. : Логос, 2014. – 140 с.
3. Качалов Д. В. Формирование исследовательской компетенции магистрантов технического вуза / Д. В. Качалов // СИСП. – 2015. – №2 (46). – С. 26-36.
4. Климентьева В. В. Развитие педагогической исследовательской компетентности магистранта филологического образования в процессе руководства школьным мультимедийным проектом : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Климентьева Виктория Викторовна. – Курск: Курский государственный университет., 2009. – 24 с.
5. Климов А. А. Вступление / А. А. Климов // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т.19. – № 3. – С. 4.
6. Константинов В. А. Методика формирования исследовательской компетентности студентов в условиях университетского ботанического сада : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Константинов Владимир Александрович. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2010. – 22 с.
7. Осипова С. И. Становление исследовательской компетентности учащихся в образовании : Монография / С. И. Осипова, Е. В. Феськова. – LAP. : Germany. – 2011. – 203 с.
8. Савенков А. И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению : Учебное пособие / А. И. Савенков. – М. : «Ось – 89», 2006. – 480 с.
9. Соляников Ю. В. Обеспечение качества подготовки магистрантов педагогического университета к научно-исследовательской деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Соляников Юрий Владимирович. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена., 2003. – 20 с.
10. Черняева Л. А. Формирование исследовательской компетенции студентов педагогического колледжа : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Черняева Лариса Александровна. – Новокузнецк: Кузбасская государственная педагогическая академия., 2011. – 25 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apazaova Z. N. Formirovanie issledovatel'skih umenij i navykov u budushhih uchitelej tehnologii metodom proektov [Formation of research abilities and skills of the future teachers by projects technology] / Z. N. Apazaova // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta [Adygei State University Bulletin]. – 2009. – № 1. – P. 13-16. [in Russian]
2. Zagvjazinskij V. I. Nastupit li jepoha Vozrozhdenija? Strategija innovacionnogo razvitija rossijskogo obrazovaniya [Will Renaissance era come? Strategy of innovative development of Russian education] / V. I. Zagvjazinskij. – M. : Logos, 2014. – 140 p. [in Russian]
3. Kachalov D. V. Formirovanie issledovatel'skoj kompetencii magistrantov tehničeskogo vuza [Formation of research competence of a technical college graduate] / D. V. Kachalov // SISIP. – 2015. – №2 (46). – P. 26-36. [in Russian]
4. Kliment'eva V. V. Razvitie pedagogičeskoi issledovatel'skoj kompetentnosti magistranta filologičeskogo obrazovaniya v processe rukovodstva škol'nym mul'timedijnym proektom [Development of pedagogical research competence undergraduates of philological education in the management of school multimedia project] : avtoref. dis. ... of PhD in Pedagogy : 13.00.08 / Kliment'eva Viktoriya Viktorovna. – Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet., 2009. – 24 p. [in Russian]
5. Klimov. A. A. Vstyplenie [Introduction] / A. A. Klimov // Psihologičeskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. – 2014. – Т.19. – №3. – P.4. [in Russian]
6. Konstantinov V. A. Metodika formirovaniya issledovatel'skoj kompetentnosti studentov v uslovijah universitetskogo botanicheskogo sada [Method of forming research competence of students in the university botanical garden] : avtoref. dis. ... of PhD in Pedagogy : 13.00.02 / Konstantinov Vladimir Aleksandrovich. – Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet., 2010. – 22 p. [in Russian]
7. Osipova S. I. Stanovlenie issledovatel'skoj kompetentnosti uchashhihsja v obrazovanii: Monografija [Formation of research competence of pupils in education: Monograph] / S. I. Osipova, E. V. Fes'kova. – LAP. : Germany. – 2011. – 203 p. [in Russian]
8. Savenkov A. I. Psihologičeskie osnovy issledovatel'skogo podhoda k obucheniju: Uchebnoe posobie [Psychological bases of the research approach to learning: Tutorial] / A. I. Savenkov. – M. : «Os' – 89», 2006. – 480 p.
9. Soljanikov Ju. V. Obespechenie kachestva podgotovki magistrantov pedagogičeskogo universiteta k nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti [Providing the quality of training of pedagogical university undergraduates to research activities] : avtoref. dis. ... of PhD in Pedagogy : 13.00.08 / Soljanikov Jurij Vladimirovich. – Sankt-Peterburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni A. I. Gercena., 2003. – 20 p. [in Russian]
10. Chernjaeva L. A. Formirovanie issledovatel'skoj kompetencii studentov pedagogičeskogo kolledzha [Formation of research competences students of pedagogical college] : dis. ... of PhD in Pedagogy : 13.00.08 / Chernjaeva Larisa Aleksandrovna. – Novokuzneck: Kuzbasskaja gosudarstvennaja pedagogičeskaja akademija., 2011. – 25 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.026

Сорокин Л.В.

ORCID: 0000-0003-4361-833X, кандидат биологических наук, Российский университет дружбы народов

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10860 а

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ СВЯЗАННЫХ С АНАЛИЗОМ И ВИЗУАЛИЗАЦИЕЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ**Аннотация**

При обучении студентов и аспирантов высших учебных заведений методам анализа больших данных, возможно появление психолого-познавательных барьеров. Одной из задач их успешного обучения является преодоление психолого-познавательных барьеров, как при анализе больших данных, так и при их последующей визуализации. Использование математических моделей при анализе больших данных позволяет выявить в них скрытые закономерности. Такие приемы как переход в другую координатную систему и выбор наиболее значимых параметров позволяют структурировать большие данные для их анализа и визуализации.

Ключевые слова: преодоление когнитивных затруднений, психолого-познавательные барьеры, преодоление познавательных барьеров, индивидуальные образовательные траектории, большие данные, MATLAB, математическое моделирование, экономический анализ.

Sorokin L.V.

ORCID: 0000-0003-4361-833X, PhD in Biology, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)

This work was supported by grant number 15-06-10860 and RHF

OVERCOMING COGNITIVE BARRIERS IN CONNECTION WITH BIG DATA ANALYSIS AND VISUALIZATION**Abstract**

Cognitive barriers can be observed during the education of undergraduate and graduate university students' by methods and technologies of big data analysis. One of the aims of successful learning is the cognitive barriers overcoming during the big data analysis and results visualization. With the help of mathematical models it is possible to reveal hidden patterns in big data. Transformation to another coordinate system and the most significant parameters choice can be helpful for big data structuring and for data analysis and visualization.

Keywords: cognitive barriers, cognitive difficulties, cognitive problems, individual education trajectory, big data, MATLAB, mathematical models, economic analysis.

Попробуем задать простой вопрос и получить «простой» ответ, а заодно приведем пример анализа больших данных (БД) и продемонстрируем возникающие при этом психолого-познавательные барьеры (ППБ) [1], [2].

Часто в процессе обучения студентов и в научной работе возникают «непреодолимые» преграды и предубеждения. Однако присутствие психолого-познавательных барьеров не означает отрицание возможности получения научного результата. Особенно в процессе обучения необходимо продемонстрировать нестандартные решения, альтернативные возможности и междисциплинарные подходы [3], [4]. Часто бывает, что проблемы одного подхода снимаются при привлечении методов и аппарата из смежных научных направлений.

Постановка задачи

В предыдущей работе [5] мы рассмотрели преодоление ППБ при анализе БД. На практике, вызывает затруднение не только анализ БД, но и приходится сталкиваться с затруднениями при визуализации результата анализа БД.

Приведем пример из курса основы безопасности жизнедеятельности – произошло землетрясение и всем рекомендуют покинуть здания, как можно быстрее.

Попробуем ответить на вопрос, сколько есть времени у людей для безопасной эвакуации из зданий после землетрясения? Обычно говорят, что после первого толчка опасные для здания колебания нарастают за 15-20 секунд. В этот момент уже целесообразно покинуть здание. Однако, если сразу покинуть здание не удалось, то необходимо определить, сколько времени остается до повторных толчков (серии автаршоков).

Этот вопрос подразумевает априорное знание большого объема данных о предшествовавших землетрясениях [6]. Кроме того необходимо иметь представление о физических процессах, связанных с подготовкой землетрясений и высвобождением энергии в процессе самого землетрясения [7].

Попытка решения задачи по проверке гипотезы о наличии связи между сейсмическими событиями с самого начала выглядит как неразрешимая задача. Психолого-познавательные барьеры и установившиеся представления в этой области настолько сильны, что сама постановка вопроса о возможной связи между землетрясениями, обычно сразу отвергается.

Считается, что сейсмические события (землетрясения) происходят с определенной периодичностью (десятки и сотни лет) [7] и это связано с медленным накоплением деформации, а в ряде случаев с изменением электропроводности породы и изменением скоростей (S) и (P) сейсмических волн в непосредственной близости от места подготовки землетрясения. Однако этих данных недостаточно для предсказания землетрясений.

В ранее проведенных исследованиях [8], [9] описано инициирование землетрясений при прохождении через их очаг сейсмических волн от других землетрясений. Это новый подход, описывающий триггерный эффект, в результате которого сейсмическая волна от одного землетрясения может спровоцировать другое землетрясение. Таким образом, из случайного массива больших данных сейсмических событий по всему земному шару можно выявить связанные во времени и пространстве землетрясения.

Преодолев ППБ при постановке задачи исследования можно перейти к анализу БД. Приведем пример как это можно осуществить.

Вычислительная модель

Для расчета времени распространения сейсмических волн в коре, мантии и ядре Земли применена известная математическая модель АК135 [10], являющаяся развитием модели IASPEI [11]. Модель IASPEI была разработана В. Kennett [11] для расчета времен распространения большого набора фаз сейсмических волн. Вычислительный алгоритм для модели IASPEI описан R. Buland & С.Н. Chapman (1983) [12]. Последняя версия IASPEI [11] включает в себя набор из 38 фаз сейсмических волн.

Основываясь на модели IASPEI [11], Brian Kennett разработал модель АК135 [10], в которой удалось осуществить более точное приближение к профилю скоростей продольных (Р) и поперечных (S) сейсмических волн в верхней мантии и коре Земли. Без учета региональной модели скоростей распространения сейсмических волн точность вычисления времени распространения сейсмических волн для разных угловых расстояний составляет 3-5 секунд. При выполнении данных расчетов не учитывалась эллиптическая коррекция, что внесло дополнительную погрешность до 7 секунд [10]. Все типы волн, которые были заложены в модель АК135, были проанализированы на предмет возможной инициации ими сейсмических событий.

Для каждого землетрясения проведено вычисление времени распространения 38 сейсмических волн и определены другие землетрясения, которые произошли в момент прохождения через их очаг сейсмической волны.

Анализ больших данных

Информация о времени, месте, магнитуде и глубине землетрясений взята из каталога USGS PDE [6]. В работе [13] анализу подвергнут 30 летний период времени с 1 января 1975 г. по 31 декабря 2004 г. включительно. Данная выборка содержит 470291 землетрясение с известными магнитудами. Проведенный в работе [13] анализ БД, выявил, что среди них 308485 землетрясений произошло во временном окне один час после предыдущего события, а из них 26431 землетрясений произошло на расстоянии в 1 угловой градус от эпицентра предыдущего события.

Возникает вопрос как можно просто и понятно представить результат анализа БД в графической форме?

ППБ при анализе результата и визуализации больших данных

С одной стороны мы имеем временной ряд из последовательности землетрясений, а с другой стороны все землетрясения происходят в планете Земля и могут быть описаны в сферических координатах с поправкой на геоид.

Переход в другую координатную систему, связанную с распространением сейсмических волн в Земле позволяет структурировать данные для их анализа и визуализации.

В качестве решения данной проблемы в работе [8] было предложено простое решение: координатная система была связана с центром координат самого землетрясения, а по осям отложены время распространения сейсмической волны, угловое расстояние и число событий. Применение данного подхода позволяет сгруппировать данные о сейсмических событиях по их пространственно-временным характеристикам. Данное построение хорошо известно в геометрии и сейсмологии и называется «годографом», однако для пространственно-временного анализа БД было применено в работе [8].

Результат исследования [13] был доложен в Воронеже (2006 г.) на конференции «Активные геологические и геофизические процессы в литосфере. Методы, средства и результаты изучения». На рисунке 1 представлен участок годографа, на котором отображена зависимость числа афтершоков в координатах: угловое расстояние и интервал времени между парными событиями [13]. По горизонтальной оси – время между афтершоками в интервале времени 60 минут. В глубину – угловое расстояние между афтершоками (один градус с шагом в 2 минуты). По вертикальной оси – число афтершоков.

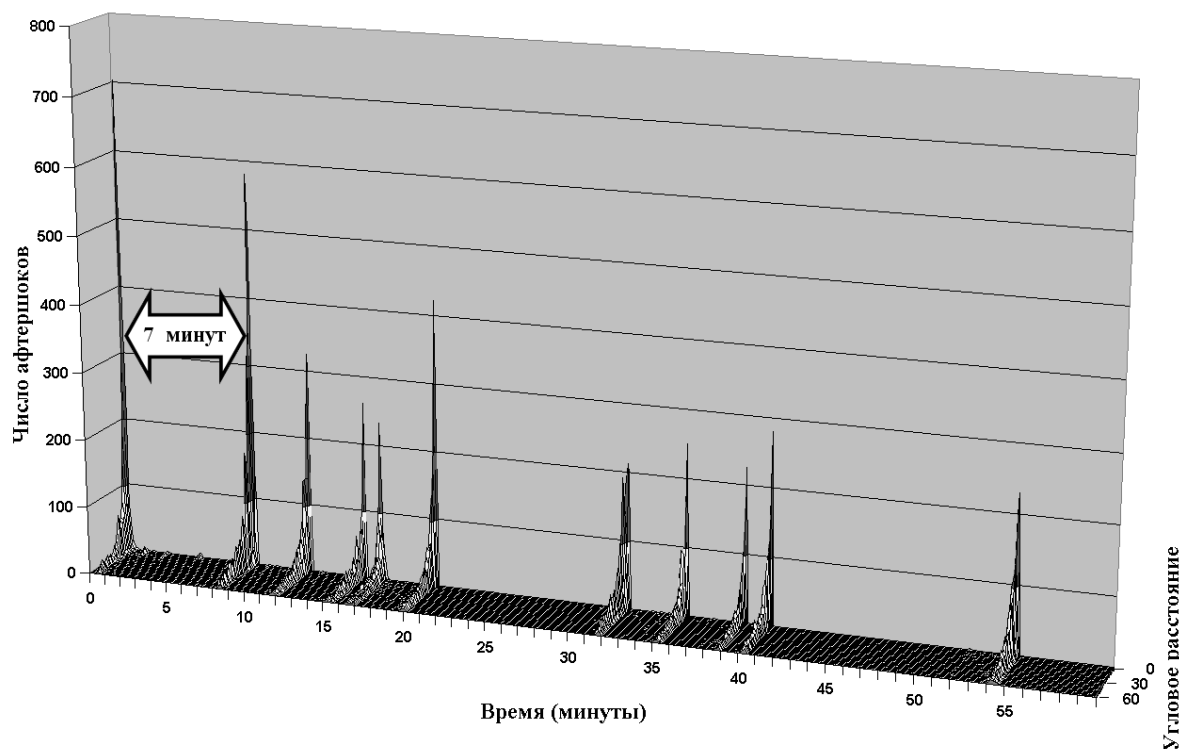

Рис. 1 – Годограф зависимости числа афтершоков в координатах: угловое расстояние и интервал времени между парными событиями

Источник: Сорокин Л.В. Пространственно-временные связи последовательности афтершоков [13]

В работе [13] результат селекции афтершоков (26431 парное событие) визуализирован в более привычной форме годографа (рис. 1), что существенно облегчает восприятие большого массива данных. Данный годограф построен для всех событий, удовлетворивших условию отбора. Практически все события сгруппировались относительно моментов времени вступления сейсмических волн в точках с координатами эпицентров данных афтершоков. Таким образом, в работе [13] осуществлен переход в систему координат связывающую время распространения сейсмических волн с угловым расстоянием между эпицентрами землетрясений очаговой зоны. Половина всех исследованных событий за период в 30 лет, находящихся на расстояниях до одного углового градуса и лежащих во временном окне 60 минут, оказалась в интервале времени ± 30 секунд от расчетного времени прохождения сейсмической волны через эпицентр афтершока, а 25% всех событий – в интервале времени ± 10 секунд.

Из рисунка 1 видно, что в первую минуту после вступления сейсмической волны от основного толчка землетрясения наблюдается рой землетрясений в очаговой зоне. Следующий максимум сейсмической активности в зоне очага землетрясения наблюдается между 8-ой и 9-ой минутами после основного толчка. Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что после основного толчка землетрясения и до начала серии афтершоков имеется интервал времени в 7 минут для безопасной эвакуации из зданий.

В последующих исследованиях этот подход был применен в работе [14] для анализа пространственно-временных связи последовательности афтершоков катастрофического землетрясения 26 декабря 2004 в Индонезии.

Обсуждение

Преодоление ППБ при анализе больших данных и их последующей визуализации позволило просто и красиво решить сложную задачу по определению безопасного интервала времени для эвакуации из зданий при землетрясении. Такие приемы как переход в другую координатную систему и выбор наиболее значимых параметров позволяют структурировать данные для их анализа и визуализации. Применение методов анализа БД и их визуализации может быть востребовано при обучении студентов и аспирантов высших учебных заведений.

Список литературы / References

1. Пилипенко А.И. Феномен психолого-познавательных барьеров в обучении: опыт теоретического исследования. / А.И. Пилипенко. – Курск: КГТУ, – 1995. – 103 с.
2. Белянина И.Н., Богомаз И.В. Познавательные барьеры студентов вуза и педагогические условия их преодоления / И.Н. Белянина // Вестник ТГПУ. – 2014. 2 (143), – С. 114–116.
3. Баранова Н.М., Сорокин Л.В. Компьютерные прикладные программы в формировании стиля мышления будущего специалиста / Н.М. Баранова // Международный научно-исследовательский журнал International research journal, № 11(42), Екатеринбург, – 2015. – С. 60–63. DOI: 10.18454/IRJ.2015.42.202
4. Сорокин Л.В., Баранова Н.М. Применение системы MATLAB для развития методов математического мышления у студентов экономических специальностей / Л.В. Сорокин // Международный научно-исследовательский журнал International research journal, № 11(42), Екатеринбург, – 2015. – С. 99–102. DOI: 10.18454/IRJ.2015.42.093
5. Сорокин Л. В., Баранова Н. М., Преодоление психолого-познавательных барьеров студентов вуза при обучении анализу больших данных / Л.В. Сорокин // Международный научно-исследовательский журнал International research journal, № 12 (54), часть 4, Екатеринбург, – 2016. – С. 86-90. DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.066
6. Search Earthquake Catalog U.S. Geological Survey National Earthquake Information Center. [Электронный ресурс] URL: <http://earthquake.usgs.gov/earthquakes/search/> (дата обращения 28.11.2016).
7. Eiby, G.A. Earthquakes / G.A. Eiby. – London: Heinemann, 1980. – 209 p. ISBN 0 435 35076 4
8. Сорокин Л.В. Динамика инициирования землетрясений сейсмическими волнами / Л.В. Сорокин // Геодинамика и геологические изменения в окружающей среде северных регионов: Материалы Всероссийской конференции с международным участием. В 2 т. Т. II. Архангельск: Институт экологических проблем Севера УрО РАН, 2004, Том 2, – С. 258-261. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19475842> (дата обращения 28.11.2016).
9. Сорокин Л. В. Инициирование землетрясений сейсмическими волнами / Л. В. Сорокин // Вестник РУДН: Серия «Физика». 2005. №1(13). – С. 141-148., ISSN:2312-9735, URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11743126> (дата обращения 28.11.2016).
10. Kennett B.L.N. Seismological Tables: AK135. / B.L.N. Kennett. – Research School of Earth Sciences. The Australian National University. Canberra. 2005. – 81 p.
11. Kennett B.L.N. IASPEI 1991 Seismological Tables. / B.L.N. Kennett. – Research School of Earth Sciences Australian National University. Canberra. 1991.
12. Buland. R and C.H. Chapman. The computation of seismic travel times / R. Buland. – Bull. Seism. Sot. Am. – 1983. – v. 73, – P. 1271-1302
13. Сорокин Л.В. Пространственно-временные связи последовательности афтершоков / Л.В. Сорокин // Активные геологические и геофизические процессы в литосфере. Методы, средства и результаты изучения: материалы XII международной конференции 18-23 сентября 2006 года: в 2 т. – Воронеж: Воронежский государственный университет, – 2006. – Том II. – 336 с. С. 170-175.
14. Сорокин Л.В. Пространственно-временные связи последовательности афтершоков катастрофического землетрясения 26 декабря 2004 / Л.В. Сорокин // Геофизика XXI столетия: 2006 год. Сборник трудов Восьмых геофизических чтений имени им. В.В. Федынского (2-4 марта 2006 г., Москва). - Тверь: ООО "Издательство ГЕРС", – 2007. – С. 238-243. ISBN 5-89176-226-9

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pilipenko A. I. Fenomen psihologo-poznavatel'nyh bar'erov v obuchenii: opyt teoreticheskogo issledovaniya. [The phenomenon of psychological-cognitive barriers to learning: experience of theoretical research]. / A. I. Pilipenko // Kursk: KGTU [Kursk, Kursk State Technical University Publ.], – 1995., – 103 p. [in Russian]

2. Belyanina I. N., Bogomaz I. V. Poznavatel'nye bar'ery studentov vuza i pedagogicheskie uslovija ih preodolenija [Cognitive barriers of higher school students and pedagogical conditions to overcome them]. / I. N. Belyanina // Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]. – 2014. 2 (143), – P. 114–116. [in Russian]
3. Baranova N.M., Sorokin L.V. Komp'yuternye prikladnye programmy v formirovanii stilja myshlenija budushhego specialista [Computer applications in making the intellection style of the future specialist]. / N.M. Baranova // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal], № 11(42), Ekaterinburg, – 2015. – P. 60–63., DOI: 10.18454/IRJ.2015.42.202 [in Russian]
4. Sorokin L.V., Baranova N.M. Primenenie sistemy MATLAB dlja razvitija metodov matematicheskogo myshlenija u studentov jekonomicheskikh special'nostej [MATLAB aplication for development of mathematical thinking in the education of the economic department students]. / L.V. Sorokin // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal], № 11(42), Ekaterinburg, – 2015. – P. 99–102., DOI: 10.18454/IRJ.2015.42.093 [in Russian]
5. Sorokin L. V., Baranova N. M., Preodolenie psihologo-poznavatel'nyh bar'erov studentov vuza pri obuchenii analizu bol'shih dannyh [Overcoming cognitive barriers of higher school students in big data analysis education] / L.V. Sorokin // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal], № 12 (54), Ekaterinburg, – 2016. – P. 86–90., DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.066 093 [in Russian]
6. Search Earthquake Catalog U.S. Geological Survey National Earthquake Information Center. [Electronic resource] URL: <http://earthquake.usgs.gov/earthquakes/search/> (accessed 28.11.2016).
7. Eiby, G.A. Earthquakes / G.A. Eiby. – London: Heinemann, 1980. – 209 p. ISBN 0 435 35076 4
8. Sorokin L.V. Dinamika iniciirovanija zemletrjasenij seismicheskimi volnami. / L.V. Sorokin // Geodinamika i geologicheskie izmenenija v okruzhajushhej srede severnyh regionov: Materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. V 2 t. T. II. Arhangel'sk: Institut jekologicheskikh problem Severa UrO RAN, 2004, Tom 2, – P. 258–261., URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19475842> (accessed 28.11.2016). [in Russian]
9. Sorokin L. V. Iniciirovanie zemletrjasenij seismicheskimi volnami [Triggering of the Earthquakes by Seismic Waves] / L.V. Sorokin // Vestnik RUDN: Serija «Fizika» [Bulletin of PFUR. Series Physics]. 2005. №1(13). – P. 141–148., ISSN: 2312-9735, URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11743126> (accessed 28.11.2016). [in Russian]
10. Kennett B.L.N. Seismological Tables: AK135. / B.L.N. Kennett. – Research School of Earth Sciences. The Australian National University. Canberra. 2005. – 81 p.
11. Kennett B.L.N. IASPEI 1991 Seismological Tables. / B.L.N. Kennett. – Research School of Earth Sciences Australian National University. Canberra. 1991.
12. Buland. R and C.H. Chapman. The computation of seismic travel times / R. Buland. – Bull. Seism. Sot. Am. – 1983. – v. 73, – P. 1271–1302
13. Sorokin L.V. Prostranstvenno-vremennye svjazi posledovatel'nosti aftershokov. / L.V. Sorokin // Aktivnye geologicheskie i geofizicheskie processy v litosfere. Metody, sredstva i rezul'taty izuchenija: materialy XII mezhdunarodnoj konferencii 18-23 sentjabrja 2006 goda: v 2 t. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, – 2006. – Tom II. –336 p., P. 170–175., [in Russian]
14. Sorokin L.V. Prostranstvenno-vremennye svjazi posledovatel'nosti aftershokov katastroficheskogo zemletrjasenija 26 dekabrja 2004 / L.V. Sorokin // Geofizika XXI stoletija: 2006 god. Sbornik trudov Vos'myh geofizicheskikh chtenija imenij im. V.V. Fedynskogo (2-4 marta 2006 g., Moskva). - Tver': OOO "Izdatel'stvo GERS", – 2007. – P. 238–243., ISBN 5-89176-226-9, [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.127

Тарасова О.В.¹, Сипливая Л.Е.², Яцюк В.Я.³, Кукурека А.В.⁴¹Кандидат фармацевтических наук, Курский государственный медицинский университет,²ORCID: 0000-0003-0195-8950, профессор, доктор биологических наук, Курский государственный медицинский университет, ³профессор, доктор фармацевтических наук, Курский государственный медицинский университет,⁴кандидат фармацевтических наук, Курский государственный медицинский университет**РОЛЬ НОВОЙ ВАРИАТИВНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ АНАЛИТИЧЕСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ХИМИЕЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРОВИЗОРА****Аннотация**

Рассмотрено внедрение дисциплины "Основы анализа лекарственных средств", которая образует переход при изучении аналитической и фармацевтической химии и формирует междисциплинарные связи. Это позволяет перераспределить время изучения отдельных тем общей фармацевтической химии и уделить больше внимания специальной фармацевтической химии, а также новым разделам, таким, как валидация методов фармацевтического анализа, декларирование соответствия лекарственных средств, контроль качества в условиях промышленного производства.

Ключевые слова: аналитическая химия, фармацевтическая химия, провизор, высшее образование.

Tarasova O.V.¹, Siplivaya L.E.², Yatsuk V.Ya.³, Kukureka A.V.⁴

¹PhD in Pharmaceutics, Kursk State Medical University; ²ORCID: 0000-0003-0195-8950, Professor, PhD in Biology, Kursk State Medical University; ³Professor, PhD in Pharmaceutics, Kursk State Medical University; ⁴PhD in Pharmaceutics, Kursk State Medical University

THE ROLE OF THE NEW DISCIPLINE IN CONJUNCTION VARIABILITY BETWEEN ANALYTICAL AND PHARMACEUTICAL CHEMISTRY IN TRAINING SPECIALISTS PHARMACIST**Abstract**

We consider the introduction of discipline "Fundamentals of drugs analysis", which forms the transition in the study of analytical and pharmaceutical chemistry and interdisciplinary forms of communication. This allows you to redistribute the study of individual topics of general pharmaceutical chemistry, and pay more attention to the special pharmaceutical chemistry, as well as new sections, such as the validation of methods of pharmaceutical analysis, declaration of conformity of medicines, quality control in industrial production.

Keywords: analytical chemistry, pharmaceutical chemistry, pharmacist, higher education.

В настоящее время в нашей стране происходят существенные социально-экономические преобразования, которые приводят к изменениям в сфере подготовки специалистов с высшим образованием. Совершенствование системы высшего образования России все больше определяется тенденциями и перспективами развития производства, общества и государства. Современное состояние развития фармацевтического производства, качества и анализа лекарственных средств определяют положение аналитической химии при получении фармацевтического образования. Аналитическая химия входит в математический и естественно-научный цикл общехимических дисциплин при подготовке провизора и является базой для изучения фармацевтической химии, фармакологии, фармакогнозии, фармацевтической технологии на старших курсах.

Химическая подготовка всегда занимала одну из важных ролей при подготовке провизора, и особенно специалиста, профессиональная деятельность которого в последующем будет связана с анализом качества лекарственных средств. С одной стороны, она необходима для формирования химического мировоззрения, с другой - является важной составляющей профессиональной компетентности провизора. Квалификация провизора требует от выпускника умений проводить стандартизацию и анализ качества как лекарственных препаратов, так и биологически-активных добавок [1].

Содержание химической подготовки провизора включает субстанциональные и функциональные требования. К субстанциональным относят владение химическим языком, эрудицию в области химических явлений, понимание принципов научной методологии, знание общехимических и общенаучных представлений и моделей, содержания и возможностей основных теоретических и экспериментальных методов классической и современной химии; к функциональным - развитый интеллект, способность к аналитическому и критическому мышлению, способность и желание к самосовершенствованию, умение работать с литературными источниками и базами данных, практическое владение методами и приемами экспериментальной работы, понимание своей роли в обществе [2, С. 93-99].

Таким образом, основная цель обучения студентов химическим дисциплинам заключается в формировании общепрофессиональных компетенций в преломлении к будущей фармацевтической деятельности, на основе которых формируются профессиональные компетенции выпускников фармацевтического факультета.

Например, общепрофессиональные компетенции, формируемые в курсе изучения аналитической химии, складываются из знаний качественных реакций; техники выполнения аналитических операций, методик качественных и количественных анализов; умения анализировать сложные смеси с использованием дробного и систематического анализа; подборе методик для проведения анализа с учетом знаний химического строения веществ; работе с мерной посудой, приборами; в умении готовить титрованные растворы, рассчитывать титр и эквивалентную концентрацию раствора; выполнения расчетов в титриметрическом анализе, проведении анализа по физическим или физико-химическим свойствам веществ с использованием инструментальных методов. Такие общепрофессиональные компетенции являются базой для дальнейшего изучения профильных дисциплин, и в первую очередь, фармацевтической химии, одной из основных задач которой является определение структуры, подлинности, чистоты и количественного содержания лекарственных веществ и препаратов на основе общих закономерностей химических наук.

Реализация процесса обучения, ориентированная на достижение опыта решения интегративных проблем, обуславливает возможность логично соединить интеграцию знаний с проблемно-поисковой деятельностью студента. В связи с этим в качестве инструмента для эффективного развития химической компетенции, компонентов общих и профессиональных компетенций студентов фармацевтического факультета нами использован проблемно-интегративный подход. Такой подход предполагает объединение информации как на уровне материала по одной дисциплине, так и на уровне материала из нескольких учебных дисциплин. В связи с чем в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования III поколения в 2012-2013 учебном году на кафедре фармацевтической, токсикологической и аналитической химии Курского государственного медицинского университета предложена и разработана авторская учебная программа дисциплины "Основы анализа лекарственных средств".

Дисциплина изучается студентами 2 курса фармацевтического факультета очного и 3 курса заочного обучения, является обязательной, относится к вариативной части математического, естественно-научного и медико-биологического цикла и предшествует изучению фармацевтической химии. Введение дисциплины такого направления объясняется уменьшением количества часов как аналитической, так и фармацевтической химии практически на 10%.

Целью изучения дисциплины является обобщение и систематизация сведений, касающихся базовых теоретических знаний и практических навыков, полученных при изучении общетеоретических дисциплин, необходимых для более глубокого освоения специфических особенностей фармацевтического анализа.

Основными задачами являются:

- изучение основных подходов к определению подлинности лекарственных средств неорганической (анализ по катионам и анионам) и органической природы (анализ по функциональным группам) химическими методами;
- изучение основных принципов использования современных физических и физико-химических методов для анализа как индивидуальных лекарственных средств, так и лекарственных форм;
- изучение основ математической обработки результатов анализа в соответствии с требованиями ГФ;
- формирование умений и навыков, необходимых для выполнения анализа индивидуальных лекарственных средств.

Изучаемый материал содержит три модуля: качественный анализ лекарственных средств неорганической природы по катионам и анионам и лекарственных средств органической природы по функциональным группам; классические химические методы количественного анализа лекарственных средств и инструментальные методы анализа лекарственных средств.

В высшей школе выделяют несколько типов междисциплинарных связей, которые успешно реализуются введением вариативной дисциплины.

Учебные междисциплинарные прямые связи обусловлены тем, что усвоение фармацевтической химии базируется на знании аналитической химии, закрепление и углубление материала которой восполняется в курсе изучения основ анализа лекарственных средств. Лекарственные средства как общий объект исследования и общая цель – проведение анализа по установлению структуры, подлинности, чистоты и количественного содержания лекарственных веществ, обуславливают исследовательские междисциплинарные связи проблемного характера. Ментально-опосредованные связи возникают за счет формирования интеллектуальных умений, необходимых в профессиональной деятельности, например, по разработке новых методов и технологий в области фармации. Опосредованно-прикладные связи формируются с помощью усвоения общих понятий, связывающих все три дисциплины.

Внедрение основ анализа лекарственных средств позволило перераспределить время изучения отдельных тем общей фармацевтической химии и уделить больше внимания специальной фармацевтической химии, а также новым разделам, таким, как валидация методов фармацевтического анализа, декларирование соответствия лекарственных средств, контроль качества в условиях промышленного производства.

Список литературы / References

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 11.08.2016 № 1037 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 33.05.01 Фармация (уровень специалитета)" (Зарегистрирован в Минюсте России 25.08.2016 № 43406) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608260008> (дата обращения: 10.12.2016).

2. Юффа А. Я. Проблемы и перспективы высшего химического образования / А. Я. Юффа, С. А. Паничев // Российский химический журнал. – 2003. – № 2. – С. 93-99.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 11.08.2016 № 1037 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po special'nosti 33.05.01 Farmacija (uroven' specialiteta)" (Zaregistrirovan v Minjuste Rossii 25.08.2016 № 43406) [Russian Federation Ministry of Education and Science on 11.08.2016 number 1037 "On approval of the federal state educational standard of higher education in the specialty 33.05.01 Pharmacy (Speciality level)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia 25.08.2016 number 43406)] [Electronic resource] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [The official internet-portal of legal information] [site]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608260008> (accessed: 10.12.2016). [in Russian]

2. Juffa A. Ja. Problemy i perspektivy vysshego himicheskogo obrazovaniya [Problems and prospects of higher chemical education] / A. Ja. Juffa, S. A. Panichev // Rossijskij himicheskij zhurnal [Russian Chemical Journal]. – 2003. – № 2. – P. 93-99. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.109

Черемных А.В.

ORCID: 0000-0002-3229-7094, аспирант,

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ОБЪЕКТА ОЦЕНИВАНИЯ****Аннотация**

В статье представлен обзор современных подходов к определению понятия образовательной деятельности как объекта оценивания. Автором проанализированы определения образования и образовательной деятельности представленные в научно-педагогическом знании, междисциплинарных исследованиях, законодательстве, международных концепциях, теории и практике оценивания. Выявлены сущностные характеристики образовательной деятельности, значимые для оценивания, сформулированы основные положения определения образовательной деятельности как объекта оценивания.

Ключевые слова: образовательная деятельность, процедуры оценивания образовательной деятельности, образование, критерии оценивания.

Cheremnykh A.V.

ORCID: 0000-0002-3229-7094, Postgraduate student,

Ulyanovsk State Pedagogical University

MODERN APPROACHES TO DEFINITION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AS OBJECT ASSESSMENT**Abstract**

The article presents a review of modern approaches to the definition of educational detail as object of assessment. The author analyzes presented in scientific and pedagogical knowledge, interdisciplinary context, legislation, international concepts, theory and practice, assessment interpretation of education and educational activities.. Identified the essential characteristics of educational activities, which are significant for assessment, formulated the basic provisions of the definition of educational activities as the evaluation object.

Keywords: educational activities, procedures, assessment of educational activities, education, and assessment criteria.

В контексте формирования системы оценки качества образования [8] образовательной системы важное место занимает вопрос понимания образовательной деятельности как объекта оценивания. Для эффективного оценивания, совершенствования показателей и критериев оценивания необходимо уточнение понятия самого объекта оценивания, системообразующих компонентов, сущностных характеристик, адекватных современным организационно-педагогическим и социально-экономическим условиям.

В статье мы рассмотрим основные подходы к определению образовательной деятельности как объекта оценивания на примере общеобразовательной организации, сформулируем определение образовательной деятельности в данном контексте.

Образовательная деятельность — основная деятельность образовательной организации. Оценивание образовательной деятельности на сегодняшний день является одной из актуальных и обсуждаемых тем как в педагогическом сообществе, так и в междисциплинарном контексте. Несмотря на большое количество исследований и публикаций, единое определение не сформировано. Содержательный аспект понятия отражает слово «образовательная», функциональный — «деятельность».

Анализ дефиниции понятия образования позволит нам выявить сущностные характеристики, значимые для оценивания. Универсального единого определения как в энциклопедических изданиях, так и в педагогической науке не существует, что осложняет понимание образовательной деятельности как объекта оценивания. Толковый словарь русского языка выделяет такие качества образования, как результат и деятельность по его достижению. Большой советский энциклопедический словарь шире подходит к определению образования: процесс развития и саморазвития личности. Педагогическая энциклопедия содержит указание на совокупность систематизированных знаний, навыков и умений. Неспециальные толкования понятия «образования» в энциклопедических и словарных изданиях отражают представленные выше содержания данного термина: результат, процесс, содержание.

Обратимся к специальным научным определениям понятия "образование". Образование является объектом педагогики. В.А.Сластенин [10, С. 52] указывает на характеристики образования, отражающие его специфику как научного объекта: - система педагогических явлений действительности, - педагогический процесс, - образование организовано в социальных институтах. И.П. Подласый рассматривает образование преимущественно как результат обучения и объём систематизированных знаний. [9, С. 10]. Краевский В.В., Хуторской А.В. отмечают не только целенаправленность процесса воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства, но и интегративность понятия [6, С.4]. В работах Б.С. Гершунского, Е.И. Казакова, А.П. Тряпицыной указано также на отмеченные другими исследователями характеристики, качества, компоненты образования. Андреев В.И. предлагает понимание образования: введение человека в мир культуры на разных этапах его жизни, включая в данный процесс и обучение, и воспитание, и развития, переходящий в самообразование. Применительно к образовательной деятельности Андреев использует контекст образовательной системы [1, С. 21]. Анализ понятия "образование" в педагогической науке подтверждает отсутствие единого понимания, которое зависит от того или иного подхода к трактовке объекта педагогики (системного, знаниевого, деятельностного, процессного, аксиологического). Синонимами образования в педагогике являются понятия «образовательный процесс», «педагогический процесс». Данные понятия дополнительно указывают на процессную составляющую, отражают специфику - взаимодействие педагогов и обучающихся.

Образование отражает уровень и задачи социального развития, на образование всегда оказывают влияние политические установки, экономика [4, С. 25]. Соответственно, комплекс требований к образованию меняется. В настоящее время основными тенденциями в сфере образования являются гуманизм, цель которого гармоничное развитие личности, достижимое через повышение социальной и педагогической эффективности. Данные тенденции проявляют себя в управлении образовательной организацией, образовательных технологиях, подходах к организации процесса, формировании содержания образования.

Образовательная система характеризуется открытостью, централизованностью и упорядоченностью. В современных исследованиях система образования рассматривается как синергетическая система, соответственно, процессы, протекающие в ней, изучаются в рамках синергетической постнеклассической парадигмы [1, С. 21]. В контексте системного подхода образование выделяются такие качества как гибкость, динамичность, вариативность, адаптивность, стабильность, прогностичность, преемственность, целостность [3, С. 40].

Следует отметить еще один важный аспект, который отражен в Конституции РФ: образование – это право [5]. В Российской Федерации законодательно закреплена обязательность освоения гражданами отдельных уровней образования (например, начальное общее, основное общее). Для реализации данного права государством обеспечивается функционирование отрасли образования: создаются условия, включающие в себя нормативно-правовое регулирование в данной сфере, систему организаций, формирование содержания образования, систему подготовки кадров и пр. В контексте целей нашего исследования необходимо привести определение понятия «образования» в Федеральном законе от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Активное развитие законодательно регламентированных процедур оценивания (лицензирование, государственная аккредитация, самообследование, независимая оценка и общественная, профессионально-общественная аккредитация) указывает на значимость трактовки понятия «образование», приведенного в законе: в трактовке понятия нашли отражения все аспекты образования, зафиксированные в научно-педагогическом знании, понимание образования в законодательстве не противоречит пониманию образования как объекта педагогики [11]. На основании вышеизложенного можно выделить значимые характеристики образования, в контексте оценивания. Рассматривая образование как объект оценивания, мы должны понимать, с какой целью и какие параметры и характеристики подвергать оценке, а также какие инструменты использовать для достижения поставленных целей. Таким образом, как и большинство исследователей, мы отмечаем следующие характеристики образования: - результат обучения и воспитания; - целенаправленный процесс, который характеризуется продолжительностью, непрерывностью, открытая иерархичная система. В контексте оценивания такие характеристики образования как многоуровневая иерархичная система, функция общества и государства по отношению к своим гражданам, самих граждан по отношению в себе, отнесение к социальной сфере отражают значимость и статус образовательной деятельности. Приведенные выше характеристики образования определяют сущностные аспекты образовательной деятельности: целенаправленный и целостный процесс, результат которого обучение и воспитание, содержание - объем систематизированных знаний, умений, навыков, социальная ценность образования выражена в организации государством и обществом предоставления условий для получения образования как неотъемлемого права человека.

В нашем исследовании мы рассматривает образовательную деятельность, осуществляемую образовательной организацией. Образование как деятельность относится к нематериальной духовной сфере. Деятельность определяется как целенаправленный организованный процесс. Единого определения образовательной деятельности также не сформулировано. Рассмотрим одно из немногочисленных определений образовательной деятельности, приведенное в словаре Профессионального образования: структурно, последовательно спланированная деятельность организаторов образования (педагоги, администрация, образовательная организация в целом), направлена на достижение цели (результата) [2, С. 199]. Структура образовательной деятельности включает работу педагогических и административных работников, содержание как инструмент достижения цели, планируемый результат. Отметим, что образовательная деятельность предполагает наличие и использование ресурсов (материальных, информационных и т.п.), позволяющих организовать образовательный процесс. Целесообразно указать еще на один подход в понимании образовательной деятельности. Международная стандартная классификация образования МСКО ЮНЕСКО, специально разработанная для изучения и описания систем образования в разных государствах, определяет образовательную деятельность как целенаправленную деятельность, предполагающую определенную форму коммуникации, нацеленную на обучение [7].

Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регулирует и регламентирует образовательную деятельность, которую определяет как деятельность по реализации образовательных программ. Образовательная деятельность законодательно регламентирована. Контекст процедур оценивания указывает на необходимый компонент – образовательную программу. Программа устанавливает конкретные параметры и элементы образовательной деятельности, является инструментом и организационным механизмом ее реализации и достижения. Осуществление образовательной деятельности возможно при наличии специального разрешения лицензии. Содержание лицензирования как процедуры оценивания направлено на установление соответствия условий осуществления образовательной деятельности установленным требованиям (материальных, кадровых, информационно-библиотечных, учебно-методических и т.д.) для осуществления заявленных на лицензирование образовательных программ. Таким образом, образовательная деятельность при лицензировании оценивается только в части условий ее осуществления в соответствии с необходимым минимумом, лицензионными требованиями установленным федеральными государственными образовательными стандартами. Государственная аккредитация предполагает комплексную оценку образовательной деятельности, где основными критериями оценивания являются требования федеральных государственных образовательных стандартов, включающих требования к условиям. На сегодняшний день мы наблюдаем нормативное совершенствование данных процедур, набавленное в сторону все более жесткой регламентации государственных процедур оценивания. Аккредитационная экспертиза, центральный компонент процедуры государственной аккредитации, как и другие оценочные процедуры

будет проводится по установленному Министерством образования и науки РФ перечню документов. Процедуры оценивания, составляющие федеральный государственный надзор (контроль) в сфере образования содержательно дублируют государственную аккредитацию (федеральный государственный контроль качества образования), оценивают так же организационные условия, где критериями выступают требования нормы образовательного законодательства. Независимая оценка, общественная и общественно-профессиональная аккредитация в качестве критериев выдвигают значимые для потребителей образования требования. Таким образом, субъект оценивания определяет характер и уровень требований и критериев оценки образовательной деятельности, проявляя тем самым свою непосредственную заинтересованность. В контексте оценивания образовательной деятельности необходимо указать, что законодательно установленные требования к ее осуществлению как со стороны организации, так и со стороны педагогических работников и обучающихся недопустимо игнорировать при проектировании систем оценивания, а целесообразно использовать как минимальное пороговое значение критериев оценивания. Отметим, что внутренние системы оценки качества образовательной деятельностью имеют больший потенциал для осуществления полной и целостной оценки образовательной деятельности. Обязательные требования к осуществлению образовательной деятельности направлены обеспечение текущего функционирования образовательной организации. В случае потребности реализации приоритетных направлений развития образовательной организации необходимо ориентироваться на количественные и качественные показатели деятельности, понимание определенного порядка организации данной деятельности, учета ее специфики и особенностей участников образовательных отношений. Участники образовательных отношений на сегодняшний день могут оказывать значительное влияние не только на содержание деятельности (например, часть, формируемая участниками образовательного процесса в учебном плане общего образования), но и на ресурсы (взаимоотношения с педагогами, участие в работе попечительских советов). Таким образом, мы можем утверждать, что реализация образовательной программы предполагает также организацию конструктивного взаимодействия между участниками. Данная задача, в первую очередь, под силу администрации, создающей условия и задающей параметры среды.

Понятие образовательной услуги связано с образовательной деятельностью, в экономической науке данные понятия могут сближаться. Услуга - то, что представляется заказчику, который оплачивает ее, вправе диктовать свои требования к качеству оказываемой услуги. Предоставляется образовательная услуга обучающемуся непосредственно: он получает образование. Однако не всегда обучающийся является заказчиком в прямом смысле. Когда речь идет об образовании стандартизированном, заказчиком все же выступает государство, позволяя потребителю действовать в пределах установленных для него рамок. В педагогике указанный подход не популярен, так как искажает сущность образования как целостного педагогического процесса, не учитывая структуру образовательной деятельности, где важная роль отведена организации педагогического взаимодействия, и данная деятельность достаточно продолжительна по времени. Образовательная деятельность предполагает непосредственное участие преподавателя или наставника, направляющего коммуникацию, знания и навыки на учебный процесс. Поддержание необходимого качественного уровня данной коммуникации должно быть отражено в управлении реализацией образовательной программой.

Для полноты обзора подходов к пониманию образовательной деятельности следует указать процессный подход. Данный подход используется при оценивании качества образовательной деятельности, в управлении качеством образования. Образовательная деятельность в пределах данного подхода рассматривается как совокупность основных и вспомогательных процессов, включающих в себя также процессы управления реализацией образовательной деятельностью.

Образовательная деятельность относится к социальной сфере и регламентируется государством. Под образовательной деятельностью понимается деятельность организаций по реализации образовательных программ [11]. Вышеуказанная трактовка понятия наиболее точно отражает задачи оценивания, поскольку основным содержательным, целевым, организационным аспектом, определяющим образовательную деятельность, является образовательная программа.

В нашем исследовании образование рассматривается как основной вид деятельности образовательной организации, которая осуществляется в интересах государства, общества, индивида. В сложившейся теории и практике оценивания образовательной деятельности оцениваются такие общие характеристики как качество (качество процесса, условий, результата), эффективность, результативность. Анализ основных подходов к определению образовательной деятельности позволил выявить основные структурные элементы образовательной деятельности, выделить основные сущностные характеристики, имеющие значение для оценивания.

Концептуальной основной образовательной деятельности является образовательная программа. Определение образовательной деятельности как объекта оценивания должно учитывать следующие положения, конкретизирующих реализацию образовательных программ: управляемый процесс, направленный на достижение результатов образовательной программы с заданными параметрами качества компонентов образовательной программы, эффективное использование созданных условий и имеющихся ресурсов, необходимых для достижения результатов (эффективность использования и доступность ресурсов), организацию эффективного взаимодействия всех участников образовательных отношений; организованный процесс коммуникации с целью обучения и воспитания, протекающий в открытой системе.

Список литературы / References

1. Андреев В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. – Казань, 2000. – 598 с.
2. Вешнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М: НМЦ СПО, 1999. – 538 с.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Совершенство, 1998. – 680 с.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 199. – 448с.

5. Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://constitution.ru/> (дата обращения 21.10.2016).
6. Краевский В.В. Воспитание или образование? / В.В. Краевский Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 3–10.
7. Международная стандартная классификация образования МСКО 2011, 2013 [Электронный ресурс] URL: <http://uis.unesco.org/Library/Documents/> (дата обращения 21.10.2016).
8. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70643472/> (дата обращения 01.11.2016)
9. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студентов пед. вузов: В 2 кн. Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 576 с.
10. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
11. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174/ (дата обращения 21.10.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreev V.I. Pedagogika: uchebnyj kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya [Pedagogics: educational course for creative self-development]. – Kazan', 2000. – 598 p. [in Russian].
2. Veshnyakova S.M. Professional'noe obrazovanie. Slovar'. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktual'naya leksika [Professional education. Dictionary. Key notions, terms, relevant vocabulary]. – M.: NMC SPO, 1999. – 538 p. [in Russian].
3. Gershunskij, B.S. Filosofiya obrazovaniya dlya HKHI veka (V poiskah praktiko-orientirovannyh obrazovatel'nyh koncepcij) [Philosophy of education for XXI century (In search of practice-oriented educational concepts)]. / B.S. Gershunskij. – M.: Sovershenstvo, 1998. – 680 p. [in Russian].
4. Gessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu [Basics of pedagogy. Introduction in applied philosophy]. – M., 199. – 448 p. [in Russian].
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Constitution of the Russian Federation] [Electronic resource] URL: <http://constitution.ru/> (accessed: 21.10.2016) [in Russian].
6. Kraevskij V.V. Vospitanie ili obrazovanie? [Upbringing or education?] / V.V. Kraevskij Pedagogika [Pedagogy] – 2001. – № 3. – P. 3–10 [in Russian].
7. Mezhdunarodnaya standartnaya klassifikatsiya obrazovaniya MSKO 2011, 2013 [International standard classification of education] [Electronic resource] URL: <http://uis.unesco.org/Library/Documents/> (accessed: 20.11.2016) [in Russian].
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. №295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federatsii «Razvitie obrazovaniya» na 2013 - 2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [The decree of the RF Government dated 15 April 2014 №295 "On approval of the state program of the Russian Federation "Development of education" for 2013 - 2020 years"] [Electronic resource] URL: <http://base.garant.ru/70643472/> (accessed: 29.11.2016) [in Russian].
9. Podlasyj I.P. Pedagogika. Novyj kurs: Uchebnik dlya studentov ped. vuzov: V 2 kn. Kn. 1: Obshhie osnovy. Protsess obucheniya. [Pedagogy. New course: Textbook for students of ped. higher education institutions: In 2 books. Book 1: General principles. The process of learning"]. – M.: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1999. — 576 p. [in Russian].
10. Slatenin V.A., Isaev I. F., SHiyanov E. N. Pedagogika: Uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij [Pedagogy: textbook for stud. ouch. ped. proc. institutions]. – M.: Izdatel'skij tsentr «Akademiya», 2002. – 576 p. [in Russian].
11. Federal'nyj zakonot 29.12.2012 №273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal law of 29.12.2012 №273-FZ "On education in Russian Federation"] [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174/ (accessed: 06.12.2016) [in Russian].

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.182

Багирова Л.Дж., Абдуллаева М.И.¹Кандидат филологических наук, доцент,²кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет**К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «ЧЕЛОВЕК»)****Аннотация**

В статье рассматривается специфика имен существительных широкой семантики в английском и русском языках, описывающих те или иные качества человека в рамках определенных контекстов их осмысления. Данные существительные образуют в рассматриваемых языках особую лексическую подсистему и репрезентируют многоаспектное знание сложного, интегративного формата, которое не может быть описано простым набором характеристик, а представлено в виде когнитивной матрицы как системы взаимосвязанных когнитивных контекстов.

Ключевые слова: существительные широкой семантики, когнитивная матрица, концептуальная область «человек», концептуальная метафора, когнитивный контекст.

Bagirova L.J., Abdullaeva M.I.¹PhD in philology, Associate Professor, ²PhD in philology, Associate Professor,

Daghestan State University

**ON THE PROBLEM OF COGNITIVE TERMS OF NOUNS OF WIDE SEMANTICS IN ENGLISH
AND RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF CONCEPTUAL FIELD "MAN")****Abstract**

The article considers specifics of nouns of wide semantics in English and Russian, describing these or those qualities of a man within certain contexts of their usage. These nouns make up in the given languages a certain lexical system and represent multi-aspect knowledge of complex format, which can't be described by means of simple number of characteristics, but by means of cognitive matrix as a system of interdependent cognitive contexts. One should bear in mind meanwhile, that semantic field of the nouns of wide semantics is an integrative part of speaking.

Keywords: nouns of wide semantics, cognitive matrix, conceptual field "man", conceptual metaphor, cognitive context.

В данной статье исследуются такие концептуальные области, как: «природа», «артефакты», «человек» и «абстрактные понятия» для более детального осмысления имён существительных широкой семантики и демонстрации их основных функций.

Известно, что способ образования семантического поля у существительных широкой семантики в процессе речевой деятельности является интегративным актом, который функционирует на базе столкновения лексем, относящихся к концептуальному и языковому уровням. Это возможно при помощи совместных процессов когниции: конкретизации, профилирования, обобщения, перспективизации, инференции, концептуальной метафоры, конфигурирования, а также - синтаксического и контекстуального факторов.

Существительные широкой семантики, как правило, в языке играют функцию слов-заместителей. В то же время, они отличаются своей широкой денотативной соотнесённостью, широкой понятийной основой, а также - высокой степенью обобщённости. Все вышеперечисленное, в свою очередь, обуславливает типичные для подобных существительных признаки: полиденотативность, синкретизм, контекстуальную обусловленность, десемантизацию, синсемантизм и функциональную открытость. В соответствии с этим они могут выполнять такие функции, как: дейктическая, концептообразующая, характеризующая и т.д.

Существительные широкой семантики отличаются также и семантической неопределённостью, они указывают всегда на широкий класс объектов или событий. В силу большой обобщённости их семантики, они понимаются неоднозначно.

Принимая во внимание то, что указанные лексемы отличаются широкозначностью, совершенно справедливо будет отметить, что и данные существительные отличаются и степенью своей лексической абстракции.

При образовании семантического значения «номинация пола индивида» мы можем выявить такие важные черты их семантики, как, например, в первом примере значения «живое существо вообще» и «существо разумное». Эти качества практически являются составляющими значений широкозначного существительного *thing* «вещь» в указанных языках в определенном текстовом дискурсе.

Это проявляется на уровне речи в том, что в сочетании с этим существительным применяется прилагательное *male* в функции определения к имени существительному, которое обозначает пол индивида.

Таким образом, в указанном типе художественного дискурса семантика существительного «вещь» в английском и русском языках строится и «работает» при помощи суммы значений в антропоцентрическом подходе. В качестве синтаксического фактора формирования смысла в данном случае выступает модель предложения-высказывания с именным сказуемым.

Так, например, в английском языке существительное широкой семантики *thing* отличается самой высокой степенью лексической абстракции, равно как и существительное *вещь* в русском языке. Данные лексемы вполне могут заменить практически любое существительное в языке. Указанные лексемы передают самые разнообразные значения, отражая разные области человеческой деятельности. Их семантика носит специфический характер. Это дает им

возможность номинировать разнотипные и разнопорядковые предметы мысли, без какой-либо соответствующей связи между ними.

Следует также отметить тот факт, что необходимо различать широкозначность и полисемию (многозначность), о которых до сих пор ведется научная полемика. Самое главное различие между этими явлениями, на наш взгляд, состоит в том, что многозначные существительные функционируют в разных регистрах речи, тогда как существительные широкой семантики «работают» в одной или смежных областях языка.

Существительные широкой семантики обладают способностью репрезентировать разнообразные предметы и явления действительности, в силу своего размытого концептуального пространства. Они отличаются автономной семантической независимостью и, в зависимости от контекста, меняют свою семантику. Наконец, широкозначные существительные указывают сразу на несколько предметов и, в то же время, содержат одновременно свойства, специфичные для каждого из них.

Вспомним мысль о том, что метафора как когнитивный механизм - это, по сути, передача одного явления или предмета в терминах другого [Лакофф, Джонсон 2008], а в связи с существительными широкой семантики эта идея отлично работает! Как указывает Е.С. Кубрякова, при этом возможна так называемая инференция, т.е. ментальные акты адресата для отражения смыслов, базирующиеся на когнитивных данных, отложенных в сознании говорящего [Кубрякова 2004].

Еще один процесс, так или иначе связанный с отражением широкой семантики, - конфигурирование, т.е. процесс изменения концептуального содержания для указания того или иного смысла репрезентируемого объекта [Беседина 2006]. Кроме того, подобные когнитивные процессы в сознании, возможно, будут происходить одновременно, в силу своей взаимообусловленности, что обеспечивает создание большого количества разнообразных смыслов.

Таким образом, для концептуальной области «человек» можно выделить следующие существительные широкой семантики: *thing* «вещь», *event* «событие», *stuff* «материал», «сырье», *point* «дело», *way* «способ», «путь» в английском языке и *вещь, дело, идея, способ* в русском.

В концептуальной области «человек» нами в рамках семантической группы «человек как индивидуальность» различаются такие семантические значения, обусловленные существительными широкой семантики, как:

1. Значение «пол человека»: 1. *I tell you, if I am really a male thing at all, I never run across the female of my species* (Lawrence); 2. *Мужчину надо уважать! Мужчина - вещь священная (homo res sacra). То, что Двуногий стал использовать крылатые слова, да ещё и на латыни, меня нисколько не удивило* (Набоков).

В первом примере налицо реализация семантических значений «живое существо» и «существо разумное», в которых широкая семантика объективирована при помощи существительных, указывающих на гендерный признак.

К примеру, возьмем приобретение лексемы *thing* с общим значением «вещь», «предмет», являющимся существительным широкой семантики, новых значений в каждом конкретном контексте. Визуально в речи можно проследить появление препозитивного определения (*male*), которое обладает семантикой «пол индивида».

В следующем примере смысл предложения зависит уже от его структуры, т.к. значение лексемы *thing*, здесь базируется на когнитивном уровне - обобщения смысла высказывания, в то время как на синтаксическом уровне можно идентифицировать данную структуру как предложение с предикативом.

2. Оценочная функция человека. Используя когнитивный подход при аксиологическом описании личности, его антропоцентрическая оценка является выражением объективной действительности, т.к. эвалюативность объекта полностью показывает аксиологическую картину мира конкретной личности, ср.:

She is a delicate thing - dresses always in white; and the sweetest, simplest manners! (O'Henry).

3. Проявление аксиологического подхода к индивиду: *Connie turned to the child, a ruddy, black-haired thing of nine or ten* (Lawrence); *С другой стороны, шестилетний ребёнок - вещь крайне любознательная, ему уже надоело в детском саду вырезать из бумаги кружочки и спать в тихий час* (Набоков).

Список литературы / References

- Беседина Н.А. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка / Н.А. Беседина. – Белгород, 2006. – 133 с.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 283 с.
- Лакофф Дж., М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2008. – 211 с.

Список литературы на английском языке / References in English

- Besedina N.A. Metod kontseptual'no-representativnogo analiza v kognitivnykh issledovaniyakh yazyka [The method of conceptually-representative analyses in cognitive research of the language] / N.A. Besedina. – Belgorod, 2006. – 133 p. [in Russian]
- Kubr'akova E.S. Yazyk i znanie. Na puti poluchenia znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zrenia. Rol' yazyka v poznanii mira [Linguistics. On the way of getting knowledge of the language: parts of speech from cognitive point of view. The role of the language in cognition of the world] / E.S. Kubryakova. – M., 2004. – 283 p. [in Russian]
- Lakoff J., Johnson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by] / J. Lakoff, M. Johnson. – M., 2008. – 211 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.154

Борисенко В.А.

Кандидат филологических наук, доцент,

Южный федеральный университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ: ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РЕПЛИК И ПРОБЛЕМА ПРЕРЫВАНИЯ РЕЧИ СОБЕСЕДНИКА**Аннотация**

В настоящем изыскании представлен анализ речевого и конверсационного стиля политического деятеля в рамках интервью, опубликованных в печатных СМИ. Обмен диалогическими репликами является универсальной характеристикой беседы. Интервьюер и респондент, вступая в интервью, одновременно говорят и слушают друг друга. Иницилирующая и стимулирующая реплики в политическом интервью, как правило, обладают сложной структурой. В связи с этим собеседники неизбежно задействуют определенные языковые средства в целях распределения диалогических ходов между собой. Один из собеседников получает возможность высказаться, его адресат берет на себя роль слушателя, озвучивающего лишь краткие реплики, которые выражают поддержку и одобрение смысловой позиции говорящего субъекта, таким образом, обеспечивая обратную связь в политическом интервью. При этом межличностное восприятие собеседников друг друга приобретает критическую роль. Третий («незримый») участник политического интервью, а именно читатель, склонен интерпретировать дискурсивное поведение интервьюера и респондента в терминах риторических характеристик личности говорящего, а не с учетом потребностей текущей ситуации общения. Данным фактом, как представляется, объясняется актуальность исследования речевых способов прерывания собеседника в рамках политического интервью.

Ключевые слова: политическое интервью, речевой и конверсационный стиль политического деятеля, организация диалогических ходов, прерывание, межличностное восприятие.

Borisenko V.A.

PhD in Philology, Associate Professor

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

POLITICAL INTERVIEW: TURN-TAKING ORGANIZATION AND THE PROBLEM OF INTERLOCUTOR'S SPEECH INTERRUPTION**Abstract**

The current investigation presents the analysis of politician's speech and conversational style in the interview published in printed Mass-Media. The dialogical exchange is the universal characteristics of the conversation. The interviewer and the respondent involving into interview simultaneously speak and listen to each other. The initiating and stimulating utterances in the political interview reveal, as a rule, complex structure. That is why the interlocutors use inevitably definite linguistic means for allocating dialogical moves between each other. One of the interlocutors gets the possibility to express his / her point of view, his / her addressee takes the role of the listener articulating brief utterances which express support and encouragement of the speaker's position, provides the feedback in the political interview. The interlocutors' interpersonal perception gets the critical role in these circumstances. The third («invisible») participator of the political interview that is the reader is inclined to interpret the interviewer and respondent's discursive behavior in terms of rhetorical characteristics of the speaker's personality, but not in the light of the current speech situation demands. This fact, as we think, explains the significance of investigating the speech ways of interlocutor's interruption in the political interview.

Keywords: political interview, politician's speech and conversational style, turn-taking organization, interruption, interpersonal perception.

Организация диалогических ходов и прерывание речи собеседника в общении предопределяется целым рядом социальных и личностных факторов, приобретает усложненную структуру. Установлено, что в дискуссиях, в которых участвует три собеседника, менее интеллектуальные субъекты прерывают собеседника гораздо чаще, как и экстраверты, говоря одновременно с собеседником, прибегают к прерыванию его речи более частотно, чем интроверты [2, Р. 53–55]. При этом прерывание собеседника в беседе не всегда сводится к одновременному говорению с ним.

В научной литературе анализируется взаимосвязь между частотностью инициации одновременной речи и личностными характеристиками субъектов диалогического общения, выявлено, что говорящий, проявляющий независимость от оценок и одобрения со стороны собеседника, в большей степени склонен к инициации одновременной речи [3, Р. 297]. Личностные характеристики партнера по речевому взаимодействию также оказывают непосредственное влияние на темп одновременной речи. Так, адресант, проявляет устойчивую тенденцию к порождению одновременной речи в процессе диалогического общения с собеседником, который является внимательным, эмоционально воздержанным и склонным к речевому сотрудничеству. В ходе экспериментальных исследований также было зафиксировано, что частотность прерывания речи собеседника обратно пропорциональна таким факторам, как:

- социальная тревога говорящего субъекта (например, страх негативной оценочной реакции);
- речевая тревога говорящего субъекта [1, Р. 30, 42].

Чем более уверенным предстает говорящий субъект в акте говорения, тем более вероятно, что он прибегает к оптимальному прерыванию речи своего собеседника. В диалогическом взаимодействии между собеседниками разной гендерной принадлежности мужчины более частотно прерывают женщин, чем женщины мужчин. В результате проведенных нами наблюдений мы пришли к выводу, что в 95 % случаев именно мужчины прерывают речь женщин. Мы интерпретируем данные наблюдения в терминах дискурсивного доминирования мужчин в общении, установившихся в диалоге властных отношений между мужчинами и женщинами.

В психологической литературе проблема прерывания речи собеседника трактуется как проявление доминирования на той или иной фазе развития диалогического взаимодействия [4]. Вместе с тем, установлено, что в срединной фазе разворачивания речевого общения прерывание может также сигнализировать вовлеченность говорящего субъекта в процесс обмена мнениями. Говорящий субъект, испытывающий настоятельную потребность в социальном одобрении, склонен прерывать собеседника гораздо чаще, при этом дискурсивное явление прерывания диалогического партнера может также свидетельствовать о «совместном речевом энтузиазме» участников текущего взаимодействия.

Очевидно, что соотношение прерывания речи собеседника и проявление коммуникативного доминирования в диалоге выявляет более сложные взаимоотношения между партнерами по речевому взаимодействию. Прерывание речи собеседника – это, своего рода, социальный феномен, испытывающий влияние со стороны разнообразных факторов, в частности, таких, как личностные характеристики участников общения, их текущее эмоционально-волевое состояние, психологический настрой.

Согласно нашим наблюдениям, в рамках политического интервью прерывание речи собеседника может приобретать следующие дискурсивные формы.

1. Плавное переключение хода интервью с реплики первого собеседника на диалогический ход другого собеседника; при этом одновременных высказываний участников интервью не обнаруживается, а речевое действие первого собеседника характеризуется иллокутивной и смысловой завершенностью. Ср.:

(1) *«I: ... You have argued that limiting the voting rights of some MPs without a constitutional convention would be a grave mistake. Can you elaborate on that.*

R.: In the last few years, there have been major changes which have affected how Parliament works and impacted on our constitution which, I believe, needs to be discussed in a much more holistic way. So, for example, there are demands for sixteen and seventeen year olds to be given the vote – something which the Liberal Democrats wanted in time for the European Union Referendum. Furthermore, we have changes regarding the relationship between the Westminster parliament and the devolved assemblies, and we have city deals whereby cities, such as Manchester, will be responsible for providing health and other public services to their residents. So there are numerous changes taking place, almost piecemeal, without having a discussion about how these changes work in practice and how they interrelate» [6].

2. Прерывание с несложной структурой: фиксируется как поочередный обмен репликами, так и одновременная речь участников интервью, диалогический ход первого собеседника выявляет иллокутивную и смысловую незавершенность. Ср.:

(2) *«I: Q Aside from politics, what are your other interests... in politics?*

R.: in politics? I am fighting a losing battle with my diary to find the time to play and review video games. I still take in the odd football match, if I can finish work on time on a Saturday. This year's cultural pursuit is limited to trying to read a poem every day. Ten minutes a day with a poet gets you through tough times» [5].

3. Наложение диалогических ходов собеседников друг на друга: фиксируется как поочередный обмен репликами, так и одновременная речь участников интервью; первому собеседнику удается завершить свою реплику, однако, в ходе реализации иллокуции первого собеседника второй собеседник прерывает его, в свою очередь, произнося пространное высказывание, в результате наблюдается одновременное говорение собеседников. Например:

(3) *«I: Not every other country, every other malpractice, the way we act at the international arena...*

{everything else why are trade unions different

R.: {look trade unions are voluntary body trade unions are covered by the law too in a great many ways... » [9].

4. Спонтанное прерывание одним собеседником другого собеседника: процесс обмена репликами нарушается, участники общения одновременно выражают свои смысловые позиции, говоря в унисон друг другу. Например:

(4) *«I: ... but if anybody suggests that in a democracy you can do more than they're saying. This shouldn't be a...*

{democracy

R.: { everybody else's malpractices

I: {now heavens...

... for haven's sake, in Eastern Europe you can enforce guidelines... » [7].

5. Последовательное спонтанное прерывание одним собеседником другого собеседника: процесс обмена репликами не нарушается, не обнаруживается одновременного говорения, диалогическая реплика первого собеседника характеризуется иллокутивной и смысловой незавершенностью. Ср.:

(5) *«I: ... and you gave a list which included most of the public sector workers who have been on strike in the last few months. You said you would pursue those disruptive elements with...*

R.: ... unrelenting hostility? Quite right...

I: ... yes, and that is a word...

R.: ...you have seen destructive elements today on the television...» [8].

Выражая свою точку зрения на обсуждаемую проблему, участники политического интервью принимают на себя обязательство обосновывать эту точку зрения, возможно, также находя аргументы для подкрепления смысловой позиции собеседника. Подобный аргумент, как показало наше исследование, вводится преимущественно в акте прерывания речи собеседника. Аргументативные средства рассматриваются в политическом интервью как единственный способ обоснования своего мнения на фоне критических реакций и сомнений собеседника-оппонента.

В ходе развития политического интервью собеседники беспрестанно принимают решения относительно того, допустимым ли является пропозициональное содержание, обосновывающий или опровергающий потенциал актуализуемых аргументов. Подобная реакция на суждения собеседника также маркируется актом прерывания речи партнера по речевому взаимодействию. Итоги проведенного политического интервью оцениваются массовой аудиторией, т.е. читателями того издания, в котором печатаются политическое интервью. Окончание интервью, вне

зависимости от характера прерывания собеседниками друг друга, маркируется, как правило, сглаживанием разногласий во мнениях, выраженных интервьюером и политиком-респондентом.

Полагаем, что прерывания в вопросно-ответном развитии политического интервью способствует усилению внимания читателей к той актуальной информации, которая актуализуется в разговоре с политическими деятелями. В результате сам разговор выходит за рамки «кулуарного» речевого взаимодействия собеседников, стимулирует массового читателя к активному участию в обсуждении актуальных социально-политических событий, которые происходят в современном мире.

Список литературы / References

1. Duncan S. Toward a Grammar for Dyadic Conversation / S. Duncan // *Semiotics*. – 1993. – № 9(1). – P. 29–47.
2. Feldstein S., Alberti L., Ben Debba M., Welkowitz J. Personality and Simultaneous Speech / S. Feldstein, L. Alberti, M. Ben Debba, J. Welkowitz // *Papers of the Annual Meeting of the American Psychological Association*. – New Orleans, 1984. – P. 34–57.
3. Fergusson N. Simultaneous Speech, Interruption and Dominance / N. Fergusson // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. – 1997. – № 16(4). – P. 295–302.
4. Gallois C., Markel N.N. Turn-Taking: Social Personality and Conversational Style / C. Gallois, N.N. Markel // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – № 34. – P. 1134–1141.
5. Labouring on to Achieve a Kinder and Fairer Britain for All. Interview with Tom Watson, Deputy Leader of the Labour Party [Electronic resource] – <http://www.politicsfirst.org.uk/2016/labouring-on-to-achieve-a-kinder-and-fairer-britain-for-all> (accessed: 23.11.2016).
6. Liberal Through and Through. Interview with Tom Brake, Democrat MP for Carshalton and Wallington [Electronic resource] – <http://www.politicsfirst.org.uk/2016/liberal-through-and-through> (accessed: 23.11.2016).
7. Polishing Up the European Union. Interview with Daniel Kawczynski, Conservative MP for Shrewsbury and Atcham [Electronic resource] – <http://www.politicsfirst.org.uk/2015/polishing-up-the-european-union> (accessed: 23.11.2016).
8. Reading the Current State of British Politics. Interview with Tom Brake, Liberal Democrat MP for Carshalton and Wallington [Electronic resource] – <http://www.politicsfirst.org.uk/2016/reading-the-current-state-of-british-politics> (accessed: 23.11.2016).
9. Royal Charter for the Continuance of the British Broadcasting Corporation [Electronic resource] – http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/about/how_we_govern/charter.pdf. (accessed: 23.11.2016).

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.019

Васильева Д.Е.¹, Романова Л.Н.²

¹ORCID: 0000-0002-1712-374X Доктор филологических наук,

²ORCID 000-0002-4690-0907, Кандидат филологических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской Академии наук

ФОЛЬКЛОРНЫЕ НАРРАТИВЫ В РОМАНЕ Н.М. ПЕТРОВА «ОТЗВУКИ ТЕХ ВЕКОВ»

Аннотация

В статье исследуется художественное осмысление фольклорного нарратива и устно-эпических традиций в романе якутского писателя Н.М. Петрова «Отзвуки тех веков». Целью нашего исследования является выявление особенностей функционирования в композиции романа фольклорных сюжетов, образов и мотивов. Авторы статьи утверждают, что предания об исторических личностях (культурных героях) народной мифологии, событиях на рубеже XVI-XVII вв. (столкновение разных племен из-за территориальной и материальной заинтересованности), система традиционных фольклорных образов (коня) служат динамике сюжета романа и раскрытию внутреннего мира героев. Также включение в художественную структуру романа этнографических реалий (мифологических представлений саха и тунгусов, обрядовой культуры) определили историко-национальный характер произведения.

Ключевые слова: исторический роман, сюжет, легенды, предания, фольклорные образы и мотивы, традиции.

Vasileva D.E.¹, Romanova L.N.²

¹ORCID: 0000-0002-1712-374X, PhD in Philology,

²ORCID 000-0002-4690-0907, PhD in Philology,

Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

FOLK NARRATIVES IN THE NOVEL OF N.N. PETROV «THE ECHOES THOSE OF AGES»

Abstract

The article explores the artistic interpretation of folk narrative and oral epic traditions in the novel Yakut writer N.M. Petrov's «Echoes of those ages». The purpose of our research is to identify the characteristics of the novel composition of folk stories, images and motives. The authors of the article argue that bringing about historical personalities (cultural Heroes) of folk mythology, events at the turn of the XVI-XVII centuries. (the clash of different tribes due to territorial and material interest), the system of traditional folk images (horse) served to dynamics of the plot of the novel and the disclosure of the internal world of heroes. The inclusion in the artistic structure of the novel ethnographic realities (mythological representations of Saha and the Tungus, ceremonial culture) identified the historical and national character of the piece.

Keywords: historical novel, story, legend, legends, folklore, traditions and motives for images.

В конце XX века в якутской литературе особую популярность приобрели крупные эпические произведения на историческую тематику, что было обусловлено социально-экономическими реформами перестроечного и постперестроечного времени, получением республикой национального суверенитета. Художественное воссоздание прошлой истории народов, населяющих территорию Якутии, до присоединения к России, особенности их этнической идентификации в процессе взаимоотношений с друг другом в романах В.С. Яковлева–Далана, Н.М. Петрова сыграли важную роль в формировании национальной идеи истории и национального самосознания. Таким образом, в то время, когда встал вопрос единения народов Якутии при сохранении их этнической самобытности, уникальности, исторические романы Далана, Петрова стали своеобразным художественным воплощением национальной идеи.

В 1994 г. опубликован роман «Отзвуки тех веков» Николая Макаровича Петрова, который наряду с известными романами В.С. Яковлева–Далана «Тыгын Дархан» и «Глухой Виллой», ознаменовал начало развития нового для якутской литературы жанра исторического романа, обращенного к наиболее раннему этапу формирования этносов Якутии. Если романы Далана изображают конкретно время правления легендарного Тыгын Дархана, известного своими устремлениями к объединению народа саха, то роман Петрова воссоздает еще более раннюю историю: историю семьи Дарханов до рождения Тыгына, историю северных племен, населявших ранее нынешние районы Томпо и Амги.

Это произведение создано на основе мифо-фольклорного нарратива времен “кыргыса”, когда происходили междоусобные столкновения между разными племенами. Глубокое знание истории народов, мифов и преданий народов позволило автору воспроизвести психологию и проблематику эпохи. Автора романа, непрофессионального писателя, в немногочисленных воспоминаниях характеризуют как глубокого знатока прошлого народов Якутии, носителя традиционной культуры якутской и северных народов.

Роман начинается с пролога, в котором глава рода хангаласцев Тюсюлгэ Дархан перед смертью передает власть своему внуку Тыгын Дархану. Этот пролог представляет собой постисторию (обратную во времени, описывающую последствия изображенных событий) романного повествования. В самом же романе изображена не судьба Тыгын Дархана, а его отца Мунньан Дархана.

Завязкой романа служит рассказ о чудесном рождении сына у Тюсюлгэ Дархана как последствия проведенного старинного обряда “хотун айыы тартарар” (притягивание госпожи айыы (Айыысыт). Тюсюлгэ Дархан – великий представитель большой патриархальной семьи по преданию был женат трижды. Эти жены ни разу не осчастливили его рождением сына. Третья жена совершает древний обряд зачатия, вымаливания у верхних духов-айыы сына, продолжателя рода. Автор, знаток этнографических реалий, описывает обряд “оҕо кутун көрдөһүү” (испрашивание кут-души ребенка) во всей его ритуальной последовательности. Соблюдение ритуального этикета: кормление духа огня, вымаливание у Айыысыт хотун (богини деторождения) и Эдьэн Ийэхсит (богини семьи) кут ребенка и т.д. – в романе показаны как действо, имеющее сакральное значение. Прилет птиц служит благой вестью, свидетельством удачного совершения обряда.

На протяжении всего романа автор не раз привлекает мифологический материал, описывающий миропредставление народа саха, и описание ритуально-обрядовых действий, имеющих жизнеопределяющее значение для повседневной жизни якутов (ведения хозяйства, рождения и воспитания детей, традиционно-семейных взаимоотношений, скотоводческой деятельности и т.д.)

Действие романа далее разворачивается вокруг формирования личности Мунньан Дархана, наследника знаменитого рода. К рожденному после долгих лет ожидания мальчику с юных лет обращались с большим почтением “Дархан Тойон!”. Автор показывает большую роль в воспитании мальчика шаманов и военных предводителей Хангаласского рода, обучавших его не только военному делу (стрелять без промаха, сражаться копьем без страха и сомнения, нырять, как рыба, скакать на коне и т.д.), но и умению выстраивать отношения внутри рода и с другими племенами. По ходу романа убедительно и с исторической достоверностью описаны секреты обучения юного воина. При всем почтении к наследнику властителя, его учителя требовательны и достаточно суровы к своему ученику. Автор доказывает, что в этом заключается суть воспитания будущего правителя.

С ранней юности в молодом богатыре Дархане воспитывается дух патриотизма, которая понимается им как постоянная готовность отстоять честь своего племени. Даже глубоко не понимая сути внутривидовых и межвидовых противоречий, он готов мстить за обиды, нанесенные его роду. Дархану с детства внушена мысль об отмщении тунгусам за смерть деда, что он и осуществляет впоследствии.

Основной конфликт романа, таким образом, выстраивается вокруг взаимоотношений племен саха (хангаласцев) и тунгусов, чьи противоречия имеют давние корни. Поводом для междоусобиц были борьба за более плодородные пастбища, кражи лошадей, домашнего скота, пленение людей из разных родов, уничтожение селений и т.д. При этом писатель убедительно показывает, что здесь сталкиваются не только территориальные интересы разных племен, а происходит борьба между разными менталитетами, культурами и верованиями. Желание хангаласцев объединить роды и племена под своим началом встречает упорное сопротивление тунгусов, не желающих терять свою исконную независимость, свою культуру.

В своем романе автор придерживается основного принципа исторического романа – сочетание авантюристичности и историзма. Захватывающие приключения главного героя Дархана (нападение на стан врагов, преследование врагов, спасение плененной девушки, схватки с врагами) перемежаются с историческими и этнографическими реалиями.

Противостояние хангаласцев и тунгусов четко обозначено в речах предводителя племени тунгусов Йульги, сравнивающего два племени: в военном деле, музыкальных способностях, физических возможностях представителей обоих родов. Вполне естественно, что сравнение оказывается в пользу его племени, что вызывает негодование у Дархана.

Согласно законам эпического повествования конфликт романа обостряется во время спасения Дарханом плененной тунгусами девушки. Не зря на протяжении всего романа Дархан сравнивается с богатырем олонхо Юрюнг Уоланом, представленным в олонхо как защитник Среднего мира. Мотив похищения невесты или спасения

плененной девушки, традиционный не только для эпоса-олонхо, но и мифологического наследия многих народов (вспомним, древнегреческий миф о Елене Прекрасной), углубляет фольклорную основу романа.

Кульминацией конфликта романа становится убийство Дарханом тунгусского воина Бегина. В единоборстве с Бэгином, Дархан оценивает свой поступок, как борьбу добра и зла, как встречу богатыря Срединного мира с хтоническим богатырем Нижнего мира. Но сородичи Дархана оценивают поступок своего богатыря не как воплощение добродетели, а усугубление враждебных взаимоотношений с тунгусами, грозящей им кровавой бойней. Все понимают, что за убийство, которое совершил Дархан, должны расплачиваться и его сородичи.

Попытка разрешения конфликта мирным путем осуществляется обоими предводителями враждующих родов Тюсюлгэ Дарханом и Йульги. Здесь утверждается мудрость почтенных владык, испытавших на своем жизненном пути тяготы междоусобных войн и сражений.

Тюсюлгэ желает установить мир и дружбу с тунгусами и всеми родами народа саха, но при этом им владеет и жажда власти над всеми ними. С этой целью он устраивает Ысыах – праздник молочного изобилия, праздник встречи солнца и цветения природы, который должен стать поводом для единения народов. Описание ысыаха в романе занимает одно из центральных мест. Обряд поклонения божествам-айыы, состояния в ловкости, силе, быстроте между представителями племен предстают живейшей картиной прошедших времен. Изображенный в романе ысыах раскрывает внутренний мир народа саха, который посредством древних, священных ритуалов и обрядов (поклонение Айыы божествам, обряд кормления священного огня, кумысное угощение, круговые обрядовые танцы и т.д.) отображает образ жизни, нравственные принципы, обычаи и мировоззрение народа, выражающее торжество гармонии между Человеком и Миром.

Развязкой романа становится гибель Дархана от рук тунгусов. В этой части интересен этнографический материал северных кочевых народов, связанный с обрядом погребения. По обычаям тунгусов тело погибшего должно быть предано огню, что и делают тунгусы с телом Дархана, несмотря на то, что он является представителем иного племени. Тунгусская шаманка Ичэгэт объясняет решение захоронить якутского хосуна по тунгусскому обычаю таким образом: «Сахалар буор куттаахтар, буор куттара күүстээх. Буорга көмүлүннэхтэринэ хос төрүү тураллар» (У якутов (саха) душа-кут земляная, дух земли в них силен. Если схоронить их в земле, они заново рождаются. Перевод – Л.Р.).

Эпическую традицию олонхо, ощущаемую в сюжете романа, поддерживает образ коня Дархана, который сродни коню богатырей олонхо, выполняющему роль советника, соратника, защитника богатыря. В якутском олонхо конь обладает волшебными свойствами, отличается не только гиперболизированными физическими качествами – силой, небывалой скоростью, но и мудростью. Это восходит к мифо-фольклорной традиции тюрко-монгольских эпосов, где богатырский конь имеет божественное происхождение и участвует в земной жизни своих хозяев. Этот образ во многом близок и сказочным образам коня в русском фольклоре.

В романе Н.М. Петрова «Отзвуки тех веков» конь молодого богатыря Дархана, проявив чудеса выносливости и упорства, после гибели Дархана добирается до отчего дома. По понятиям тунгусов, душа погибшего человека может спрятаться в хвосте или ушах своего коня и возродиться вновь, поэтому сбежавший конь Дархана для них становится предзнаменованием недобрых времен, разрушения мироустройства.

Писатель воссоздает бытовые и социальные реалии тех далеких времен. Главная сюжетная линия и второстепенные сюжеты развиваются с нарастающим напряжением вокруг идеи хангаласцев сплотить уранхай-саха и подчинить себе иные племена.

Интересна система образов в романе, вобравшая в себя как исторические образы (Тюсюлгэ, его сын Дархан, их окружение), так и художественно вымышленные персонажи, служащие раскрытию характеров главных героев и развитию действия. Как известно, хангаласский тойон Тыгын и его потомки были наследниками богатого тойона Дойдуса – Дархан. О его родословной академик А.П. Окладников писал так: «О Түһүлгэ или Дойдуһа Дархане, т.е. Баджее, сохранилось воспоминание как об исключительно богатом и могущественном властителе, имевшем много воинов, хамначитов и рабов, жившем на коренных Хангаласских землях» [1, С. 425]. Известные представители рода хангаласцев Дарханы показаны автором как цельные личности, планомерно осуществляющие идею единения народа саха. Эта идея проходит красной нитью по всему роману.

Об образах романа исследователь В.Б. Окорокова отмечает следующее: «Истинно национальные имена служат элементом реализма в историческом жанре. Например, в романах Далана «Тыгын Дархан», Н. Петрова «Отзвуки тех лет» насчитывается более двухсот имен в каждом. Одни из них взяты из народных преданий, легенд и соответствуют именам исторических личностей, другие придуманы авторами в соответствии с характерами героев. Например, в романе Н. Петрова «Отзвуки тех лет» Мунньан Дархан, согласно преданиям, имя отца Тыгына, а имя его второй жены и матери Тыгына – Джэджэн (Земляника) придумано автором для молодой красивой женщины» [2, С. 164]. Писатель с особой тщательностью вырисовывает каждого персонажа, раскрывая его личность в речевом, межсубъектном поведении, в его поступках и деяниях.

В заключительной части романа читатели узнают в дальнейшем о чудесном рождении Тыгына Дархана, будущего великого предводителя Хангаласского рода, вошедшего в историю народа саха как легендарная личность, сыгравшая значительную роль в формировании этнического самосознания.

Следует уделить особое внимание языку романа, писатель, в повествовании выдерживает высокий эпический стиль исторических мифов и олонхо. Язык романа архаичен, богат, сочен и красочен. Этническое различие героев поддерживается использованием в диалогах тунгусских (большей частью эвенских) диалектных слов и выражений. Речевая насыщенность романа потребовала от автора включение в конце романа глоссария.

В романе Н.М. Петрова, а также в романе В.С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», на основе фольклорно-эпических и исторических материалов правдоподобно и увлекательно отражены исторические реалии прошлого, миропонимание и мировосприятие народа саха и коренных народов севера в период патриархального развития общества.

Произведение Н.М. Петрова наравне с романами В.С. Яковлева–Далана открыло новые грани национальной прозы. Взгляд через века на историю народа саха в эпоху формирования национальной идентичности оказался весьма востребован в пору утверждения суверенитета республики в девяностые годы XX в. Осмысление своих исторических корней, осознание необходимости народного единения как залога самосохранения становится одной из главных направлений якутской литературы конца XX и начала XXI вв.

Кроме того, в романе Н. Петрова, как и в романах Далана, утверждались жанровые принципы якутского исторического романа. Эти писатели показали, во-первых, что нарративный фольклорный материал в сочетании с эпическими традициями олонхо может стать основой для создания больших исторических полотен. Для этого эти авторы, подошли к данному материалу с исторической точки зрения. Во-вторых, отличительной чертой якутского исторического романа становится его полисюжетность, что в свою очередь объясняет в сюжетном развертывании, как в главном, так и второстепенных, наличие большого количества персонажей, исторически достоверных и художественно вымышленных. При этом величие, значимость исторических личностей связано с их личной судьбой, с их личными интересами и пристрастиями, которые в конечном итоге совпадают с надеждами и чаяниями народа.

Список литературы / References

1. Окладников А.П. История Якутии. Т. 1. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. [Текст] / А. П. Окладников; Под редакцией чл.-кор. АН СССР С. В. Бахрушина; Акад. наук СССР. Ин-т языка, литературы, истории и искусства Якут. науч.-исслед. базы и Ин-т истории. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – 440 с.

2. Огорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии: жанрово-стилевые процессы (якутская, юкагирская, эвесская, эвенкийская проза XX века). Дисс. на соиск. учен. степ. доктора филологических наук. – Якутск, 1999. – 340 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Okladnikov A.P. Istorija Jakutii. T. 1. Proshloe Jakutii do prisoedinenija k Russkomu gosudarstvu. [History Of Yakutia. T. 1. Yakutia's past before joining the Russian State] [Text] / A. P. Okladnikov; edited by the corresponding member of as USSR V. Bakhrushin; Academy of Sciences of the USSR. Institutt of language, literature, history and art of Yakut scientific research base and the Institute of the history. – Jakutsk: Jakutgosizdat, 1949. – 440 p. [in Russian]

2. Okorokova V.B. Puti razvitija prozy v literaturah narodov Jakutii: zhanrovo-stilevyje processy (jakutskaja, jukagirskaja, jeveskaja, jevenkijskaja proza XX veka) [Ways of development of prose in the Literatures of the peoples of Yakutia: genre-stylistic processes (Yakut, yukagir, even, evenk prose of XX century)]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of the philological sciences. – Jakutsk, 1999. – 340 p.. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.061

Дорошук Е.С.

ORCID: 0000-0001-8380-9304, Доктор педагогических наук,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация

Идеи гуманизма определяют место и роль медиа в обществе будущего, лежат в основе построения новых общественных отношений с позиций противостояния агрессии, разрушительных воздействий на личность. Установлено: основы гуманизма в журналистике строятся на концентрации и интеграции духовного и социального, воплощены в гуманистической идее, отраженной в повестке дня. Актуализация «полезной журналистики» в регионах и создаваемого ею контента используется обществом как катализатор общественного развития.

Ключевые слова: гуманизм, журналистика, медиасистема, медиасфера гуманизма, полезная журналистика.

Doroschuk E.S.

ORCID: 0000-0001-8380-9304, PhD in Pedagogy,

Kazan (Volga region) Federal University

THE PROBLEM OF THE HUMANISM OF THE MODERN RUSSIAN JOURNALISM: THEORETICAL UNDERSTANDING

Abstract

The ideas of humanism define the place and role of media in the society of the future, are the basis of building new social relations from the standpoint of confrontation, aggression, destructive effects on identity. Installed: basics of humanism in journalism are based on concentration and integration of the spiritual and social, embodied in the humanistic idea reflected in the agenda. Updating the "useful journalism" in the region and created its content is used as a catalyst for social development.

Keywords: humanism, journalism, media system, media sphere of humanism, useful journalism.

Основной платформой общественных отношений в России, как и во всем мире, становятся средства массовой информации, что требует пересмотра и концептуализации подходов к процессам моделирования медиасистем, способных оказывать поддержку и стать основой для кардинальных изменений общественных структур. Традиционные медиасистемы – медиасистемы модерна, как их характеризует И.Н. Блохин, призваны формировать систему ценностей, определяющую «картину мира», что служит обеспечению стабильности социальных систем [1, С. 146]. Создание новой реальности или новой эстетики медиа протекает параллельно с технологическими изменениями, приводящими к кардинальной перестройке самого информационного процесса, включая информационное воздействие. Субъект и его самость в медиа растворяются в антропоцентричном поле сомнений, приводя к отрицанию

традиций и, как следствие, деструктивным изменениям личности [1, С. 145]. Поэтому обращение к идеям, позволяющим противостоять процессам деструкции, становится актуальной задачей современной журналистики.

Одной из таких важнейших идей, определяющих место и роль медиа в обществе будущего, является идея гуманизма. Главной фигурой философии гуманизма становится человек как автономное и универсальное существо, а сама идея гуманизма может быть охарактеризована как решающий фактор успешного развития государства.

Исследователи современного медиапространства утверждают, что необходимо стремиться к разработке более гуманных моделей медиасистем. Связывают это с агрессией, которой наполнены эфиры, Интернет и страницы газет и журналов. Действительно, мониторинг региональной прессы Республики Татарстан, проводимый под нашим руководством на протяжении более чем десяти лет, свидетельствует об увеличении процента информации, носящей агрессивный характер по отношению к различным предметам отражения: человек и среда его обитания – до 75% по отношению к общему количеству публикуемых материалов; экологическая составляющая жизни – до 34%; социальные институты – до 68%; этничность и национальная идентичность – до 54%. Это проявляется, прежде всего, в отрицании или неприятии принципов и образа жизни человека, навязывании представлений о мире человека, отсутствии диалога с человеком, формировании и апеллировании к потребительскому сознанию и т.д. Похожую картину можно наблюдать и в других поволжских национальных медиасистемах.

Агрессивность медиапродукта ничего общего не имеет с идеей гуманизма, который хотя и связан со степенью осознания свободы, но в системе общественных отношений опирается на восприятие человека как высшей ценности, реализуемой через идеи автономии и универсальности личности [2, С. 353].

Агрессия в журналистике во многом связана с развитием общества потребления, зачатки которого еще Г.Ф. Шершеневич характеризовал как общество большого количества благ, выбрасываемых на современный рынок, что приводит к различиям в способах удовлетворения потребностей, связанных с разной степенью состоятельности. Все это вместе взятое порождает «мучительное чувство постоянно новых желаний, обусловленных часто не действительными потребностями тела или духа, а только сравнением» [3, С. 234], заставляя ради удовлетворения новых желаний, поступаться ценностями и идеалами.

Идеи гуманизма, лежащие в основе построения новых общественных отношений, являются антагонистами агрессии, а их проводниками – медиасистемы, в условиях деятельности которых происходят изменения, связанные с активизацией информационно-компьютерных технологий, что не может не влиять на формы и средства деятельности журналистики, создавая настоящую общественную потребность в интеграции технологической составляющей медиа с принципами их деятельности. Роль фактора, оказывающего влияние на данные процессы, играет принцип гуманизма журналистики.

Определяя гуманизм журналистики, Ф.И. Агзамов говорит о его интегральной сущности, проявляющейся в отношениях журналистики к человеку, условиям его существования, социальной среде; отношениях к обществу и группам, к которым человек принадлежит; отношениях человека к журналистике и отношениях общества и общностей к журналистике [4, С. 11]. Идея гуманизма в журналистике опирается на анализ сущности человека, поиск гуманистических основ человеческих отношений, способов раскрытия человеческой ценности как творца. На основе анализа информационных сфер в целом можно утверждать, что методологические основы гуманизма журналистики строятся на гибком сочетании различных подходов и плюрализации пространства мнений и фактов; концентрации и интеграции духовного и социального и их воплощении в гуманистической идее, выступающей в качестве механизма урегулирования отношений в интенсивно глобализирующемся социальном поле, отвечающем на риски современного мира [5, С. 5].

Гуманизм журналистики нельзя не рассматривать и как обусловленную целями, средствами и результатами деятельности систему компетентностей личности, важнейшей задачей которой является формирование такого мировоззрения, в котором отражаются гуманистические цели овладения интегрированным знанием о человеке, его природе, закономерностях развития, роли в мире. Средством достижения данных целей является концентрированное выражение требований закономерностей развития и деятельности медиа на основе единства субъективного и объективного начала. Результатом можно считать наиболее полную реализацию требований принципа гуманизма как положений о признании величайшей ценностью человека и интересов его развития как базовых при освещении журналистикой социальных отношений.

Проблемы гуманизации журналистской деятельности приобретают особую значимость для корректирования представлений о роли медиа в решении разнообразных общественных проблем. П.Н. Киричк подчеркивает двойственный характер социальной позиции средств массовой информации: как информационной поддержки массы (народа) и как информационной поддержки элиты (власти), влияющий на общественное мнение [6, С. 15]. Выражение общественного мнения с учетом интересов человека и ценностей гуманитарного свойства может быть признано одной из ролей журналистики в общественной среде. Гуманистическое основание в решении общественных проблем находит отражение в аксиологическом принципе новой медийной парадигмы, что характеризуется степенью воздействия медиапродуктов разных уровней на общественные отношения, а также взаимоотношения социальных институтов, их характер и степень участия в решении социальных проблем.

Гуманизм журналистики находит преломление и в широком распространении термина «полезная журналистика», который с одной стороны связан с развитием журналистики соучастия, способствующей общественному развитию, а с другой, актуализирующий такое качество журналистского продукта как его полезность, что может быть представлено в двух аспектах: узком, прагматически определенном, утилитарном и фатически целесообразном (все, что производится для удовлетворения потребностей в специальных сведениях утилитарно-фатической направленности); широком, когда полезность трактуется в контексте ценностного пространства жизни. Тогда генеральной задачей журналистики становится создание гуманитарной среды просвещения и созидания, способствующей развитию общественной культуры.

Таким образом, журналистика и современные медиасистемы, формируя мощную окружающую среду, оказывают влияние на ее ценностные составляющие, корреляция и поддержание гармонии в ней возможны при актуализации принципа гуманизма, что позволит избежать нарастания стигматизации человека при воздействии людей на других людей и доминирования над ними. Гуманизация общественных отношений становится предметом деятельности современной журналистики.

Список литературы / References

1. Блохин И.Н. «Новый реализм» как ответ покушениям на реальность / И.Н. Блохин // Журналистика XXI века: к правде жизни. Материалы семинара-форума «Дни философии в Петербурге-2013». – СПб.: СПб. Гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. ком., 2014. – С. 144–153.
2. Конаков Д.Н. Безопасность и гуманизм в обществе риска / Д.Н. Конаков // Гуманизм и современность. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013. – С. 352–359.
3. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.
4. Агзамов Ф.И. Гуманизм советской журналистики / Ф.И. Агзамов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 166 с.
5. Дорошук Е.С. Гуманизм современной журналистики как предмет изучения: генезис и перспективы / Е.С. Дорошук // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Флорида Агзамова (11 февраля 2016 г., г. Казань) [Электронный ресурс] / под ред. В.З. Гарифуллина; сост. Р.Л. Зайни. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 5–15.
6. Киричк П.Н. Медиакommunikация и массовое сознание: принципы и механизмы формирования / П.Н. Киричк. – М.: Изд-во РАГС, 2007 – 36 с.

Список литературы на английском языке /References in English

1. Blohin I.N. «Novyj realizm» kak otvet pokushenijam na real'nost' ["New realism" as attempted response to reality] / I.N. Blohin // Zhurnalistika XXI veka: k pravde zhizni. Materialy seminar-foruma «Dni filosofii v Peterburge-2013» [Journalism of the XXI century: the truth of life. Proceedings of the seminar-forum "Days of philosophy in St. Petersburg, 2013"]. – SPb.: SPb. Gos. un-t, Vyssh. shk. zhurn. i mas. kom., 2014. – Pp. 144–153. [In Russian]
2. Konakov D.N. Bezopasnost' i gumanizm v obshchestve riska [Safety and humanism in society at risk] / D.N. Konakov // Gumanizm i sovremennost' [Humanism and the Present]. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2013. – Pp. 352–359. [In Russian]
3. Shershenevich G.F. Obshhaja teorija prava [General Theory of Law] / G.F. Shershenevich. – M.: Izdanie Br. Bashmakovyh, 1911. – 698 p. [In Russian]
4. Agzamov F.I. Gumanizm sovetskoy zhurnalistiki [The humanism of Soviet journalism] / F.I. Agzamov. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1984. – 166 p. [In Russian]
5. Doroshuk E.S. Gumanizm sovremennoj zhurnalistiki kak predmet izuchenija: genезis i perspektivy [The humanism of modern journalism as a subject of study: Genesis and Perspectives] / E.S. Doroshuk // Gumanizacija informacionnogo prostranstva v kontekste dialoga kul'tur [Humanization of the information space in the context of the dialogue of cultures]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 80-letiju so dnja rozhdenija pervogo dekana fakul'teta zhurnalistiki Kazanskogo universiteta Florida Agzamova (11 fevralja 2016 g., g. Kazan') [Elektronnyj resurs] / pod red. V.Z. Garifullina; sost. R.L. Zajni. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. – Pp. 5–15. [In Russian]
6. Kirichjok P.N. Mediakommunikacija i massovoe soznanie: principy i mehanizmy formirovaniya [Media Communications and mass consciousness: the principles and mechanisms of forming] / P.N. Kirichjok. – M.: Izd-vo RAGS, 2007 – 36 p. [In Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.065

Ермолаева Е.В.

ORCID: 0000-0003-4751-7448, преподаватель, аспирант, Иркутский государственный университет

АНГЛИЙСКИЕ КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ФРАЗОВЫМИ ГЛАГОЛАМИ РАЗНЫХ ГРУПП

Аннотация

В статье анализируется употребление каузативных конструкций, включающих фразовые глаголы с пространственно-направительными послелогами (на примере глаголов *gesture* и *whistle*) и используемых для описания каузативных ситуаций, в которых наблюдается действие, направленное на изменение пространственного положения объекта данного действия, и уточняются пространственные отношения участников ситуации; также определяется место, занимаемое фразовыми глаголами с глагольными компонентами (в частности, *gesture* и *whistle*) в системе каузативных глаголов.

Ключевые слова: каузативность, каузативная конструкция, каузирующий субъект; каузируемый субъект.

Ermolaeva E.V.

ORCID: 0000-0003-4751-7448, teacher, postgraduate student, Irkutsk State University

ENGLISH CAUSATIVE CONSTRUCTIONS
WITH PHRASAL VERBS OF DIFFERENT GROUPS

Abstract

The article focuses on the analysis of the use of causative constructions which include phrasal verbs with spatial adverbs of direction and mark causative situations indicating spatial relations of their participants and specifying actions aimed at changing spatial location of one of these participants (the object of the action). The place of such phrasal verbs in the system of causative verbs is also revealed.

Keywords: causativity, causative construction, causative subject, causative object.

Причинно-следственные отношения в системе языка в течение длительного времени являются объектом изучения лингвистов. Исследованиям в этой области посвящены работы таких учёных как Дж. Лакофф, Е. Е. Корди, Г. Г. Сильницкий, С. Д. Кацнельсон, А. А. Холодович, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Ковалева, Л. Г. Дюндик, С. В. Шустова и др.

В рамках теории каузации, изучающей причинно-следственные отношения, рассматриваются такие понятия, как каузативность и каузальность, где под каузальностью понимается причинение через обусловленность, в то время как каузативность рассматривается как выражение в системе языка отношений причинения, то есть причинение через побуждение [8, С. 3]. Существуют также различные взгляды относительно участников каузативных ситуаций. Так, например, первоначально каузативность ассоциируется с личностным, активным субъектом, то есть лицом, которое совершает целенаправленное действие по отношению к объекту каузации, чем напрямую или опосредованно вызывает определённые изменения в признаках этого объекта. Такая точка зрения, в частности, встречается в работах Т. Б. Алисовой [1, С. 54-65]. В исследованиях С. Д. Кацнельсона говорится о взаимодействующих партнёрах, один из которых воздействует на другого с целью добиться выполнения определённого действия. Желаемое действие выполняется объектом каузации (далее каузируемый субъект), при этом субъект каузации (личностный актанта) рассматривается как первопричина события [5, С. 85]. В дальнейшем, ряд исследователей под субъектом и объектом каузации стали понимать события, связанные причинно-следственными отношениями [6, с. 77].

При всём разнообразии подходов, традиционно именно структура агентивного предложения считается прототипической и выражается в виде конструкции N_1VN_2 , где N_1 и N_2 – агент (субъект) и пациент (объект) действия, выраженного переходным глаголом V и направленного на изменение состояния объекта воздействия. Дж. Лакофф и М. Джонсон, поддерживая идею о том, что каузация является базовой категорией человеческого мышления, выделили 12 основных черт прототипического случая прямой каузации, среди которых: есть единственный специфический агент и единственный специфический пациент; агент имеет цель изменить физическое состояние пациента, имеет некий план; для достижения задуманного касается пациента сам или при помощи инструмента; агент успешно выполняет план; изменение в пациенте различимо [13, С. 69-72].

Вышеуказанные черты, однако, характеризуют идеальную ситуацию, которой в действительности, как отмечает, например, Л. М. Ковалева, «не соответствует никакая языковая структура» [6, С. 82]. В реальности встречаются менее прототипические каузативные конструкции. Так, описывая каузацию действия, Г. А. Золотова говорит о возможности построения трёх- и четырёхступенчатой каузативной конструкции (встречается в предложениях, в которых употребляются выделительные слова, обособления) и, кроме того, описывает такие виды каузативных конструкций как произвольная (каузатор действия в этом случае представляет собой лицо, действие которого произвольно и целенаправленно) и непроизвольная (место каузатора занимает имя отвлечённого понятия, как, например, *недоброжелательство хозяйки*, которое заставляет гостей покинуть дом, или *ухудшение погоды*, заставляющее людей вернуться обратно), положительная / прямая (каузатор делает так, чтобы определённые отношения были) и отрицательная / обратная (каузатор делает так, чтобы отношений не было) [6, С. 278-291].

В конце XX – начале XXI вв. изучение каузатива и каузативных конструкций продолжает привлекать внимание лингвистов. При этом авторы работ придерживаются как классических принципов определения каузатива (например, М. Штокер относит к каузативным ситуации, где нет сомнения в выполнении объектом каузации требуемого от него действия [16, С. 7]), так и менее строгих: например, каузирующее и каузируемое события могут быть не агентивными, а также не обязательно связанными с волей/намерением того или иного лица. В частности, в работе С. К. Вороновой рассматриваются глаголы каузации мнения (*convince*, *assure*, *persuade* и др.); значения этих глаголов обладают такими признаками, как признак каузации (в словарных дефинициях это выражается компонентами *cause*, *make*, *give* и др.) и признак каузируемого состояния мнения (передаётся при помощи глаголов *think*, *believe* и др.). В соответствии с

типом оценки, глаголы каузации мнения делятся на 3 подгруппы: 1) выражающие алетическую оценку; 2) выражающие деонтическую оценку; 3) выражающие аксиологическую оценку [3, С. 6-8].

Каузативные ситуации с глаголами движения, ставшие объектами современных исследований (в частности, работа С. В. Тищенко), также могут отличаться от прототипической каузативной ситуации. Например, в случаях, когда каузация движения реализуется при помощи конструкций с глаголами речи (*ask, order, summon* и др.), психологического воздействия (*frighten, scare* и др.), которые не предполагают непосредственного физического контакта каузатора с каузируемым субъектом, а также при помощи «конструкций с предикатами движения (*walk, run, jump* и др.), в семантике которых отсутствует каузативная составляющая; актуализация директивной каузативности осуществляется в них путём включения каузативного компонента в смысл высказывания через контекст конструкции» [7, С. 3].

А. Стефанович и С. Грайс, анализируя отношения между словами и грамматическими структурами, выделяют каузативную конструкцию с *into* (*into-causative*): *Schröder attempted to bounce Blair into supporting his nominee* [12, С. 234].

Структуры с инфинитивом также привлекают внимание современных исследователей. Так, А. М. Амагов описывает структуры, передающие каузативное и побудительно-волитивное значение в предложениях типа: *John caused Bill to leave; Tom told Susan to stay; I want you to go* [2, С. 4]. При этом позиция инфинитива может занимать существительными, прилагательными или причастиями, но такие каузативные конструкции находятся на периферии исследования. Автор также уделяет внимание влиянию контекста на семантику сложных каузативных предикатов [2, С. 121].

С. В. Шустова рассматривает функциональные свойства каузативных глаголов, высказывает мнение, что формально функционально-семантическое поле каузативности неограниченно, так как соотносится и пересекается с другими функционально-семантическими полями (таксиса, персональности, темпоральности и т. д.), что подразумевает многообразие средств выражения функциональных вариантов категории каузативности. В своих исследованиях С. В. Шустова придерживается позиции С. Д. Кацнельсона касательно межличностного характера взаимодействия в каузативной ситуации, которая имеет динамический характер. Кроме того, С. В. Шустовой предлагается классификация типов каузации и разрядов глаголов, актуализирующих данные типы каузации (к ним относится, например, каузация передвижения, положения в пространстве, изменения признака и др.) [9, С. 207-209].

Фразовые глаголы английского языка, в частности, фразовые глаголы, обозначающие действие, направленное на изменение пространственного положения объекта данного действия, не являясь классическими прототипическими глаголами, также могут демонстрировать каузативное значение.

Субъект и объект каузации в ситуациях с указанными глаголами в основном являются личностными актантами, хотя в качестве субъекта каузации может оказаться и улыбка: *her smile welcomed me in*. Каузатор при этом имеет цель заставить объект совершить желаемое действие: т. е. изменить положение в пространстве, однако воздействие происходит не при помощи физического контакта, а на расстоянии (*welcome in/ charm in/ motion away/ wave down*), результативность желаемого действия зачастую остаётся неясной. Например, в ситуациях *she waved me down; <...> then firmly ordered him back toward the house; he motioned her away with his hand* [11] субъекты каузации (*she, he*) посредством жеста, приказа заставляют объекты каузации (*me, him, her*) изменить своё пространственное положение, агенс и пациенс являются личностными актантами, наблюдается целенаправленное воздействие каузатора на объект каузации, однако воздействие происходит не при помощи физического контакта, а на расстоянии, и результативность каузируемого действия не очевидна.

Каузативная конструкция таких ситуаций также отличается от прототипической формулы и может быть представлена в виде N_1VN_2Adv , где N_1 – субъект каузации, или каузирующий субъект, V – воздействие, осуществляемое субъектом каузации на объект с целью добиться от него исполнения определенного действия, N_2 – объект каузации, или каузируемый субъект, Adv – пространственно-направительный послелог, характеризующий направление изменения положения объекта каузации.

Найденные и проанализированные примеры употребления исследуемых конструкций (примеры взяты из Корпуса современного американского английского (COCA) [11], а также Корпуса исторического американского английского (СОНА) [10]) позволяют разделить встречающиеся в них глаголы на следующие группы: 1) глаголы, каузирующие перемещение посредством устного воздействия: речь/звук (*order, call, shout, hiss* и др.); 2) глаголы физического действия (*motion, beckon, bustle, gesture* и др.); 3) глаголы, семантика которых подразумевает как физическое действие, так и речевой акт (например, *welcome in* может означать выражение радушия в устной форме или же приглашение войти посредством жеста, также возможен вариант одновременного осуществления этих действий); 4) глаголы, обозначающие другие способы воздействия (например, *charm in*).

Среди указанных глаголов преобладают глаголы речи (*order back, call in, whistle* и др.) и глаголы, обозначающие движения рук/ головы (*welcome, point, wave, beckon* и др.). Рассмотрим подробнее каузативные конструкции с глаголами *gesture* и *whistle*, представляющими данные группы.

Глагол *gesture* имеет значение: «*to move your hand, arm, or head to tell someone something, or show them what you mean*» [14]; «*to call or direct with a movement of the body*» [15, С. 549]. Данный глагол встречается как во фразово-предложных конструкциях (*When Danjee gestured her inside the <...> doorway, she shrugged and went in*), так и в исследуемых каузативных конструкциях с фразовыми глаголами. Из 85 примеров с данным глаголом, найденных в корпусе американского английского [11], 38 представляют интерес для исследования. К ним относятся такие каузативные конструкции как: *He gestured her inside, then turned away; Gayle beckoned Greg silently <...> then gestured her along as well; <...> with a guard, who gestured her forward; He paused at the entrance <...> then finally gestured her in; Girmsolver opened another door, gestured him through; Penitewa gestured him back onto the sagging sofa <...>; <...> he said, gesturing her around and back down the stairs* [11]. Разнообразие пространственно-направительных послелогов в представленных примерах говорит о продуктивном характере конструкций с данным глаголом.

Употребление глагола *gesture* в речи не даёт точного указания на то, чем именно был совершён жест: рукой или головой. В процессе получения информации реципиент сам вынужден «дорисовывать» картину события, основываясь на собственном опыте, представлении о мире и процессах, в нём происходящих. При этом в некоторых ситуациях с данным глаголом наблюдается уточнение, каким именно способом (при помощи каких инструментов) было совершено действие, что позволяет более детально представить процесс указания. Среди найденных и проанализированных примеров встречалось указание только на движение рукой. Так, в предложении *She gestured me in with her drink* [11] упоминается предмет, который в момент жестикуляции, очевидно, находился в руке, а в примере *<...> one hand opened the door and the other gestured him in* [11] речь идёт непосредственно о способе реализации каузирующего действия.

В примере *The pilot gestured her away* [11], то, чем именно был осуществлен жест, не указывается. При этом контекст позволяет нам предположить, что это было сделано рукой: в тексте вначале упоминается, что пилот вертолета спасательной службы пальцами показывает пострадавшим количество людей, которые могут разместиться в средстве, используемом для спасения, а затем он жестом сигнализирует остальным отойти от этого средства. Кроме того, в данном контексте также содержится информация о результативности каузируемого действия: не вошедшие в спасательное средство люди смотрели, как взлетает вертолёт, и затем сели в одну из подошедших лодок.

Ожидаемое действие, однако, не всегда или не сразу реализуется каузируемым субъектом, что также может быть понятно только из контекста. Последнее имеет отношение и к пространственному положению участников каузативной ситуации. В примере *One of them gestured her inside with his gun* [11] нет непосредственного указания на результат, только информация о наличии двух участников и двух действий (каузирующего: с уточнением, при помощи какого предмета оно было осуществлено, и каузируемого). Контекст объясняет остальные детали. Участники ситуации – это солдат (каузирующий субъект), находящийся на улице и наблюдающий за порядком, и девушка (каузируемый субъект), которая вначале находится внутри дома, а затем выходит на балкон, что запрещено в описываемой ситуации, при этом солдат пытается заставить её вернуться обратно внутрь дома жестом: указанием при помощи ружья. Однако ожидаемое действие не было выполнено: *She pretended she hadn't seen him*. Только дальнейшие действия солдата (окрик и уже не жест, а направленное ружьё) приводят к желаемому результату.

Глаголы, обозначающие жесты, достаточно легко можно представить в роли каузативных глаголов, так как жестикуляция используется, так или иначе, с целью воздействия на партнёра. Глаголы, обозначающие произнесение звуков или звукоподражательных слов, не так очевидно подходят для этой роли, однако также употребляются для выражения каузации изменения пространственного положения. Примером может послужить глагол *whistle*.

Глагол *whistle* имеет значение «to make a high clear sound by forcing air through a narrow hole formed by the lips to make music or as a signal to draw attention» [15, С. 1521] и в качестве глагольного компонента фразового глагола является достаточно актуальным и продуктивным, о чем свидетельствует широкий ряд послелогов, употребляемых в каузативных конструкциях с ним (*in, out, off, up, down, back*). В роли каузируемого субъекта в анализируемых примерах выступают одушевлённые объекты. Это могут быть как животные/птицы (*The dog had sprung down from his perch and was sniffing around the bundles. Cleo whistled him back* [10]; *We flew the kestrel and the hunchback and the redwing in the same wise, with me summoning them off Corwyn's fist, and Corwyn whistling them back for food* [11]), так и люди: (*A while before dusk my father would walk out on our dock and whistle me in for dinner* [11]). Каузирующим субъектом при этом чаще всего является человек (*she whistled him down to hand it to him in person* [11]; *Someone whistled them out when we came to the narrowest place* [11]; *Better get back to the car as quickly as you can, before Mr. Colbrith whistles us down to find out what has become of you* [10]), хотя это также может быть и представитель животного мира, для которого свист является естественным способом общения (*Mother bird mounts higher, and whistles him up where he can see better* [10]).

Использование данного глагола для описания каузации перемещения позволяет сделать вывод о местоположении участников ситуации: они могут находиться как на небольшом, так и на довольно значительном расстоянии друг от друга, но при этом в пределах звуковой досягаемости: каузируемый субъект должен услышать свист (каузирующее действие), возможно, увидеть каузирующего субъекта с тем, чтобы лучше понять, какое действие требуется совершить, и адекватно ситуации отреагировать на воздействие. Осуществится ли каузируемое действие или будет иметь место сопротивление, понять, основываясь только на семантике глагола, невозможно. Прояснить ситуацию может только контекст: дополнительная информация внутри самого предложения, которое содержит каузативную конструкцию, или за его пределами.

Информация о реализации ожидаемого действия может и вовсе отсутствовать. Так, в ситуации *I stayed in the taxi. They whistled me in. I said, «No, I'm gonna wait here. Just come on»* [11] мы имеем дело с сопротивлением каузируемого субъекта, ожидаемое перемещение не выполняется, о чем свидетельствует прямая речь, в которой приводятся слова отказа выполнить действие. Нежелание осуществлять каузируемое действие выражено также и в примере *<...> you can't whistle me back and throw me over tomorrow* [10], однако информация о том, будет ли преодолено сопротивление объекта каузации или нет, в контексте отсутствует. И, наоборот, в предложении *I whistled him down from the corner and told him to wait on pain of death* [11] вторая часть предложения содержит информацию, которая позволяет понять, что действие было осуществлено: выполнение действия «*told him to wait*» последовало за выполнением каузируемого события (каузируемый субъект переместился в требуемом направлении).

Помимо вышеперечисленных примеров, также возможны ситуации, в которых сам каузирующий субъект не уверен в успешности выполнения желаемого действия: «*If it was a canary,*» said Pee-wee, «*I might possibly have whistled him down, but not near enough to catch him, I guess*» [10].

Приведённые конструкции с исследуемыми каузативными глаголами соответствуют структуре N_1VN_2Adv : в них наблюдается наличие двух личностных актантов, целенаправленное действие, имеющее целью изменить пространственное положение каузируемых субъектов. Выполнение ожидаемого каузируемого действия при этом, правда, остаётся под вопросом или может быть понятным из контекста.

Таким образом, изучение ситуаций, выражающих причинно-следственные отношения, не теряет своей актуальности, а наблюдаемое разнообразие подходов в изучении каузативных конструкций и связей может быть объяснено тем фактом, что обозначаемая такими конструкциями ситуация во многом зависит от говорящего, интерпретирующего данную ситуацию с учётом особенностей своего опыта и сознания.

Список литературы / References

1. Алисова Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т. Б. Алисова // Вопросы языкознания. – 1971. – № 1. – С. 54-65.
2. Амагов А. М. Семантика и синтаксис сложных предикатов с каузативным и побудительно-волевым значением: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2000. – 179 с.
3. Воронова С. К. Семантика и синтаксис конструкций с глаголами каузации мнения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1991. – 16 с.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка – М.: Наука, 1973. – 353 с.
5. Качельсон С. Д. Типология и речевое мышление – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
6. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово: монография. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 397 с.
7. Тищенко С. В. Контексты функционирования и когнитивно-семантические свойства конструкции каузации движения и результативной конструкции: на материале английского языка : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 19 с.
8. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: Пермский государственный университет, Прикамский социальный институт, 2010. – 248 с.
9. Шустова С. В. Прототипические смысловые константы каузативной ситуации / С. В. Шустова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. (6). – С. 207-210.
10. Corpus of Historical American English [Электронный ресурс]. – URL : <http://corpus.byu.edu/coha> (Accessed: 23.09.2016).
11. Corpus of Contemporary American [Электронный ресурс]. – URL : <http://corpus.byu.edu/coca> (Accessed: 25.09.2016).
12. Gries St. Th., Stefanowitsch A. Covarying collexemes in the into-causative / St. Th. Gries, A. Stefanowitsch // Language, Culture, and Mind. – 2004. Stanford, CA: CSLI. – Pp. 225-236.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
14. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/gesture> (Accessed: 30.10.2016)
15. Longman Dictionary of English Language and Culture. – LONGMAN, 1999. – 1568 p.
16. Stocker M. The Causative in Middle and Modern English: dis. ... Docktors der Philosophie. – Muttentz, 1990. – 352 S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alisova T. B. Dopolnitel'nye otnosheniya modusa i diktuma [Complementary relation of modus and dictum] / T. B. Alisova // Voprosy jazykoznanija. [Problems of science of language] – 1971. – № 1. – S. 54-65. [in Russian]
2. Amatov A. M. Semantika i sintaksis slozhnyh predikatov s kauzativnym i pobuditel'no-volitivnym znacheniem [Semantics and Syntax of Complex Predicates with Imperative-Voluntative Meaning]: dis. ... kand. filol. Nauk: 10.02.04. – M., 2000. – 179 p. [in Russian]
3. Voronova S. K. Semantika i sintaksis konstrukcij s glagolami kauzatsii mnenija v sovremennom anglijskom jazyke [Semantics and Syntax of Constructions with the Verbs of Causation of Opinion in Modern English]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. – SPb., 1991. – 16 p. [in Russian]
4. Zolotova G. A. Oчерк funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka [Study of Functional Syntax of the Russian Language] – M.: Nauka, 1973. – 353 p. [in Russian]
5. Kacnel'son S. D. Tipologija i rechevoe myshlenie [Typology and Verbal Thinking] – L.: Nauka, 1972. – 216 p. [in Russian]
6. Kovaleva L. M. Anglijskaja grammatika: predlozhenie i slovo: monografija [English Grammar: sentence and word: monograph]. – Irkutsk : IGLU, 2008. – 397 p. [in Russian]
7. Tishhenko S. V. Konteksty funkcionirovanija i kognitivno-semanticheskie svojstva konstrukcii kauzatsii dvizhenija i rezul'tativnoj konstrukcii : Na material anglijskogo jazyka [Contexts of Functioning and Cognitive-Semantic Features of the Construction of Movement Causation and the Construction of Result] : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.04 / Pjatigor. gos. lingvist. un-t. – Pjatigorsk, 2004. – 19 p. [in Russian]
8. Shustova S. V. Funkcional'nye svojstva kauzativnyh glagolov: dinamicheskij podhod: monografija [Functional Character of Causative Verbs: Dynamic Approach: Monography]. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: Пермский государственный университет, Прикамский социальный институт, 2010. – 248 p. [in Russian]
9. Shustova S. V. Prototipicheskie smyslovye konstanty kauzativnoj situatsii [Prototype Semantic Constants of Causative Situations] // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historic and Social-Educational Conception]. 2013; (6) : 207-210. [in Russian]
10. Corpus of Historical American English [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/coha> (Accessed: 23.09.2016).
11. Corpus of Contemporary American [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/> (Accessed: 25.09.2016).
12. Gries St. Th., Stefanowitsch A. Covarying collexemes in the into-causative / St. Th. Gries, A. Stefanowitsch // Language, Culture, and Mind. – 2004. Stanford, CA: CSLI. – pp. 225-236.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
14. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/gesture> (Accessed: 30.10.2016).
15. Longman Dictionary of English Language and Culture. – LONGMAN, 1999. – 1568 p.
16. Stocker M. The Causative in Middle and Modern English: dis. ... Docktors der Philosophie. – Muttentz, 1990. – 352 S.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.136

Зенина И.В.¹, Чернышкова Е.В.², Юрова И.Ю.³, Паращенко-Корнейчук Л.Н.⁴, Самарина Т.А.⁵¹Преподаватель, ²Доктор социологических наук, доцент, ³Кандидат социологических наук, ⁴Преподаватель, ⁵Старший преподаватель,

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского

ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОГО РИТУАЛА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ**Аннотация**

В статье представлен анализ особенностей реализации ритуала в соотношении с этикетом на материалах нескольких художественных произведений. Показано значение ритуала в реализации коммуникативного поведения. Определено, что ритуал может успешно содействовать осуществлению эффективной коммуникации, и напротив – его нарушение делает коммуникацию невозможной. Подчеркивается, что наличие этикетных фраз в высказывании не является гарантией исполнения ритуала. Авторы дифференцируют понятия «словесный ритуал» и «речевой этикет». Ритуалу в художественном тексте отводится смыслообразующая роль в литературном повествовании, помогает автору передать свое видение мира, отношение к происходящему, к героям произведения. Речевой этикет позволяет осуществлять позитивное общение и не выходить за рамки сложившихся в обществе моральных норм.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, словесный ритуал, речевой этикет.

Zenina I.V.¹, Chernyshkova E.V.², Yurova I.Yu.³, Paraschenko-Korneychuk L.N.⁴, Samarina T.A.⁵¹Lecturer, ²PhD in Sociology, Associate Professor, ³PhD in Sociology, ⁴Lecturer, ⁵Senior Lecturer,
Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky**PECULARITIES OF VERBAL RITUAL IN COMMUNICATIONS BEHAVIOR PROCESS****Abstract**

The article deals with the analysis of verbal ritual peculiarities in association with etiquette on the basis of several fictional works. The purpose of ritual is shown through realization of communications behavior. Ritual is defined to contribute successfully to effective communication. On the contrary, its failure makes any communication impossible. It is emphasized that etiquette phrase itself does not guarantee ritual realization. Two notions are differentiated by the authors "verbal ritual" and "speaking etiquette".

Ritual in literary text plays a sense-making role in narration and assists an author in reflecting his world view, his attitude to the story events and the characters. Speaking etiquette provides positive communication and does not fall beyond the scope of existing social moral standards.

Keywords: communications behavior, verbal ritual, speaking etiquette.

One of the topical issues of modern philology is the study of verbal ritual within communications behavior. Ritual is seen as a type of ceremony; historically established form of symbolic behavior, regulated system of activities (incl. verbal ones) intended to express certain social and cultural interrelations and values. Cultural definition of ritual is as follows: "Ritual is historically established form of non-instinctive predictable socially approved and regulated symbolic behavior, its manner and order of actions being canonized and lack rational explanation in terms and purposes" [1, 2, 3, 4].

Ritual is being studied by a number of researchers. The majority of them emphasizes symbolic constituent of ritual. Some researchers tend to view upon ritual as one of the symbolic ways of behavior. Moreover, it is seen as the highest mode and the most consistent realization of symbolism. Ritual is regarded as culturally standardized symbolic actions which are performed in situations postulated by traditions. The main features of ritual are traditionally confirmed sequence of symbolically significant actions; dynamic communicative education evoked on the basis of definite socially valued action and subjected to symbolic reinterpretation (ritualization). Any speech act may become a ritualized and then a ritual one, some acts being prone to ritualization. These are requests, congratulations, praises, condolences, disapprovals, promises, greetings, farewells, etc. [5, 6]. One should admit the definition of M. Koltunova in which she focuses on the traditional aspect of the given notion. Thus, ritual is a verbalized pattern of communications behavior, a system of speech acts performed in a strict order, at a given time following some traditional patterns [7].

The notion of "ritual" is semantically close to the notion of "etiquette" but not equivalent to it. According to A. Baiburin, the difference between ritual and etiquette notions lies in the fact that ritual is associated with something temporary whereas etiquette is related to permanent social relations [8, P. 24]. V. Karasik points out that the sphere of etiquette application is common communication [1, P. 397]. N. Formanovskaya defines verbal etiquette as socially established and nationally specified regulatory rules of communications behavior in situations of establishing, maintaining and breaking contact between communicators on the basis of status and role relations as well as personal relationship during formal and informal communication [9, P. 240].

Peculiarities of ritual realization in the ratio of etiquette are reflected more deeply and specifically in works of fiction. They are also actively used in academic process contributed to "life model" formation among university students [10, 11, 12]. Let us see how the usage of verbal ritual and etiquette work in both Russian and English literary tradition of XIX-XX centuries. In "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin there is a farewell scene between Petr Grinyov and his parents which vividly illustrates blessing ritual: "My parents blessed me. Father said, "Goodbye, Pyotr. Serve faithfully the sovereign to whom you swear allegiance; * obey your superiors; don't curry favour with them; don't volunteer for duty, but don't shirk it either; and remember the proverb, 'Take care of garments while they're new; take care of honour while you're young.'" Simultaneous representation of ritual and farewell etiquette phrase is used by the author in this abstract.

In "Fat and Thin" by Anton Chekhov the description of greeting ritual lacks direct etiquette phrases: "Porfiry," cried the fat man on seeing the thin man. "Is it you? My dear fellow! How many summers, how many winters!"

"Holy saints!" cried the thin man in amazement. "Misha! The friend of my childhood! Where have you dropped from?"
The friends kissed each other three times, and gazed at each other with eyes full of tears. Both were agreeably astounded.

This example shows nonverbal ritual component as well.

At the same time in the humorous story "Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)" by English writer Jerome K. Jerome in the dialogue between the dog Montmorency and a cat we can see the example of etiquette usage without any ritual background:

The Cat: «Can I do anything for you?»

Montmorency: «No-no, thanks».

The Cat: «Don't you mind speaking, if you really want anything, you know».

Montmorency: «Oh, no, not at all – certainly – don't trouble. I – I am afraid I've made a mistake. I thought I knew you. Sorry I disturbed you».

The Cat: «Not at all – quite a pleasure. Sure you don't want anything, now?»

Montmorency: «Not at all, thanks- not at all – very kind of you. Good morning».

The Cat: «Good morning».

Sometimes one can witness a situation when behind the formal etiquette careless ritual performance becomes visible (deliberately at times). As a result the latter loses its meaning. Thus, F.M. Dostoevsky's novel "Demons" depicts the apology scene after insult:

Nikolai Vsevolodovich kept turning and looking around, not answering anyone, gazing with curiosity at the exclaiming faces. At last he seemed suddenly to lapse into reverie again—so they said, at least—frowned, stepped firmly up to the insulted Pavel Pavlovich, and with obvious vexation muttered rapidly:

"Forgive me, of course ... I really don't know why I suddenly wanted... silly of me..."

The casualness of the apology amounted to a fresh insult. There was even more shouting. Nikolai Vsevolodovich shrugged and walked out.

The given example represents communication inability due to ritual failure in spite of explicit etiquette ("Forgive me, of course ..."). Carelessness in ritual realization leads to strain in regulations between communicators while verbal etiquette fails to perform its functions.

Frequently ritual failure aims at expressing the attitude to communicator. *Before he turned the corner he glanced back, and saw Bosinney following him slowly - "slinking along the wall" as he put it to himself, "like a great cat". He paid no attention when the young fellow raised his hat.* In this scene from John Galsworthy's "The Forsyte Saga" the character deliberately breaks the rules of common politeness, thus showing his disparagement to the man evoked great antipathy.

The conducted analysis allows to conclude that all the given examples represents the meaning of ritual through communications behavior realization. Ritual may assist in effective realization of communication while ritual failure may result in communication inability. The presence of etiquette phrases does not guarantee ritual realization anyway. The notion of "ritual" is wider than that of "etiquette". Etiquette is one of ritual components which permits positive communication and never falls beyond the scope of moral standards acceptable in society.

Ritual is seen to be highly important in fiction. It is a sense-making component of narration which helps the author to depict his or her world view as well as authorial attitude to events and characters of the book.

Список литературы / References

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.
2. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т 2. – СПб. : Университетская книга, 1998. – С. 447.
3. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. Кн. 2. Н-Я. – С. 1330.
4. Дорогойкин Д. Л., Кочеткова Т. В., Чернышкова Е. В. Хорошая речь врача как залог успешного профессионального сотрудничества / Д. Л. Дорогойкин, Т. В. Кочеткова, Е. В. Чернышкова // Достижения и перспективы медицины. – Уфа : НЦ Аэтерна, 2014. – С. 10-14.
5. Чернышкова Е. В. Формирование языковых стереотипов в вербальной коммуникации / Е. В. Чернышкова // Забота: от бытийной стратегии к этическим и профессиональным ценностям. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. мед. ун-та, 2006. – С. 54-59.
6. Определеннова О. В., Родионова Т. В., Зенина И. В. Личность как субъект общественного развития / О. В. Определеннова, Т. В. Родионова, И. В. Зенина // Интеграция науки и практики как механизм развития современного общества / Под ред. проф. Ю. Г. Голуба. – Саратов, 2013. – С. 261-264.
7. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения / М. В. Колтунова. – М. : Академия гуманитарных исследований, 2005.
8. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993.
9. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М., 1998.
10. Родионова Т. В., Юрова И. Ю., Мухина М. Ю. Проблема повышения качества образования в вузах России / Т. В. Родионова, И. Ю. Юрова, М. Ю. Мухина // Образование в современном мире / Под ред. проф. Ю. Г. Голуба. – Саратов, 2013. – С. 72-75.
11. Определеннова О. В. Личностно-ориентированный подход в обучении иностранному языку студентов неязыкового вуза / О. В. Определеннова, Т. В. Родионова, Е. Н. Виноградова и др. // Современные тенденции в образовании и науке. – Тамбов : Изд-во ООО Консалтинговая компания Юком, 2013. – С. 117-120.
12. Черепко Т. А., Родионова Т. В., Юрова И. Ю. Принципы организации самостоятельной работы студентов неязыкового вуза с текстами по специальности / Т. А. Черепко, Т. В. Родионова, И. Ю. Юрова // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 3-4. – С. 123-129.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002. [in Russian]
2. Kul'turologija. XX vek. Jenciklopedija. [Culturology. XX Century. Encyclopedia]. T 2. – SPb. : Universitetskaja kniga, 1998. – P. 447. [in Russian]
3. Rossijskij jenciklopedicheskiy slovar': V 2 kn. [Russian encyclopedia dictionary] / Gl. red. A. M. Prohorov. – M. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2001. Kn. 2. N-Ja. – P. 1330. [in Russian]
4. Dorogojkin D. L., Kochetkova T. V., Chernyshkova E. V. Horoshaja rech' vracha kak zalog uspehnogo professional'nogo sotrudnichestva [Good speech of a doctor as guaranty of successful professional collaboration] / D. L. Dorogojkin, T. V. Kochetkova, E. V. Chernyshkova // Dostizhenija i perspektivy mediciny [Achievements and perspective of medicine]. – Ufa : NC Ajeterna, 2014. – P. 10-14. [in Russian]
5. Chernyshkova E. V. Formirovanie jazykovyh stereotipov v verbal'noj kommunikacii [Formation of linguistic stereotypes in verbal communication] / E. V. Chernyshkova // Zabota: ot byt'noj strategii k jeticheskim i professional'nym cennostjam [Care: from existential strategy to ethical and professional values]. – Saratov : Izd-vo Sarat. gos. med. un-ta, 2006. – P. 54-59. [in Russian]
6. Opredelennova O. V., Rodionova T. V., Zenina I. V. Lichnost' kak sub#ekt obshhestvennogo razvitiya [Personality as subject of social development] / O. V. Opredelennova, T. V. Rodionova, I. V. Zenina // Integracija nauki i praktiki kak mehanizm razvitiya sovremennogo obshhestva [Integration of science and practice as mechanism of development of modern society] / Pod red. prof. Ju. G. Goluba. – Saratov, 2013. – P. 261-264. [in Russian]
7. Koltunova M. V. Konvencii kak pragmaticheskij faktor delovogo dialogicheskogo obshhenija [Conventions as pragmatic factor of business communication in dialogues] / M. V. Koltunova. – M. : Akademiya gumanitarnyh issledovanij, 2005. [in Russian]
8. Bajburin A. K. Ritual v tradicionnoj kul'ture: Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov [Ritual in traditional culture: structural and semantic analysis of East Slavic ceremonies] / A. K. Bajburin. – SPb. : Nauka, 1993. [in Russian]
9. Formanovskaja N. I. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshhenija [Communicative and pragmatic aspects of communicative units] / N. I. Formanovskaja. – M., 1998. [in Russian]
10. Rodionova T. V., Jurova I. Ju., Muhina M. Ju. Problema povysenija kachestva obrazovanija v vuzah Rossii [Problems of increasing quality of higher education in Russia] / T. V. Rodionova, I. Ju. Jurova, M. Ju. Muhina // Obrazovanie v sovremennom mire [Education in contemporary world] / Pod red. prof. Ju. G. Goluba. – Saratov, 2013. – P. 72-75. [in Russian]
11. Opredelennova O. V. Lichnostno-orientirovannyj podhod v obuchenii inostrannomu jazyku studentov nejazykovogo vuza [Personal oriented approach to foreign language training for students of nonlinguistic educational institutes] / O. V. Opredelennova, T. V. Rodionova, E. N. Vinogradova and others // Sovremennye tendencii v obrazovanii i nauke [Modern tendencies in education and science]. – Tambov : Izd-vo OOO Konsaltingovaja kompanija Jukom, 2013. – P. 117-120. [in Russian]
12. Cherepko T. A., Rodionova T. V., Jurova I. Ju. Principy organizacii samostojatel'noj raboty studentov nejazykovogo vuza s tekstami po special'nosti [Principles of organization of self-work with specific texts for students of nonlinguistic institutions] / T. A. Cherepko, T. V. Rodionova, I. Ju. Jurova // Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki [Theoretical and applied aspects of contemporary science]. – 2014. – Vol. 3-4. – P. 123-129. [in Russian]

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.099

Майнагашева Н.С.

Кандидат филологических наук

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-04-00332

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Н. Г. ДОМОЖАКОВА «В ДАЛЕКОМ ААЛЕ»**Аннотация**

В данной статье анализируется образ пространства в романе хакасского писателя, автора первого романа на хакасском языке – Николая Доможакова «В далеком аале» с целью выявления и описания специфики пространственных представлений народа в художественном мышлении. Задача – рассмотрение роли фольклорных образов в художественном мире писателя. Исследование позволяет выявить и описать основы пространственных представлений хакасов, явленных в первом панорамном произведении литературы. Актуальность обусловлена слабой изученностью данной проблемы как в творчестве писателя, так и в национальной литературе в целом.

Выявлен состав художественных понятий в романе «В далеком аале», выражающих специфику образа чазы (степь) как пространства и как одного из составляющих компонентов национального образа мира. Вполне логично заключить, что основа художественного пространственного образа степи лежит в мифологии и фольклоре народа и закономерно проявляется в литературной традиции.

Ключевые слова: Н. Г. Доможаков, роман, пространство, национальный образ мира, хакасы, хакасская литература.

Maynagasheva N.S.

PhD in Philology

Khakass Research Institute of Language, Literature and History

The publication was prepared within the framework of a research project supported by the RHF №16-04-00332

THE IMAGE OF SPACE IN N. G. DOMOZHAKOV'S NOVEL «IN THE FAR AAL»**Abstract**

The article analyzes the image of space in novel «In the far aal» of a Khakass writer, author of the first novel in the Khakass language, Nikolai Domozhakov with the purpose to identify and describe specificity of the people's spatial visions in artistic thinking. Tasks are consideration of the role of folkloristic images in the writer's artistic world. The research will allow identifying and description of the basis of spatial visions of the Khakass appearing in the first panoramic work of literature. The relevance is determined by insufficient knowledge of this issue both in the writer's creative work and in national literature in general.

The composition of artistic images in novel «In the far aal» representing specificity of chazy (steppe) as space and as one of components of a national image of the world is identified. It is quiet logically to conclude that the basis of the artistic spatial image of a steppe lies in the people's mythology and folklore and expectedly appears in a literary tradition.

Keywords: N. G. Domozhakov, novel, space, national image of the world, the Khakass, Khakass literature.

Первый хакасский роман Н. Г. Доможакова «В далеком аале» вышел в свет 1960 г. Был осуществлен перевод на русский язык Г. Ф. Сысолятиным и пережил и многочисленные переиздания в центральных изданиях нашей страны, перевод на тувинский, латышский, киргизский языки. По мотивам романа снят фильм Свердловской киностудией «Последний год Беркута» (режиссер В. Лысенко). Роман Н. Г. Доможакова имел важное значение для дальнейшего развития хакасской литературы XX в. Интерес к роману со стороны науки не угасает и сегодня. Роман Н. Г. Доможакова как первое крупное, панорамное произведение в национальной литературе хакасов является прекрасным материалом для выявления модели художественного мышления. Несомненно, Н. Доможаков в своем романе отразил свою национальную среду. Специфика образа мира проявляется в системе образов, сюжетной и пространственно-временной организации романа. В данной статье ставим цель рассмотреть специфику отражения пространственных представлений хакасского народа в первом романе. Общеизвестно, что пространство – одна из важнейших категорий в восприятии мира любого народа, и каждый народ в пространстве выделяет какие-то объекты, которым придается особый смысл. Многие отечественные ученые-филологи исследуют специфику художественного пространства в творчестве того или иного писателя. Так, С. В. Шешунова отмечает, что «при анализе художественного пространства русской литературы в первую очередь выделялись мотив дороги и связанная с ним идея пути. Наиболее часто в этом отношении исследовались произведения Н. В. Гоголя», а также к «особым пространствам» относится «локус усадьбы» [1].

Как отмечает А. Ф. Кофман, «художественный образ «своего» пространства, каким он складывается в искусстве и литературе тех или иных народов, является важнейшей частью национальных или региональных культур» [2].

В романе Н. Г. Доможакова описанию чазы 'степь' как «своего пространства», как исконного места жительства хакаса-скотовода отводится значительное место. Чазы представляется как бесконечное пространство, как место, где пасутся тысячи лошадей, коров и овец. Основными обитателями этого бесконечного пространства являются люди-скотоводы и скот. В этой степи огромному количеству скота еды хватает на круглый год, а упитанный скот предполагает благосостояние самого человека и народа в целом. Такое представление хакасского народа о степи наблюдаем и в произведениях фольклора: в сказках, преданиях, героических сказаниях. Например, в героическом сказании «Албынчи»:

Хадарганда көп малы

Ах чазаа чайылып парган.

Ах одын оттап чөріпчедер,

Көк одын чіп чөріпчедер [3, с. 13].

Скот [его] многочисленный

Разбредся по белой степи.

Пасется на белой траве [степи],

Ходит-ест зеленую траву [степи]. (Здесь и далее перевод наш – Н.М.).

Также в сказании «Дева-богатырша Тюлгю-Хызыл» также описывается многочисленный скот в степи:

Ах *чазаа толдыра* малыг полтыр.

Ах ибге толдыра истіг полтыр [3, с. 101].

Белая степь была полна скотом [ее].

Белая юрта была полна богатством [ее].

Пространство степи, по представлениям хакасов, огромно, бесконечно. Во многих лирических соотязательных песнях, складывавшихся веками, – *тахпах* 'ах' – народ также зафиксировал свое представление о *чазы чирі* 'степная земля' как о великом, бескрайнем пространстве:

Хара харахнаң көр турзан,
Харах читпес чазылар чатча
[4, с. 83].

Илбек аххан суғлар
Илбек чазаа чайылчадыр [4, с. 83].

Смотришь черными глазами,
Степи лежат – не объять глазами.

Великие текущие реки
Разливаются на великие степи.

Степь в хакасском фольклоре зачастую характеризуется эпитетами *чалбах*, *аллыг* 'широкая', *илбек* 'великая', *хыри чох* 'бескрайняя', *хумныг* 'песчаная', *көлбей парган* 'раскинувшаяся', *чалбах чатхан* 'широко лежащая', *хадарган малын тосхырчатхан* 'насыщающая пасущийся скот', *илбек малын азырап өскіредір* 'огромное [количество] скота кормит и растит'. Как правило, в зависимости от времени года и цветения тех или иных трав в теплое время года, для характеристики степи применяются типичные эпитеты *ах* 'белая', *көк* 'зеленая'.

Это, скорее всего, не набор простых эпитетов, а «типовые, народно-отстоявшиеся зрительные представления» [5] хакаского народа о степи, своеобразные общезначимые для народа понятия и характеристики степи. Такие понятия, как *чалбах*, *аллыг* 'широкая', *илбек* 'великая', *хыри чох* 'бескрайняя', *хумныг* 'песчаная', *көлбей парган* 'раскинувшаяся', *чалбах чатхан* 'широко лежащая', идут из мифологических представлений народа о хаотическом пространстве, где нет порядка и где все для человека представляет угрозу, трудности преодоления. Так, хакасский шаман, двигаясь в страну *Юзют чирі* (земля умерших душ), преодолевал несколько видов степей. Сначала он встречал *Хуу чазы* – степь с пожелтевшей скудной растительностью. Как пишет исследователь В. Буриков, «трудности в преодолении этого пространства заключались в том, что вся эта степь была лишена воды» [6]. Затем шаману, кроме разных скалистых мест, необходимо было преодолеть пространство бескрайних песчаных степей – *Хум чазы*, а также – степи с колючками и жесткими травами – *Сіген оттыг чазылар*. Все эти степи не имели привычных для человека признаков жизни. Это своеобразное «зеркальное» отражение потустороннего мира в мифологическом сознании. Шаманы, рисуя картину потустороннего мира, оказывали влияние и на художественное, фольклорное, сознание народа, что и сыграло роль в формировании образа степи, например, в песнях, сказаниях и сказках.

Реальное пространство – *чазы* – не пустое, а наполнено жизнью, и прежде всего скотом. И именно количеством скота, а не золотом мерили богатство и состояние человека в этом пространстве. В романе Н. Г. Доможакова этот пасущийся скот принадлежит богачам Пычону и Хапыну, но пасут и ухаживают за ним в степи батраки: Каной со своей супругой пасут молодняк, Домна с дочерью смотрят за овцами, а ее муж с сыном, Сагдай и Сабис – за табунном лошадей. Каждый из них свое дело знает и с любовью относится к своим питомцам. И неважно, чей это скот – хозяйский (чужой) или свой, все они смотрят за ним, как за своим. Тем самым автор показывает истинное отношение народа к скотоводству. Каной со своей супругой не представляют свою жизнь без степи и скота. «*Хомай нимес чуртас Каной ирепчинің*. Хачан даа тизек, арых чызы хада. Оң-пазы түктіг інек малларны көрерге сіліг. Каной ирепчи хайди поларчыгтар, сынап Хапың оларны малдаң сығарыбысса? Арыг өлім. Мал чох олар чуртап полбасчыгтар аалда – эрістіг» [7, с. 62]. (*Неплохая жизнь у Каноя с супругой (курсив мой – Н.М.)*). Всегда родные запахи здесь. Красиво наблюдать за коровами разных мастей. И что бы с ними было, если Хапын освободил их от этой работы? Смерть, да и только. Они бы не смогли прожить без скота – скучно.)

Степь в романе Н. Г. Доможакова выступает не только как один из центральных фрагментов природы Хакасии, но для многих героев Н. Г. Доможакова степь – это родной дом. Образ степи в романе, как и в фольклоре, обладает глубокой значимостью. Степь и кормит, и одевает, и греет. Растительность степи, на первый взгляд, скудна, но в ней есть пища для скота на круглый год.

В романе четко прослеживается, что в традиционной культуре хакасов глубоко укоренено представление о насущной потребности в единении человека с природой. Через образы Сагдая, Домны, Каноя автору удается передать традиционное представление народа о степи. Для них степь – дом родной, они являются органической частью этого пространства, только здесь они чувствуют свою нужность, здесь они видят смысл жизни. Сагдаю, пасущему лошадей, ничего не стоит заночевать в степи, ему с детства знакомы все звуки ночной степи: «Сагдайға чазыда аалдаң даа истіг хонарга. Сагдай хырых ситіс чазының чарымызын чазыда хонган полар» [7, с. 128] (Сагдаю ночевать в степи даже лучше, чем в селе. Из своих сорока восьми лет он большую часть, пожалуй, ночевал в степи).

Сагдай порой ведет диалог с совами, волками и другими обитателями этих мест: «Сынап таа ырах чалгыс пүүр улуп сыххан. Сагдай тыңнан көрген. «Чалғызан, парасхан, сыхтапча», – чоохтан салған таң адына ба, таң поэнына ба» [7, с. 131]. (Вдалеке завыл одинокий волк. Сагдай прислушался. «Один, бедный, плачет», – сказал Сагдай то ли лошади своей, то ли себе).

Художественное воплощение образа степи в романе Н. Доможакова таково, что это, хотя и бескрайнее, открытое пространство, в то же время оно имеет строгую организованность, здесь человек-скотовод живет не одно тысячелетие, и все ее обитатели живут здесь полной, достаточной жизнью. Это и безопасное место для человека – его родной дом, может, поэтому деревянные юрты, жилище скотоводов, находящееся посреди степи, в романе Н. Г. Доможакова сливаются с общим пейзажем, не выделяются особо на общем фоне. У хакасов юрты деревянные – капитальные, свидетельствующие об оседлости, привязанности к определенной земле, определенному участку земли – степи.

Таким образом, сформированное мифологическим и фольклорным сознанием пространственное представление хакасов о степи как об «особом пространстве» – *чазы* – сохраняется в литературе, и можно говорить о существовании в хакасской литературе достаточно цельного, модельного и специфического образа «своего» пространства.

Список литературы / References

1. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: дисс... д. филол.н.: 10.01.01: защищена ...: утв. 27.03.2007 / Светлана Всеволодовна Шешунова. – Дубна, 2006. – С. 121.
2. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. – М.: Наследие, 1997. – С. 25.
3. Алыптыг нымахтар / сост. В. Доможакова и Д. Чанкова. – Абакан: Хак.обл. издат., 1951. – 319 с.
4. Хакасские народные тахпахи / сост., предисл., перевод М. А. Унгвицкой. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1980. – 130 с.
5. Гачев Г. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 70.
6. Бурнаков В. Путешествие в «Мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008, № 22. – С. 614.
7. Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. Роман. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1960. – 400 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sheshunova S. V. Natsionalnyi obraz mira v russkoi literature: P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelyov, A. I. Solzhenitsyn: diss... d. filol.n.: 10.01.01: zashchishchena ...: utv. 27.03.2007 [National image of the world in Russian literature: P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelyov, A. I. Solzhenitsyn: diss...Doctor of Philology: 10.01.01: defended ...: approved on 27.03.2007] / SvetlanaVsevolodovna Sheshunova. – Dubna, 2006. – P. 323. [in Russian]
2. Kofman A. F. Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira [Latin-American artistic image of the world]. – М.: Nasledie, 1997. – P. 25. [in Russian]
3. Alyptyg nymahtar [Heroic tale] / sost. V. Domozhakova and D. Chankova. – Abakan: Hak. obl. izdat., 1951. – 319 p. [in Khakass]
4. Hakasskie narodnye tahpahi [Khakass peoples takhpakhs] / sost., predisl., perevod M. A. Ungvickaja. – Abakan: Hakasskoe otделение Krasnojarskogo knizhnogo izdatelstva, 1980. – 130 p. [in Russian]
5. Gachev G. Nacionalnye obrazy mira. Obshchie voprosy. Russkij. Bolgarskij. Kirgizskij. Gruzinskij. Armjanskij [National images of the world. General issues. Russian. Bulgarian. Kirghiz. Georgian. Armenian]. – М.: Soviet writer, 1988. – P. 70. [in Russian]
6. Burnakov V. Puteshestvie v «Mir mertvyh»: misterija hakasskogo shaman Makara Tomozakova // Problemy istorii, filologii, kultury [Journey to «The world of dead»: mystery of Khakass shaman Makar Tomozakov // Issues of history, philology, culture]. 2008, № 22. – P. 614. [in Russian]
7. Domozhakov N. G. Yrahhy aalda. Roman [Yrakhkhy aalda. Novel]. – Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatelstvo, 1960. – 400 p. [in Khakass]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.056

Машукова Д.А.

Кандидат филологических наук,

Старооскольский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

(СОФ НИУ «БелГУ»)

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОГО «Я» В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**Аннотация**

В статье рассматривается такая форма авторского присутствия в мемуарной прозе М.И. Цветаевой как лирическое «я». Охарактеризовано явление авторского лиризма и качества лирического субъекта. Определены три главные позиции лирического «я»: созерцательное «я», «я» - психологическое и «я»-биографическое. Сделан вывод о том, что речевая форма представления авторского присутствия связана с образом лирического «я», который дополняет образ автора своими внутренними переживаниями, мыслями, углубленностью в подсознание.

Ключевые слова: лиризм, мемуары, М.И. Цветаева, авторское присутствие.

Mashukova D.A.

PhD in Philology,

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

«Belgorod State National Research University» (Sary Oskol branch of)

THE IMAGE OF THE LYRICAL "I" IN MEMOIR PROSE M. I. TSVETAeva**Abstract**

The article deals with such form of the author's presence in memoirs prose M.I. Tsvetaeva as the lyric «I». It characterized by the phenomenon of the author and lyrical quality of the lyrical subject. It identified three main positions of the lyric «I»: contemplative «I», «I» - the psychological and «I» -biographic. It is concluded that the speech presentation authorial presence is related to the way the lyric «I», which complements the image of the author's own inner feelings, thoughts, deeper than the subconscious.

Keywords: lyricism, memoirs, M.I. Tsvetaeva, the presence of the author.

Мемуарная проза Цветаевой рассматривается нами в контексте развития мемуарного жанра в русской литературе 1920 – 1930-х гг. XX века. Этот период изобилует мемуарно-автобиографическими произведениями (И.Бунин «Окаянные дни» (1925), Г.Иванов «Петербургские зимы» (1928), А.Белый «На рубеже двух столетий» (1929), Б.Зайцев «Москва» (1939), И.Одоевцева «На берегах Невы» (1967). Особое значение приобретают в этот период дневники (В.Брюсов «Дневники», «Из моей жизни» (оп. 1927), М.Волошин «История моей души» (оп.1991), З.Гиппиус «Петербургский дневник» (1929). Писатели чаще всего обращаются к обрисовке тех событий, которые способствовали раскрытию литературной ситуации начала XX века, отмеченной смещением различных литературных направлений, философских и религиозных течений. Авторы воспоминаний объясняют причины, которые способствовали «повороту» на мемуарный жанр.

Использование нами терминов «мемуарная проза», «мемуарные произведения» указывает в первую очередь на субъективное начало текстов Цветаевой. Определение «мемуарный» позволяет объединить не только собственно мемуары, но и наброски, отрывки, незаконченные фрагменты воспоминательного характера, где наиболее явно ощущается присутствие авторского «я».

Обращение к мемуарному наследию Цветаевой с точки зрения анализа авторского присутствия в тексте, его особенностей, специфики проявления кажется нам правомерным, поскольку эта проблема не становилась предметом специального рассмотрения.

Мемуары относятся к той разновидности литературы, где авторство скрыть невозможно, поэтому логичнее использовать понятие «авторское присутствие», подразумевающее активное авторское участие на жанровом, повествовательном и персонажном уровнях. Авторское присутствие представлено субъектными и внесубъектными формами и их сочетанием.

Одна из форм авторского присутствия в мемуарной прозе Цветаевой обозначается нами как лирическое «я». Данная форма вычленяется, когда автор не персонифицируется в конкретного персонажа, а исследует его поток мыслей, переживаний, настроений и чувств.

Лирическое «я» в мемуарной прозе занимает промежуточное положение между автором-повествователем и автором-персонажем. Характеризуя образ лирического «я» Б. Корман замечает, что он «не является объектом для себя. <...> На первом плане не он сам, а какое-то событие, обстоятельство, ситуация, явление» [3, С. 13].

Субъектный центр лирического «я» иногда преобразуется в лирического героя. Это происходит тогда, когда авторское «я» пытается показать себя в качестве персонажа. Критерием разделения лирического «я» и лирического героя является, по Н. Тмарченко, «статус субъекта: лирическое «я» - субъект-в-себе, тогда как лирический герой – еще и субъект-для-себя, т.е. он становится собственной темой» [4, С. 344].

Обращаясь к терминологическому аппарату лирического произведения, мы подчеркиваем присутствие всепоглощающего авторского лиризма в мемуарной прозе Цветаевой. Лирическое начало становится довлеющим и функционально значимым, а лирическое «я» воплощает одну из ипостасей авторского присутствия в тексте. Характер лирического «я» создается не эпическими средствами, а вытесняется «эмоциональным тоном» (Б.Корман).

Лирическое начало мемуарной прозы Цветаевой подчеркивается использованием разнообразных средств самоопределения: прямого включения исповедальных и диалогических элементов в повествование. Такой характеристикой обладают эмоционально насыщенные дневниковые записи мемуариста.

Приведем пример дневниковых записей, в которых присутствует установка на концептуальное самовыражение и самоопределение: «Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит – удивляюсь, не любит, – удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен» [5, С. 258]; «Любовь для меня – любящий. И еще: ответно любящего я всегда чувствую третьим. Что здесь делать другому? (действенности его?). Ответ в любви – для меня тупик. Я ищу не вздохов, а выходов» [5, С.391]. Лирическая реакция обретает форму умозаключения, что подтверждается афористичностью стиля (мысль автора усиливается и повторами).

При всей непоследовательности, фрагментарности, ассоциативности цветаевской прозы, наблюдаем особую логику самоанализа лирического «я». От состояния собственной души лирическое «я» обращается к предмету размышления: «Между полнотой желания и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь. Ибо Татьяна до меня повлияла еще на мою мать. Когда мой дед, А. Д. Мейн, поставил ее между любимым и собой, она выбрала отца, а не любимого, и замуж потом вышла лучше, чем по-татьянински, ибо «для бедной все были жребии равны» – а моя мать выбрала самый тяжелый жребий – вдвое старшего вдовца с двумя детьми, влюбленного в покойницу <...>» [6, С. 72].

Налицо разделение лирического «я» на биографическую и психологическую определенность. Биографическая определенность связана с возникшим в памяти образом матери. Оценивая свое отношение к поступку матери лирическое «я» устремляется мыслью в психологическую определенность. Автор, посредством лирической интонации, обосновывает свою личную судьбу – фатальную обреченность на одиночество и грусть. Открытая лирическая интонация позволяет определить мемуарную прозу Цветаевой как «прозу поэта».

Добавим, что проникновение лирического начала в повествование происходит за счет его предельной субъективации. Носителем этого субъективного начала становится лирический герой, отстаивающий свою самоценную сущность. Исходным пунктом лирического изображения становится направленность на себя, обращенность к собственному «я». «Другие», «внешний мир», действительность со временем «принимаются» в сознание, но не выступают как существующие внеположено ему; раскрываются в той степени и с теми гранями, какими оказываются причастными лирическим переживаниям героя, связанными со стихией его чувств; даны не непосредственно, а опосредованы его видением.

Сравнивая категории образа автора и лирического героя, Л. Витковская приходит к выводу, что это «не взаимоисключающие друг друга категории, скорее всего, лирический герой дополняет образ автора, хотя они формируются по разной художественной программе» [2, С. 86]. В мемуарной прозе Цветаевой мы наблюдаем, как автор в слове становится творцом образа лирического «я», представляя его другим.

Исследуя процесс самопознания, Н. Бердяев приходит к мысли, что познание себя «есть творческий акт, совершаемый в мгновении настоящего. Ценность этого акта определяется тем, насколько он возвышается над временем» [1, С. 8]. Отсюда возникает тенденция к обобщенности, генерализации, а в ряде случаев и к символизации, характерная для мемуарных произведений Цветаевой. Заметим, что упоминание автора творческой биографии, написанной в общий период, представляется логичным.

Процесс самопознания лирического «я» отражается в его качественных характеристиках. Одно из неотъемлемых качеств лирического субъекта становится созерцательность. Уход в себя, глубины своего сознания, в «потустороннее» и жизнь «вымышленную» обостряют авторскую рефлекссию, оттесняя событийность, раскрытие многообразных связей с действительностью. Опора ищется и обретается, прежде всего, в гармоничной целостности своего духовного мира.

В мемуарном повествовании созерцательное состояние лирического «я» обычно выражается его «потоком сознания»: «Было – одиночество с тайной. То же одиночество с все той же тайной. То же одиночество, как во время бесконечных обедов в холодильнике Храма Спасителя, когда я, запрокинув голову в купол на страшного Бога, явственно и двойственно чувствовала и видела себя – уже отделяющейся от блистательного пола, уже пролетающей – гребя, как собаки плавают – над самыми головами молящихся и даже их ногами, руками – задевая – и дальше, выше – стойком теперь! как рыбы плавают! – и вот уже в розовой цветочной юбочке балерины – под самым куполом – порхаю» [6, С. 45]. Образ лирического «я» в данном примере основан на градационном принципе: лирический субъект сравнивает себя с собакой, рыбой и, в конечном счете, с человеком. Анафорические конструкции («то же одиночество») сообщают отрывку особую ритмическую организацию.

Разделение лирического «я» на «я» в прошлом и «я» в настоящем в мемуарной прозе Цветаевой дополняется разграничением внутреннего и внешнего «я», «я» эмпирического и «я» духовного. Происходит расподобление на биографическую и психологическую определенность лирического «я», о которой мы говорили выше. Важно отметить, что психологическая определенность лирического субъекта преобладает над биографической, что диктуется авторской установкой – поэтическим видением факта.

Таким образом, лирическое «я» становится центром притяжения различных образных представлений. Одной из важных особенностей в воплощении лирического «Я» является способность раскрытия Поэта лишь в том случае, если найдена опора в лице другого отзывчивого человека. Этот мучительный поиск самой себя через призму других находит свое дискурсивное выражение, прежде всего, в мемуарном очерке «Живое о живом». Через личность М. Волошина Цветаева раскрывалась сама и самоутверждалась в собственном «я».

Речевая форма представления авторского присутствия связана с образом лирического «я», который дополняет образ автора своими внутренними переживаниями, мыслями, углубленностью в подсознание. Лирическое «я» становится субъектным центром мемуарного повествования, приближающим его к «прозе поэта». В лирическом «я» мы видим такое проявление особенностей внутреннего мира лирического героя, позволяющее определить «я» как множественность его позиций и определить три главные: созерцательное «я», «я» – психологическое и «я» – биографическое.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Самопознание: Мемуары / Н.А. Бердяев. – М.: ДЭМ, 1990. – 384 с.
2. Витковская Л.В. Авторское «я» в когнитивной парадигме. Монография Л.В. Витковская. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. – 242 с.
3. Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора / Б.О. Корман. – Ижевск, 1982.
4. Тamarченко Н.Д. Субъектная структура лирического произведения // Теория литературы: В 2 т. / Под редакцией Н.Д. Тamarченко. – Т. 1.: Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н.Д. Тamarченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 341 – 347.
5. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 4 / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.
6. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 5 / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berdjaev N.A. Samopoznanie: Memuary [Self-cognition: memoirs] / N.A. Berdjaev. – М.: DJeM, 1990. – 384 с. [in Russian]
2. Avtorskoe «ja» v kognitivnoj paradigme. Monografija [The author's "I" in the cognitive paradigm. Monograph] / L.V. Vitkovskaja. – Pjatigorsk: Pjatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2005. – 242 с. [in Russian]
3. Korman B.O. Literaturovedcheskie terminy po probleme avtora [Literary terms author] / B.O. Korman. – Izhevsk, 1982. [in Russian]
4. Tamarchenko N.D. Sub#ektnaja struktura liricheskogo proizvedenija [Subjective structure lyrical works] // Teorija literatury [Literature and literary theory]: V 2 t. / Pod redakciej N.D. Tamarchenko. – V. 1: N.D. Tamarchenko, V.I. Tjupa, S.N. Brojtmann. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika [The theory of literary of discourse. Theoretical poetics] / N.D. Tamarchenko. – М.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. – P. 341 – 347. [in Russian]
5. Cvetaeva M.I. Sobraenie sochinenij: v 7 tomah [Collected works in 7 volumes]. V. 4 / M.I. Cvetaeva. – М.: Jellis Lak, 1994 – 1995. [in Russian]
6. Cvetaeva M.I. Sobraenie sochinenij: v 7 tomah [Collected works in 7 volumes]. V. 5 / M.I. Cvetaeva. – М.: Jellis Lak, 1994 – 1995. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.062

Опря Е.С.¹, Донскова О.А.²¹Преподаватель, Краснодарский университет МВД России (филиал) в г. Новороссийске²Доцент, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный университетПРОЦЕССЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КОНЦЕПТА ДРУГ В УЗУСАХ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления актуализации концепта Друг в узусе английского и русского языков. Узус концепта Друг обусловлен социальными факторами: влиянием СМИ, Интернета, развитием сфер коммуникации, международными отношениями. Функционирование концепта Друг связано с актуализацией смешанных репрезентаций. Смешение происходит из-за заимствования номинаций из разных языков, смешения сем, таких как «родство», «возраст», «любовь», переход номинаций из периферии в ядерную часть концепта. Периферией концепта Друг являются как устаревшие, так и индивидуально новые номинации.

Ключевые слова: концепт, узус, норма, актуализация концепта, концепт Друг.

Опря Е.С.¹, Donskova O.A.²¹Teacher, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (branch) in Novorossiysk²Associate professor, PhD in Philology, Pyatigorsk State UniversityPROCESSES OF ACTUALIZATION OF THE MODERN STATE OF THE CONCEPT FRIEND
IN THE ACTUAL USAGE OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Abstract

The major ways of the concept Friend actualization are considered in the article. The actual usage of the concept Friend is determined by various social factors: influence of mass media, Internet, development of the communication spheres, international relationships. The functioning on the concept Friend is connected with the actualization of the mixed representations on the concept. The mixing occurs because of the adopted nominations from the different languages, mixing of semes such as "relation", "age", "love", transition of the nominations from the periphery to the core part of the concept. The periphery of the concept Friend is both archaic and individually new nominations.

Keywords: concept, actual usage, norm, concept actualization, concept Friend.

Функционирование и развитие концептов обусловлено социальными, культурными изменениями, которые заставляют язык отвечать на внешние изменяющиеся условия и создавать новые номинации, или же подвергать изменению уже существующие. 21 век является веком ослабевающего влияния литературы и возрастающего влияния Интернета. В первую очередь это обусловлено доступностью последнего, которая позволяет проникать в Интернет-узус людям с различными уровнями образования, жизненными приоритетами, взглядами. Возможность анонимного общения в социальных сетях дала серьезный толчок развитию концепта Друг и расширила его номинативную способность.

Цель статьи – определить основные направления актуализации концепта Друг в узусе английского и русского языков. При этом не только проводится сопоставление ядерных и периферийных компонентов концепта на

современном этапе его существования, но и выявляются релевантные для описания процессов развития концепта значения понятия «узус», до сих пор не имеющего однозначного толкования.

Своими корнями термин «узус» (от лат. *usus* – применение, обычай, правило) уходит в работы по структуре языка у глоссематиков и частично к Л.В.Щербе, у которых норма и узус связаны отношениями детерминации. У римлян понятие нормы распространялось, и она понималась весьма строго, но регламентировалась, в основном, в письменной и официальной речи. В древнегреческом языкознании вопросами, связанными с выработкой понятия языковой нормы, занимались софисты, а именно Протагор. Традиционно норма соотносилась с языком, а узус – с речью, хотя Э. Косериу говорил, что «норма есть реализованный язык» [1, С. 229]. В.В. Колесов понимал под нормой «выбор инварианта из многих вариантов, выработанных системой в ее развитии» [2, С. 143]. Представитель глоссематики Л. Ельмслев считал, что норма – это материальная форма, связанная с данной социальной реализацией, но независимая от своей манифестации, в то время как узус – «язык как совокупность навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными манифестациями». [3, С. 56]. Норма при этом детерминирует узус и акт речи (индивидуальное говорение). Ельмслев считал, что именно узус следует считать истинным объектом реализации языка, потому что речевой акт является лишь реализацией узуса в индивидуальной речи, а норма – абстрактным понятием. [3, С. 65].

Л.К. Латышев отождествляет понятия *узус* и *речевая норма*, понимая под ними «фильтр, следующий за фильтром, образуемым языковой нормой» [4, С. 67]. Автор считает, что «узус — это правила ситуативного использования языка. Он отражает речевые привычки и традиции данного языкового коллектива в различных ситуациях общения» [4, С. 67].

Тогоева С.И. [5] выделяет также *индивидуальную норму* и *индивидуальный узус*, которые являются основой для формирования общезыкового узуса, имея ввиду то, что речевые акты формируют индивидуальную норму, которая соотносится или не соотносится с общепринятой (языковой) нормой. Эту идею разделяет Е.В. Ерофеева, говоря о том, что «узус – обязательный элемент в круге языковых явлений, а норма – факультативный» [6, С. 5]. То есть код (язык в трактовке Е.В. Ерофеевой) может и не выработать норму, так как она зависит не только от лингвистических, но и от социальных факторов, таких как престижность речи, социальной стратификации общества, политической ситуации.

Интересна точка зрения Л.П. Крысина, который понятия *норма* и *узус* рассматривает в разных подсистемах языка – кодифицированных и некодифицированных. Автор считает, что в «некодифицированных она (норма) равна узусу – традиционно употребляемым языковым единицам и способам сочетания их друг с другом», а в кодифицированных подсистемах языка между двумя понятиями наблюдаются существенные различия, прежде всего в том, что «норма как результат целенаправленной кодификации может входить в противоречие с речевой практикой, в которой наблюдается как следование кодификационным предписаниям, так и нарушение их» [7, С. 10].

Таким образом, мы можем говорить о том, что узус имеет два вектора развития: развитие по внутренним законам языковой системы, а также развитие под воздействием внешних социальных условий.

Развитие сфер коммуникации (одно из внешних условий развития узуса концепта), как количественно, так и качественно, приводит к изменению в структуре и смысле (содержательном) наполнении концептов, формирующих языковую картину мира. Росту количества сфер общения способствует совершенствование виртуальных средств коммуникации: социальных сетей, форумов, чатов живых журналов. Эти псевдо-устные, но остающиеся письменными, вернее, написанными, диалоги и полилоги (некоторые исследователи называют Интернет письменно-печатной формой коммуникации [8], [9]) образуют сферу изначально неформального общения, хотя, с другой стороны, публикации в Интернете всё чаще приравниваются к СМИ, то есть достаточно официальной области СМК (средств массовой коммуникации). Таким образом, налицо смешение узусально-стилистических уровней общения, что результирует свободой именования социальных отношений между людьми.

В ЯКМ языков мира есть общие, ядерные фрагменты, среди которых парный концепт Друг/Враг занимает одну из ведущих позиций.

В концепте Друг, как и в любом другом концепте ЯКМ, можно выделить ядерную и периферийную части. Ядерная часть концепта – это те лексемы, словосочетания, которые устанавливаются, в первую очередь, через словарные дефиниции, а также являются наиболее частотными по употреблению репрезентациями концепта. Периферийная часть концепта отражает номинации более редкие, устаревшие, вышедшие из употребления, либо наоборот, еще не успевшие войти в речь. Рассмотрим некоторые репрезентации концепта Друг на современном этапе и их актуализацию в узусе русского и английского языков.

Исконно ядерную часть концепта Друг в русском языке составляли такие репрезентации, как *друг*, *дружить*, *подруга*, *товарищ*, *приятель*, *дружеский*, *приятельский*. Об этом в своих трудах писали В.И. Карасик, И.А. Стернин [10], А. Вежицкая [11], О.М. Лунцова [12]. Однако, увеличение количества сфер коммуникаций отражается в передвижении частей концепта от ядра к периферии и наоборот. Например, репрезентации *братан*, *братишка*, *кореш*, используемые в тюремной среде, в 90-е годы двадцатого 20 века постепенно переместились из периферийной части в ядерную и прочно в ней укрепились. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) насчитывает для этих лексем 310, 464 и 154 вхождения соответственно. Мы считаем, что подобный переход всегда обусловлен социальными причинами: ростом преступности в стране, идеализации образа «бандита», некомпетентности языка СМИ.

Обратную тенденцию (переход из ядерной части концепта Друг в периферийную) можно проследить на примере репрезентаций *товарищ*, *кент*. Кент – лексема из арго, употребляемая в 60-е годы 20 века, которая достигла своей популярности в 90-е годы, в настоящее время отошла на периферию концепта, уступив место репрезентации *бро*.

Изменение в употреблении наблюдается и с репрезентацией *товарищ*. По данным национального корпуса русского языка с 1950 до 2016 год количество употреблений лексемы постепенно снижалось, составив в 1950 году около 600 вхождений на миллион словоформ, а к 2016 году – менее 50. Анализ примеров показывает, что

актуализация репрезентации *товарищ* проявляется в текстах военной и политической тематик, что свидетельствует о переходе данной номинации от центра к периферии концепта Друг:

На войне я знал, что *товарищ* прикроет мне спину! (Марина Ахмедова. Майдан умеет ждать. «Русский репортер», 2014. Источник - <http://ruscorpора.ru/>).

Тут же позвонил его боевой *товарищ*: «Алло, ты куда вылетел?» (Наталья Радудова. Танковые сражения. «Огонек», 2013. Источник - <http://ruscorpора.ru/>).

В номинациях *брат, братан, бро, мать, bro, soulmate*, которые в современном узусе составляют ядерную часть концепта Друг русского и английского языков, наблюдается смешение нескольких сем: «родство» и «другой». Если сфера «дружость» исторически считалась центральной в структуре концепта Друг, то сема «родство» выдвигается на передний план лишь недавно, хотя о глубокой связи концептов Родство и Дружба известно уже давно [10]. Приведем примеры:

«Однако, скоро практике, когда весь ресторан узнает, что «у меня сегодня *братан* откинулся», возможно, придет конец (Александра Маянцева. «Вход в наш ресторан бывшим заключенным запрещен». Комсомольская правда, 14.06.2013. Источник: <http://www.kuban.kp.ru/daily/26091/2992359/>). *Братаном* в местах лишения свободы называют соседа по камере.

Комментарий пользователя «ВКонтакте» Антона Самолюка «без добра никуда *бро*» (орфография сохранена). Источник - <https://vk.com/propoller>.

Комментарий пользователя «ВКонтакте» под ником Авраам Линкольн: «*Мать* ты гонишь... что может быть важнее ребёнка в жизни???» (орфография сохранена). Источник: <https://vk.com/id382072447>.

With Norm's demise, America's beer-drinkers have lost both a role-model and a *soulmate* (источник - <http://corpus.byu.edu/bnc/>).

В случае с *soulmate*, который, согласно электронному источнику Oxford Living Dictionaries (en.oxforddictionaries.com) определяется как “person ideally suited to another as a close friend or romantic partner” («человек, идеально подходящий другому в качестве близкого друга или любимого человека»), мы наблюдаем иное «родство» - родство душ, которое основано на крепкой дружбе, или любовной связи. Таким образом, в репрезентацию *soulmate* добавляется компонент «любовь».

Приведенные примеры иллюстрируют способность лексем *брат, братан, бро, мать, bro, soulmate* выражать не только родственные, но и дружественные, даже любовные отношения, либо являться обращением. Мы считаем, что возросшая популярность приведенных номинаций концепта Друг в русском языке связаны с выходом в 1997 году фильма Алексея Балабанова «Брат» – первой части дилогии, с последующим продолжением в 2000 году («Брат 2»). Налицо пример внешнего (социального) фактора, приведшего к расширению номинативной способности концепта Друг и дальнейшей его актуализации через термины родства.

Помимо семы «родство» в современном узусе концепта Друг можно выделить сему «возраст». В устной речи нередко звучит обращение *девочки*, употребляемое в женском дружественном кругу независимо от возраста входящих в него женщин. В мужской же компании можно услышать обращение *мужики*. Мы считаем, что данный феномен связан в большей степени с психологическим фактором – нежеланием женщин стареть, которое связано с навязанным обществом стереотипом о том, что женщина красива лишь пока молода:

«Ты знаешь, что меня хоть как-то успокаивает это то, что ни одна из героинь при каких бы обстоятельствах или как бы к нам ни попала, в наши руки, не сказала: «Знаете, *девочки*, что же вы со мной такое натворили, до вас я была лучше»» (фрагмент телевизионной программы «Снимите это немедленно» из коллекции НКРЯ, 2005. Источник - <http://ruscorpора.ru/>).

Узус современного концепта Друг в русском языке претерпевает сильное влияние иностранных языков, в том числе английского. Из периферии концепта выходят номинации *бро, сиса, сис, амиго*, первые три из которых сформировались под влиянием английского языка, а третья – испанского.

«*Сиса* ты здесь такая хорошиная (орфография сохранена. Комментарий пользователя «ВКонтакте» Марины Смирновой. Источник - <https://vk.com/id110590618>).

«Только если что — я за тебя не отвечаю, *бро*» (Остров сокровищ, или последний «Последний герой» (2004). Источник - <http://ruscorpора.ru/>).

«Почему?!— Ты навсегда испорчен перестройкой, *амиго*. Куда же делся твой революционный аскетизм?» (Алена Браво. Комендантский час для ласточек. «Сибирские огни», 2012. Источник - <http://ruscorpора.ru/>).

Стоит отметить, что в английском языке лексемы *bro, sista, amigo* входят в ядерную часть концепта Друг. Они употребляются для обозначения людей, с которыми вы проводите много времени, ходите на вечеринки, развлекаетесь. Толковый словарь Oxford Living Dictionaries (en.oxforddictionaries.com) дает следующее определение лексеме *bro*: “young man, especially one who socializes primarily with his male peers and enjoys lively, unintellectual pursuits” («молодой человек, который общается с приятелями и любит развлекательные мероприятия»). Об обесценивании исконного образа друга в англоязычной культуре писала А. Вежбицкая: «относительно "friend" в старом смысле слова ожидается, что они (друзья) будут любимы, тогда как относительно "friend" в новом смысле слова ожидается, что они будут доставлять удовольствие, а в испытании может нуждаться любовь, а не удовольствие» [11, С. 72]. Можно сказать, что заимствование номинаций концепта Друг и их дальнейшая актуализация упрощает коммуникацию, делает общение в социальных сетях международным, создает своеобразный язык анонимного общения в Интернете. Но не стоит забывать и о рисках, которые возможны в этой связи: жаргонизация речи, ее дальнейшее упрощение и неуместное использование англицизмов.

Таким образом, узус концепта Друг в русском и английском языках – это его реальное функционирование в речи. Он обусловлен социальными факторами: развитием сфер коммуникаций, возрастающим влиянием Интернета, развитием международных отношений. Узус концепта Друг является сферой активного смешения репрезентаций, которое проявляется в заимствовании англоязычных номинаций в русский язык, смешении сем, а также в переходе

номинаций из ядерной части концепта на периферийную и наоборот. Периферия концепта Друг включает в себя и устаревшие, и индивидуально новые номинации, включающие в себя межкультурный компонент и актуализирующиеся в следующих семах: возраст, сфера коммуникации, гендер.

Список литературы / References

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. / Э. Косериу // – Сборник «Новое в лингвистике». – Вып.3. – М., 1963. – 586 с.
2. Колесов В. В. Культура речи – культура поведения / В. В. Колесов. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
3. Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – Ч. II. – М., 1960. – С. 56-70.
4. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв., вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.
5. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: дис. ...док. филол. наук : 10.02.19 : утв. 23.03.01 / Тогоева Светлана Ивановна. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – 251 с.
6. Ерофеева Е.В. К вопросу о соотношении понятий норма и узус / Е. В. Ерофеева // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева. – Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып.2. – С. 3–8.
7. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – № 2 (14). – М., 2007. – С. 5-17.
8. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации : от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.
9. Донскова О. А. Английские афоризмы в электронном дискурсе / О.А. Донскова // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – Т. 3. – № 1(12). В., 2015. – С. 301-304.
10. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
11. Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
12. Лунцова О.М. Градиент-концепт «дружба-мир-вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) : монография / О.М. Лунцова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 257 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Coseriu E. Synchronia, diachronia i istoria. [Synchrony, diachrony and history] / E. Coseriu // - Sbornik «Novoe v lingvistike» [Collected articles "Innovation in linguistics"]. – Issue 3. – М.: 1963. – 586 p. [In Russian]
2. Kolesov V.V. Kul'tura rechi – kul'tura povedenija [Speech culture as the culture of behavior] / V.V. Kolesov. – L.: Lenizdat, 1988. – 271 p. [in Russian]
3. Zvegincev V.A. Istoriia jazykoznanija 19-20 vekov v ocherkah i izvlechenijah [The history of the language study of 19-20 centuries in the essays and extracts] / V.A. Zvegincev. – P. II. – М., 1960. – P. 56-70 [in Russian]
4. Latyshev L. K. Tehnologija perevoda: Ucheb. posobie dlja stud. lingv., vuzov i fak. [The technology of translation: Workbook for students of linguistic high schools and faculties] / L. K. Latyshev. – 2nd ed., rev. and suppl. – М. : Izdatel'kiy centr "Academia", 2005. – 320 p. [in Russian]
5. Togoeva S.I. Psiholingvisticheskie problemy neologii [Psycholinguistic problems of neology] : dis. ...of PhD in Philology : 10.02.19 : approved 23.03.01 / Togoeva Svetlana Ivanovna. – Tver : Tver state University, 2001. – 251 p. [in Russian]
6. Erofeeva E.V. K voprosu o sootnoshenii ponjatij norma i uzus [The question of the relationship between the concepts of norm and language usage] / E.V. Erofeeva // Problemy socio- i psiholingvistiki: Sb. St [Problems of social and psycholinguistics: collected articles] / Edited by T.I. Erofeeva. – Perm university. – Perm, 2003. – V. 2. – P. -8 [in Russian]
7. Krysin L. P. Russkaja literaturnaja norma i sovremennaja rechevaja praktika [Russian literary norm and modern speech practice] / L. P. Krysin // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii [The Russian language in scientific highlights]. – № 2(14). – М., 2007. – P. 5-17 [in Russian]
8. Mechkovskaja N.B. Istoriia jazyka i istorija kommunikacii : ot klinopisi do Interneta : kurs lekcij po obshhemu jazykoznaniju [The history of language and communication : from cuneiform writing to the Internet : lecture course on general linguistics] / N. B. Mechkovskaja. – М. : FLINTA : Nauka, 2009. – 584 p. [in Russian]
9. Donskova O. A. Anglijskie aforizmy v jelektronnom diskurse [English aphorisms in electronic discourse] / O.A. Donskova // Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij XXI veka: teorija i praktika [Actual areas of research of the XXI century: theory and practice]. – V. 3. – № 1(12). – V., 2015. – P. 301-304 [in Russian]
10. Karasik V.I., Sternin I.A. Antologija konceptov [Concept anthology]. / Edited by V.I. Karasik, I.A. Sternin. – V. 1. – Volgograd: Paradigma, 2005. – 352 p. [in Russian]
11. Vezhbickaja Anna. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov [Undertanding of cultures through the keywords] / Translated by. A. D. Shmeleva. – М.: Jazyki slavjanskoi kul'tury, 2001. – 288 p. – (Jazyk. Semiotika. Kul'tura. Malaja serija [Language. Semiotics. Culture. Small series]) [in Russian]
12. Luncova O.M. Gradient-koncept «družba-mir-vražda» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah (na materiale leksiki i frazeologii) [Jelektronnyj resurs] : monografija [Concept gradient "friendship-peace-enmity" in the Russian and English linguistic culture (on the material of vocabulary and phraseology)] : monograph / O.M. Luncova. – 2nd edition, ster. – М. : FLINTA, 2014. – 257 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.059

Смелковская М.Ю.

Кандидат филологических наук,

Старооскольский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

(СОФ НИУ «БелГУ»)

**НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В РАССКАЗАХ И.А.БУНИНА****Аннотация**

Статья посвящена философскому осмыслению феномена русского национального характера, а именно, истокам духовности в национальном самосознании, на материале рассказов «Вести с родины», «Лирник Родион» и «Косцы». Обращение к реальным фактам и реальным прототипам в художественной практике Бунина позволяет создать художественную картину мира, в которой философская глубина проявляется в бытовых формах жизни русского человека. В результате автор доказывает, что поэтика, жанрово-стилевая специфика и идейно-содержательное наполнение прозы Бунина подчинено решению важнейших вопросов национального бытия.

Ключевые слова: И.А. Бунин, национальный характер, национальное самосознание, прототип, трансформация реального факта, творческая трансформация, художественное обобщение.

Smelkovskaya M.Y.

PhD in Philology,

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Belgorod State National Research University» (Stary Oskol branch of)**MORAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE STORIES OF IVAN BUNIN****Abstract**

The article is devoted to philosophical understanding of the phenomenon of Russian national character. The article is written on the basis of stories, «News from the Motherland», «the Lirnyk Rodion» and «Mowers». An appeal to real facts and real prototypes in artistic practice Bunin allows you to create artistic picture of the world in which philosophical depth are manifested in the everyday life of the Russian people. As a result, the author argues that poetics, genre and style specifics and ideological content of the Bunin prose is subordinated to the solution of vital questions of national existence.

Keywords: Ivan Bunin, national character, national identity, prototype, transformation of real facts, creative transformation, artistic generalization.

В центре художественного мира И.А.Бунина уже в раннем творчестве русская деревня, русский быт и русский характер, как интереснейшее и сложнейшее явление авторской концепции действительности. Писатель не идеализировал мужика, но в то же время и не винил его за бесхозяйственность, за нарушение нравственных и религиозных устоев. Бунин сумел всесторонне, глубоко воплотить в творчестве истоки духовности в национальном самосознании, соединить эпическую по направленности мысль с жанровой формой рассказа.

С большой эмоциональной силой мысль о трагичности русской судьбы выражена в его рассказе «Вести с родины». По свидетельству В.Н.Муромцевой-Буниной, «в нём был выведен крестьянин, друг детства, отрочества и ранней юности автора, умерший во время всероссийского голода» [1, С. 138]. Писатель вводит в рассказ вымышленного героя - дворянина Митю Волкова и его приятеля крестьянина Мишку, имеющего прототипа. По ходу развития сюжета Бунин сталкивает судьбы двух героев в решении важных нравственных проблем. Волков доволен собой, своей агрономической деятельностью и высокими помыслами о пользе, которую собираются приносить своей работой на опытном поле. Он переполнен собственной значимостью и осознанием своей «нужности» науке, экономике страны в недалёком будущем. Иллюзии Волкова рушатся, когда он получает известие о гибели от голода друга детства Мишки Колесова. К нему приходит осознание того, что Мишка и его семья - это и есть те, для кого, по его мнению, он учился и собирается работать. Волков мучится сознанием собственной вины за трагический исход жизни друга.

Прототип и подлинные факты его жизни в результате творческой трансформации перерастают в художественное обобщение, обогащаются знанием многих сходных судеб людей из народа, прошедших перед глазами писателя. Чувство вины за трагический финал жизни друга детства усиливается у героя рассказа Волкова картинами детства и отрочества героев, которых связывало многое: совместное обучение грамоте у старосты Догадуна, игры в разбойников, закадычная дружба, когда трудно было расстаться даже на минуту. На расстоянии лет героя мучит совесть за то несправедливое чувство своего якобы и превосходства, которое он при случае выражал по отношению к Мишке, за холодное прощание перед отъездом на учебу в гимназию, зато, что мать Волкова перед расставанием не пустила Мишку в барский дом.

Эмоциональный подтекст рассказа углубляется описанием внешнего портрета Мишки: после прохладного прощания с другом он «заплакал и тихо пошел по меже к деревне, придерживая одной рукой штанишки и ступая босыми ножками по горячей пыли...» [2, С. 43]. Волкову стыдно за то, что во время последней встречи с взрослым Мишкой он как должное воспринял проявленную другом детства умаляющую достоинство человека веками воспитанную у мужика обязанность унижаться перед баринном: «Мишка, прежде веселый, бойкий, торопливо сдернул шапочку и ответил испуганно и покорно: - Я-с, Дмитрий Петрович» [2, С. 44]. Чувство вины и жалости опять подчеркивается художественным портретом Мишки: «Он был в растрепанных лаптях, и углы воротника его рваного зипуна торчали по-нищенски, закрывая исхудалое, больное лицо» [2, С. 44]. Писатель подчёркивает, что Волков ничего и не предпринимает для того, чтобы хоть чем-то облегчить судьбу друга, в очередной раз холодно пренебрегая

мишкиными несчастьями, которые могли неприятно нарушить размеренный ход его жизни. Со стыдом вспоминая об этом, герой, «стиснув пальцы», стал «качаться, как от зубной боли» [2, С. 45].

Используя реального прототипа, Бунин ввёл его в типические обстоятельства крестьянской жизни и экстремальные ситуации индивидуального бытия, проник в глубины его души и в результате создал в рассказе замечательный образ простого русского человека, чистого душой, по-детски наивного, простодушного и доброго, покорно принимающего удары судьбы, «страшного в своей обыденности быта». Произведение «Вести с родины» датировано 1893 годом. Это было время становления Бунина как личности и как писателя, но уже тогда, в раннем творчестве, проявилась его кровная связь с народом, знание его жизни, его достоинств и недостатков и умение на основе этого знания подняться на уровень больших художественных обобщений.

Прекрасные образы людей из глубин народа, подсказанные реальными прототипами, находим в бунинских рассказах «Лирник Родион», «Косцы», «Божье древо». По Бунину, поистине святая Русь в условиях деспотизма, нищеты и бесправия порождает светлые поэтические души, отличающиеся благородством и сохраняющие высокое человеческое достоинство.

Рассказ «Лирник Родион» уникален по содержанию и художественным достоинствам. С прототипом главного героя Бунин встречался во время путешествия по Днепру в 1896 году и от него записал «Псалму про сироту». На основе воспоминания об этой встрече писатель создал художественное произведение, наполненное глубоким смыслом, окрашенное подлинной поэзией и лирическим звучанием.

События, описанные в рассказе, разворачиваются весной на пароходике «Олег». По словам автора, он «в те годы был влюблён в Малороссию, в её сёла и степи, жадно искал сближения с её народом, жадно слушал песни, душу его» [2, С. 407]. Особенно привлекали его внимание бандуристы и лирники, странствующие певцы, сохранившие в своей памяти «певучие думы» о былой казацкой жизни, о материнском сердце, о женской любви. На этом пароходике и состоялось его знакомство со слепым лирником Родионом.

Есть основание считать, что подлинным в рассказе является внешний портрет героя, обнаруживающий его украинские национальные черты (стрижка «в кружок», свитка, ленточка у ворота рубахи и др.): «Голова у него была небольшая, тёмные волосы, ровно подрубленные в кружок, закрывали чёлкой лоб. Сухое, рябое лицо с закрытыми и глубоко запавшими маленькими веками без ресниц обычно ничего не выражало...Ростом он был невелик, плечи имел узкие, покатые и худощавые, пальцы тонкие и цепкие. Носил короткую сермяжную свитку, огромные сапоги. И чудесно, по-славянски краснела ленточка, которой завязывал он ворот своей сорочки из сурового холста» [2, С. 408]. Лирник пленил автора своей простотой, лёгкостью и открытостью в общении. Бунин восхищается счастливым сочетанием в его характере «строгости и нежности, горячей веры и отсутствия показной набожности, серьёзности и беззаботности», подробно описывает, как изменяется лицо героя, когда он начинает петь. «Редким человеком» называет автор лирника Родиона, характерной особенностью творчества которого является - «вкус, чуткость, мера». Его герой очень тонко чувствует, какую именно песню должен спеть для своих слушателей. После песен о киевских соборах, о высоких колокольнях, которые вызвали нежную грусть, он плавно переходит к песне, которая не может не затронуть любое материнское сердце.

Бунин подробно описывает исполнение лирником песни о сироте и мачехе, передаёт чувства слушателей, чутко воспринимающих трогательные образы, созданные удивительным пением лирника. Писатель называет Родиона «истинным художником» своего дела, умеющим вызывать в душах людей нежность, горечь, счастье, заставляющим переживать минуты сострадания и участия к судьбе обездоленных и гонимых. Слепой певец, лишённый возможности видеть красоту окружающего мира, сам способен возвращать её в души людей и напоминать о совести и сострадании.

В образе лирника Родиона Бунин раскрыл поэтическую душу народа. В конкретно личном писатель показал типические черты характера крестьянина-художника, символизирующего величие духа народа и верность его национальным традициям. Независимо от того, идёт ли Бунин от вымысла или от живого наблюдения, вспоминает ли он некогда услышанное или точно цитирует фольклорный текст, он в первую очередь обращает внимание на драгоценные черты народного характера, проявляющегося в конкретных обстоятельствах его бытования. Весь рассказ звучит хвалой человеку, его гармоничности, красоте, гуманности. Характер предстаёт перед нами в данном случае практически без объяснений, без мотивировок, как некий чудесный феномен, в этом просматривается мысль художника о том, что в народном характере стремления к высоким помыслам соединены с «трезвостью духа».

В рассказе «Лирник Родион» кроме образа заглавного героя писатель нарисовал коллективный портрет его слушателей, таких же простых людей, как и сам лирник. Их отличает эмоциональная чуткость и художественная отзывчивость. Это подтверждает типичность характера и самого исполнителя псалмы. Бунин показывает, что ни один человек, слушавший слепого, не остался равнодушным к пению. В каждой душе пробудилось сочувствие к сироте, радость за восстановленную справедливость и удовлетворение неотвратимым возмездием. Незнакомые прежде люди духовно объединяются пением лирника, его поистине народным искусством. И автор, вспоминая встречу с этим удивительным художником-самородком, заключает: «Если он ещё жив, Бог, верно, дал ему старость счастливую и отрадную за ту радость, что давал он людям» [2, С. 408].

Широту народной души, истинные патриотические порывы простых людей, их врожденное чувство прекрасного И.А.Бунин отразил ещё в одном поэтическом произведении - в рассказе «Косцы». Этот гимн русскому крестьянину и плач о потерянной России сложился у писателя в период эмиграции. Рассказ был подсказан шемящей тоской Бунина по родине и родился из нескольких строчек в его дневнике: «За Малиновым - моря ржей, очаровательная дорога среди них. Лужки, вроде бутырских. Мелкие цветы, беленькие и жёлтые. Одинокий грач. Молодые грачи на косогоре, их крики. Пение мошары, жаворонков - и тишина, тишина...Потом большая дорога — и пение косцов в лесу: «На родимую сторонку...» [2, С. 347]. Песня косцов, которую услышал, проезжая по большой дороге, Бунин, навсегда поразила его своей свободой и лёгкостью, остались в памяти русские крестьяне, в дружной песне которых отразилась

широта и поэтичность русской души. А всё то самое лучшее, что было в народе, соединилось в сознании писателя с Россией, которую ему не суждено было увидеть.

В отличие от рассказа «Лирник Родион», где всё внимание писателя сосредоточено на внешности и интонациях речи и песен героя, в «Косцах» очень много места отведено описанию природы. Бунин подчёркивает неразрывную связь человека с землей, на которой он родился и продолжает жить. Родина, по Бунину, накладывает заметный отпечаток на характер и судьбы людей, влияет на состояние их духа. Косцы поют за работой, а вокруг «поля, глушь срединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная загложими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила в бесконечную русскую даль» [2, С. 221]. Никому другому из писателей не удавалось с такой силой, как Бунину, почувствовать и передать нераздельность русского пейзажа с русской жизнью, он претворяет в пейзаже национальный дух, наполняет его «памятью» прошлого, отблесками национальной русской истории. От самой русской природы с её бесконечными, манящими вдаль просторами, как и от трудной исторической судьбы народа ведёт своё происхождение коренное свойство национального характера - извечное стремление уйти «на край света», бесконечные духовные искания, непримиримость с «теснотой жизни».

Бунин ярко и красочно описывает внешность косцов, пришедших из других краев России на заработки в бунинские места: «Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, - в обычае, в поведении, в языке, - опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми, ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубашками с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами» [2, С. 222]. Писатель любит этими красивыми, сильными, здоровыми людьми, подчёркивает их неразрывную связь с природой, с землёй, видя в этом источник их свободы и лёгкости. Бунин обращает внимание на кровное единство людей, которые могут так петь и понимать песню, подчеркивает их связь с Россией, потому «что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу» [2, С. 223].

Только русский человек, по мнению Бунина, может петь с такой непосредственностью, лёгкостью и естественностью, когда его песне созвучными оказываются шум листвы и ветра, и пение птиц. Писатель сумел показать, что косцы представляют единое неразрывное целое с окружающим берёзовым лесом и всей русской природой. Они пели о расставании с любимой, с родной стороной. Переливами в их песне звучала и грусть, и нежность, и тоска, и великодушие, не было только в ней, как подчёркивает автор, безнадежности, потому что их разлука с родными краями была временной и еще потому, что их окружала «беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством» [2, С. 224].

Рассказ автобиографичен, написан от первого лица и построен на воспоминаниях. Картины, воссозданные в воспоминаниях, отражают впечатления разных лет. Эта природа средней полосы России, а точнее тех мест, где прошли детство, юность и молодость писателя. Особенность художественного времени в рассказе состоит в том, что в нём спрессованы впечатления разных лет, дающих понятию времени растяжимый смысл постоянного и вечного, как вечно сама Русь. Это взгляд художника, переплавившего воспоминания в целостный рассказ.

Глубоким уважением к русскому народу пронизаны мысли писателя о его истовой вере в сказочные и волшебные силы, которые всегда заступятся и выручат из любой беды. С неизбывной тоской пишет Бунин о том, что этой наивной чистоте нет возврата, что потеряна вера в чудодейственную живую воду, которая якобы воскресит истинные ценности. Тем не менее в рассказе звучит надежда на способность русского народа возрождаться на любом пепелище и уверенность в том, что русский национальный характер по-прежнему остается неизменным. Благодаря глубокому знанию русского человека и творческому воображению писателя, его косцы стали символом всего самого светлого и святого, что есть в русском характере. В рассказе «Косцы» на фоне чисто русской природы и народной песни, на основе личных знаний и переживаний Бунину удалось создать коллективный образ русских людей, несущих лучшие черты русского национального характера.

Список литературы / References

1. Муромцева-Бунина В.Н. Воспоминания об И.А. Бунине / В.Н. Муромцева-Бунина. – М.: Советский писатель, 1989.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2 / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Muromceva-Bunina V.N. Vospominaniya ob I.A. Bunine [Memories of I. A. Bunin] / V.N. Muromceva-Bunina. – М.: Sovetskij pisatel', 1989. [in Russian]
2. Bunin I.A. Sbranie sochinenij v 6-ti tomah [Collected works in six volumes] V. 2 / I.A. Bunin. – М.: Hudozhestvennaja literature, 1988.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.086

Торов Я.В.

ORCID: 0000-0003-2548-0760, Аспирант,

Алтайский Государственный Университет

ТУРЕЦКО-НЕМЕЦКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СМЕШЕНИЕ**Аннотация**

В данной статье рассмотрено явления языкового переключения и языкового смешения. Эти понятия разграничены и проанализированы на предмет различий. В статье рассматривается языковое смешение на материале немецкого и турецкого языков, собранного от соответствующих билингвов. Языковое смешение рассматривается с позиции грамматического устройства предложения. Последнее распределено на функциональные группы и упорядочено от больших единиц к меньшим. Языковое смешение присутствует практически везде. Выявленные случаи отсутствия языкового смешения: определение и глагольный компонент сказуемого.

Ключевые слова: языковое переключение, языковое смешение, билингв.

Torov Y.V.

ORCID: 0000-0003-2548-0760, postgraduate,

PhD in Altai State University

TURKISH-GERMAN LANGUAGE MIXING**Abstract**

This article discusses the phenomenon of language switching and language mixing. These concepts are differentiated and analyzed for differences. The article deals with the language mixing on the material of German and Turkish languages, collected from the respective bilingual. Language mixing is considered from the point of the grammatical structure of the sentence. The latter is distributed to the functional groups and ordered from larger to smaller units. Language mixing is present almost everywhere. Identified cases where language mixing does not occur are attribute and verbal components of the predicate.

Keywords: language switching, language mixing, bilingual.

В течение последних двадцати лет мы наблюдали резкий рост интереса к научным явлениям двуязычной речи и, в частности, к языковому переключению. Языковое переключение было делом нескольких специалистов в 1950-е и 1960-е годы, имеющим периферическое значение для лингвистики в целом. Ряд первых в своём роде, а теперь уже классических изданий 1970-х годов как по синтаксическому [9, С. 581-618], так и по социолингвистическому [3, С. 111-136] аспектам двуязычной речи, переместили его в фокус интереса большого числа исследователей в области синтаксиса, социолингвистики и психолингвистики.

Языковому переключению были даны многие определения. Общее определение языкового переключения, предложенное Гумперзом [5, С. 59] звучит как «наслоение в пределах одного речевого обмена речевыми пассажами, принадлежащими двум различным грамматическим системам или подсистемам». Майерс-Скоттон [8, С. 241] определяет классическое языковое переключение, как явление когда «элементы двух или более разновидностей языка находятся в том же предложении, но только одна из этих разновидностей является источником морфо-синтаксической рамки для предложения».

Из более ранних исследований мы знаем (а), что переключение кодов связано и свидетельствует о принадлежности к конкретным типам двуязычных речевых сообществ, благодаря чему закономерности переменного использования двух или более языков в рамках одного разговора могут варьироваться в значительной степени между речевыми сообществами, и (б) что языковое переключение внутри предложения, где оно происходит, ограничивается синтаксическими и морфосинтаксическими соображениями, которые могут быть, или могут не быть универсального типа. Соответственно, доминирующие перспективы изучения языкового переключения были либо социолингвистическими (в узком смысле этого слова, то есть относящиеся к взаимосвязи социальной и языковой структур), либо грамматическими (имея в виду языковое переключение внутри предложения/языковое смешение). Последнее, как правило, рассматривает в рамках определенной грамматической теории вопрос о синтаксических связях.

Помимо этих двух подходов, есть учёт функций языкового переключения, который не может быть отнесен к категории макро/микро подхода. Большинство этих исследований перечисляют функции языкового переключения. Например, Гумперз предлагает шесть известных функций языкового переключения, чтобы классифицировать его мотивацию. Он называет: цитаты, уточнение адресованности, междометия, лексический повтор, тематизацию сообщения и персонализацию в сравнении объективизацией [5, С. 75-84]. В том же духе, Савиль-Тройк [10] выделяет восемь функций языкового переключения: смягчение или усиление запроса или команды, усиление или устранение неоднозначности, юмористический эффект, прямая цитата и повторение, идеологическое заявление, лексическая необходимость, ограничение числа слушателей, стратегии предотвращения и стратегии исправления. В другой попытке классифицировать функции языкового переключения Аппель и Мейскин [7, С. 29-30] ссылаются на шесть функций, обозначенных Мюльхойзлером [6, С. 19-55]: функция референции, направляющая и интегрирующая функции, экспрессивная функция, фатическая функция, металингвистическая функция и поэтическая функция. Эти подходы получили довольно много критики, в том числе от Гумперза и Ауера.

Подобно своим функциям, сами коды, составляющие социально-коммуникативную систему, также функционально распределены. Согласно Аврорину В. А. один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое общество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения [12]. Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где используется не один, а два языка (или несколько). Как говорит Беликов, билингвы обычно распределяют их использование в зависимости от условий

общения. Как пишет Крысин Л.П., переключение кодов, или кодовое переключение – это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации [13]. Переключение происходит следующим образом. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения – по завершении обсуждения какой-либо темы. А если вмешательство фактора, обуславливающего кодовое переключение, неожиданно для говорящего, он может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами, когда использование их в значительной мере автоматизированно, сам процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код используется не целиком, а во фрагментах.

Переключение кодов в любом случае мотивировано. У. Вайнрайхом выделяются три основных комплекса факторов переключения кодов: внешние, экстралингвистические или социоллингвистические; внутренние, психоллингвистические и собственно лингвистические, среди которых чаще рассматриваются, синтаксические или структурные вопросы.

Смещение кодов, когда переход от одного языка к другому не планируется заранее, не всегда мотивирован внешне. В данном случае следует обратить внимание именно на лингвистические факторы – структуру и строй языка. Они способны приводить к смещению кодов внутри тесно связанного словосочетания, так что глагол принадлежит одному языку, а зависимые от него слова – другому.

Исследователи, такие как Мейске [7] используют данное понятие — “смещение кода” или “языковое смещение”. В некоторых случаях языковое переключение отделяется от языкового смещения. С функциональной точки зрения Ауер [2, С. 310] сохраняет термин языкового переключения для «тех случаев, в которых наложение двух языков воспринимается и интерпретируется участниками как локально значимое событие», в то время как термин языковое смещение он использует для тех «случаев наложения двух языков, в которых использование двух языков имеет значение не в локальном, а только в более глобальном смысле, то есть, когда рассматривается в качестве регулярной структуры». Сингх [11, С. 33-46] также использует термин языковое переключение для случаев переключения между предложениями, в то время как термин языкового смешивания для переключения внутри предложения.

Бокамба [4, С. 278] разграничивает языковое смещение внутри предложения с языковым переключением между предложениями, определяя таким образом языковое смещение как «вложение различных лингвистических единиц, таких как аффиксов (связанных морфем), слов (несвязанных морфем), словосочетаний и предложений из двух различных грамматических (суб)систем в пределах одного предложения и речевого события».

Далее мы рассмотрим примеры языкового смещения и некоторые случаи языкового переключения. Набор практического материала для исследования был совершен на территории Германии. Опрошенные участники находятся в возрастных рамках от 12 до 23 лет. В их число входят школьники, студенты и учащиеся колледжей в большинстве своём мужского пола. Результаты анализа набранного материала дали следующие случаи языкового переключения и смещения.

- 1) Предложение целиком (языковое переключение)
- 2) Простое предложение в составе сложного предложения (языковое переключение)
 - I. В составе сложносочиненного предложения
 - II. В составе бессоюзного предложения
 - III. Придаточное определительное
 - IV. Придаточное дополнительное
 - V. Придаточное обстоятельственное
- 3) Обязательный член предложения (языковое смещение)
 - I. Подлежащее
 - II. Обстоятельство
 - III. Объект
 - IV. Предикат
- 4) Второстепенные члены предложения (языковое смещение)
 - I. Обстоятельства времени
 - II. Обстоятельства места
- 5) Служебные слова и прочее (языковое смещение)
 - I. Союзы
 - II. Предлоги
 - III. Вводные слова
 - IV. Слова согласия/несогласия
 - V. Числа
 - VI. Обращения
- 6) Слова семантического признака (языковое смещение)
 - I. Объекты турецкой культуры
 - II. Некоторые отличительные объекты немецкого обихода

В первом случае переключение происходит от предложения к предложению. Это может быть мотивировано информацией, которую говорящий хочет скрыть, от тех, кому не известен другой язык. «Du weiss nicht grad wen ich gesehen habe. Çok tatlıydı.»

Также причиной переключения может быть кажущаяся говорящему большая лаконичность или краткость предложения по сравнению с другим языком, большая приязнь той или иной грамматической конструкции. «Er wollte

Geld von mir. Çok şaşırdım dedim.» Последнее звучало бы на немецком языке «Ich war so überrascht, dass ich sagte.» Где турецкий язык может быть кратче за счёт своей агглютинативности.

Второй из указанных случаев, по сути, близок первому. В данном случае можно сказать, что охватываются все случаи отношений простых предложений в составе сложного предложения. Наиболее редким из них является придаточный обстоятельственный тип предложения.

В третьем случае мы имеем уже не предложение, а член предложения, который является обязательной составляющей сказуемого или подлежащим. Таким образом мы говорим уже о языковом смешении. Причём при замене предиката обе части предложения имеют глагол-связку. «Vielleicht war er wie gesagt çok dikkatli değildi.» Причиной этому является опять же агглютинативность турецкого языка, которая требует использование связочного суффикса для указания на прошедшее время предиктируемого признака.

Также было замечено, что при замене объекта немецкого языка на турецкий сохраняется немецкий род. Наиболее очевидной причиной этому является отсутствие категории рода существительных в турецком языке. «Kein Araba»

Четвёртый случай представляется второстепенными членами предложения. Их использование мотивируется индивидуальной частотностью употребления. При замене турецкого обстоятельства места немецкие слова подвергаются турецкой аффиксации. «Yani Matheda öğretmen dersi yani Arbeiten geri verdi.»

Пятый случай, так же как и четвёртый, мотивируется индивидуальной частотностью употребления. Личный опыт и эмоциональная составляющая слов также оказывают влияние на выбор говорящего. Это явление было слышно на аудиозаписях.

Первый пункт шестого случая не является реалиями культуры, но, как оказалось, билингвы склонны использовать его, а не немецкий аналог. Второй пункт шестого случая не является немецкой реальностью, но он несёт в себе несколько отличительных признаков, которые выделяют его в концептуальный подкласс, и это может мотивировать замену кода. Примером этому может служить немецкий транспорт, отличающийся от турецкого.

В результате, мы получили несколько случаев, когда языковое смешение не происходит.

1) Определение. Структура смены языка при определении не была получена. Это указывает на то, что объект и его качества мыслятся как целостность, если они не предиктируются.

2) Глагольное сказуемое и глагол связки. Случаи языкового смешения для замены глагольного сказуемого и глагола связки не обнаружились. Следует отметить, что случай замены подлежащего был замечен только один раз. Это свидетельствует о целостности подлежащего и глагольного компонента сказуемого.

Поднимая вопрос о существовании двух отдельных или одной смешанной грамматики в случае билингвизма, зарубежные исследователи склоняются в последнее время к интегративной теории. Ее суть состоит в признании определенного механизма, интегрирующего различные грамматики. В широких рамках интегративной модели можно объединить различные принципы. Одни из них основываются на том, что переключение кодов не должно нарушать цельности и правильности синтаксических культур обоих. Другие утверждают, что единицы вставляемого языка должны соответствовать или подчиняться правилам принимающей синтаксической структуры. В случае различных языков мы чаще можем встретить последнее как разрешение конфликта синтаксических структур. Аффиксация слов немецкого языка согласно правилам турецкого языка и категория рода у слов турецкого языка являются тому доказательством.

Список литературы / References

1. Appel R. & Muysken P. Language contact and bilingualism. / R. Appel, P. Muysken. – 1987.
2. Auer P. From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a Dynamic typology of bilingual speech. / P. Auer // International Journal of Bilingualism. – Vol. 3. – № 4. – 1999. – P. 210-231.
3. Blom J. P. & Gumperz J. (Social meaning in structure: Code-switching in Norway. / J. P. Blom, J. Gumperz. –1972. – P. 407-434.
4. Bokamba E. G. Are there syntactic constraints on code-mixing? / E. G. Bokamba // World Englishes. – 1989. – Vol. 8. – № 3. – P. 277-292.
5. Gumperz J. Discourse Strategies. / J. Gumperz // Cambridge University Press. – 1982.
6. Mühlhäusler P. Structural expansion and the process of creolization. / P. Mühlhäusler // Theoretical Orientations in Creol Studies. – 1980. – P. 19-55.
7. Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing. / P. Muysken P // Cambridge University Press. – 2000.
8. Myers-Scotton C. Multiple Voices: an Introduction to Bilingualism. / C. Myers-Scotton. – 2006.
9. Poplack S. "Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPANOL": toward a typology of code-switching, / S. Poplack // Language Policy Task Force Paper № 4. 1981. – P. 581-618.
10. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. / M. Saville-Troike. – 1982.
11. Singh R. Grammatical constraints on code-mixing: evidence from Hindi-English. / R. Singh // Canadian Journal of Linguistics. – 1985. – Vol. 30. – № 1. – P. 33-46.
12. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). / В. А. Аврорин. – Л. : Издательство: Наука, 1975
13. Крысин Л. П. Язык в современном обществе. / Л. П. Крысин. – М., 1977

Список литературы на английском языке / References in English

1. Appel R. & Muysken P. Language contact and bilingualism. / R. Appel, P. Muysken. – 1987.
2. Auer P. From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a Dynamic typology of bilingual speech. / P. Auer // International Journal of Bilingualism. – Vol. 3. – № 4. – 1999. – P. 210-231.
3. Blom J. P. & Gumperz J. (Social meaning in structure: Code-switching in Norway. / J. P. Blom, J. Gumperz. –1972. – P. 407-434.
4. Bokamba E. G. Are there syntactic constraints on code-mixing? / E. G. Bokamba // World Englishes. – 1989. – Vol. 8. – № 3. – P. 277-292.

5. Gumperz J. Discourse Strategies. / J. Gumperz // Cambridge University Press. – 1982.
6. Mühlhäusler P. Structural expansion and the process of creolization. / P. Mühlhäusler // Theoretical Orientations in Creol Studies. – 1980. – P. 19-55.
7. Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing. / P. Muysken P // Cambridge University Press. – 2000.
8. Myers-Scotton C. Multiple Voices: an Introduction to Bilingualism. / C. Myers-Scotton. – 2006.
9. Poplack S. "Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPANOL": toward a typology of code-switching, / S. Poplack // Language Policy Task Force Paper № 4. 1981. – P. 581-618.
10. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. / M. Saville-Troike. – 1982.
11. Singh R. Grammatical constraints on code-mixing: evidence from Hindi-English. / R. Singh // Canadian Journal of Linguistics. – 1985. – Vol. 30. – № 1. – P. 33-46.
12. Avrorin V. A. Problemy izucheniya funktsionalnoy storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki). [Problems of studying the functional side of the language (the question of the subject of sociolinguistics)] / A. V. Avrorin. – L. : Izdatelstvo: Nauka, 1975 [in Russian]
13. Krysin L. P. Yazyk v sovremennom obshchestve. [Language in today's society.] / L. P. Krysin. – M., 1977 [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.187

Хачатрян Л.К.

Старший преподаватель,

Армавирский колледж управления и социально-информационных технологий

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТЕКСТА: КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ПОЭТИКА

Аннотация

В современной лингвистической теории текста наблюдается значительный прогресс в уточнении таких традиционных категорий, как система представлений и знаний творческой личности об определенном фрагменте действительности, объективация ценностных ориентаций творческой личности, понимание и оценка действительности творческой личностью. Данная теория успешно демонстрирует, что вышеуказанные категории последовательно выполняют онтологическую функцию обеспечения концептуального фона художественного текста, когнитивного образа ситуации, воссоздаваемой автором в тексте. Выдвигается новая концепция повседневной действительности, обладающая многогранными отношениями с категориями культуры. Художественное сознание представляет собой яркую разновидность обыденного сознания, а поэтому его имманентными характеристиками выступают когнитивные процессы, свойственные для повседневной когнитивной деятельности.

Ключевые слова: лингвистика текста, когнитивный образ ситуации, факт, когнитивная поэтика, интерпретация, культурная поэтика.

Khachatryan L.K.

Senior teacher,

Armavir College of Management and Socio-Information Technology

CONTEMPORARY LINGUISTIC TEXT THEORY: COGNITIVE POETICS, INTERPRETATION, CULTURAL POETICS

Abstract

In contemporary linguistic text theory one can witness the significant progress in specifying such traditional categories as creative personality representation and knowledge system on the definite reality fragment, creative personality value orientation objectification, and creative personality reality estimation. This kind of theory demonstrates successfully that mentioned-above categories consistently fulfill the ontological function of providing the literary text conceptual background and situation cognitive image reconstructed by the author in the text. A new daily-life reality conception is proposed. This conception possesses multi-faceted relations with the culture categories. The artistic consciousness is a bright kind of ordinary consciousness. That is why its immanent characteristics are cognitive processes peculiar for everyday cognitive activity.

Keywords: text linguistics, situation cognitive image, fact, cognitive poetics, interpretation, cultural poetics.

Лингвистика текста и когнитивные науки, преследуя сходные интересы в сфере изучения языка, языковых артефактов и ментальных процессов, в настоящий момент вырабатывают единый подход к таким феноменам, как восприятие художественного произведения, роль воображения в порождении и последующей интерпретации этого произведения, концептуальные модели повествования. До последнего времени исследователи преимущественно говорили об исследовательской дистанции между этими отраслями гуманитарного знания, нежели об их возможном слиянии (более подробно см. [1, С. 35–36]). Однако специалисты в сфере теории художественного текста все чаще обращаются к методологии когнитивных наук, устанавливают научный диалог с теорией искусственного интеллекта, когнитивной психологией, философией сознания, когнитивной поэтикой. При этом междисциплинарный характер исследований можно рассматривать как своеобразную реакцию на ограничения и упущенные возможности постструктуралистских концепций значения и смысла, интерпретации художественного текста, конструктивную попытку системно дополнить существующие модели анализа, фундаментально переработать их.

Когнитивисты, в свою очередь, заимствуют идеи из теории текста, адаптируя свои ключевые понятия к лингвоконцептуальным изысканиям. В этой связи метафора выступает как одна из важнейших проблем исследования, понятие, центральное для осознания специфики творческого сознания в текстопорождающей деятельности. В

частности, когнитивная лингвистика воспроизводит сложную модель производства и интерпретации метафоры, которая является основополагающей для исследования способности индивида к порождению значений и смыслов [2, С. 19]. Специалисты по искусственному интеллекту и философии сознания активно задействуют концептосферу художественных текстов в целях более детальной последующей разработки таких понятий, как «фрейм», «слот», «скрипт». Когнитивные психологи предлагают исследовательские проекты, фокусирующиеся на такой проблематике изучения художественного текста, как реакция читателя на повествование, символически насыщенные категории, характеризующие разнообразные аспекты жизнедеятельности, этническая обусловленность мышления индивида [3].

Разрабатывается теория поэтики творческого сознания, в рамках которой утверждается, что такие традиционные риторические фигуры, как метафора, метонимия, ирония отражают протекание фундаментальных когнитивных процессов. Способность сознания к выражению мысли в образной форме, воображаемой репрезентации окружающей действительности, творческой концептуальной переработке повседневности все чаще находится в фокусе исследовательского внимания как когнитологов, так и специалистов по теории художественного текста.

Обозначенные выше конструктивные тенденции последовательно фиксируют новый этап в развитии когнитивной теории художественного текста. Подавляющее большинство изысканий осуществляется на стыке лингвистики текста и когнитивных наук, системно и в синхроническом срезе освещая такие актуальные проблемы, как повествование, образный язык, читательская интерпретация авторского замысла, художественная концептуализация действительности, в теории и на практике демонстрируя преимущества пересмотра постулатов литературы и культуры с когнитивной точки зрения.

Когнитивная поэтика, разрабатывая оптимальные механизмы для анализа художественного текста, позиционируется в современном гуманитарном знании как новая междисциплинарная парадигма в теории текста, которая получила в наследие ряд нерешенных проблем. Эти проблемы можно обозначить следующим образом:

- 1) интегрирование эмотивно-чувственного содержания текста в домен текущих исследований;
- 2) интерпретация текста, которая во многом не отражает специфику постижения текста рядовым читателем;
- 3) эмпирическое исследование процессов постижения текста читательской аудиторией в свете когнитивных теоретических постулатов [4, С. 2103–2104].

Как новое направление в изучении художественного текста когнитивная поэтика делает исследовательский акцент на интеллектуальных процедурах, лежащих в основании как порождения, так и интерпретации произведения как литературного артефакта. При этом когниции рассматриваются как специфические ментальные процессы, активируемые в акте создания и интерпретации текста [5]. Другими словами, созидательное и перцептивное начала в функционировании текста репрезентируются как важные элементы производства текстуального значения и смысла. В связи с этим форма, стиль и язык художественного произведения анализируются в контексте их функционирования, а языковые структуры и стилистические средства – как выражение, материализация когнитивных моделей человеческой мысли. Художественный текст предстает специфической формой отражения повседневного опыта творческой личности, его изучение выявляет специфику когнитивных практик, с опорой на которые адресат не только воспринимает конкретный текст, но и осознает проявления объективного мира.

Во введении к «Когнитивной поэтике в практике» Дж. Гавинс и Дж. Стин выдвигают следующее суждение: «Действенность и своеобразие литературы были оспорены новыми художественными формами, направляемыми на иную целевую аудиторию через новые медийные средства. В связи с этим оказывается неизбежным рассмотрение сходств и отличий между этими художественными формами и литературой в терминах психологических и социальных эффектов. Именно эту проблему призвана рассмотреть когнитивная поэтика в отношении к структуре произведения искусства, включая литературный текст, его предполагаемым или наблюдаемым психологическим эффектам на реципиента (читателя)» [6, С.1].

Цели когнитивной поэтики, выявляемые данными исследователями, наглядно демонстрируют, что эта научная дисциплина применима к анализу всех форм художественного выражения, отражающих специфику когнитивных способностей человеческой природы. Полагаем, что когнитивная поэтика проливает свет на опыт читательского восприятия художественного текста, взаимодействие между словом и образом, способы выявления когнитивных структур, лежащих в основе вербальной и визуальной форм выражения мысли и их последующей интерпретации.

Художественный текст объективируется в процессе своей интерпретации, становится неопределенным и многозначным феноменом. Если текст выражает значения и смыслы об окружающем человека мире, то интерпретация этого текста – в том числе, и с опорой на анализ концептуальных структур – является реализацией его семантического содержания. Литература – «концептуальное зеркало» вневелингвистического мира, который, сам по себе, предстает полисемантическим феноменом, любое устоявшееся значение всегда является функцией разрозненных систем репрезентации действительности. Вследствие этого, интерпретация художественного текста характеризуется релятивным характером, не может претендовать на истину в последней инстанции. Выражение суждения, отличающегося определенностью, о неопределенном положении дел в языковом универсуме представляет собой частично разрешимую задачу. Интерпретацию художественного текста, таким образом, можно трактовать как уникальное сочетание аргумента и художественной реальности, анализа авторского подхода к действительности и формы его воплощения в тексте.

В своих исследованиях мы придерживаемся диалектического понимания понятия «интерпретация художественного текста», в котором «художественный» отражает не только разновидность текста, но и способ производимого истолкования. Интерпретация художественного текста, сама по себе, является художественной, поскольку предполагает определенный способ освещения семантической неопределенности текста посредством выражения собственного мнения о значениях и смыслах, потенциально присутствующих в тексте. Авторские интенции, фиксируемые текстом, выявляются не как следствие осознания фактов, репрезентируемых текстом, а как результат комбинированного учета разнообразных «вторичных» обстоятельств – материальных, психологических, исторических и культурных факторов, их специфической для данного текста конфигурации, которая дает

возможность проследить исходные авторские установки. Вследствие этого интерпретация художественного текста совмещает в себе последовательное логическое объяснение языковой реальности текста и литературно-научное исполнение истолкования.

Художественный текст порождает субъективный образ внешнего мира, представляющий собой авторское взаиморасположение фактов, их организацию в целостную последовательность, обрамление в сложные концептуальные (метафорические) модели. Аналогичным образом культура производит коллективные образы реальности посредством фиксации фактов и их последующего интегрирования в интерпретативные рамки. Любая культура обладает типичным набором моделей, предписывающих способы восприятия, мышления, соотношение окружающей действительности со своим «Я» и «Я» адресата. Жизнь в культурной среде во многом предполагает приобретение этого типичного репертуара повествовательных практик и концептуальных форм, которые задействуются для художественной конфигурации фактов внешнего мира. Овладение этими принципами обеспечивает производство культурных образов реальности, культурной поэтики в процессе порождения художественного произведения.

Творческая личность художественно воссоздает результаты индивидуального осознания реальности не в культурном вакууме. Культурная поэтика выявляет существующие способы внедрения фактов в концептуальное содержание текста. Отдельно взятый факт может быть умозрительным, беспрецедентным или своеобразным, но устоявшийся культурный репертуар средств художественного отражения реальности, модели ее объяснения обеспечивают идентификацию факта как уже известного феномена. Культурная поэтика объясняет, что собой представляет факт, образуя «когнитивное окно» в реальность, сквозь которое оказываются доступными восприятию те или иные факты, в то время как иные факты остаются вне зоны видения. При этом творческое сознание «оснащено» уникальной операционной системой, которая задает условия для связного отражения фактов в рамках художественного текста, их представления в символических формах.

Список литературы / References

1. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
2. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Концептуальные измерения когнитивного «движения» в современной лингвистике // Язык. Текст. Дискурс. 2015. № 13. С. 17–32.
3. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Концептуальный анализ как сфера актуальных исследований в когнитивной лингвистике // В мире научных открытий. 2015. № 11.7(71). С. 2481–2494.
4. Калинина Е.В. Образ персонажа как текстовая категория: когнитивные перспективы исследования // В мире научных открытий. 2015. № 5.6 (65). С. 2100–2113.
5. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30–33.
6. Gavins J., Steen G. Cognitive Poetics in Practice. L.: Routledge, 2003. 504 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
2. Kudrjashov I.A., Klemenova E.N. Konceptual'nye izmerenija kognitivnogo «dvizhenija» v sovremennoj lingvistike [Conceptual dimensions of cognitive movement in contemporary linguistics] // Jazyk. Tekst. Diskurs [Language. Text. Discourse]. 2015. # 13. S. 17–32. [in Russian]
3. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Konceptual'nyj analiz kak sfera aktual'nyh issledovanij v kognitivnoj lingvistike [Conceptual analysis as the sphere of actual investigations in cognitive linguistics] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 11.7(71). S. 2481–2494. [in Russian]
4. Kalinina E.V. Obraz personazha kak tekstovaja kategorija: kognitivnye perspektivy issledovanija [Character image as textual category: cognitive investigation perspective] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 5.6 (65). S. 2100–2113.
5. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znaniya [Cognitive approach to implicit knowledge investigation] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 30–33.
6. Gavins J., Steen G. Cognitive Poetics in Practice. L.: Routledge, 2003. 504 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.188

Акимов Р.А.

Доктор философских наук, профессор

Дагестанский государственный педагогический университет

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**Аннотация**

В статье дается анализ некоторых вопросов преподавания философии в высших учебных заведениях. Философия занимает ведущее место в системе высшего образования, из числа предметов составляющих общекультурный компонент обучения. Причем, на всех уровнях высшего образования, философия доказывает свою актуальность, выявляя в специальных дисциплинах метатеоретические вопросы и методологический аппарат их решения. Историческая ретроспектива ее становления и развития показывает ее интегрирующую роль в отношении частных наук, нацеленность на раскрытие гносеологических и методологических составляющих знания, формирование общенаучной картины мира, выявление логики природных и социальных процессов. Обсуждаются вопросы снижения интереса к философии, негативное влияние на качество образования, связанное с уменьшением аудиторных занятий, вопросов, связанных с преподаванием курса «история и философия науки».

Ключевые слова: философия, методология, наука.

Akimov R.A.

PhD in Philosophy, Professor, Dagestan State Pedagogical University

THE TEACHING OF PHILOSOPHICAL DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS**Abstract**

The article analyzes some questions of philosophy teaching in higher education. Philosophy occupies a leading place in the system of higher education, the number of items constituting the general cultural component of education. And, at all levels of higher education, philosophy proves its relevance in identifying specific disciplines metatheoretical questions and methodological apparatus to solve them. Historical retrospective of its formation and development shows its integrative role with respect to the individual sciences, focus on the disclosure of the epistemological and methodological components of knowledge, the formation of general scientific picture of the world, revealing the logic of natural and social processes. The problems of declining interest in philosophy, a negative impact on the quality of education, associated with a decrease in classroom, issues related to the teaching of the course "History and Philosophy of Science."

Keywords: philosophy, methodology, science.

Философия занимает ведущее место в системе высшего образования, из числа предметов составляющих общекультурный компонент обучения. Причем, на всех уровнях высшего образования, философия доказывает свою актуальность, выявляя в специальных дисциплинах метатеоретические вопросы и методологический аппарат их решения.

В периодической печати вопрос о роли философии в системе высшего образования имеет различные спектры обсуждения. Немалая часть статей акцентирует внимание на специфичности преподавания философии в вузах инженерно-технической направленности[1]. Некоторые авторы считают, что причиной снижения интереса к философии, является «искусственная гуманитаризация» философии, из которой выпадает научная составляющая[2]. Можно задаться вопросом, какой вектор обучения актуален для будущих педагогов? Утверждать, что чисто гуманитарный – не совсем верно, так как ФГОС педагогического образования, формулируя требования к выпускнику, освоившему программу бакалавриата, в числе общекультурных компетенций включает способность использовать основы философских и социально-гуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения[3]. Философия в формировании научного мировоззрения имеет лидирующую позицию по отношению к другим дисциплинам социально-гуманитарного цикла. Историческая ретроспектива ее становления и развития показывает ее интегрирующую роль в отношении частных наук, нацеленность на раскрытие гносеологических и методологических составляющих знания, формирование общенаучной картины мира, выявление логики природных и социальных процессов. В рамках магистерского образования философия находит свое место в базовой части, в курсах «Философия образования», «Методология и методы научного исследования». На третьей ступени высшего образования – аспирантуре – философия представлена в курсе «История и философия науки». Таким образом, философия обозначает свою актуальность на всех уровнях высшего образования.

Философия претерпела определенные изменения в структуре и содержании преподаваемого материала. Перестал доминировать идеологический фактор в объяснения сущности природного и общественного бытия. Утратив свою социально-прагматическую ценность как приоритетной идеологии в «Новой России», марксизм переведен в список социальных утопических учений прошлого. Однако именно марксизм показал пример того, как должна строиться научная теория. Нацеленность на открытие всеобщих закономерностей природного и социального бытия, опора на диалектику, как оптимального познавательного метода – важная методологическая составляющая марксистского учения, которая не должна сбрасываться со счетов научно-философского знания. В современных же социальных теориях доказательная база практически не соотносится с номологической обоснованностью. Но мы живем в новом государстве, которое установило новые конституционные принципы, и это обязывает нас строить образовательный процесс в соответствии с ними. В процессе преподавания философии акцент делается на формировании у студентов способности сочетания критичности с толерантностью в выборе мировоззренческих установок, индуцируется развитие способности к самостоятельной оценке, логической обоснованности в выборе теории и формировании научной картины мира.

Обозначу ряд вопросов, на которые необходимо обратить внимание в процессе реализации образовательных программ по философским дисциплинам. Учебные планы бакалавриата предусматривают изучение философии на первом курсе. Опыт моей работы показывает, что преподавание философии на первом курсе не дает возможности в полной мере сформировать и развить у студента способность к абстрактному мышлению, понимания роли всеобщего знания в познавательном процессе конкретно-научного знания. Представляется, что философия должна преподаваться на третьем или четвертом курсе, как это было до введения многоуровневого высшего образования. Ситуация, связанная с преподаванием философии, усложняется и со значительным сокращением аудиторных, лекционных и практических занятий. Необходимо отметить, что негативное влияние на усвоение учебного материала курса философии, связано также с ограничением календарного времени на его изучение. Если в предшествующие годы философия изучалась в течение двух семестров, что давало возможность обучающемуся сформировать представление о понятийном и категориальном аппарате философии, научиться оперировать ими в познавательном процессе, то сегодня изучение философии нормативно укладывается в один семестр, что ведет к снижению качества образования. Обучение философии превращается в экспресс-экскурс по философским учениям прошлого, общим представлениям об онтологических учениях и гносеологических установках и принципах, социально-философских теориях, концепциях культуры, смысле человеческого бытия и др. Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации видится в отказе от траты аудиторных часов на преподавание модуля «философские учения прошлого», адаптируя материал историко-философского содержания в другие разделы философии. Например, раскрывая содержание вопросов, связанных с представлением о времени и пространстве, можно начать с историко-философского экскурса о формировании и развитии этих категорий, подготовив слушателя к восприятию современных теорий времени и пространства[4]. Данную методику изложения материала аналогичным образом следует применить в процессе изучения других философских тем. Таким образом, мы органично соединим в учебном процессе историко-философский и современный научно-философский материал. Возможно, это оптимальный вариант структурной перестройки преподавания философии для студентов нефилологических специальностей.

Еще более сложным является изучение предмета «История и философия науки» в аспирантуре. Предмет складывается из трех частей: «История науки», «Философия науки» и «Философских вопросы конкретных областей науки». Аспиранту предлагается по «Истории науки» написать реферат, который оценивается специалистами по истории соответствующей науки по системе зачет-незачет. Положительная оценка реферата позволяет аспиранту сдавать экзамен по двум другим частям предмета. Для аспирантов очного обучения предусмотрены лекционные и практические занятия для изучения данной дисциплины. Для аспирантов заочного обучения такие занятия не предусмотрены. Они самостоятельно изучают программные вопросы курса «Истории и философии науки». Представляется, что необходимо дать возможность аспирантам заочного обучения прослушать курс данный курс в рамках учебных сессий, как это происходит в образовательном процессе заочно обучающихся на уровне бакалавриата и магистратуры. Сложность изучения курса «История и философия науки» наводит на мысль, что следовало бы предоставить возможность аспирантам сдавать данный экзамен по модулям - философия науки и современные философские проблемы областей научного знания. Выделю еще один аспект, который связан компетенциями, которыми должен обладать аспирант, по завершению изучения данного курса. Одна из них гласит, что аспирант должен обладать «способностью проектировать и осуществлять комплексные исследования, в том числе междисциплинарные, на основе целостного системного научного мировоззрения с использованием знаний в области истории и философии науки». Данную компетенцию следует расширить, дополнив способностью владеть методологией научного познания и прогнозирования влияния результатов научных открытий на социальную и культурную жизнь общества.

Следует, на мой взгляд, пересмотреть нормативный документ, регламентирующий порядок формирования экзаменационной комиссии по данному предмету. В имеющемся варианте он расплывчат и дает возможность неспециалистам в области философии науки быть экзаменаторами. Общеобразовательный уровень, имеющих ученую степень в различных отраслях науки ученых, видимо, дает возможность оценить общий уровень экзаменуемого, но он не может, как показывает практика, аргументировать выставляемую оценку по философии науки. Да и нет необходимости формирования столь многочисленной комиссии для приема экзамена по философии науки (более пяти человек), ведь он, видимо, потерял статус кандидатского экзамена, который вводился на уровне послевузовского образования, сдача которого, наряду с другими экзаменами, была необходима для выхода на защиту диссертации. Сегодня данная дисциплина входит в базовый компонент получения высшего образования «третьего уровня» и является одной из учебных дисциплин, обязательных для изучения.

На всех уровнях высшего образования философский аспект в обучении должен вести к формированию у студента способности логического мышления, обоснованности и доказательности в выводах, умению применения методологического аппарата в исследовательской работе, культурой работы с научной литературой. Наука не стоит на месте, выдвигаются новые исследовательские программы, происходит дисциплинарная интеграция, формируются новые направления науки. Динамика научного знания ведет к росту научного знания, которое необходимо осмысливать на философском уровне, таким образом актуализируя роль философского анализа стратегии и выбора направлений развития науки.

Список литературы / References

1. Овчинников Г.К. К вопросу о философии всеобщей инженерии и образовательных технологий // Альма матер (Вестник Высшей школы). – 2015., № 4. – С. 77-82; Попкова Н.В. Курс философии в инженерном вузе // Альма матер (Вестник Высшей школы). – 2013., № 4. – С. 147-152.
2. Жуков В.Н. Зачем нужна философия в вузе // Альма матер (Вестник высшей школы) – 2011., № 5. С18-21.
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 декабря 2015 г., № 1426 «Об утверждении федерального образовательного государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавра).

4. Акимов Р.А. Философия: история развития и основные вопросы. Махачкала: Алеф, 2015. – 232с.; Акимов Р.А. Дискуссии между буддийскими школами вайбхашиков и саутрантиков о реальности времени // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2015, № 3. С. 3-10; Akimov Rustam. Historico-philosophical analysis of time conceptions (the antiquity and the middle ages) // Oxford Journal of Scientific Research. Vol.3, № 1. (9), January-June. 2015. P. 656-662.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ovchinnikov G.K. K voprosu o filosofii vseobshhej inzhenerii i obrazovatel'nyh tehnologij // Al'ma mater (Vestnik Vysshej shkoly). [On the question of the philosophy of general engineering and educational technologie] – 2015., № 4. – S. 77-82; Popkova N.V. Kurs filosofii v inzhenernom vuze [The course of philosophy in engineering high school] // Al'ma mater (Vestnik Vysshej shkoly). – 2013., № 4. – S. 147-152.

2. Zhukov V.N. Zachem nuzhna filosofija v vuze [Why philosophy in high school] // Al'ma mater (Vestnik vysshej shkoly) – 2011., № 5. S18-21.

3. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 4 dekabrja 2015 g., № 1426 «Ob utverzhdenii federal'nogo obrazovatel'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniju podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie (uroven' bakalavra) [Ministry of Education and Science of the Russian Federation on December 4, 2015, number 1426 "On approval of the federal educational state educational standard of higher education in the direction of preparation 44.03.01 Teacher education (bachelor's level)].

4. Akimov R.A. Filosofija: istorija razvitiya i osnovnye voprosy [Philosophy: history of development and the main issues]. Mahachkala: Alef, 2015. – 232s.; Akimov R.A. Diskussii mezhdru buddijskimi shkolami vajbhashikov i sautrantikov o real'nosti vremeni [Discussions between Buddhist schools and Vaibhashika Sautrantika the reality of time] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. 2015, № 3. S. 3-10; Akimov Rustam. Historico-philosophical analysis of time conceptions (the antiquity and the middle ages) // Oxford Journal of Scientific Research. Vol.3, № 1. (9), January-June. 2015. P. 656-662.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.167

Гизатова Г.К.¹, Иванова О.Г.²

¹ ORCID: 0000-0002-7997-2034, Кандидат философских наук, Казанский федеральный университет,

² ORCID: 0000- 0002-5378-1109, Кандидат философских наук, Казанский федеральный университет

КОСМОПОЛИТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформации космополитизма и национализма в современных условиях как двух противоположающих реакций на глобализационные процессы, отмечается диалектическая взаимосвязь этих феноменов. Глобализация трансформирует многие традиционные представления, ее влияние испытывают все структурные элементы общества и в том числе и идеологии, которые отражают бытие национальных культур и формулируются в форме национализма или космополитизма. Фактором, оказывающим влияние на переосмысление роли национализма, является и постмодернистская парадигма, по-новому интерпретирующая многие проблемы, возникающие в условиях глобализации.

Ключевые слова: космополитизм, национализм, глобализация, идентичность, постмодернистская парадигма.

Gizatova G.K.¹, Ivanova O.G.²

¹ ORCID: 0000-0002-7997-2034, PhD in Philosophy, Kazan Federal University,

² ORCID: 0000- 0002-5378-1109, PhD in Philosophy, Kazan Federal University

COSMOPOLITANISM AND NATIONALISM IN THE GLOBALIZING WORLD

Abstract

In the article the problem of transformation of cosmopolitanism and nationalism in modern conditions as two opposite reactions to globalization processes is considered, the dialectic interrelation of these phenomena is noted. Globalization transforms many traditional representations, its influence is experienced by all structural elements of society, including ideologies which reflect the being of national cultures and are formulated in the form of nationalism or cosmopolitanism. The factor exerting an impact on reconsideration of the role of nationalism is also the postmodern paradigm interpreting many problems arising in the conditions of globalization in a new way.

Keywords: cosmopolitanism, nationalism, globalization, identity, postmodern paradigm.

Последние десятилетия сопровождались тем, что глобализация стала важнейшим условием существования современного человека. Любопытен следующий факт. В конце семидесятых годов двадцатого столетия один из представителей такого влиятельного направления в изучении культуры, как британские «Культурные исследования», Рэймонд Уильямс опубликовал работу под названием «Ключевые слова» («Keywords»), в которой он осуществил анализ более сотни наиболее важных понятий социального дискурса XX века. Примечательно то, что термин «глобализация» не был включен им в список ключевых слов социокультурной теории [1]. Таким образом, теоретическое осмысление феномена глобализации может считаться относительно «молодым», однако, по мере своего стремительного развития и распространения, сама глобализация стала настолько существенным фактором человеческого существования, что, оказавшись в сфере научных исследований, а затем оформившись во влиятельную «теорию глобализации», последняя превратилась в неотъемлемый познавательный инструмент, который используется для переосмысления всего комплекса онтологических, гносеологических, аксиологических и экзистенциальных основ современного общества. Поэтому и анализ многих традиционных феноменов и практик осуществляется сегодня, по

сути, в рамках нового типа социальной организации, с одной стороны, а с другой, этот анализ представляет собой противоборство множества, часто противоречащих друг другу, нарративов и интерпретаций.

В условиях сложившихся в процессе глобализации реалий произошло глубокое переосмысление сосуществования национальных культур, новых конфигураций их взаимодействия, феномена мультикультурализма и – соответственно – тех оценок перспектив этого сосуществования, которые доминировали в общественной мысли. Одной из таких острых проблем, требующих деконструкции, является проблема корреляции космополитизма и национализма, двух противоположных реакций на глобализационные процессы и судьбы национального, вовлеченного в эти процессы.

Так, шведский ученый У.Ханнерц, отмечая, что с усложнением культуры и социальной структуры, произошло существенное изменение в осмыслении космополитизма (то, что в 40-е годы XX века определялось как космополитизм, в наши дни может рассматриваться как форма локальности), подчеркивает необходимость изучения космополитизма как перспективы, состояния ума, или – рассмотренного в процессуальном аспекте – способа конструирования смыслов [См.: 2].

Глобализация породила множество глубоких конфликтов, вызванных, с одной стороны, распространением транснациональной культуры, с другой, как реакции, с упорным сопротивлением со стороны национальных культур, обусловленным стремлением к сохранению своих уникальных культурных идентичностей. Отсюда – возникновение противоположных дискурсивных стратегий, ставящих под вопрос многие философские построения, отражающих современную социальную и культурную реальность.

Все современные исследователи сходятся в том, что идентичность в условиях современности имеет сложный и множественный характер. Расхождения существуют в оценке того шаткого баланса, который присутствует в определении соотношения универсального и локального и – соответственно – отражении этого соотношения в общественном сознании. Констатируя возникновение «гибридных» культурных идентичностей как

последствия мультикультурного устройства современного общества и распространения транснациональных форм массовой культуры, Д.Томлисон, к примеру, считает, что такое усложнение идентичности не обязательно влечет за собой ослабевающее значение национальной идентичности, поскольку последняя, выражаясь образно, не сводится к игре «кто кого». Субъекты, по его мнению, могут испытывать и выражать одновременно принадлежность к нации, также, как и мульти-этническое и космополитическое самоощущение [См.: 3].

Уже упоминавшийся нами шведский исследователь космополитизма в условиях глобализационных процессов У.Ханнерц приводит слова известного специалиста по проблеме патриотизма и космополитизма философа М.Насбаум, которая, кстати, не рассматривает конфликт между этими двумя феноменами как неизбежный. Она замечает, что космополитизм предлагает только ... любовь к человеческому роду, которая может порой проявляться менее колоритно, нежели к другим источникам принадлежности. Стать гражданином мира, признает она, это унылое занятие, которое сродни ссылке – от комфорта внутренней достоверности, теплоты, уютного чувства патриотизма, от захватывающего драматизма чувства гордости за другого и за себя [4].

Начиная с 90-х годов XX века, в центр философских исследований все настойчивее попадает и такой неотъемлемый элемент многонационального общества как национализм, что обусловлено социально-политическими реалиями конца XX –начала XXI века, проявившимися в резком обострении межнациональных отношений, включая кровопролитные конфликты в различных регионах земного шара. Не ставя перед собой задачи подробного анализа национализма как формы национального сознания, его проявлений и форм, мы сосредоточимся на изменении его трактовки в современной социальной теории, в т.ч. – в соотнесенности с космополитизмом.

В «Стенфордской философской энциклопедии» национализм определяется как понятие, описывающее два феномена: (1) отношение членов нации, проявляющееся в защите национальной идентичности, и (2) те действия, которые они предпринимают в направлении достижения (или поддержания) самоопределения. В качестве звена, связующего современную трактовку национализма с более ранними дискуссиями, рассматривается контраст между представлениями о международной законности (справедливости), основывающимися на доминировании суверенных наций и более космополитичными представлениями, настаивающими на ограничении национального суверенитета или даже ставящими в качестве условия его исчезновение [5].

Можно констатировать смещение акцентов в трактовке национализма, произошедшее в последние десятилетия. Если в научных дискуссиях XX века доминировала преимущественно негативная оценка данного феномена, то сегодня национализм рассматривается как неотъемлемая составляющая национального сознания, способствующая сохранению национальной идентичности. Это обусловлено трансформациями социальной теории, в рамках которой национализм сегодня представлен, прежде всего, как важнейший элемент политического идеологического дискурса и в качестве такого представляющего собой средство борьбы против манипулирования и скрытого социального доминирования, против глобального транснационального капитализма.

Еще одним фактором, оказавшим влияние на переосмысление роли национализма, бесспорно, является постмодернистская парадигма, по-новому интерпретирующая многие проблемы, возникающие в условиях глобализации. Так, национализм с позиции этой теории, не является реальным феноменом, он представляет собой вымышленную конструкцию, ангажированную и идеологически направленную. Поэтому национализм, как и многие другие явления национально-культурной реальности, следует

рассматривать исключительно как «дискурсивные формации», как «значения». «Важно понимать, - пишет К.Калхун, - что национализм - это положительный источник значения - иногда даже вдохновения - и взаимных обязательств среди больших групп людей" [6].

Следует отметить, что социальные феномены и соответствующие отражающие их понятия, все в большей степени анализируются прежде всего как конструируемые идеологическим дискурсом, а теории, в рамках которых преобладает подобная интерпретация, приобретают все большее влияние. Не отрицая того, что в современном обществе вопросы, связанные с ролью национальных и межнациональных проблем, приобретают все большую значимость именно в политическом дискурсе, на наш взгляд, для более адекватного осмысления их следует помещать

в более широкий контекст, включающий в себя всю совокупность социальных и культурных факторов, в том числе таких, как особенности исторического пути этноса, особенности национальной психологии и менталитета, система его ценностей и традиций и т.д. Глобализация трансформирует многие традиционные представления, ее влияние испытывают все структурные элементы общества и, конечно же, те, которые отражают бытие национальных культур и формулируется в форме национализма или космополитизма. На модификацию этих понятий важнейшее влияние оказывает и современная глобальная культура, которая, по мнению Ф.Джеймисона, развивается в парадигме постмодернистских ценностей. Ученый подчеркивает, что для доминирующей в мире глобальной неолиберальной культуры невозможно сосуществовать и гармонизировать с традиционными культурами, создавая искусственную однотипную глобальную гражданскую принадлежность, не нанося существенного вреда этим народам и обществам: таким образом, глобализация становится процессом культурной деструкции и принудительной гомогенизации [7].

Таким образом, глобализационные процессы, порождающие радикальные изменения социокультурной реальности, ставят на повестку дня переосмысление существовавших ранее проблем, явлений и отражающих их понятий. Особую значимость в этих условиях приобретает проблема осмысления феноменов космополитизма и национализма, их диалектической взаимосвязи, которая имеет не только научное, но и практическое значение, так как, позволяя более глубоко отражать существующие социокультурные реалии, создает основы не только для принятия адекватных политических решений, но и для межнационального диалога.

Список литературы / References

1. Hannerz, U. Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology [Электронный ресурс] / U.Hannerz// *Mana*. – 1997. – Vol.3 (1). – P. 7 – 39. – URL: <https://ru.scribd.com/document/101550226/Flow-Boundaries-Hybrides-Hannerz> (дата обращения 20.11.2016).
2. Hannerz, U. Cosmopolitans and Locals in World Culture// *Theory, Culture and Society* [Электронный ресурс] / U.Hannerz// *Cosmopolitans and Locals in World Culture// Theory, Culture and Society*. – 1990. – vol.7 – P. 237 – 251. URL: http://www.oneworlduv.com/wp-content/uploads/2011/06/cosmopolitans__locals_culture.pdf (дата обращения 19.11.2016).
3. Tomlison, J. Globalization and Cultural Identity / *The Global Transformations Reader: an introduction to the globalization debate*, Second Edition [Электронный ресурс] / J. Tomlison; edited by David Held and Anthony - Cambridge, UK : Polity Press ; Oxford ; Malden, MA : Blackwell, 2000. – 624 p. URL: <http://www.polity.co.uk/book.asp?ref=9780745631356> (дата обращения 23.11.2016).
4. Hannerz, U. Two Faces of Cosmopolitanism: Culture and Politics [Электронный ресурс] / U.Hannerz // CIDOB edicions. – 2006. - № 7. URL: <https://ru.scribd.com/document/280765932/Two-Faces-of-Cosmopolitanism-Culture-and-Politics> (дата обращения 23.11.2016)
5. Miscevic, Nenad, "Nationalism", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Электронный ресурс] Miscevic, Nenad // Winter 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/nationalism/> (дата обращения 23.11.2016)
6. Калхун, К. Национализм / К. Калхун. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
7. Jameson, Fredric. "Postmodernism and Consumer Society /, F. Jameson // *Studies in Culture: An Introductory Reader*, ed. Ann Gray and Jim McGuigan. London: Arnold, 1997. - pp. 192-205.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Hannerz, U. Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology [Electronic resource] / U.Hannerz // *Mana*. – 1997. – Vol.3 (1). – P. 7 – 39. – URL: <https://ru.scribd.com/document/101550226/Flow-Boundaries-Hybrides-Hannerz> (accessed: 20.11.2016).
2. Hannerz, U. Cosmopolitans and Locals in World Culture // *Theory, Culture and Society* [Electronic resource] / U.Hannerz // *Cosmopolitans and Locals in World Culture// Theory, Culture and Society*. – 1990. – vol.7 – P. 237 – 251. URL: http://www.oneworlduv.com/wp-content/uploads/2011/06/cosmopolitans__locals_culture.pdf (accessed: 19.11.2016).
3. Tomlison, J. Globalization and Cultural Identity / *The Global Transformations Reader: an introduction to the globalization debate*, Second Edition [Electronic resource] / J. Tomlison; edited by David Held and Anthony - Cambridge, UK : Polity Press ; Oxford ; Malden, MA : Blackwell, 2000. – 624 p. URL: <http://www.polity.co.uk/book.asp?ref=9780745631356> (accessed: 23.11.2016).
4. Hannerz, U. Two Faces of Cosmopolitanism: Culture and Politics [Электронный ресурс] / U.Hannerz // CIDOB edicions. – 2006. - № 7. URL: <https://ru.scribd.com/document/280765932/Two-Faces-of-Cosmopolitanism-Culture-and-Politics> (дата обращения 23.11.2016)
5. Miscevic, Nenad, "Nationalism", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource] Miscevic, Nenad // Winter 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/nationalism/> (accessed: 23.11.2016)
6. Kalhun, K. Natsionalizm [Nationalism] / K.Kalhum. – Izdatelsky dom "Territoria buduschego", 2006. – 288p. [in Russian]
7. Jameson, Fredric. "Postmodernism and Consumer Society /, F. Jameson // *Studies in Culture: An Introductory Reader*, ed. Ann Gray and Jim McGuigan. London: Arnold, 1997. - pp. 192-205.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.155

Гречкина М.Н.

Аспирант кафедры социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ**Аннотация**

В статье исследуется проблема осмысления понятия «свобода» в европейской философии. Основное внимание автором уделяется переходу осмысления от индивидуального уровня свободы к общественному в концепциях философов. Гносеологический уровень познания свободы европейскими философами соотносится автором с их социальными воззрениями, сопоставлением индивидуального и коллективного в процессе созревания социального бытия. В свете сегодняшнего перехода к информационному обществу обозначаются теоретико-методологические основания изучения свободы в рамках действующего социума.

Ключевые слова: свобода, европейская философия, индивидуализм, отчуждение.

Grechkina M.N.

Postgraduate student, Saransk Cooperative Institute

CONCEPT «FREEDOM» GENESIS IN EUROPEAN PHILOSOPHY**Abstract**

The article examines the problem in understanding the concept of «freedom» in European philosophy. The main attention is given to the understanding transition from the individual level of freedom to the public in the concepts of philosophers. The author relates epistemological level of freedom knowledge by European philosophers to their social views, comparing the individual and the collective in the process of maturation of social existence. In terms of today's transition to the information society the theoretical and methodological foundations of the study of freedom in the framework of the existing society are identified.

Keywords: freedom, European philosophy, individualism, alienation.

Современные достижения биологов, психологов и нейрофизиологов вновь заставляют обратиться к проблеме понимания свободы человека. Восходящая к античной традиции проблема познания природы свободы долгое время сводилась к рассмотрению индивида как объекта философского исследования. Познание индивидуального и общественного проявления свободы в современной социальной науке неизменно склоняется к осмыслению лишь первого уровня. Новейшие открытия естественных наук в области мышления отказывают человеческой природе в свободе воли. Это лишает основы модные социально-философские течения, которые ориентированы на интерпретацию индивидуального уровня свободы в экономической, социальной, правовой и других сферах деятельности. Необходимость перехода к познанию свободы лишь как социальному явлению заставляет обратиться к теоретическому наследию европейской философии.

Осмысление свободы как общественного явления стало формироваться лишь в эпоху начала европейского Просвещения. Систематизация знания, отказ от ряда церковных догматов и быстрая трансформация социальных устоев перевели тему свободы на социальное поле. Наиболее значимым моментом в развитии учения о свободе стало разделение в английской философии XVII–XVIII веков понятий «свобода» и «воля». С Античности волеизъявление индивида имманентно следовало автономности существования того или иного субъекта. Т. Гоббс, а затем и Дж. Локк ограничили проявление воли в жизнедеятельности социума и человека. Материалистический (механистический) детерминизм Т. Гоббса логически подвел философа к первопричине проявления свободы, которая остается внешней по отношению к свободному человеку. Диалектическая пара «необходимость – свобода» все еще включает в себя другую диалектическую группу – «разум – воля». Задача второй из них состоит в истинном познании вещей вокруг себя, в след за которым следует действие волевого выбора, подчиненного разуму. Такой механизм одинаково присущ как естественной свободе человека, так и общественной. Поскольку свободу в ее общественной плоскости регулирует закон, то он и есть необходимость, разумно соблюдать или нарушать которую волен индивид [3, С. 580–592]. Дж. Локк пошел гораздо дальше, разделив две силы – силу свободы и силу воли. Если необходимость свободы человека в его естественном или общественном состоянии Т. Гоббса задана самим фактом материального происхождения Вселенной, то для Дж. Локка необходимость имманентна эгоистическому стремлению к счастью любого индивида, что, по мнению мыслителя, позволяет установить единство естественной и общественной свобод.

Радикальнее всего к изучению природы свободы вообще и человека в частности подошел Б. Спиноза. В решении проблемы свободы он, в силу своего определения натуралистического детерминизма, лишил свободы воли саму субстанциальную основу мира (Бога) и производные модусы (т. е. человека). Голландский философ окончательно разорвал связь с религиозной традицией Августина и Аквината в изучении понятия свободы, отказав Богу в возможности автономного действия по причине невозможности ее выражения каким-либо модусом, пусть и бесконечным. В отличие от Т. Гоббса и Дж. Локка, Б. Спиноза отождествлял свободу в понятиях «разум» и «воля» и, согласно своему пониманию необходимости, отказывал им в свободе. «Действие этой причины так зависит от нее, что оно без причины не может ни существовать, ни быть понято, а также не может быть подчинено какой-либо другой причине. Кроме того, оно так связано с нею, что образует с нею единое целое», – пишет Б. Спиноза [7, С. 84].

Чтобы установить различие в отношении проблемы выбора свободного человека у Б. Спинозы и Т. Гоббса, следует указать на замечание А. Г. Гаджикурбанова. Он пишет, что причинная обусловленность по Б. Спинозе состоит из субстанциальной составляющей и модусной сферы [1, С. 195]. Если у Дж. Локка необходимость выбора продиктована эгоистическим и естественным стремлением к счастью, у Т. Гоббса она включена в систему законно-договорных отношений, то у Б. Спинозы выбор согласуется с природой познания действительности. Полнота свободы, преопределенная субстратом, предполагает правильность выбора с учетом доступности модуса к знанию определенного рода. Здесь Б. Спиноза весьма близок к позиции Платона в отношении осознания единства развития

общества и человека. Согласно определению человеческой свободы Б. Спинозы, знание есть продукт действия разума, которое он получает непосредственно от субстанциального базиса, вызывая идеи в самом себе и вне себя – действия, согласованные с законами природы. Из этого следует, что человеческая свобода несет в себе возможность лишь единично возможного варианта, зависящего от полноты знаний, а потому уровень свободы, а значит, и благополучия социальной организации, исходя из философской системы Б. Спинозы, не может быть выше уровня достоверного объема знаний.

В процессе познания понятия свободы философия XVII–XVIII веков открыла новый уровень исследования, а именно понятие свободного выбора в определенных социальных, политических и экономических условиях общества. Если государственные законы для этики Б. Спинозы являются лишь наиболее приемлемыми условиями достижения полноты знания, то в работах Дж. Локка и Т. Гоббса синтез этико-нравственных гипотез и социально-правовых доктрин приобретает роль причинной обусловленности в объяснении дальнейшего функционирования индивида. Характеризуя воззрения этой эпохи в отношении понятия свободы, мы можем сказать, что процесс познания природы человека и его мышления все теснее сплетался с конкретным общественно-экономическим укладом. Поэтому разработка категории «свобода» стала нести по-настоящему практический характер в формировании правовой, экономической, социальной и политической сфер.

Наиболее полно эта практическая значимость, в совокупности с теоретическим базисом, была обозначена немецкой классической философией на следующих уровнях: а) свобода есть неотъемлемая часть природного мира; б) свобода есть причина существования человека как разумного индивида; в) свобода – важнейший критерий развития общества.

Логичное включение всех трех уровней познания требовало формирования системы философского знания. Генезис такой системы связан с немецким идеализмом, и в первую очередь с философией И. Канта, который заново обратился к вопросам необходимости, свободы, причинности, человека и общества. Разработка обозначенных нами выше уровней свободы в философии Канта осуществляется в двух разделенных между собой сущностях. Первая – это космологическая ипостась свободы, которая включена в природную закономерность и потому не содержит в себе ее разумного действующего субъекта. Практическая свобода, будучи вторым полем философского исследования И. Канта, направлена на постижение человека как разумного индивида в заданной природой и преобразованной субъектом социальной реальности.

Важно отметить следующую антиномию И. Канта, возникающую из его метафизической концепции по отношению к практической свободе. Свободу как трансцендентную идею нельзя познать эмпирическим опытом, но в то же время она действительна в самой реальности общественного бытия. Космологическую свободу в ее природной составляющей можно постичь эмпирическим способом, в то время как свобода, будучи идеей разума, находит себя субстратом морального закона [4, С. 227–236]. Обратим внимание на важную ремарку И. Канта о том, что содержание в отдельно взятом субъекте космологической свободы и ее практической части не требует возникновения противоречия в случае познания субъекта, с одной стороны, в качестве явления, а с другой – как вещи в себе. Разрешение этой антиномии служит основой для рассмотрения человека в его соотношении с природой как нравственного действующего существа. Кантовское разделение личности и вещи выводит заданную природную причинность из сферы чистого разума как субстрата свободы. Отсюда следует, что если предметом познания для нас является свобода в отношении ее практической деятельности, бытием которой выступает разумный индивид, то, по И. Канту, необходимо введение понятий «моральный закон» и «воля».

Категорический императив немецкого философа, отрицающий действие внешних причин в разумной деятельности индивида, выражает истинно волевое стремление свободного субъекта. Принцип максимы воли в ее всеобщем проявлении, составляющий основу разумного поведения индивида в обществе, логически выводит нас к выяснению соотношения свободы, воли и нравственности в субъекте действия. «Я утверждаю, таким образом, что каждому разумному существу, обладающему волей, мы необходимо должны приписать также идею свободы, и что оно действует, только руководствуясь этой идеей», – пишет И. Кант [4, С. 227]. Так как каждое разумное существо есть существо волевое, свобода является неотъемлемым его свойством. В то же время нравственность как законность поступков разумных существ есть проявление свободы, т. е. ее свойства в разумно действующем субъекте.

Понятия «свобода», «воля», «нравственный закон», будучи выведены из плоскости необходимости законов природы, попадают под необходимость законов практического разума. Это положение философии И. Канта служит отправной точкой в развитии понятия свободы как осознанной необходимости. Поскольку познание практической свободы основано на обращении к личности как природному объекту, трансцендентная идея свободы создает для разума цель постижения самого человека в его необходимости следования нравственному всеобщему закону. Это выводит нас на понимание И. Кантом свободы как общественного явления в ее сочетании с природной необходимостью. «Вот почему такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода», – говорит И. Кант [5, С. 18]. Как мы видим, хотя деятельность разумного индивида рассматривается вне природного принуждения, само обустройство общественной жизни невозможно без космологической причинности, что соотносится с прежними концепциями свободы в отношении детерминированности социального бытия.

Следующий уровень рассмотрения свободы как общественного явления стал возможен в системе объективного идеализма Г. Гегеля. Восхождение к диалектической трактовке понятия «свобода» в его системе требует от нас определенной вводной для точного понимания значения вышеуказанной концепции в соотношении философской категории и общественных явлений. Диалектика для немецкого классика не просто метод сведения фактов для описания конкретного явления. Она есть суть развития вообще, т. е. диалектическое познание не может быть отделено

от самой сути становления природы и общества в ней. Отсюда и диалектику свободы следует рассматривать как реальное постижение социальной реальности через призму философских категорий.

Познание сущности свободы в философии Г. Гегеля нераздельно связано с пониманием категорий «абстрактное», «конкретное», «единичное», «особенное» и «всеобщее» в рамках как идеального, так и наличного бытия. Развертывая учение И. Канта об антиномиях, Г. Гегель рассматривает свободу в качестве определяющей субстанции любого действия, а каждому единичному явлению приписывает статус действующего модуса [2, С. 23–24]. Как мы видим, Г. Гегель, в отличие от И. Фихте, не отождествляет свободу в деятельности я, хотя и без разумного субъекта ее не мыслит. Свобода есть выражение и субстанция объективного духа, чья причинность обязывает его через познание и развертывание самого себя перейти в дух абсолютный. Поэтому абстрактная свобода своим свойством имеет все те атрибуты, что и любое другое явление в процессе развития, а именно снятие, но такое, которое лишает ее всей определенности. Конкретное же воплощение свободы немыслимо без границы своего развития, что в ходе процесса снятия оставляет за ней автономность от всякого иного, позволяя ей оставаться самой собой. Поскольку, как мы уже указали, в философии Г. Гегеля происходит движение свободы в сторону смены объективной формы в абсолютную через процесс познания, следует выявить субъект познания в наличном бытии вместе с его абстрактным и конкретным содержанием.

В традиции немецкого идеализма разумностью, а следовательно, и свободой наделен мыслящий индивид, через которого абсолютный дух развертывает себя от содержания природного и одновременно внутри него. Г. Гегель пишет о том, что абстрактное содержание свободы в наличном бытии есть самосознание человека – начало процесса познания в момент соотношения я с я [2, С. 23–24]. Иными словами, субстратом свободы для любого члена общества должна выступить фраза: «Я знаю о самом себе». Поскольку познание предполагает наличие разумности субъекта, то лишь действие такого элемента наполняет «пустую свободу» содержанием, отрицание которой не лишает ее всей определенности, а ограничивает от другого иного в самой себе.

В целом в данных постулатах не было бы большого прорыва от принципов работы чистого разума И. Канта, если бы развитие свободы не переходило в рамки конкретной исторической реальности. Именно в ней критерий свободы находит самое высокое во всей мировой философии применение и объяснение с позиций объективного идеализма. Рассматривая единичное через историческое развитие обществ, Г. Гегель считает достаточным понимание свободы через обладание способностью осознания себя разумным: «ведь свобода может быть лишь там, где человек сознаёт себя как в себе и для себя сущую всеобщность...» [2, С. 55]. Иначе говоря, осознание себя разумной сущностью возможно лишь на определенном уровне не только биологической организации материи, но и социального устройства.

Понимание развития единичной свободы в определенной реальности действия социума определяется возможностью соотношения себя с некоторым во всеобщности. Форма общественного устройства, содержание которой наполнено лишь единичной свободой, подлежит снятию в процессе развития абсолютного духа к более высокой степени автономности человека. Таким образом, философское осмысление понятия «свобода» тесно примыкает к постижению общественного развития и модификации его современного состояния с точки зрения всеобщего воплощения абсолютного духа свободы. Хотя Г. Гегель достиг наибольших высот в попытке соединения системы объективного идеализма с реальной действительностью, стоит заметить, что наделение индивида свободой происходит лишь с формальной стороны. Объективный дух, субстанцией которого является свобода, задает единственно возможную способность своего воплощения, переводя человека в статус мыслящего объекта своего действия.

В попытках спора с Г. Гегелем Ф. Шеллинг писал: «Однако, с другой стороны, если свобода есть вообще положительное понятие бытия самого по себе, то исследование человеческой свободы вновь отбрасывается в область всеобщего, поскольку умопостигаемое, которое только и составляет ее основу, есть и сущность вещей самих по себе. Следовательно, одного идеализма недостаточно, чтобы выявить специфическое отличие человеческой свободы, т. е. именно то, что ее определяет» [8, С. 102]. Такая постановка проблемы весьма точна, поскольку немецкий идеализм в своем развитии столкнулся все с той же детерминированностью, что преследовала средневековых религиозных философов. Несмотря на рассмотрение свободы применительно к человеку и обществу в их взаимосвязи с природой, преодоление законов последней невозможно в силу субстанциальной причинности всего процесса бытия.

Диалектический материализм, возникший на основе развития всей немецкой классической философии, стал фундаментом для изучения различных аспектов деятельности социума. Развитие учения о свободе у основоположников данного течения неразрывно связано с познанием сущности законов функционирования общества. Как изучение свободы человека невозможно без самого человека, так и познание индивидуума находится в строгой логической зависимости от исследования общественной жизни. Идея о благе познания при формировании подлинной свободы, восходящая к Платону, в марксизме обращена в сторону необходимости изучения основ природного мира, а также социума как особой части данного мира. Механистический детерминизм, усматривавший суть свободы в ее строго заданной последовательности, и немецкий идеализм, переоценивавший роль сознательно мыслящего субъекта, не смогли вполне изучить взаимосвязь природы, общества и человека.

Само понятие свободы в марксизме имманентно следует развитию общества на основе необходимо развивающихся средств производства, поэтому понимание свободы как осознанной необходимости возможно лишь через постижение законов природы, а также сущности конкретно-исторического периода. Любой индивид попадает в необходимую зависимость от сил природы, избежать которых он не в состоянии, но благодаря познавательной деятельности он вполне способен освобождаться от их тотального воздействия. Вместе с тем постоянно совершенствуются орудия и продукты труда, которые создает человек в ходе осознанной им деятельности. Находясь на конкретной стадии развития общества, человек не свободен от самих условий организации общественного труда, но автономен в выборе достижения цели. Из этого мы можем сделать вывод, что свобода в марксизме не имеет абсолютной характеристики, она скорее относительна и зависит от уровня познания окружающего мира.

В отличие от гегелевской интерпретации свободы, в марксизме свобода всегда будет наполнена конкретным содержанием, поскольку она осуществляется в условиях определенного общественного состояния. Вместе с тем логика диалектической взаимосвязи предполагает, что в ходе преобразований индивидом природного мира он попадает в зависимость от произведенных вещей или совсем не может ими воспользоваться. Это еще раз подчеркивает относительность содержания понятия «свобода» и вводит новую проблему отчуждения человека от продуктов собственной творческой деятельности. Без категории «отчуждение» у классиков марксизма невозможно познание понятия «свобода».

Встроенная в систему общественных отношений в марксизме, категория «отчуждение» является функцией для обоснования сущности феномена частной собственности, понятий (в число которых попадает свобода) и явлений, возникающих в ее развитии. Историческая концепция К. Маркса выделяет формацию, которая несет с собой бремя отчуждения человека от продуктов его труда и, следовательно, не содержит в себе подлинную свободу. Процесс детерминированности общественного развития у К. Маркса вполне допускает возможность свободной деятельности индивида, поскольку в конкретных условиях всегда существуют варианты развития, определяемые уровнем познания. Здесь же следует указать на то, что каждый индивид является частью определенного класса, действия которого вплетены в социальную реальность, и поэтому степень свободы человека не может превышать степень свободы общества. Ориентация на изучение свободы в рамках целой группы людей имела большое значение для всего социально-философского дискурса, как и знаменитый критерий, определяющей уровень и меру социального прогресса, согласно которому «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [6, С. 447]. Сама детерминированность общественного прогресса указывает на еще одну взаимосвязь необходимости и свободы, которая гласит, что лишь осознанная деятельность человечества может привести к условиям возникновения подлинной возможности для свободы.

Таким образом, марксизм, не ставя перед собой задачу осмысления свободы, всем своим развитием нацелен на ее познание. Единство логического и исторического в диалектическом методе позволяет рассматривать понятие «свобода» в его конкретном проявлении в границах заданного социума и в то же время определять его специфику в рассмотрении становления свободы в реальности общественных преобразований на протяжении всей истории.

Однако после марксизма европейская философия довольно быстро отказывается от общественного уровня осмысления понятия «свобода». Модное сращивание философии с направлениями в психологии, социологии, экономике и других социальных науках вывело из познавательной области общество в целом. Столкновения нового общества и человека, показанные психологом Э. Фроммом, лишь обозначали начальный этап в пересмотре позиций в изучении свободы. Индивид в качестве объекта для анализа свободы становится второстепенным звеном. Неосознанность общественных изменений, бегство от мира реального в мир виртуального, нарастающая иллюзия индивидуализации в совокупности с тотальным контролем – все это затрудняет осознанное понимание индивидом своего положения внутри социума.

Способ мышления индивида (я) о себе как коллективе/группе (Я) не является традиционно философским подходом к проблеме свободы, однако именно этого требует сложившаяся социальная организация. На сегодняшний день констатация факта свободы той или иной социальной организации соотносена с критериями единично действующего субъекта. Технологическая и информационная революции позволили создать ряд искусственных пространств, имитирующих свободу выбора, а построение ядра научных теорий вокруг индивида как объекта несет отпечаток иллюзорности современного общества. Современная ориентация общественных наук на самоидентификацию индивида имеет в качестве проблемы и одновременно достижения констатацию факта поиска личностью своей самоидентификации. Данный процесс невозможно отделить от изучения свободы, поскольку лишь свободно мыслящий и поступающий в согласии со своими знаниями о мире индивид способен на установление собственной идентичности. Но теперь единичной клеточкой такого анализа, т. е. анализа свободы, должна выступать группа людей, в которой этот индивид постоянно находится. Сложности в теоретико-методологическом плане добавляет реальность того, что с рядом групп человек себя соотносить способен, но мысль о том, что он одновременно является и частью более крупных социальных объектов, ему недоступна. Степень свободы малой группы иллюзорно способна превышать степень большого социального образования, создавая мираж контроля. Установление общего и особенного в проявлении свободы в реальных и виртуальных сообществах, а также соотношение этих данных с всеобщими атрибутами свободы информационного общества в совокупности с экономико-техническими изменениями – это путь к системному анализу свободы как общественного явления в XXI веке.

Список литературы / References

1. Гаджикурбанов А. Г. Этика Спинозы как метафизика морали / А. Г. Гаджикурбанов. – М. : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2014. – 320 с.
2. Гегель Г. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрзмана и Фердинанда Вальтера / Г. Гегель ; пер. с нем. К. Александрова. – М. : Дело, 2014. – 304 с.
3. Гоббс Т. Сочинения : пер. с лат. и англ. В 2 т. Т. 1. О свободе и необходимости / Т. Гоббс ; [сост. , ред. В. В. Соколов]. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
4. Кант И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума / под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – 741 с.
5. Кант И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – 718 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 50 т. Т. 4. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – 616 с.
7. Спиноза Б. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье / [вступит. ст. К. А. Сергеева]. – 2-е изд. – СПб. : Наука, 1999. – 489 с.

8. Шеллинг В. Ф. Й. Сочинения. В 2 т. : пер. с нем. Т. 1. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / В. Ф. Й. Шеллинг ; [сост., ред. А. В. Гулыга ; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова]. – М. : Мысль, 1989. – 636 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gadzhikurbanov A. G. Etika Spinozy kak metafizika morali [The ethics of Spinoza as metaphysics of morality] / A. G. Gadzhikurbanov. – М. : Centr gumanitarnykh iniciativ : Universitetskaja kniga, 2014. – 320 p. [in Russian]
2. Hegel' G. Lekcii po filosofii duha. Berlin 1827/1828. V zapisi Ioganna Eduarda Erdmana i Ferdinanda Val'tera [Lectures on the philosophy of spirit. Berlin 1827/1828. In the record of Johann Eduard Erdmann and Ferdinand Walter] / G. Hegel' ; translated from German K. Aleksandrova. – М. : Delo, 2014. – 304 p. [in Russian].
3. Gobbs T. Sochinenija : per. s lat. i angl. V 2 t. T. 1. O svobode i neobhodimosti [Essays: translated from the Latin. and Eng. In 2 v. Vol. 1. On the freedom and the necessity] / T. Gobbs ; [editor V.V. Sokolov]. – М. : Mysl', 1989. – 622 p. [in Russian]
4. Kant I. Sobranie sochinenij . V 8 t. T. 3. Kritika chistogo razuma [Collected works. In 8 v. Vol. 3. Criticism of pure mind] / edited by A. V. Gulygi. – М. : CHORO, 1994. – 718 p. [in Russian]
5. Kant I. Sobranie sochinenij . V 8 t. T. 8. Ideja vseobshhej istorii vo vseмирно-grazhdanskom plane [Collected works. In 8 v. Vol. 8. Idea for a universal history with a cosmopolitan purpose] / edited by A.V. Gulygi. – М. : CHORO, 1994. – 718 p. [in Russian].
6. Marks K., Engel's F. Sobranie sochinenij . V 50 t. T. 4. Manifest kommunisticheskoy partii [Collected works. In 50 v. Vol. 4. Communist party manifesto] / K. Marks, F. Engel's. – 2nd edition. – М. : Gospolitizdat, 1955. – 616 p. [in Russian]
7. Spinoza B. Sochinenija . V 2 t. T. 1. Kratkij traktat o Boge, cheloveke i ego schast'e [Essays. In 2 v. Vol. 1. Short Treatise on God, man and his happiness] / [Introduction of K. A. Sergeeva]. – 2nd edition. – SPb. : Nauka, 1999. – 489 p. [in Russian]
8. Shelling V.F.J. Sochinenija . V 2 t. : Per. s nem. T. 2. Filosofskie issledovaniya o sushnosti chelovecheskoj svobody i svyazannyh s nej predmetah [Works in 2 volumes: Translated from German. Vol. 2. Philosophical study of the essence of human freedom and related subject] / [editor A. V. Gulyga ; notes M. I. Levinoj, A. V. Mihajlova.] – М. : Mysl', 1989. – 636 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.156

Пономарёва Н.Д.¹, Зарипова Л.М.²

¹Кандидат философских наук, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, ²Экстерн Казанского государственного института культуры

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАУК (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ И КОММУНИКОЛОГИИ)

Аннотация

В статье с целью конкретизации предмета культурологии проводится обзорная интерпретация теоретических наработок XX-XXI веков в области коммуникационных взаимодействий. По аналогии с концепцией дромологии П. Вирилио, где главное понятие «скорость», постулируется необходимость выявления или кристаллизации главного слова-смысла в современном определении предмета культурологии. Подчеркивается, что этот процесс имеет перманентный характер в связи с постоянным нарастанием скорости современного общественного развития. Обозначается, что культурология и коммуникология, предметно закрепляющие себя в современном социально-гуманитарном знании, являются собой континуум, на пересечении предметов (главных проблем) которых, возможно, произойдёт кристаллизация вышеозначенного искомого.

Ключевые слова: культурология, коммуникология, слово-смысл, Вирилио, Мунье, социально-гуманитарное знаниевое пространство.

Ponomareva N.D.¹, Zaripova L.M.²

¹PhD in Philosophy, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University,

²Externe of Kazan State Institute of Culture

ON THE QUESTION OF SUBSTANTIVE INTERACTION SCIENCES (FOR EXAMPLE OF CULTURE STUDIES AND COMMUNICOLOGY)

Abstract

In the article for the purpose of specifying the subject Cultural Studies conducted overview of the theoretical interpretation of the developments XX-XXI centuries in communication interactions. By analogy with the concept of dromologiya P. Virilio, where the main concept of "speed", postulated the need to identify or crystallization of the main word-meaning in the modern definition of cultural studies of the subject. It is emphasized that the crystallization of cultural science subject is permanent in nature due to the constant increase of the speed of modern social development. It is postulated that cultural studies and Communicology, object anchoring itself in contemporary social and humanitarian space of knowledge is a continuum, at the intersection of items (major problems) which may happen desired crystallization thereof.

Keywords: cultural studies, communicology, the word-sense, Virilio, Mounier, social and humanitarian space of knowledge.

Коммуникология и культурология как пример современного научного континуума. В современном мире термин «коммуникация» символизирует собой способ сосуществования человека и культуры. Есть и такая точка зрения, принадлежащая современному французскому мыслителю П. Вирилио: современный мир есть мир

чистой коммуникации. Важно отметить и то, что Вирилио назвал свою теорию дромологией (от греч. *dromo* – скорость, движение), в которой обосновал, что «скорость – очень важный параметр измерения современности» [14]. По его мнению, технологически обеспечиваемое наращивание скорости является базовым принципом западной цивилизации и основным фактором социальных и культурных трансформаций современности. Это означает, что неизбежность теоретических трансформаций (интерпретаций) также продиктована нарастающей скоростью современного общественного развития. По аналогии с концепцией дромологии, где главное слово «скорость», обозначим субъективное видение процесса кристаллизации (поиска главного слова) для формулирования аутентичного современности предмета науки культурологии, континуально связанной с коммуникологией.

Теоретическое буйство современных типов человеческого взаимодействия (коммуницирования) впечатляет: коммуникации массовые (А. Моль), социальные (Т.З. Адамьянц, Т.М. Дридзе), социокультурные (А.Я. Флиер), экзистенциальные (Касавина Н.А.), конфессиональные (Е.А. Ревуцкая, А.В. Рязанов), межкультурные (Персикова Т.М., Когдел, Пиллер, Портер, Самовар, Ситарам), политические (П. Бурдьё) и пр. Полифония (многоголосие) коммуникационных процессов, сливаясь воедино, образует проблемное поле (объект) новой науки – коммуникологии. Определением Ф.И. Шаркова, разрабатывающим теорию эгалитарной массовой коммуникации, подтверждается данное обстоятельство: «Коммуникология – система сформированных знаний и деятельность по получению новых знаний о коммуникации, синтезирующая в единое знание (науку): 1) теорию коммуникации; 2) теории различных коммуникаций, разработанные разными авторами... 3) науки и научные направления, изучающие различные коммуникации (социология коммуникации, психология коммуникации и др.); 4) теорию и практику коммуникативной деятельности в различных сферах общества с помощью различных средств и с различными субъектами» [12, С.13]. Переходя от коммуникологии к культурологии, следует отметить, что помимо прочих скоростных изменений современности, сегодня серьёзно увеличилась и скорость трансформации предмета, называемого «культурой». Как отмечает В.И. Куренной, «Начиная со второй половины XX века, мы постоянно говорим о некоторых поворотах в исследованиях культуры. Первоначально был лингвистический поворот..., мы имеем дело с интерпретативным поворотом.... Сегодня чрезвычайно важный момент связан с иконографическим, визуальным поворотом в исследованиях культуры» [4]. Примером подобного рода является мультфильм «Рождение культурологии» (автор идеи К.Э. Разлогов, художник-мультипликатор А. Кузнецов), которым визуализируется процесс возникновения и становления науки культурологии, предмет которой перманентно пребывает в процессе своего оформления. Зритель наблюдает, как происходит кристаллизация культурологической проблематики посредством аккумуляции предметов таких наук (научных дисциплин) как искусствоведение, филология, философия, философия культуры, этнология, антропология, история, история культуры и социология [7]. Коммуникология должна быть также отнесена к этой «компании». Итак, представляется остро необходимым нахождение механизма перехода от теоретического описания формальностей к превентивному (предупреждающему) стилю осуществления процессов коммуникаций. Предупреждающего что? Ответ: возможное увеличение рисков в структурах взаимодействия людей, тесно связанных со сферой культуры, а, значит, и культурологии. Таким образом, культурология и коммуникология являют собой связность (континуум), на пересечении предметов (главных проблем) которых, возможно, произойдёт кристаллизация вышеозначенного искомого – главного слова-смысла.

Несколько слов о процессе кристаллизации. В сфере гуманитарных наук этот процесс немало известен – к примеру, герменевтику занимают подобного рода процессы. Согласно концепции И.П. Черкасовой «кристаллизация смысла – это формирование слова с однозначно очерченным смыслом. Ключевое слово в тексте играет роль точки кристаллизации, является «центром», «фокусом», от которого потом «расходятся круги» понимаемого содержания, оно постепенно обрастает смыслом, вбирая в себя все контекстуальные значения. Изучение процесса кристаллизации позволяет не только определить базовые смыслы, но и проследить процесс их взаимодействия, а иногда и вытеснение одних смыслов другими» [11, С.32].

Адекватность (аутентичность) социокультурных интерпретаций.

Гуманитарные науки решают схожие проблемы и квалифицируются сегодня как междисциплинарные, где очевидной становится необходимость использования методологии интерпретации [6, С.149]. Культурология и коммуникология как раз из их числа. Эти две «молодые» науки формируют свои предметы в русле постнеклассической рациональности, о чём, в частности, пишет В.В. Ильин: «эпистемологический арсенал работающего обществоведа логично обогатить слоем антропологических описаний, реконструирующих внутреннюю и внешнюю инициацию людей (аппарат герменевтики, исторической поэтики, культурологии)» [2, С.43]. Итак, современность взыскует адекватности – адекватности теоретической и практической.

Теоретическая адекватность, обуславливается следующими факторами:

- культурология имеет главное познавательное преимущество перед иными науками – в её арсенале многообразие интеллектуальных интерпретаций социальной реальности – гуманитарных, социологических, психологических и т.п.;
- коммуникология как наука актуальна, так как сегодня необходимо формирование дисциплин нового качества, интегрированных в современное гуманитарное пространство и адекватных им.

Таким образом, культурологическое направление в коммуникологии или в нашем терминологическом предпочтении – континуум культурологии и коммуникологии, общим предметом имеет изучение комплекса различных явлений в глобальном мире с целью поддержки культурно-просветительских функций культурологии, повышение её роли в сохранении языковых и литературных ценностей в сложном многообразии национальных культур и коммуникативных практик. Потому понятно, что пространство современной культурологии *взыскует конкретизации своего предмета или кристаллизации смысла посредством слова*. Нужно сказать, что современная культура, характеризующаяся, в частности, и как «мозаичная» (А. Моль, М. Маклюэн), и, соответственно, люди, пребывающие в ней, способны как усложнить, так и облегчить этот процесс.

Культурологическая теория коммуникации, представленная М. Маклюэном и А. Модем, рассматривает современную культуру, создаваемую в рамках коммуникации, как новый этап социального общения: при чтении

электронной информации она воспринимается человеком «мозаично», через интервалы. Эта привычка укореняется также при чтении книг, когда они просматриваются «по диагонали» для того, чтобы выловить интересующую информацию. Таким образом, с одной стороны, кристаллизация предмета культурологии посредством выявления главного слова-смысла, – это адекватная теоретическая реакция на качество современных людей, приспособленных в силу скорости современной жизни к чтению коротких (Twitter) сообщений либо текстов небольшого объёма. *С другой стороны, следуя за высказыванием К. Леви-Стросса о том, что XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе, угождать современным трендам, значит множить риски. Потому необходим некий социокультурный компромисс, в основу которого (для примера) может быть положен континуум культурологии с коммуникологией.* Равно так, как для культуры традиционной культурология «выделяет» своё слово – синкретиз, которым описывается «слитное первоначальное состояние социокультурного организма, в котором те или иные феномены не выделились из целого. Это родовое, нерасчлененное единство, когда каждая единица – это часть целого. Степень индивидуализации на этой ступени развития общества крайне низка. В рамках каждого синкретиза можно выделить экономическую, социальную, коммуникативную сферы, взаимодействие которых обеспечивает его целостность и постоянство» [13, С.32], так и для культуры «мозаичной» необходима своя вербальная конкретика. Исходя из российского культурного контекста (национального культурного окружения, в котором существует представитель той или иной культуры и которое определяет его поведение и образ жизни), можно предложить следующее. Выкристаллизовать главное слово-смысл из перечня следующих основополагающих понятий-концептов, как то «Мир» (вокруг нас), «Ментальный мир» (в нашем сознании) и их компонентов – концептов «Слово», «Вера», «Любовь», «Радость», «Знание», «Наука», «Число, Счет», «Страх, Тоска», «Грех, Блуд», «Свои – Чужие» и др. Эти понятия (концепты), будучи ценностями российской культуры, принадлежат всем и никому в отдельности. *Сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами* [10]. В этом процессе кристаллизации найдёт своё проявление социальное и индивидуальное сознание людей, их духовная сопричастность друг другу.

Адекватность практическая, исходя из континуума культурологии и коммуникологии, хорошо иллюстрируется, на наш взгляд, теорией французского философа-персоналиста Э. Мунье, изложенной им в работе 1935 г. «Персоналистская и коммунитарная революция» Его доводы по вопросу, «какой тип общества считать адекватным?» представляются остро актуальными. Ответ Мунье конкретен: персоналистско-коммунитарное общество или общительная цивилизация [1], в таком обществе *коммуникация представляет собой взаимозависимость, основывающуюся на интимных контактах и осознанной духовной общности.* Следуя парадигме интерпретирования, отметим здесь следующее. Работа Мунье увидела свет в 1935 году. Культурологическую характеристику 30-х гг. XX в. даёт Владимир Паперный в работе «Культура Два», рассуждая о типах культуры, преобладающих в период с 1930 по 1960 гг. Это один из примеров маркировки культур, наряду, в частности, с аполонической и дионисийской культурами Ницше, «горячей» и «холодной» культурами К. Леви-Стросса, чувственной, идеациональной и идеалистической культурами П. Сорокина и др. Владимир Паперный культуру 30-х - начала 50-х маркирует как «культуру 2» (живую, стихийную, созидательную и т.д.). Культура 60-х годов рассматривается им как наследница культуры 20-х годов и типологически относится к «культуре 1» (механической, рациональной, разрушительной), переход же от 50-х к 60-м гг. XX века представляет собой переход от «культуры 2» к «культуре 1» [5, С. 155, 167, 311]. Итак, 30-е годы XX века породили культуру живую, созидательную, к числу культурных продуктов этого времени можно отнести и теорию Э. Мунье. Что же созидает французский философ? Ответ: *надежду.* Будучи сторонником наличия в структуре личности человека измерения под названием «сопричастность», мыслитель наделяет мизерным размером страх, присущий людям. Страх, который по определению Мунье «толкает людей в клетку эгоизма», который раздувает ненависть и душит любовь [1]. Мизерный размер страха означает возможность его искоренения при приложении некоторых (не обязательно титанических усилий). Об этом рассуждал и Кант. Нравственное доказательство бытия Бога, предложенное основоположником немецкой классической философии, может быть проинтерпретировано так. Человек есть носитель двух природ. Одна природа – материально-телесная, побуждает человека повиноваться инстинкту самосохранения и действовать эгоистично, себялюбиво. Однако, несмотря на это, человеку бывает свойственно придти на помощь другому, жертвуя собой, т.е. забывая об инстинкте. Откуда в человеке это? Ответ Канта: наряду с одной природой, диктующей человеку эгоизм, есть и другая – нравственная, которая именуется Богом. Так и у Мунье: человеку не дано постичь самого себя иначе, как в рамках высшего единства, т.е. *чувства сопричастности.*

«Культурология сегодня стоит на распутье между образом западного её варианта типа cultural studies (группа исследователей из Европейского Университета в Санкт-Петербурге перевела этот термин как «культуральные исследования») и собственным путём, исходящим из традиции отечественной мысли» [9]. Континуумом закладываемых сегодня традиций отечественной мысли, как то (для примера) теория коммуникологии Ф.И. Шаркова с философско-культурологическими построениями А.Я. Флиера, В.А. Куренного, А.Л. Доброхотова и др., как раз и формируется этот собственный путь. Философская (обобщающая) составляющая данного явления может быть подтверждена фразой, которая в веке XXI звучит аксиоматично: «Принцип коммуникации шире содержания межличностных отношений, он является одним из универсальных философских принципов осмысления бытия» [3, С.6].

Культурология и коммуникология, предметно утверждающиеся сегодня в социально-гуманитарном знании пространстве, являют собой кумулятивные компоненты целостности человеческого знания. В коммуникативных процессах обе эти науки приобретают важнейшее значение и способны реализоваться в когнитивных представлениях, моделях поведения и социальном опыте индивида.

Интерпретирование теорий, осуществляемое в коммуникологическом контексте, поспособствует кристаллизации главного слова-смысла в формулировке предмета (или главной проблемы) культурологии. Возможная интерпретация довода Вирилио о сути дромологических процессов (социокультурная динамика движима одним базовым законом: статика есть смерть), может выглядеть так: статика есть смерть и для сферы гуманитарных наук, в число которых

сегодня настойчиво пробивается коммуникология. Пренебрежение же заведомо состоятельными возможностями сохранения и развития фундаментального научного знания о культуре в условиях прагматизации гуманитарных наук увеличивает риск, обозначенный К. Леви-Строссом (см. выше) многократно. Для того, чтобы фразы толка «наука культурология появилась, а её предмет, т.е. культура, исчезает» звучали как можно реже, все средства хороши.

Список литературы / References

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Мунье Эммануэль [Электронный ресурс] / Д. Антисери, Дж. Реале // - URL: <http://www.cyclopedia.ru/93/204/2677501.html> (дата обращения: 01.10.2016).
2. Ильин В.В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? / Ильин В.В. // «Социологические исследования». – 1992. - №10. - С. 37-44.
3. Костина О.В. Онтология коммуникации: Дис. ... д-ра философ. наук.: 09.00.01: защищена 25.02.2005.: утв.: 16.12.2005/Костина Ольга Викторовна. - Саратов, 2005. - 310 с.
4. Куренной В.А. Культура как предмет исследования. – [Электронный ресурс] / В.А. Куренной // «ПостНаука». - URL: <http://postnauka.ru/video/20388> (дата обращения: 30.09.2016).
5. Паперный В.З. Культура «Два» / В.З. Паперный. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. - 382 с.
6. Пилюгина М. А. Интерпретация как метод гуманитарного познания. Дисс. на соиск. ... уч. степ. ... канд. филос. наук: 09.00.01: Защищена 29.09.2015.: Утв.: 26.02.2016 / Пилюгина Маргарита Алексеевна - М.: ИФ РАН, 2015. – 161 с.
7. Разлогов К.Э. Рождение культурологии [Электронный ресурс] / К.Э. Разлогов / Видеохостинг YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I0xUeXbPAeU> (дата обращения: 30.09.2016).
8. Ревуцкая Е.А., Рязанов А.В. Современные коммуникативные технологии и традиционное общество / Е.А. Ревуцкая, А.В. Рязанов // «Власть». – 2012. - №11. - С.31-34.
9. Савчук В.В. Культуролог в России больше, чем философ? – СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. – [Электронный ресурс] / Савчук В.В. // Anthropology (Web-кафедра философской антропологии) - URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/kulturolog-v-rossii-bolshe-chem-filosof#kulturolog-v-rossii-bolshe-chem-filosof> (дата обращения: 30.09.2016).
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов – М.: «Академический Проект», 2001. - 990 с.
11. Ткаченко И.Г. Кристаллизация смыслов базовых концептов Новалиса / Ткаченко И.Г. // Современная филология: Материалы международной научной конференции. - Уфа: Издательство «Лето», 2011. - С. 31-34.
12. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации / Ф.И. Шарков - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. - 592 с.
13. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект / И.Г. Яковенко – М.: «Прогресс-Традиция», 2006. - 176 с.
14. Virilio P. Vitesse et politique: essai de dromologie / P. Virilio - Galilée, 1977. - 151 p.
15. Samovar L.A., Porter R.E. Communication between cultures / L.A. Samovar, R.E. Porter – Belmont: Wadsworth Pub. Co., 1991. - 503 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Antiseri D., Reale Dzh. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnei. Mun'e Jemmanuel [Western philosophy from the beginnings to the present day. Emmanuel Mounier] [Electronic resource] / D. Antiseri, J. Reale. - URL: <http://www.cyclopedia.ru/93/204/2677501.html> (accessed: 01.10.2016) [in Russian]
2. Il'in V.V. Postklassicheskoe obshhestvoznaniye: kakim emu byt' [Post-classical social science: what will it be] / V.V. Il'in // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. - 1992. - №10. - P. 37-44. [in Russian]
3. Kostina O.V. Ontologiya kommunikacii [Ontology communication]: dis. ... of Phd in Philosophy: 09.00.01: defense of the thesis 25.02.2005: approved 16.12.2005 / Kostina Ol'ga Viktorovna. - Saratov, 2005. – 310 p. [in Russian]
4. Kurennoj V.A. Kul'tura kak predmet issledovaniya [Culture as a subject of study] [Electronic resource] / V.A. Kurennoj // PostNauka [PostNauka]. - URL: <http://postnauka.ru/video/20388> (accessed: 30.09.2016) [in Russian]
5. Papernyj V.Z. Kul'tura «Dva» [Culture "Two"] / V.Z. Papernyj. – M.: «Novoe literaturnoe obozrenie», 1996. – 382 p. [in Russian]
6. Piljugina M. A. Interpretacija kak metod gumanitarnogo poznaniya [Interpretation as a method of human cognition]: dis. ... of Phd in Philosophy: 09.00.01: defense of the thesis 29.09.2015: approved 26.02.2016 / Piljugina Margarita Alekseevna. - M.: IF RAN, 2015. – 161 p. [in Russian]
7. Razlogov K.Je. Rozhdenie kul'turologii [Cultural Studies birth] [Electronic resource] / K.Je. Razlogov // Videohosting YouTube [video hosting YouTube]. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I0xUeXbPAeU> (accessed: 30.09.2016) [in Russian]
8. Revuckaja E.A., Rjazanov A.V. Sovremennye kommunikativnye tehnologii i tradicionnoe obshhestvo [Modern communication technology and traditional society] / E.A. Revuckaja, A.V. Rjazanov // Vlast' [Power]. - 2012. №11. - P.31-34. [in Russian]
9. Savchuk V.V. Kul'turolog v Rossii bol'she, chem filosof? [Cultural studies in Russia is more than a philosopher?] [Electronic resource] / V.V. Savchuk // Anthropology (Web-kafedra filosofskoj antropologii) [Anthropology (Web-chair philosophical anthropology)]. - URL: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/kulturolog-v-rossii-bolshe-chem-filosof#kulturolog-v-rossii-bolshe-chem-filosof> (accessed: 30.09.2016) [in Russian]
10. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture] / Ju.S. Stepanov. - M.: «Akademicheskij Proekt», 2001. – 990 p. [in Russian]
11. Tkachenko I.G. Kristallizacija smyslov bazovyh konceptov Novalisa [Crystallization meanings of basic concepts Novalis] / I.G. Tkachenko // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sovremennaja filologija» [Proceedings of the international conference «Modern Philology»]. - Ufa: izdatel'stvo «Leto», 2011. - P. 31-34. [in Russian]

12. Sharkov F.I. Kommunikologija: osnovy teorii kommunikacii [Communicology: basics of communication theory]/ F.I. Sharkov//M.: Izdatel'sko+torgovaja korporacija «Dashkov i K°», 2010. – 592 p. [in Russian]
13. Jakovenko I.G. Riski social'noj transformacii rossijskogo obshhestva: kul'turologicheskij aspekt [Risks of social transformation of the Russian society: the cultural aspect]/ I.G. Jakovenko. - M.: «Progress-Tradicija», 2006. – 176 p. [in Russian]
14. Virilio P. Speed and politics: a test of dromology/P. Virilio - Galileo, 1977. - 151 p.
15. Samovar L.A., Porter R.E. Communication between cultures/L.A. Samovar, R.E. Porter. – Belmont: Wadsworth Pub. Co., 1991. - 503 p.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.045

Пряхин Н.Г.

Кандидат философских наук,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ НЕНАСИЛИЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА**Аннотация**

В статье рассмотрена актуализация проблемы ненасилия в современном мире, этимология термина «ненасилие» и его современное значение, проблема истоков толкования данного термина в древней индийской и древней китайской традициях, преемственность понимания ненасилия в европейской, христианской духовной культуре; излагается процесс интерпретации ненасилия в Средневековье, Возрождении, Просвещении и Новом времени. Далее, рассматривается особенность понимания ненасилия в социально-философских и социально-политических взглядах Л.Н. Толстого, М.Ганди и М.Л. Кинга

Ключевые слова: ахимса, ненасилие, у-вэй, не-деяние, непротивление злу.

Pryakhin NG

PhD in Philosophy, St. Petersburg University of Economics and Management Technologies

SOCIAL PHILOSOPHY OF NON-VIOLENCE: THE HISTORY OF THE ISSUE**Abstract**

The article deals with the actualization of the problem of non-violence in the world today, the etymology of the term "non-violence" and its current value, the problem of the sources of the interpretation of the term in ancient Indian and ancient Chinese tradition, the continuity of the understanding of non-violence in the European, Christian spiritual culture; It describes the process of interpretation of non-violence in the Middle Ages, the Renaissance, the Enlightenment and the New Era. Next, a feature seen in the understanding of non-violence and social-philosophical and socio-political views LN Tolstoy, Mahatma Gandhi and ML King

Keywords: ahimsa, non-violence, wu-wei, non-action, non-resistance to evil.

В современном мире, принцип «ненасилие» не рассматривается в лекционных курсах по истории социальной философии и, как правило, не имеет достаточно полного и точного изложения в соответствующих монографиях и статей, возможно, поэтому социальная философия ненасилия не всегда находит своих сторонников. Однако события последних десятилетий в современной идеологии, обществе, экономике и политике, со всей очевидностью показали опасность невнимания к понятию «ненасилие». Современный мир оказался рассогласованным на уровне нравственных – правовых и этических [1], коммуникационных [2] и понятийных – субстанциальных оснований и потерял форму единого целого. Поэтому возникновение и реализация противоречивых идеологических программ и программ практических действий (глобальные противоречия, терроризм, этноконфликты, контркультура и др.) потребовали переоценки ранее сложившихся социально-исторических и социально-антропологических ценностей, в том ценностей и идеалов ненасилия. Что же такое ненасилие как понятие?

«Ненасилие» – этический, культурологический и социально-философский «принцип, согласно которому границы морали совпадают с отрицанием насилия» [3]. Термин «ненасилие» аналогичен в немецком языке понятию «Gewaltlosigkeit», в английском и французском «nonviolence» - является не точным переводом с санскрита термина «ahimsā», обозначающий – неубиение – «непричинение вреда всему живому в физическом, ментальном, эмоциональном и моральном планах» [4]. Возникновение ненасилия, как ценности, возможно, связана с формированием антропологического мировоззрения в эпоху Осевого времени (нем. Achsenzeit), которую обозначил К. Ясперс [5]. Идея ненасилия - нормативная конкретизация понятия «золотое правило нравственности» [6]. Принцип ненасилия, в данную эпоху, находит свое актуальное присутствие во многих религиях и проявлениях духовной культуры (Например, именно понятию «ахимса» (санскр. ahimsā) или схожему с ним, по основным свойствам, понятию «у-вэй» (кит. trad. 無為, упр. 无为, пиньинь: wúwèi), обозначающему «не-деяние» или «созерцательная пассивность», отводится главное значение в религиозно-философских и нравственно-этических учениях даосизма, джайнизма, буддизма, йоги [7, 23]). В европейскую культуру, идея ненасилия, была привнесена, в первую очередь, христианской этикой, выраженной в Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф. 5: 9 («Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»), 10 («Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»), 21-22 («Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной»), 38–39 («Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»), 43–44 («Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте

проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»). В дальнейшем время, в период Средневековья, Возрождения, Просвещения и Нового времени христианская ценность «ненасилие» и «непротивления злу» не были интерпретированы как обязательные этические ценности человека: даже христианские теологи и гуманисты оправдывали насилие, в разных формах, как возможное орудие справедливости: например «справедливые войны» у Августина [8], «смертную казнь» у И. Канта: «Итак, сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, а priori обоснованным законам» [9, 716] и др. Важнейшая трансформация взглядов на понятие ненасилие изменение во взгляде на ненасилие связана в первую очередь, с философами, общественными деятелями Л.Н.Толстым, М.Ганди, М.Л.Кингом. Они понимали идею ненасилия как первопринцип нравственности, который либо абсолютно не допускает насилия в практическом использовании, либо его допускает в крайне ограниченных случаях.

Толстой полагал, что главным основанием большинства религиозных и гуманистических философских учений является правило любви, в самом широком смысле слова. Данное правило, в практическом смысле реализуется в принципе «непротивление злу» Правило любви и непротивление злу, по его словам, наиболее глубоко и содержательно выражено в Евангелие. По словам А.А. Гуссейнова [10], в размышлениях Толстого, на эту тему можно констатировать следующие положения. Во-первых: существование абсолютного начала Вселенной и Жизни, которое принято называть Богом, о котором можно утверждать только то, что Он существует в реальности. Во-вторых: Бог определяет правильный порядок ценностного отношения человека к себе и окружающему миру: необходимо делать только так, как хочет не человек, а Бог («Не как я хочу, но как Ты» – Мф. 26:39) и закон отношения индивида к Богу это закон любви. В третьих: любовь к Богу выражена в отрицании эгоистичной деятельности человека («Не так, как я хочу»): составляет содержание непротивления злу и насилию. Таким образом, понятие «насилие» это значит - «делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие» (Толстой). Другими словами, насилие, может быть выражено формулой «не как Ты хочешь, а как я хочу», является противоположной закону любви.

М.Ганди, будучи идейным последователем Л.Н.Толстого, полагал все мировые религии соответствующими гуманистическим, нравственным ориентирам и закону любви. Ганди, будучи политиком пытался интерпретировать феномен «ненасилие» в социальной практике. Для этого он сформулировал новое понятие «сатьяграха» (санскр. atyāgraha, «стремление к истине», «упорство в истине»). Данное слово, как он полагал, транслирует активную, действенную грань идеи ненасилия (Ганди сформулировал тактику ненасильственной борьбы): позитивную силу, выраженную в истине высшего порядка, как метод достижения нравственной и социально-политической победы, показавший свою эффективность в «Индийском национально-освободительном движении» (англ. Indian independence movement). Кроме того, М. Ганди понимал ценность «ненасилие» как основу обыденной общественной жизни. Теоретический и практический опыт ненасильственной борьбы в Индии использовал американский священник М.Л. Кинг в «Движении за гражданские права чернокожих в США» (англ. Civil Rights Movement), развернувшейся в 50–60-е гг. XX в. Основные принципы этой борьбы Кинг обозначил в труде «Паломничество к насилию» [11]: во-первых – практика ненасилия - это борьба и путь только для сильных людей; во-вторых – использование принципа «ненасилие» неизбежно обращено к совести и разуму оппонента; в-третьих – идея ненасилия направлена против зла, заключающегося в человеке, но не против самого человека, делающего зло; в-четвертых - сторонник идеи ненасилия обязан принимать полученные, по отношению к себе, страдания без ответной мести; пятое - сторонник практики ненасилия должен стремиться избегать применения не только физического насилия, но и насилия в желаниях и помыслах, по отношению к другому, и побеждать оппонента духовной любовью; в-шестых – идейная основа практики ненасилия заключается в вере в онтологическую справедливость бытия и души человека.

Таким образом, феномен «ненасилие» с неизбежностью актуализирован в современном культурном и социально-философском пространствах: он возник в Древней философии Индии и Китая, трансформировался в духовной культуре христианства; присутствовал как ценность в Средневековье, Возрождении, Просвещении и Новом времени, использовался в учении «непротивление злу» Л.Н. Толстым, понятии «сатьяграха» М. Ганди, а затем в практике обращения к совести врага в «Движении за гражданские права чернокожих в США» М.Л. Кинга.

Список литературы / References

1. Андронов И.С. Соотношение понятий законности и справедливости: социальный аспект / И.С. Андронов // Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. — 358 с.
2. Пряхин Н.Г. Проблема ненасилия как основа коммуникации и коммуникативной компетентности в современном мире / Н.Г. Пряхин // Роль образования в формировании экономической, социальной и правовой культуры Сборник научных трудов. Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. 2014. С. 426-429.
3. Гуссейнов А.А. Ненасилие [Электронный ресурс] / А.А. Гуссейнов // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. – URL: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (дата обращения: 5.09.2016).
4. Мезенцева О.В. Ахимса [Электронный ресурс] / О.В.Мезенцева // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. – URL: <http://iphras.ru/elib/0329.html> (дата обращения: 9.12.2016).
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. - М.: Республика, 1991. С. 32-50.
6. Гуссейнов А.А. Ненасилие [Электронный ресурс] / А.А. Гуссейнов // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. – URL: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (дата обращения 11.09. 2016)
7. Пряхин Н.Г. Проблема ненасилия и недеяния в восточной философии и культуре (Древняя Индия – Древний Китай) // Мир человека. 2007. № 4. С. 23.

8. Августин Блаженный. О Граде Божием [Электронный ресурс]/ Блаженный Августин // Гражданское общество: научная электронная библиотека. - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_18-22.pdf (дата обращения: 15.09.2016).

9. Кант И. Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности / И. Кант. - М.: Мысль, 1999. - 1472 с.

10. Гуссейнов А.А. Ненасилие [Электронный ресурс] / А.А. Гуссейнов // Институт Философии Российской Академии Наук: официальный сайт. - URL: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (дата обращения: 03.09.2016).

11. Кинг М.Л. Паломничество к ненасилию / М.Л. Кинг // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. 1991. - М.: Республика, 1992. - С- 168-181.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andronov I.S. Sootnosheniye ponyatiy zakonnosti i spravedlivosti: sotsial'nyy aspekt [Value concepts of law and justice: the social aspect]/ I.S. Andronov // Pravookhranitel'naya sistema Rossii: sostoyaniye i perspektivy razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The law enforcement system in Russia: state and development prospects: proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. — SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki, 2014. — 358 P. [in Russian]

2. Pryakhin N.G. Problema nenasiliya kak osnova kommunikatsii i kommunikativnoy kompetentnosti v sovremennom mire [The problem of non-violence as the basis of communication and communicative competence in the modern world] / N.G. Pryakhin // Rol' obrazovaniya v formirovaniye ekonomicheskoy, sotsial'noy i pravovoy kul'tury Sbornik nauchnykh trudov. Komitet po nauke i vysshey shkole Pravitel'stva Sankt-Peterburga [The role of education in shaping the economic, social and legal culture collection of scientific works. The Committee on Science and Higher Education of St. Petersburg Government.]. 2014. P. 426-429 [in Russian]

3. Gusseyinov A.A. Nenasiliye [Non-violence] [Electronic resource] / A.A. Gusseyinov // Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk: ofitsial'nyy sayt [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences official website]. - URL:: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (accessed: 5.09.2016) [in Russian]

4. Mezentsева O.V. Akhimsa [Ahimsa] [Electronic resource] / O.V.Mezentseva // Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk: ofitsial'nyy sayt [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences official website]. - URL: <http://iphras.ru/elib/0329.html> (accessed: 9.12.2016). [in Russian]

5. Yaspers K. Smysl i naznachenkiye istorii [The meaning and purpose of history] / K. Yaspers. - М.: Respublika, 1991. P. 32-50. [in Russian]

6. Gusseyinov A.A. Nenasiliye [Non-violence] [Electronic resource] / A.A. Gusseyinov // Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk: ofitsial'nyy sayt [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences official website]. - URL:: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (accessed: 11.09.2016) [in Russian]

7. Pryakhin N.G. Problema nenasiliya i nedeyaniya v vostochnoy filosofii i kul'ture (Drevnyaya Indiya – Drevniy Kitay) [The problem of non-violence and non-action in the eastern philosophy and culture (Ancient India - Ancient China)] // Mir cheloveka. 2007. № 4. P. 23. [in Russian]

8. Avgustin Blazhennyy. O Grade Bozhiyem [City of God] [Electronic resource] / Blazhennyy Avgustin // Grazhdanskoye obshchestvo: nauchnaya elektronnyaya biblioteka [Civil Society: Scientific Electronic Library]. - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_18-22.pdf (accessed: 15.09.2016). [in Russian]

9. Kant I. Metafizika нравственности. Основы метафизики нравственности [Metaphysics of morals. Fundamentals of the metaphysics of morals] / I. Kant. - М.: Мысль, 1999. - 1472 P. [in Russian]

10. Gusseyinov A.A. Nenasiliye [Non-violence] [Electronic resource] / A.A. Gusseyinov // Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk: ofitsial'nyy sayt [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences official website]. - URL:: <http://iphras.ru/elib/2038.html> (accessed: 03.09.2016) [in Russian]

11. King M.L. Palomnichestvo k nenasiliyu [Pilgrimage to nonviolence] / M.L. King // Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskiye chteniya [Ethical Thought: scientific and journalistic reading]. 1991. - М.: Respublika, 1992. - P. 168-181. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.116

Хакимов И.И.¹, Червяков В.О.², Беленкова О.А.³^{1,2}Магистрант, ³Доктор философских наук

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА СИНЕРГЕТИКИ К РЕШЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ**Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем нефтегазовой отрасли и возможности их решения с помощью методологии синергетики. В статье рассматриваются актуальные на данный момент проблемы отрасли добычи нефти и газа, также приводится краткое теоретическое описание истории возникновения научного метода синергетики, его сущности и границах его применимости. Проводится анализ возможности применения методологии синергетического подхода к решению приведенных проблем, и на его основе делается вывод о том, будет ли эффективным применение этого метода.

Ключевые слова: синергетика, синергетический подход, актуальные проблемы нефтегазовой отрасли, разведанные геологические запасы, нефтяная/газовая залежь, самоорганизующиеся системы.

Khakimov I.I.¹, Chervyakov V.O.², Belenkova O.A.³^{1,2}Undergraduate, ³PhD in Philosophy,

Ufa State Petroleum Technological University

POSSIBILITY OF SYNERGETICS TO SOLVE ACTUAL PROBLEMS OF OIL AND GAS INDUSTRY**Abstract**

The article examines the possibility of solving the actual problems of the oil and gas industry in terms of synergetic methodology. The article also shows the urgent problems of the oil and gas industry and describes the essence of the scientific method of synergetics and specificity of its applicability. There is the short theoretical description of history of emergence of a scientific method of synergetics in the article. The problems describing in this article can be solved by application of methodology of synergetic approach. The conclusion about efficiency of this method is based on the analysis of a possibility of application of methodology of synergetic approach to the solution of the given problems.

Keywords: synergetics, synergetic approach, actual problems of oil and gas industry, explored geological resources, oil/gas mine, the self-organized systems.

В настоящий момент отрасль добычи нефти и газа находится в весьма затруднительном положении. Это напрямую связано со снижением цен на углеводородные ископаемые на мировом рынке. Однако это не единственная проблема, хотя и значительная.

Залежей с запасами легких углеводородов все меньше и меньше, вследствие чего приходится разрабатывать залежи с запасами тяжелых углеводородов, разработка которых требует больших трудозатрат, как следствие, дороже и тяжелее, к тому же она менее эффективна.

Помимо затруднений с добычей существует целый ряд затруднений другого ряда, требующий детального научного изучения и решения. К этим проблемам относятся:

1. Проблемы разработки нефтегазоконденсатных залежей с широкими контактными зонами.
2. Проблемы разработки шельфовых, морских месторождений и месторождений природного газа Крайнего севера, месторождений, содержащих гелий, а также месторождений с аномально высоким пластовым давлением.
3. Проблемы транспортировки продукции морских, удаленных месторождений по подводным трубопроводам.
4. Технологии добычи сланцевого газа.
5. Технологии строительства подводных трубопроводов.
6. Проблемы гидродинамического и геологического моделирования процессов добычи углеводородов.
7. Проблемы разведки новых, перспективных для разработки месторождений и «восстановления» - повторного введения в эксплуатацию старых месторождений.

Несомненно, все приведенные проблемы требуют индивидуального научно-технического подхода и тщательного рассмотрения для их перспективного и эффективного решения. Однако мы рассмотрим возможность их решения с помощью достаточно нового научного метода – метода синергетики.

Для того, чтобы наиболее точно решить поставленную задачу, определим, что представляет из себя метод синергетики или синергетический подход.

Термин “синергетика” происходит от греческого “синергос”, что значит «совместно действующий». Ввел этот термин и создал само научное направление профессор Штутгартского университета – Г. Хакен, впервые он применил и стал использовать этот термин в 1969г.[7]

Синергетика – это междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах благодаря интенсивному (потокному) обмену веществом и энергией неравновесной системы с окружающей средой.

Синергетика позволила объединить исследования или «перекинула мост» между неорганической и живой природой, тогда как до ее появления считалось, что между ними существует непреодолимый барьер, и лишь живая природа способна к саморегуляции и самоуправлению.[6]

В синергетике структура определяется как состояние, возникающее в результате многовариантного и неоднозначного поведения таких многоэлементных структур или многофакторных сред, которые не деградируют к стандартному для замкнутых систем усреднению термодинамического типа, а развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов, появления особых режимов с обострением и наличия более одного устойчивого состояния.[7]

Синергетику определяют три ее основные идеи: неравновесность, открытость, нелинейность (то есть она рассматривает системы обладающие заданными параметрами).

Неравновесность – состояние открытой системы, при котором происходит изменение ее макроскопических параметров, ее состава, структуры и функционирования.[6]

Открытость – способность системы непрерывно обмениваться веществом, энергией, информацией с окружающей средой и обладать как зонами подпитки энергией от окружающей среды (что способствует росту структурной неоднородности системы), так и зонами рассеяния, сброса энергии (способствующих гармонизации структурных неоднородностей).[6]

Нелинейность – свойство системы иметь в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным допустимым законам поведения данной системы. Идея нелинейности включает в себя многовариантность и альтернативность выбора путей эволюции и ее необратимость.[6]

Таким образом, синергетика изучает системы, которые должны удовлетворять двум условиям: они должны быть открытыми и неравновесными. А именно такими и являются большинство известных нам систем.

Исходя из определения того, что синергетика изучает (неравновесные самоорганизующиеся системы), мы можем определить ее применимость для возможного решения уже перечисленных актуальных проблем отрасли добычи нефти и газа.

Рассмотрим возможность применения методологии синергетики к проблемам, в которых участвуют системы, которые можно рассматривать как самоорганизующиеся и неравновесные. Ряд проблем относящихся непосредственно к процессу транспортировке и строительству (трубопроводов), по-моему, не может быть решен с помощью метода синергетики, так как эти процессы направлены на взаимодействие с системами, не являющимися самоорганизующимися.

Возможность решения проблемы гидродинамического и геологического моделирования процессов добычи методом синергетики представляется сложным вопросом, поскольку уже было сказано, что геологическая залежь и гидродинамические процессы в процессе ее разработки являются рассчитываемыми, предсказуемыми процессами (то есть не хаотичными), то синергетический подход здесь вроде неприменим. При этом при всем, в процессе разработки все же возникают сложности, предугадать которые довольно сложно (движение ВНК при заводнении, прорыв воды или газа при разработки нефтяной оторочки). Потому, возможно, рассмотрение разрабатываемой залежи как самоорганизующейся системы в процессе разработки, воздействия на нее в определенных точках (откачка углеводородов, закачка воды/газа, обработка призабойных зон скважин и т.п.) – как флуктуаций, а «переломных» этапов разработки как бифуркационных механизмов, позволит создать более ясную и точную модель разработки. Это, в свою очередь, поможет решить вышеупомянутые проблемы, связанные конкретно с процессами разработки залежей.

Проблема разведки новых месторождений (напрямую связанная с пониманием процесса формирования залежей) и выявления закономерностей, по которым нефть вновь поступает или «возвращается» в старые, уже разработанные залежи, абсолютно точно может рассматриваться через призму синергетического метода. Процессы формирования залежей и миграции нефти в земной коре можно рассматривать как эволюции самоорганизующихся систем, связанные с геологическим строением земной коры. Судить о наличии самоорганизации в геологической структуре можно по данным сейсморазведки и гидрогеохимическому анализу керн. На наличие признаков диссипативности могут указывать негауссовый характер кривых распределения переменных, геометрические признаки самоорганизации геологических структур (фрактальные, ячеистые и т.п. рисунки), когерентность каких-либо вещественных переменных, нетипичная тектоника, принадлежность объекта к детерминированно-стохастическим системам.[4]

Обобщая приведенные рассуждения, можно сделать вывод, что применение синергетического подхода перспективно и для решения проблем отрасли добычи нефти и газа. Применение к этим проблемам метода синергетики позволит взглянуть на них по-новому и, возможно, откроет инновационные пути их решения.

Список литературы / References

1. Иванюк Г.Ю., Самоорганизация рудных комплексов / Иванюк Г.Ю., Горяинов П.М. и др // М.: ГЕОС, 2009. – С.392.
2. Байков В.А., Воспроизведение геологической неоднородности в геолого-гидродинамических моделях / Байков В.А., Яковлев А.А. // М.: научно-тех. вестник ОАО «Роснефть», 2010. – С.13–15.
3. Анализ запасов нефти // Тюмень: Издательский Дом «ИздатНаукаСервис», 2011. – С.228.
4. Малева Т.В., Использование синергетического подхода для поиска нефтегазовых структур / Т.В. Малева // Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России. – 2016. – С.36. – URL: <http://www.gubkin.ru/upload/20160217/Thesis.pdf>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ivanjuk G.U., Samoorganizacija rudnyh kompleksov [Self-organization of ore complexes] / Ivanjuk G.U., Gorjainov P.M. and others // М.: GEOS, 2009. – 392 p. [In russian]
2. Bajkov V.A., Vosproizvedenie geologicheskoy neodnorodnosti v geologo-gidrodinamicheskikh modeljah [Reproduction of geological heterogeneity in geological and hydrodynamic models] / Bajkov V.A., Jakovlev A.A. // М.: nauchno-teh. vestnik ОАО «Rosneft'», 2010. – 13–15 p. [In russian]
3. Analiz zapasov nefiti [Analysis of reserves of oil] // Tjumen': Izdatel'skij Dom «IzdatNaukaServis», 2011. – 228 p. [In russian]
4. Maleva T.V., Ispolzovanie sinergeticheskogo podhoda dlja poiska neftegazonosnyh struktur [Using of synergetic approach for search of oil-and-gas structures] / T.V. Maleva // Aktual'nye problemy razvitiya neftegazovogo kompleksa Rossii. – 2016. – 36 p. – URL: <http://www.gubkin.ru/upload/20160217/Thesis.pdf> [In russian]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.021

Абакарова Э.Г.

ORCID: 0000-0002-9798-1735, Кандидат психологических наук,

Ставропольский государственный медицинский университет

**ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ В СИМВОЛАХ ХИЩНЫХ ПТИЦ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТИВНОМ ТЕСТЕ «ПТИЦА»****Аннотация**

Статья содержит отражение человеческих проекций в образе хищных птиц. Исследование раскрывает значение данного символа с точки зрения психоанализа, психологии, философии и лингвистики. Исторически проекции хищной птицы сохранены в мифах, легендах и закреплены в ритуальных и геральдических символах разных народов. Диагностически индивидуальные свойства личности исследуются в проективном тесте «Птица» (Абакарова Э.Г., 2014). Сопоставление описательной части проективного теста «Птица» и характеристик испытуемых, нарисовавших хищных птиц раскрывает определенные типологические свойства личности: агрессивность, жизнерадостность, стремление к подавлению, инициативность.

Ключевые слова: символ, хищная птица, проективный тест, семантическое и графическое значение.

Abakarova E.G.

ORCID: 0000-0002-9798-1735, PhD in Psychology,

Stavropol State Medical University

**REFLECTION OF INDIVIDUAL PERSONALITY TRAITS INTO A SYMBOL OF A BIRD OF PREY
IN A THE PSYCHOLOGICAL PROJECTIVE TEST "BIRD"****Abstract**

This article contains a reflection of human projections in the form of birds of prey. The study reveals the importance of this symbol with the point of view of psychoanalysis, psychology, philosophy and linguistics. Historically projection predatory birds kept in myths, legends and fixed ritual and heraldic symbols of different nations. Individual personality traits studied in the projective test "Bird" (Abakarova E.G., 2014). A comparison of the narrative of the projective test "Bird" and the characteristics of the imaging bird of prey discloses certain typological characteristics of personality: aggressive, vitality, desire for the suppression, initiative.

Keywords: symbol, bird of prey, a projective test, semantic and graphic value.

Исследование значения и роли тех или иных символов в жизни человека проходит на стыке нескольких наук. Известный психоаналитик, философ и культуролог XX столетия Э. Фромм, говоря о феномене сновидения в человеческой культуре писал, что «самое удивительное это то, что порождения нашего спящего ума похожи на древнейшие порождения человека – мифы»; что «большинство сновидений имеют много общего с мифами как по форме, так и по содержанию»; что «разные люди создают разные мифы, точно так же, как разные люди видят разные сны. Но, несмотря на различия, у всех мифов и всех сновидений есть нечто общее: они «написаны» на одном языке – языке символов» [12, с. 290].

По утверждению философов символ многогранен и никогда не может быть понят до конца, он неисчерпаем в своих значениях [11, с. 607]. Психоаналитики рассматривают символ как отражение определенных архетипов. Лингвисты оценивают символ в контексте универсальных образов, закреплённых в мифах и легендах. Широкое и повсеместное использование символа птицы в фольклоре и мифологии «...имело глубокий когнитивный смысл – космологический, мифологический и культовый» [9, с. 135].

Одним из наиболее традиционных символов для большинства культур и этносов является образ хищной птицы. Мифопоэтический образ птицы выступает в тесной взаимосвязи с универсальными символами Мирового Древа. Согласно общим представлениям на вершине восседает чаще всего царственная птица – орел. Данный образ противопоставляется хтоническим животным, соединённым в образе змеи. В мифологии индуизма родился миф о ездовой птице бога Вишну – Гаруде, охотнице за змеями, что гнездится в умах, сомневающих в Боге людей. Гаруда также является символом солнечной энергии. Образ данной птицы совмещает в себе черты орла и человека [7]. В иранской мифологии существует похожий миф о Симурге – царе всех птиц, что живет на вершине Мирового Древа. Внешне он напоминает сокола с женской грудью; по другим описаниям, он выглядит как хищная птица с чертами льва и собаки.

Согласно мифологическим представлениям арийцев, птица являла собой универсальный поэтический образ, который включал в себя ветра, облака, молнии, солнечный свет, смерть, жизнь, что являлась из яйца, снесенного мифической птицей. В частности, сохранился образ птицы-солнца, восседающей на старом дубе и откладывающей белые и черные яйца, из которых она высиживает дни и ночи [1, с. 128].

Культ хищной птицы (особенно орла) встречается в мифологии многих народов классической древности, населявших Европу и Азию. Сокол-солнце был царем Египта и богом Хором. Олимпийский Зевс изображался с орлом на плече. Орел (сокол, ястреб, беркут, сова) был знаком избранности правителя, знаком принадлежности к царскому роду и власти [8]. Символом Афины Паллады является сова, от проницательных глаз которой ничего не остается скрытым во мраке ночи.

Тюркско-монгольские народности также ассоциировали орла или беркута с солнечным божеством, творцом, доставившим людям огонь от солнца [2, с. 51]. В поэтизации орла из текста шаманских песнопений бурят ярко выражена цветовая палитра золотистого, желтого, яркого и серебристого:

Господин-птица, величаво гордый орел,

Имеющий золотисто-желтые глаза,
Имеющий ярко-желтые когти,
Имеющий серебристо-выемчатый клюв,
Не отпускающий то, что схватил когтями,
Не упускающий то, что высмотрел [4].

Хищническая природа орла (беркута, ястреба, сокола и совы) давала повод для символизации идей и представлений о свободе и независимости, бесстрашии и отваге на протяжении всего периода истории. Именно поэтому военные деятели ранней и средневековой истории многих народов Европы и Азии использовали образ хищной птицы в геральдике знамен, гербов и штандартов. Сегодня некоторые гербы государств содержат символы орла (германский, российский, киргизский и др.). Символ «орла /беркута» постоянно сохраняет идею безграничной власти над всеми остальными представителями «срединного мира» с помощью формульных клише о падении птиц и животных к его ногам.

Охотничьи птицы всегда были большой ценностью в культуре многих народов. И преподношение птиц в качестве подарка имело глубоко символический смысл в тюрко-монгольской среде кочевых племен – оно выражало добровольное подчинение власти более сильного и могущественного правителя. Даритель, отдавая в другие руки ловчую птицу, как бы символически лишал себя верховной власти, распространявшейся на его род и племя [3].

Герой-толкователь (Манас) по замыслу творца-сказителя ассоциирует образ-символ «беркута» с бесстрашным-сыном богатырем, великодушным спасителем, мудрым и грозным правителем и вождем, в котором так нуждалось изгнанное киргизское общество. В сновидении манасчи С. Орозбакова и во сне второй жены Джакыпа Бакдоолот центральными и единственными символами являются три хищные ловчие птицы (ястребы), две из которых рвутся в небо из рук охотника-мужа и возвращаются в ее дом, а другая, несколько особенная по описанию, садится в доме старшей жены Чыйдырды [3]. В сновидении Бакдоолот можно встретить описание внешности и охотничьей доблести, бесстрашия и беспощадности этих птиц. Образ «беркута» из сновидения толкователь прямо связывает с рождением ребенка-сына у сновидца, с помощью которого осуществится желанное обретение воинской мощи и доблести, отражение врагов, притесняющих киргизов, возвращение на родину и укрепление рода. Доблесть и бойцовские качества ловчей птицы – обязательный элемент поэтизации образа-символа, подчеркивает качества еще не родившегося Манаса как богатыря-воина, полководца и будущего сильного правителя.

В русской традиции орла-курганника принято относить к хищным птицам не в соответствии с научной классификацией, а согласно древним языческим представлениям русского народа: «Коршун, ястреб, а также некоторые другие виды семейства ястребиных (орел, канюк, лунь, снопа) <...> образуют единый образ крупной хищной птицы, наделяемой символикой смерти, а также демоническими и отвращающими свойствами» [10, Т. 2]. Однако, данный символ имеет и другое значение: «Орел – Божья птица, царь птиц и владыка небес. <...> Орлу присущи амбивалентные свойства, он не только пользуется почитанием, но и имеет черты сходства с образом нечистой хищной птицы» [10, Т. 3].

На рубеже XVIII-XIX веков в отечественной поэзии использование образа птицы доводится до совершенства в постижении семантической ступени осмысления данного символа. В отличие от эмблемы и знака, символ многомерен, многозначен, неисчерпаем в своей семантической заданности. А.Ф. Лосев говорит о символе как о функции, которая разложима в бесконечном ряду своих перевоплощений и уходит в бесконечные дали [6].

Осмысление «птицы» как символа связано со стремлением поэтов к индивидуализации поэтического контекста. Показательно, что по этому пути идут в основном крупные авторы, такие как Г. Державин, Н. Карамзин, В. Жуковский, М. Муравьев. Они не ограничиваются традиционным использованием «птицы» лишь как эмблемы «идиллического» (или «мрачного») пейзажа. Поэты осуществляют преобразование семантического контекста, включая «птицу» в различные, порой контрастные семантические ряды, чтобы высвободить глубокий, экзистенциальный потенциал, заложенный в этом образе.

Диагностика семантического контекста описательной части авторского проективного теста «Птица» (Абакарова Э.Г., 2014) подтверждает вышеперечисленные значения символа хищных птиц. Испытуемые характеризуют нарисованный образ самыми сильными и воинственными эпитетами («сильная птица», «гордый, очень красивый», «птица мести» и т.п.). В тоже время некоторые испытуемые отражают свое любовное и восхищение хищными птицами: «Она такая красивая и необычная!», «Когда смотришь на нее хочется радоваться», «Очень дружелюбный» и т.п.

Вместе с перечисленными характеристиками можно отметить индивидуальные свойства личности испытуемых, нарисовавших таких хищных птиц как орел, сова, беркут, сокол. Результаты графического анализа тестовой методики сравнивали с типами темперамента [5]. Преимущественно определялся тип темперамента сангвиник. К ведущим личностным качествам сангвиника относятся жизнерадостность, социальная активность, заботливость, разговорчивость и благодушие. Они горячи сердцем и оптимистичны, могут быстро и легко заводить друзей. Люди с такими индивидуальными качествами настойчивы и усердны в выполнении заданий. Сопоставляя все характеристики можно сказать, что испытуемые нарисовавшие хищных птиц преимущественно агрессивны, но всегда жизнерадостны и довольны.

Делая выводы, стоит отметить, что образ хищной птицы является одним из наиболее ключевых среди других символов птиц (врановых, водоплавающих и др.) по проективному тесту «Птица». На протяжении всей истории человечества данный символ довольно часто применялся в символике и геральдике, и это послужило формированию определенного отношения к данному символу. Возможно, в связи с высокой семантической и смысловой нагрузкой символа хищных птиц очень небольшое количество испытуемых рисуют его. Определенным признаком всех испытуемых, нарисовавших хищных птиц является повышенная агрессивность, напористость, стремление к подавлению окружающих, оптимизм, что соответствует общим значениям символа хищных птиц на всех уровнях (бессознательном и сознательном) использования данного образа.

Список литературы / References

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни: избранные статьи. М.: Современник, 1983. 464 с.
2. Балданмаксарова Е.Е. Мифо-ритуальные истоки бурятской поэзии // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. 2003, №1, С. 45-55.
3. Бекмухамедова Н.Х. Ритуальный контекст в поэтике сновидений киргизского героического эпоса «Манас» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 56. С. 171-176.
4. Галданова Г.Р. Доисламские верования бурят. – Новосибирск, 1987, 115 с.
5. Литвинова Л.В., Абакарова Э.Г. Исследование типов темперамента на основании дерматоглифических особенностей кончиков пальцев рук и ног у студентов стоматологического факультета // В сборнике: Современные траектории образовательного процесса в медицинском вузе, 2016. С. 288-290.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976 – 367 с.
7. Макарова И.С. Мифопоэтические образы «Яйцо», «Птица», «Змей» в мировой культуре. Филологические науки. Вопросы теории и практики, №3 (33) 2014, часть 2, Изд-во «Грамota» – с. 133-137
8. Мифологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mythology.info/myth-animals/bird>. (дата обращения: 21.02.2016)
9. Мулфзева А.Б. Преемственность традиции формирования художественных образов птиц в современной керамике самарских мастеров // исторические, философские, политические и юридические науки культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. III. С. 135-141.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Тольстого: Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004.
11. Философский Энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л.Ф. Ильич и др. – М.: Советская Энциклопедия, 1983, 840 с.
12. Фромм Э. Забытый язык: введение в науку понимания снов, мифов и сказок. – В кн.: Фромм Э. Душа человека. – М.: ООО «Изд. АСТ-ЛТД», 1998, 480 с.

Список литературы на английском языке / References

1. Afanasyev A.N. Drevo zhizni: izbrannye statii [Tree of Life: selected articles.] М.: Sovremennik, 1983. 464 p. [in Russian]
2. Baldanmaksarova E.E. Mifo-ritualnye istoki buryatskoi poezii [Myth-ritual origins of the Buryat poetry] // Bulletin of Moscow Universiteta. Ser. 9 Philology. 2003, №1, pp 45-55. [in Russian]
3. Bekmuhamedova N.H. Mifopoeticheskij simvol lovchej ptitsy “berkut/orjol” i ego znachenie v motivah snovidenij epasa “Manas” [The ritual context in the poetics of dreams Kyrgyz heroic epic "Manas"] // In the world of science and art: Philology questions, art and culture. 2016. № 56. S. 171-176. [in Russian]
4. Galdanova G.R. Pre-Islamic beliefs of the Buryat. - Novosibirsk, 1987, 115 p. [in Russian]
5. Litvinova L.V., Abakarova E.G. Research types of temperament based on dermatoglyphics features tips of the fingers and toes of the students of the Faculty of Dentistry // In: Modern trajectory of the educational process in medical school, 2016. pp 288-290. [in Russian]
6. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of character and realistic art]. - М.: “Iskusstvo”, 1976 - 367 p. [in Russian]
7. Makarova I.S. Mifopoeticheskie obrazy “Jaitso”, “Ptitsa”, “Zmei” v mirovoi kulture. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Mytho-Poetic Images “Egg”, “Bird”, “Serpent” in world culture. Philology. Theory and practice], №3 (33) 2014, Part 2, Publishing House "Gramota" - Pp. 133-137 [in Russian]
8. Mythological encyclopedia [Electronic resource]. - Access: <http://mythology.info/myth-animals/bird>. (Reference date: 02/21/2016) [in Russian]
9. Mulfzeva A.B. Preemstvennost traditsii formirovaniya hudozhestvennyh obrazov ptyts v sovremennoj keramike samarskih masterov [Continuity of tradition forming art bird images in modern ceramics masters of Samara] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juredicheskie nauki kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota [Historical, philosophical, political and legal science cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota], 2013. № 12 (38). Part III. Pp 135-141. [in Russian]
10. Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' [Slavic Antiquities: ethnolinguistic Dictionary]: 5 Chapters / ed.. N.I. Tolstoi: Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004. [in Russian]
11. Filosofskij entsiklopedičeskij slovar. Gl. redaktsia: L.F. Ilyich I dr. [Philosophical Encyclopedic Dictionary. Ch. Editorial: L.F. Ilyich, etc]. - М.: Sovetskaya Entsiklopedia [Soviet Encyclopedia], 1983, 840 p. [in Russian]
12. Fromm E., Zabytyi jazyk: vvedenie v nauku ponimaniya snov, mifov I skazok. [The Forgotten Language: An Introduction to the science of understanding dreams, myths and fairy tales.] – V knige.: Fromm E. Dusha cheloveka [The soul of man]. - М.: ООО "Publishing House. AST-LTD ", 1998, 480 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.148

Ильина Н.Л.¹, Тарасов С.В.², Белова О.А.³, Казанцева Д.Б.⁴¹ORCID: 0000-0003-3210-7120, Кандидат биологических наук,²ORCID: 0000-0001-8291-4452, Кандидат психологических наук,³ORCID: 0000-0002-1199-8625, магистр,⁴ORCID: 0000-0001-6977-0052, Кандидат психологических наук, Пензенский государственный университет**ОСОБЕННОСТИ ПАРАМЕТРОВ ОЦЕНКИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА С ПОМОЩЬЮ СКРИНИНГ-ДИАГНОСТИКИ «ОМЕГА-С» У ЛИЦ, ОСВАИВАЮЩИХ МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ****Аннотация**

Целью исследования было выявление положительной динамики состояния функциональных систем организма и биологического возраста у лиц различной степени тренированности, занимающихся Кундалини йогой, используя технологию скрининг-диагностики «Омега-С».

Гипотеза о том, что в результате занятий Кундалини йогой нормализуются функциональные системы организма и происходит снижение показателей биологического возраста человека относительно паспортного подтвердилась.

У исследуемых, регулярно посещающих занятия оздоровительной практикой Кундалини йога, где применяются методы активного обучения эмоциональной саморегуляции и саморефлексии, заметно выше показатели общей работоспособности, в свою очередь зависящие от индекса вегетативного равновесия и индекса напряженности сердца.

Ключевые слова: скрининг-диагностика, биологический возраст, Кундалини йога.

Ильина Н.Л.¹, Tarasov S.V.², Belova O.A.³, Kazanceva D.B.⁴¹ORCID: 0000-0003-3210-7120, PhD in Biology, ²ORCID: 0000-0001-8291-4452, PhD in Psychology,³ORCID: 0000-0002-1199-8625, master, ⁴ORCID: 0000-0001-6977-0052, PhD in Psychology,

Penza State University

FEATURES PARAMETERS ASSESSMENT OF BIOLOGICAL AGE BY SCREENING, DIAGNOSIS "OMEGA" IN PERSONS, TO DEVELOP METHODS OF ACTIVE LEARNING**Abstract**

The aim of the study was to identify the positive dynamics of the status of functional systems and biological age in individuals of varying degrees of fitness, dealing with Kundalini Yoga, using the technology of screening diagnostics "Omega-C".

The hypothesis that, as a result of Kundalini yoga normalized functional systems and a reduction in indicators of human biological age regarding passport confirmed.

We investigated, attend classes regularly improving the practice of Kundalini Yoga, which employ a method of active learning emotional self-regulation and self-reflection, significantly higher rates of overall performance, in turn, depend on the vegetative balance index and the index of the heart of tensions.

Keywords: screening diagnostics, biological age, kundalini yoga.

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ самый большой процент населения составляют мужчины и женщины в возрасте от 16 до 59 лет. Начиная с 2020 года, прогнозируется снижение естественного прироста населения и увеличение доли людей старше 60 лет, при этом люди моложе трудоспособного возраста составят 19,2%, трудоспособного возраста – 54,7 % от общей численности населения, пенсионного возраста – 26,1%, что в среднем на 1,2% превышает показатели на 2017 год [1].

Состояние благополучия и возможность самореализации индивида детерминировано психологическими и биологическими аспектами психического здоровья. Степень соответствия психологического и биологического (метаболического) возраста актуальному физиологическому состоянию человека в сопоставлении с хронологическим возрастом предполагает наличие или отсутствие стрессогенных факторов, влияющих на функциональность организма.

Методами активного обучения (АМО), как показывают исследования [2], доступно овладение навыками эмоциональной саморегуляции и саморефлексии, что позволяет более успешно противостоять негативным факторам окружающей среды.

Повышение уровня осознания, самомотивации, эмпатийных и экспрессивных навыков через активизацию мышления, межличностное взаимодействие и вовлеченность в процесс, что является отличительными особенностями АМО, возможно через инструментарий телесно-ориентированных оздоровительных практик, в частности Кундалини йоги.

Для определения биологического возраста существует большое количество предложенных разными исследователями методов, но нет их точной стандартизации. В настоящее время мы имеем современную компьютерную технологию «Омега-С» фирмы Динамика г. С-Петербург, дающих возможность быстро и достоверно провести диагностику и оценить различные параметры работы организма, в том числе и биологический возраст.

Эта технология позволяет нам проводить масштабные и пролонгированные исследования в различных группах людей, в том числе занимающихся оздоровительными технологиями и объективно выявить эффективность этих занятий на состояние функциональных систем организма. По итогам работы был опубликован ряд статей [3,4].

В настоящем исследовании мы оценивали биологический возраст у людей с различной степенью тренированности.

Цель работы состоит в исследовании влияния оздоровительной системы Кундалини йоги на функциональные системы организма и на биологический возраст человека.

Выдвигается гипотеза о том, что занятие Кундалини йогой нормализует функциональные системы организма и снижает показатели биологического возраста человека относительно паспортного.

Были поставлены следующие задачи:

1. Оценить биологический возраст с помощью "Омега-С" у людей разных возрастов, занимающихся йогой с различным возрастом и стажем.

2. Сравнить показатели функциональной активности мозга (ритмов мозга) у людей с различным уровнем тренированности и биологическим возрастом.

3. Оценить влияние индивидуальной дыхательной программы «Омега» на ритмы мозга, состояние функциональных систем, общую работоспособность и биологический возраст.

В работе был использован программно-аппаратный комплекс «ОМЕГА-С», предназначенный для анализа биологических ритмов организма человека. Для получения всей необходимой информации достаточно регистрации ЭКГ в любом стандартном отведении в течение 5 минут.

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе сравнивали показатели у людей с разным уровнем тренированности, здесь приняло участие 20 человек: мужчины и женщины в возрасте от 30 до 56 лет.

Показатели снимались до начала очередного занятия группы.

Исследуемых условно разделили на 3 группы в зависимости от продолжительности занятия йогой:

1 группа состоит из 10 человек в возрасте от 30 до 49 лет, все участники этой группы регулярно занимаются йогой, на протяжении нескольких лет (от 1 до 10).

2 группа состоит из 5 человек в возрасте от 35 до 58 лет, все участники этой группы представители творческой профессии и так же посещающие занятия йоги, но редко.

3 группа состоит из 5 человек в возрасте от 30 до 56 лет - это люди, которые только начинают заниматься йогой.

Результаты первого этапа показали:

1. Разница между паспортным и биологическим возрастом значительно выше у лиц с высокой степенью тренированности (от -9 лет до -13 лет от паспортного).

2. У лиц с высокой творческой активностью (нормальный Альфа и Бетта ритм мозга), несмотря на редкие занятия йогой, тем не менее, биологический возраст ниже паспортного (от -5 до -1 года).

3. У начинающих заниматься йогой биологический возраст часто значительно превышает паспортный (от 0 до +8 лет)

4. Снижение биологического возраста происходит за счет нормализации высокочастотных ритмов мозга (Альфа и Бетта), ИВР и ИН (индекса вегетативного равновесия и индекса напряженности сердца), что в конечном итоге выражается в нормализации общей работоспособности (Health) – достоверность положительная.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что показатели функциональной активности мозга у людей с высокой степенью тренированности, у лиц с высокой творческой активностью и у начинающих заниматься йогой различаются. Показатели биологического возраста напрямую зависят от показателей общей работоспособности человека, а тот в свою очередь от ритмов мозга и индекса вегетативного равновесия, и индекса напряженности сердца.

На втором этапе исследования мы оценивали влияние индивидуальных дыхательных программ на ритмы мозга, состояние функциональных систем и общую работоспособность человека.

Для этого была проведена скрининг-диагностика «Омега-С» до и после 5-минутной дыхательной программы. Группа представлена 12 людьми в возрасте от 55 до 65 лет, ведущие активный образ жизни и профессиональную деятельность: журналисты, педагоги, бухгалтеры, инженеры, а также домохозяйки на пенсии. Большинство из них посещают занятия йогой и различные психотренинги.

Результаты второго этапа показали:

1. У большинства испытуемых исходно биологический возраст превышал паспортный (8 человек).

2. У 4 человек исходно биологический возраст был ниже паспортного: -9 лет один испытуемый с 20-летним стажем йоги, -4 года у двух испытуемых, занимающихся танцами и дыхательной гимнастикой и -1 год у испытуемого с 15-летним стажем йоги.

3. После 5-минутной индивидуальной дыхательной программы «Омега-С» зарегистрировано снижение биологического возраста ниже паспортного у 10 из 12 испытуемых.

4. Разница между паспортным и биологическим возрастом была тем больше, чем чаще и продолжительней индивид занимается йогой. Максимальная разница составила -16 лет у женщины с 20 летним стажем и -12 лет у мужчины с 15-летним стажем йоги.

5. Показатели снижения биологического возраста относительно паспортного достоверно связаны с нормализацией высокочастотных ритмов мозга (Альфа и Бетта).

6. Исходно нормальный альфа-ритм мозга имели 0 человек, а бетта-ритм – 2 человека. После дыхательной программы – 5 и 8 соответственно.

Поскольку высокочастотные ритмы мозга отвечают за осознанные волевые акты, можно сделать аргументированный вывод, что здоровье и молодость организма возможно поддерживать только за счет осознанной саморегуляции через дыхательные упражнения, которые рассчитываются индивидуально для каждого человека.

В конечном итоге после одноразовой дыхательной программы нормальную работоспособность функциональных систем в целом показали 5 человек, в отличие от 1 человека до этой программы (табл. 1).

Таблица 1 – Достоверность показателей между группами испытуемых

Достоверность показателей между 1, 2 и 3 группами	Health (60-100)	ЧСС (60-90)	ИБР (35-145)	ИН (10-100)	Ритмы мозга					Дельта возраста в годах
					Дельта (0-25%)	Тета (10-40%)	Альфа (20-70%)	Бетта (10-80%)	Саморегу ляция (60- 100%)	
1-2 достоверность положит.	1,73	-0,02	-1,13	-1,17	-0,52	-0,49	0,39	0,46	1,73	-1,57
1-3 достоверность положит.	3,36	-1,61	-5,06	-9,32	-0,02	-0,74	-0,25	0,62	2,99	-3,72
2-3 достоверность положит.	1,09	-1,14	-1,22	-1,61	0,48	-0,18	-0,58	0,22	0,80	-1,61

В результате проведенного исследования, мы пришли к заключению:

1. У исследуемых, регулярно посещающих занятия йогой, на протяжении нескольких лет, показатели общей работоспособности (ИБР, ИН Health) наиболее нормализованы, в отличие от той группы, которая только начинает посещать занятие йогой.

2. Снижение биологического возраста происходит за счет

3. нормализации высокочастотных ритмов мозга (альфа и бетта),

4. ИБР и ИН (индекса вегетативного равновесия и индекса напряженности сердца),

5. Разница между паспортным и биологическим возрастом значительно выше у лиц с высокой степенью тренированности (от -13 до -9 лет), у начинающих заниматься йогой биологический возраст значительно превышает паспортный (от 0 до +8 лет).

6. Сравнительные результаты диагностики группы, до и после проведения 5 минутной дыхательной программы, показали, что даже одноразовое занятие дыхательной программой нормализуют показатели ритмов мозга, и снижают биологический возраст.

Таким образом, гипотеза о снижении показателей биологического возраста и нормализации функциональных систем организма в результате освоения методов активного обучения лицами, занимающихся Кундалини йогой, подтверждается рядом фактов, приведенных выше.

Список литературы / References

1. Численность населения по отдельным возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Население. Демография. [Официальный сайт]. 27.05.2016 URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

2. Тарасов С.В., Белова О.А., Казанцева Д.Б., Закащикова С.В. Активные методы социопсихологического обучения в группах ТОТ как формирующая среда эмоциональной компетентности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. №10-4 (52). С. 130-133

3. Ильина Н. Л. Альфа-ритм мозга как показатель адаптированности к спортивной деятельности и влияние индивидуальной дыхательной программы «Омега» на его стабилизацию // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2013. – № 4 (4). С. 18-24.

4. Якунина Н.Н., Ильина Н.Л. Влияние занятий кундалини-йогой на психофизиологические показатели женщин среднего возраста // Personal development: psychological foundation and social conditions. Materials of the III intern. scient. conf. Prague. – 2015. P. 105-109.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Chislennost' naselenija po otdel'nym vozrastnym gruppam [Population by selected age groups] // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial'naja statistika. Naselenie. Demografija. [Ofic. sajtl] [Federal State Statistics Service. Official statistics. Population. Demography]. [Officio. site]. 27.05.2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. [in Russian]

2. Tarasov S.V., Belova O.A., Kazanceva D.B., Zakashhikova S.V. Aktivnye metody socpsihologicheskogo obuchenija v gruppah TOT kak formirujushhaja sreda jemocional'noj kompetentnosti [Accionamientos active methods of learning in groups as bodily oriented therapy formative environment of emotional competence] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. – 2016. №10-4 (52). P. 130-133. [in Russian]

3. Il'ina N. L. Al'fa-ritm mozga kak pokazatel' adaptirovannosti k sportivnoj dejatel'nosti i vlijanie individual'noj dyhatel'noj programmy «Omega» na ego stabilizaciju [Alpha rhythm of the brain as an indicator of adaptation to sport activity and influence individual breathing programs "Omega" on its stabilization] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij

region. Estestvennye nauki [News of higher educational institutions. Povolzhskiy region. Science]. – 2013. – № 4 (4). P. 18-24. [in Russian]

4. Jakunina N.N., Il'ina N.L. Vliyanie zanjatij kundalini-jogoj na psihofiziologicheskie pokazateli zhenshhin srednego vozrasta [The impact studies of Kundalini yoga on the physiological indicators of middle-aged women] // Personal development: psychological foundation and social conditions. Materials of the III intern. scient. conf. Prague. – 2015. P. 105-109. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.085

Маралов В.Г.

ORCID: 0000-0002-9627-2304, Доктор психологических наук,

Череповецкий государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОТРЕБНОСТЕЙ В БЕЗОПАСНОСТИ С ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ К УГРОЗАМ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимосвязи потребностей в безопасности с типами отношения людей к угрозам на примере студенческой молодежи. Под отношением к опасности мы понимаем способность индивида своевременно обнаруживать сигналы опасности (сензитивность к опасностям) и осуществлять выбор адекватных или неадекватных способов реагирования на угрозу. Выявлены и описаны восемь типов отношения людей к опасностям. Было сделано предположение, что в качестве важнейших детерминант, обуславливающих существование того или иного типа отношения людей к опасностям, выступает структура потребностей человека в опасности и в безопасности. Дана характеристика трех видов потребностей: потребности в переживании чувства опасности, потребности в переживании чувства безопасности, потребности в обеспечении безопасности. В качестве конкретных методик диагностики отношения студентов к опасностям и выявления структуры потребностей в опасности и в безопасности использовались специально разработанные авторские опросники. В исследовании приняло участие 386 студентов Череповецкого государственного университета в возрасте от 17 до 22 лет. В результате было установлено следующее. Если в структуре потребностей преобладает потребность в переживании чувства опасности, то студенты чаще всего нечувствительны к угрозам и склонны к их игнорированию. Актуализация только лишь потребности в безопасности приводит к существованию неопределенного типа отношения к угрозам. Доминирование потребности в обеспечении безопасности связано с адекватным сензитивным типом. Высокий уровень и потребности в переживании чувства безопасности, и потребности в обеспечении безопасности стимулирует у студентов стремление к преувеличению опасностей. В итоге делается вывод о значимости формирования у людей именно потребности в обеспечении безопасности как основы для возникновения адекватного сензитивного типа отношения к угрозам.

Ключевые слова: потребность в переживании чувства опасности; потребность в переживании чувства безопасности; потребность в обеспечении безопасности; сензитивность (чувствительность) к угрозам; тип отношения людей к опасностям; студенты.

Maralov V.G.

ORCID: 0000-0002-9627-2304, PhD in Psychology,

Cherepovets state university

INTERRELATION OF NEEDS FOR SAFETY WITH TYPES OF THE RELATION OF PEOPLE TO THREATS (ON THE EXAMPLE OF STUDENT'S YOUTH)

Abstract

Article is devoted to research of interrelation of needs for safety with types of the relation of people to threats on the example of student's youth. We understand ability of the individual to find danger signals (a sensitivity to dangers) in due time and to carry out a choice of adequate or inadequate ways of response to threat as the relation to danger. Eight types of the relation of people to dangers are taped and described. The assumption was made that the structure of needs of the person in danger and in safety acts as the major determinant, causing existence of this or that type of the relation of people to dangers. The characteristic of three types of needs is given: needs for experience of sense of danger, need for experience of sense of safety, need for safety. Specially developed author's questionnaires were used as concrete techniques of diagnostics of the relation of students to dangers and identification of structure of needs in danger and in safety. 386 students of Cherepovets state university aged from 17 till 22 years took part in research. The following was established as a result. If the need for experience of sense of danger predominates in structure of needs, students are most often tolerant to threats and are inclined to their ignoring. Updating only the need for safety leads to existence of indefinite type of the relation to threats. Dominance of need for safety is bound to adequate sensitive type. High level and needs for experience of sense of safety, and need for safety stimulates at students aspiration to exaggeration of dangers. As a result the conclusion about the importance of formation at people of need for safety as bases for emergence of adequate sensitive type of the relation to threats is drawn.

Keywords: need for experience of sense of danger; need for experience of feeling of safety; need for safety; sensitivity to threats; type of the relation of people to dangers; students.

Введение. Обеспечение безопасности жизнедеятельности человека является комплексной междисциплинарной проблемой современной науки.

Проблематика исследований – многообразна. Условно можно выделить две научные парадигмы изучения проблем безопасности. В первом случае акцент делается на исследовании различных факторов окружающей среды, их

влияния на физическое, психологическое и социальное здоровье человека. Во втором – на выявлении резервов человека, его способности противостоять неблагоприятным факторам среды, умения так выстраивать свою жизненную траекторию, чтобы достигать максимальных результатов с наименьшими потерями и без ущерба для себя, социума и самой окружающей среде.

В рамках второй парадигмы особую актуальность приобретает проблема отношения людей к опасностям. Как бы ни была хорошо выстроена система безопасности в социуме, если человек сам пренебрегает опасностью, не соблюдает элементарные правила поведения в тех или иных ситуациях, то помочь ему бывает очень трудно.

Под отношением к опасности мы понимаем способность индивида своевременно обнаруживать сигналы опасности (сензитивность к опасностям) и осуществлять выбор адекватных или неадекватных способов реагирования на угрозу.

Таким образом, отношение к опасностям складывается из двух компонентов: сензитивности к угрозам и в выборе способов реагирования на них. Проблема сензитивности (чувствительности) к опасностям впервые была поставлена в рамках гуманистического психоанализа. В частности, К. Хорни [8] было установлено, что специфическим механизмом, сигнализирующим человеку об опасности, являются эмоции. Прежде всего, она говорит о тревоге и страхе. Страх является реакцией, пропорциональной наличной опасности, а тревога реакцией на возможную опасность. В отечественной психологии эта проблема исследовалась М. А. Котиком [2], который предпринял попытку установить зависимость восприятия того или иного события как угрожающего от уровня его отрицательной валентности (значимости ли человека) и вероятности наступления

Что касается выборов человеком способов реагирования на различные угрозы, то впервые наиболее полно они были изучены на примере отношения к болезни. В частности, в клинической психологии широкое распространение получил термин «внутренняя картина болезни», которое был введен в научный обиход А.Р. Лурия [4]. В современной науке выявлены и описаны различные типа отношения людей к болезни. Человек может адекватно относиться к своему заболеванию, а может преувеличивать или преуменьшать его значение, проявлять ипохондрическую или безразличную реакцию.

Если попытаться экстраполировать типы отношений к болезни на проблему отношения к опасностям в целом, то можно выделить три наиболее типичные способа реагирования человека в ситуациях опасности – *адекватное* (дает возможность избежать негативных последствий воздействия угрозы), *тревожное* (преувеличение опасностей), *игнорирующее* (преуменьшение опасностей). Приведем простейший пример. Человек заболел. Адекватным способом реагирования на болезнь будет обращение к врачу. Преувеличением опасности – ярко выраженные эмоциональные переживания, стремление получить поддержку от самых различных людей, обращение ни к одному врачу, а к нескольким. Игнорирование – когда даже при сильном недомогании, человек не обращает внимания на свою болезнь, руководствуясь принципом «само пройдет».

Итак, отношение человека к опасности складывается из сензитивности (чувствительности) к возможным угрозам и выбора адекватных или неадекватных способов реагирования на них. Сочетание уровня выраженности сензитивности к опасностям и выбора преимущественного способа реагирования на них определяет тип отношения человека к опасностям. Всего можно выделить восемь типов: адекватный (сензитивный или с пониженной сензитивностью); тревожный (сензитивный или с пониженной сензитивностью); игнорирующий (сензитивный или с пониженной сензитивностью); неопределенный (сензитивный или с пониженной сензитивностью).

Далее возникает вопрос, какие личностные факторы обуславливают тот или иной тип отношения человека к опасностям? Логично предположить, что важнейшими из них могут быть потребности человека, в частности, потребность в безопасности.

Роль потребности в безопасности в жизни человека хорошо изучена в современной науке. Одними из первых на нее обратили внимание К. Хорни [8] и А. Маслоу [3]. В частности, А. Маслоу указывает, что она проявляется как потребность в стабильности, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, как потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях и в зависимости. В современных типологиях [1] потребностей потребность в безопасности относят к группе биогенных потребностей, наряду с потребностью в эмоциональном контакте, ориентировочной потребностью и потребностью в двигательной активности.

Мы исходим из положения о том, что выделение только лишь потребности в безопасности в различных ее проявлениях как некоторой общей детерминанты отношения людей к угрозам, явно недостаточно. По крайней мере, нужно говорить еще о ряде потребностей. В частности, о существовании у человека потребности в переживании чувства опасности, потребности в переживании чувства безопасности и потребности, что, на наш взгляд, является наиболее важным, потребности в обеспечении безопасности. Потребности в обеспечении безопасности мы придаем первостепенное значение, поскольку она побуждает индивида не просто эмоционального реагировать на угрозу или ее отсутствие, а осуществлять такие действия, которые направлены на нейтрализацию, минимизацию или ликвидацию угрозы.

Таким образом, можно *предположить*, что различное сочетание трех указанных потребностей будет связано с типом отношения людей к опасностям. Мы полагаем, что оптимальный, а именно адекватный сензитивный тип отношения к опасностям, чаще будет проявляться у людей, у которых в структуре потребностей преобладает потребность в обеспечении безопасности. А неоптимальный тип, связанный с пониженной сензитивностью к опасностям и игнорированием их, - у людей с преобладанием в структуре потребностей потребности в переживании чувства опасности. Проверка этой гипотезы и составила *цель* настоящего исследования, которое было проведено на выборке студенческой молодежи.

Методы исследования. С целью выявления типов отношения людей к опасностям и структуры потребностей в опасности и в безопасности нами были разработаны специальные опросники, которые были апробированы на значительном контингенте школьников и студентов (более 600 человек) [5; 6; 7].

Опросник сензитивности к угрозам. Предназначен для обследования старших школьников и студентов. Состоит из 12 вопросов-заданий, моделирующих реальные типичные ситуации. Каждое задание опросника включает в себя формулировку некоторого утверждения и четыре варианта ответа. Испытуемому нужно выбрать только один из них, который в наибольшей степени соответствует его мнению. Полученные баллы по всем вопросам суммируются. В итоге получаем итоговый балл, который и характеризует уровень сензитивности личности к опасностям. Разработана шкала переводов «сырых» баллов в стены. За высокий уровень принимались стеновые баллы от 7 до 10.

Опросник по выявлению типов реагирования в ситуациях опасности. Разработан в двух вариантах: для старших школьников и для студентов. Состоит из 17 вопросов-утверждений, моделирующих поведение человека в реальных стандартных ситуациях, которые могут представлять угрозу. По каждому вопросу предлагается 4 варианта ответов, соответствующих 4 типам поведения личности: адекватному, преувеличивающему опасности, игнорирующему их, неопределенному. Испытуемый должен выбрать только один вариант, который в наибольшей степени соответствует его мнению. По каждому типу реагирования находился суммарный балл, после чего «сырые» баллы, как и в предыдущем случае, переводились в стены. За высокий уровень принимались стеновые баллы от 7 до 10.

На основе результатов диагностики сензитивности к опасностям и выбора способов реагирования в ситуациях угрозы выделялись типы отношения студентов к опасностям.

Опросник диагностики потребностей в опасности и в безопасности. Состоит из 15 вопросов-утверждений, по пять вопросов на каждую из трех потребностей: потребности в переживании чувства опасности; потребности в переживании чувства безопасности; потребности в обеспечении безопасности. По каждому виду потребностей находится суммарный балл, который и характеризует уровень выраженности той или иной потребности. «Сырые» баллы переводятся в стены. За высокий уровень принимались стены от 7 до 10. На основе диагностики потребностей в опасности и в безопасности также можно выделить типические особенности структуры потребностей.

Всего в исследовании приняло участие 386 студентов различного пола, различных курсов, направлений подготовки и специальностей Череповецкого государственного университета в возрасте от 17 до 22 лет. Обследование проводилось в групповой форме. Каждому испытуемому давались тексты опросников и индивидуальные бланки для заполнения. Для повышения надежности результатов исследование проводилось анонимно, то есть студенты не указывали данных о себе.

Результаты. Обратимся к основным результатам исследования. Количественно типы отношения студентов к опасностям представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Типы отношения студентов к опасностям

№	Типы отношения к опасностям	Число	Процент
1	Адекватный сензитивный	63	16
2	Адекватный с пониженной сензитивностью	65	17
3	Тревожный сензитивный	29	7
4	Тревожный с пониженной сензитивностью	50	13
5	Игнорирующий сензитивный	9	2
6	Игнорирующий с пониженной сензитивностью	61	16
7	Неопределенный сензитивный	29	8
8	Неопределенный с пониженной сензитивностью	80	21
	Итого:	386	100

Как видно из таблицы 1, тип, который мы считаем оптимальным с точки зрения обеспечения собственной безопасности, то есть адекватный сензитивный – составляет 16% от всей выборки испытуемых. Сюда относятся студенты, которые обладают высоким уровнем сензитивности к угрозам и предпочитают выбор адекватных способов реагирования на них. Близок к этому типу второй, то есть студенты, адекватно реагирующие на ситуации угрозы, однако не проявляющие высокой чувствительности к ним – 17%. Итого адекватно реагировать на угрозы, вне зависимости от уровня сензитивности, способен треть студентов.

16% составляют испытуемые игнорирующего с пониженной сензитивностью типа, 13% - тревожного (преувеличение опасностей) с пониженной сензитивностью типа. Реже встречаются студенты, у которых преобладает сензитивный, но связанный либо с преувеличением опасностей (7%), либо с игнорированием их (2%), либо такие, у кого не выработалось однозначных способов реагирования на опасности (8%). Обращает на себя внимание, что в студенческой среде остается достаточно высоким процент испытуемых неопределенного типа.

Аналогичным образом рассмотрим структуру потребностей в опасности и в безопасности у студентов. Результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Структура потребностей в опасности и в безопасности у студентов*

№	Потребность в переживании чувства опасности	Потребность в переживании чувства безопасности	Потребность в обеспечении безопасности	Число	Процент
1	+	-	-	38	10
2	-	+	-	16	4
3	-	-	+	117	30
4	+	+	-	4	1
5	+	-	+	7	2
6	-	+	+	137	35
7	+	+	+	9	2
8	-		-	58	16
Итого:				386	100

*Примечание: (+) - обозначен высокий уровень выраженности той или иной потребности; (-) – обозначен средний или низкий уровень выраженности потребности.

Таблица 2 хорошо иллюстрирует тот факт, что у большинства студентов доминирует тип, где выражена либо потребность в обеспечении безопасности (30%), либо потребность в обеспечении безопасности совместно с потребностью в переживании чувства безопасности (35%). Однако есть и такие студенты, у которых ярко выражена потребность в переживании чувства опасности (10%). Совсем немного таких, у кого преобладает только потребность в переживании чувства безопасности (4%). Очень редко встречаются студенты с противоречивым сочетанием потребностей, например, такие у кого ярко выражены все три потребности (седьмой тип – 2%), или – у кого доминирует и потребность в переживании чувства опасности, и потребность в переживании чувства безопасности (1%). В то же время немало и таких испытуемых, у которых ни одна из названных потребностей не выражена ярко (восьмой тип – 16%).

Итак, охарактеризовав выборку испытуемых с позиций представленности в ней различных типов отношения к опасностям и структуры потребностей, обратимся к центральной задаче нашего исследования – установлению взаимосвязи между структурой потребностей и типом отношения людей к опасностям. Если принять последовательно каждый тип отношения к опасностям, а также каждый тип структуры потребностей за «1», а все остальные типы за «0», то становится возможным проведение корреляционного анализа с использованием дихотомического коэффициента корреляции Пирсона (ϕ). Результаты корреляционного анализа отражены в таблице 3.

Таблица 3 - Значения коэффициентов корреляции типов потребностей с типами отношения студентов к опасностям

Типы отношения к опасностям	Типы потребностей в опасности и в безопасности*				
	1	2	3	6	8
Адекватный сензитивный	$r = -0,10$ $p < 0,05$	$r = -0,06$	$r = 0,20$ $p < 0,001$	$r = 0,08$	$r = -0,10$ $p < 0,05$
Адекватный с пониженной сензитивностью	$r = -0,13$ $p < 0,05$	$r = -0,09$	$r = -0,005$	$r = 0,04$	$r = 0,02$
Тревожный сензитивный	$r = -0,09$	$r = -0,01$	$r = -0,04$	$r = 0,10$ $p < 0,05$	$r = -0,09$
Тревожный с пониженной сензитивностью	$r = -0,08$	$r = -0,004$	$r = -0,02$	$r = 0,15$ $p < 0,001$	$r = -0,07$
Игнорирующий сензитивный	$r = -0,05$	$r = -0,03$	$r = -0,08$	$r = -0,06$	$r = -0,06$
Игнорирующий с пониженной сензитивностью	$r = 0,36$ $p < 0,001$	$r = -0,02$	$r = -0,16$ $p < 0,001$	$r = -0,17$ $p < 0,001$	$0,18$ $p < 0,001$
Неопределенный сензитивный	$r = -0,06$	$r = -0,01$	$r = -0,03$	$r = -0,02$	$r = -0,005$
Неопределенный с пониженной сензитивностью	$r = 0,05$	$r = 0,15$ $p < 0,001$	$r = -0,08$	$r = -0,06$	$r = 0,06$

Итак, как мы видим из таблицы 3, получен ряд высоких коэффициентов корреляции, которые свидетельствуют о статистически значимой связи типов структуры потребностей студентов с типами отношения их к опасностям. Разумеется, все связи носят вероятностный характер. Люди с разной структурой потребностей могут по-разному относиться к опасностям. Тем не менее, вырисовывается достаточно четкая картина, когда при определенной

структуре потребностей в безопасности начинает преобладать тот или иной тип отношения к угрозам. Наглядно выявленные вероятностные связи представлены на рисунке 1.

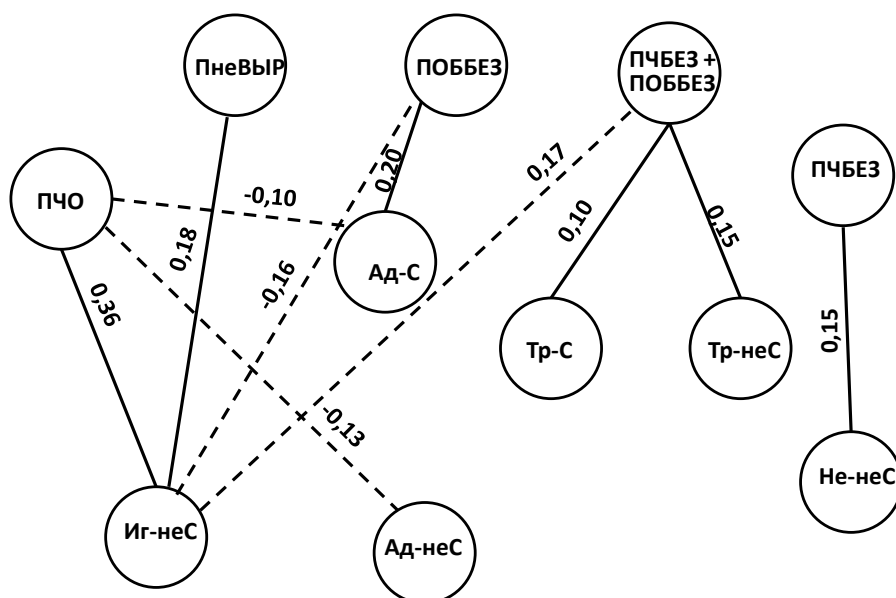

Рис. 1 – Корреляционная взаимосвязь типов потребностей с типом отношения студентов к опасностям*

*Примечание: ПЧО – доминирует потребность в переживании чувства опасности; ПЧБЕЗ – доминирует потребность в переживании чувства безопасности; ПОББЕЗ – доминирует потребность в переживании чувства безопасности; ПЧБЕЗ + ПОББЕЗ – доминируют потребности в переживании чувства безопасности и обеспечении безопасности; ПнеВЫР – потребности не выражены ярко; Ад-С – адекватный сензитивный тип; Ад-неС – адекватный с пониженной сензитивностью тип; Тр-С – тревожный сензитивный тип; Тр-неС – тревожный с пониженной сензитивностью тип; Иг-неС – игнорирующий с пониженной сензитивностью тип; Не-неС – неопределенный с пониженной сензитивностью тип; — прямая связь; - - - - - обратная связь.

Как видно из рисунка 1, разные структуры потребностей определяют разные типы отношения к опасностям. Обнаружена положительная связь потребности в переживании чувства опасности (ПЧО) с игнорирующим с пониженной сензитивностью типом (Иг-неС) и отрицательная – с адекватным сензитивным и адекватным с пониженной сензитивностью типом (Ад-С и Ад-неС). Потребность в переживании чувства безопасности (ПЧБЕЗ) положительно коррелирует с неопределенным с пониженной сензитивностью типом (Не-неС). Преобладание же в структуре потребностей потребности в обеспечении безопасности (ПОББЕЗ) положительно связано с адекватным сензитивным типом (Ад-С) и отрицательно – с игнорирующим с пониженной сензитивностью типом (Иг-неС). Когда же эта потребность сочетается с потребностью в переживании чувства безопасности (ПЧБЕЗ + ПОББЕЗ), личность склонна к преувеличению значения угроз (Тр-С и Тр-неС). В том случае, когда ни одна из названных потребностей не выражена ярко (ПнеВЫР), личность чаще проявляет склонность к игнорированию опасностей.

Обсуждение результатов. Попытаемся проинтерпретировать полученные данные. Итак, существует относительно небольшая категория людей (в нашем случае 10%), у которых доминирует потребность в переживании чувства опасности. Желание постоянно ощущать «адреналин в крови», стремление идти на риск, закономерно приводит к игнорированию опасностей, самоутверждению за счет демонстрации бесстрашия, пренебрежения правилами безопасности. В реальной жизни это чаще всего ни к чему хорошему это не приводит. Однако переживаемые трудности, неприятности не останавливают личность, наоборот, без таких трудностей и постоянного стресса она не может жить.

Игнорирование опасностей встречается и у таких студентов, у кого не выражена ярко ни одна из рассматриваемых нами потребностей. И таких достаточно много, по нашим данным, этот тип составляет 16%. Почему же они также склонны к игнорированию угроз? В отличие от первого типа, это, скорее всего, связано с проявлениями беспечности, слабым контролем над жизненными ситуациями, которые, вдруг, неожиданно для личности из нейтральных ситуаций превращаются в угрожающие.

Особый интерес вызывает структура потребностей, где доминирует только лишь потребность в переживании чувства безопасности. Такая структура встречается достаточно редко у студентов (4%). Тем не менее, существуют люди, которые стремятся к безопасности, но мало что реально для этого делают. В жизни это находит выражение в неопределенности поведения в различных ситуациях. В одних случаях они поступают адекватно, в других – в подобных же ситуациях могут игнорировать, либо, наоборот, преувеличивать угрозы. Все зависит от конкретных обстоятельств, поведения других людей, настроения самого человека.

Оптимальной у человека мы считаем структуру потребностей, где доминирует потребность в обеспечении безопасности (30%). Такие люди не стремятся к неоправданному риску, у них нет стремления, намеренно поставить себя в опасную ситуацию. Они чувствуют себя в относительной безопасности, и у них нет страха, что вот-вот что-то должно случиться. Однако это не исключает потребности поступать и делать все так, чтобы избежать возможных угроз для себя и для своего ближайшего окружения. Поэтому вполне закономерно, что они сензитивны (чувствительны) к опасностям, реагируют на них адекватно в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами, и очень редко игнорируют опасности.

В то же время сложности жизни, напряженные и стрессовые ситуации могут приводить к актуализации сразу двух потребностей – потребности в переживании чувства безопасности и потребности в обеспечении безопасности (35%). Доминирование двух названных потребностей нередко приводит к феномену преувеличения значения угроз. Другими словами, эмоционально реагируя на ту или иную ситуацию, они склонны идентифицировать ее для себя как потенциально опасную, и, на всякий случай, перестраховываются, проявляя излишнюю осторожность. Что это дает человеку с психологической точки зрения? Можно полагать, что такая тактика поведения приводит к ощущению защищенности: «Я вовремя обнаружил угрозу, сделал все, чтобы не просто предотвратить, но и предупредить ее, избежал тем самым ненужных волнений, переживаний, стресса». Если же ситуация разрешается неблагоприятно и человеку наносится ущерб, то срабатывает оправдательная логика: «Я предполагал, что это добром не кончится».

Выводы. На основании всего сказанного можно заключить, что у человека в течение жизни на основе сензитивности (чувствительности) к опасностям и выбора адекватных или неадекватных (преувеличение или преуменьшение значения опасностей) способов реагирования в ситуациях угроз вырабатывается свой индивидуальный тип отношения к опасностям. Наше исследование, проведенное на студенческой выборке, показало, что существуют различные типы отношения людей к опасностям. Оптимальным мы считаем тип, где сензитивность к опасностям сочетается с выбором адекватных, то есть общественно выработанных и одобряемых способов реагирования в ситуациях реальной или потенциальной угрозы. Неоптимальными являются типы, где преобладает пренебрежение опасностями или их игнорирование.

Выработка чувствительности к угрозам и способность определенным образом реагировать на них тесно связаны с уровнем выраженности потребностей в опасности или в безопасности. На основе эмпирического исследования было установлено следующее. Если в структуре потребностей преобладает потребность в переживании чувства опасности, то студенты чаще всего нечувствительны к угрозам и склонны к их игнорированию. Доминирование одной лишь потребности в переживании чувства безопасности препятствуют выработке определенного типа отношения к опасностям, что выражается в непоследовательности действий. При ярко выраженной потребности в обеспечении безопасности студенты чаще проявляют адекватный сензитивный тип отношения к опасностям и реже игнорируют их. Сочетание же высокого уровня потребности в переживании чувства безопасности и высокого уровня потребности в обеспечении безопасности приводит к феномену преувеличения значения угроз, в то же время снижают вероятность их игнорирования. Если ни одна из названных потребностей не выражена ярко в достаточной степени, то личность так же склонна к игнорированию опасностей.

В практическом плане важно констатировать, для того чтобы у человека формировался адекватный сензитивный тип отношения к угрозам жизни, здоровью, психологическому и социальному благополучию, необходимо актуализировать у него *потребность в обеспечении безопасности*, то есть такую потребность, которая лежит в основе самой деятельности по обеспечению безопасности. Высокий уровень выраженности названной потребности будет стимулировать стремление человека к активным действиям по обеспечению своей безопасности и безопасности других людей.

Список литературы /References

1. Каверин С. Б. О психологической классификации потребностей / С.Б. Каверин // Вопросы психологии. - 1987. - № 5. - С. 121-129.
2. Котик М. А. Новый метод экспериментальной оценки отношения людей к волнующим их событиям / М. А. Котик // Вопросы психологии. № 1. 1994. С. 97-104.
3. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. - СПб. : Питер, 2012. - 352 с.
4. Лурия А. Р. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания / А. Р. Лурия. М. : Медицина, 1977. - 111 с.
5. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника сензитивности к угрозам в юношеском возрасте / В. Г. Маралов, Е. Ю. Малышева, О. В. Нифонтова и др. // Перспективы науки. - 2012. - № 8. - С. 32-37.
6. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте / В. Г. Маралов, О. В. Смирнова, Е. Л. Перченко и др. // Альманах современной науки и образования. - 2012. - № 12-1 (67). - С. 92-96.
7. Маралов В. Г. Разработка теста-опросника для диагностики у людей потребностей в безопасности / В. Г. Маралов, М. А. Кудака, О. В. Смирнова и др. // Ученые записки Череповецкого государственного университета. - 2016. - № 1. - С. 12-17.
8. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. - М.: Прогресс. 1993. - 220 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kaverin S. B. O psihologicheskoy klassifikatsii potrebnostej [About psychological classification of requirements] / S. B. Kaverin // Voprosy psihologii [Questions of psychology]. - 1987. - № 5. - P. 121-129. [in Russian]
2. Kotik M. A. Novyj metod jeksperimental'noj ocenki otnoshenija ljudej k volnujushhim ih sobytijam [A new method of an experimental assessment of the relation of people to the events exciting them] / M. A. Kotik // Voprosy psihologii [Questions of psychology]. - 1994. - № 1. - P. 97-104. [in Russian]
3. Maslou A. Motivacija i lichnost' [Motivation and person] / A. Maslou. - SPb. : Piter, 2012. - 352 p.

4. Lurija A. R. Vnutrennjaja kartina bolezni i iatrogennye zabojevanija [Internal picture of illness and iatrogenic diseases] / A. R. Lurija. - М.: Medicina, 1977. - 111 p.
5. Maralov V. G. Razrabotka testa-oprosnika senzitivnosti k ugrozam v junosheskom vozraste [A. Development of test questionnaire of a sensitivity to threats at youthful age] / V. G. Maralov, E. Ju. Malysheva, O. V. Nifontova i dr. // Perspektivy nauki [Prospects of science]. - 2012. - № 8. - P. 32-37. [in Russian]
6. Maralov V. G. Razrabotka testa-oprosnika po vyjavleniju sposobov reagirovanija v situacijah opasnosti v junosheskom vozraste [Development of test questionnaire on identification of ways of reaction in danger situations at youthful age] / V. G. Maralov, O. V. Smirnova, E. L. Perchenko i dr. // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija [The almanac of modern science and education]. - 2012. - № 12-1 (67). - P. 92-96. [in Russian]
7. Maralov V. G. Razrabotka testa-oprosnika dlja diagnostiki u ljudej potrebnostej v bezopasnosti [Development of test questionnaire for diagnostics of needs for safety at people] / V. G. Maralov, M. A. Kudaka, O. V. Smirnova i dr. // Uchenye zapiski Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Cherepovets state university]. - 2016. - № 1. - P. 12-17. [in Russian]
8. Horni K. Nevriticheskaja lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz [Neurotic person of our time. Introspection] / K. Horni. - М.: Progress. 1993. - 220 p.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.125

Никулина Т.И.

Кандидат психологических наук, доцент
Иркутский государственный университет**ТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ****Аннотация**

Представлены результаты исследования толерантного поведения у детей в образовательном учреждении. Проанализированы концептуальные подходы поликультурного воспитания подрастающего поколения, с учетом решения государственных задач в области сохранения и развития культур и языков народов Российской Федерации. Подтверждена актуальность изучения технологии профилактики этнических конфликтов в сфере образования, как одного из приоритетных направлений развития толерантного поведения. Опровергнуто предположение, что межэтнические отношения могут являться причиной возникновения конфликтных ситуаций уже в начальной школе.

Ключевые слова: толерантность, межэтнические отношения, конфликтность, духовность, национальная культура.

Nikulina T.I.

Associate Professor of General Psychology, Irkutsk State University

TOLERANT BEHAVIOR IN PREVENTION OF ETHNIC CONFLICTS**Abstract**

The results of the study of tolerant behavior in children at an educational institution. Analyzed the conceptual approaches of multicultural education of the younger generation, taking into account the decisions of public tasks in the field of preservation and development of cultures and languages of the peoples of the Russian Federation. It confirmed the relevance of the study of ethnic conflict prevention technology in the field of education, as one of the priority directions of development of tolerant behavior. Disproved the assumption that inter-ethnic relations may be the cause of conflict in the elementary school.

Keywords: tolerance, interethnic relations, conflict, spirituality, national culture.

В рамках анализа особенностей толерантности в начальной школе, встает вопрос этнической интолерантности. Основной предпосылкой к возникновению межэтнических конфликтов может быть процесс нарастания напряженности, проявляющийся в сложностях процесса гражданской идентификации (принятие решения о месте личности в системе гражданских, профессиональных, национальных, религиозных, политических отношений), в неопределенности ценностей и социальных установок на уровне личности и социальной группы. Во многих крупных городах России с традиционным преобладанием русского населения произошло ощутимое изменение этнодемографической обстановки. Существенно возросло количество инонациональных диаспор, которые продолжают расширяться за счет притока мигрантов из других территорий [2].

В условиях роста социального разнообразия российского общества существует опасная тенденция нарастания межэтнической и межконфессиональной нетерпимости уже в школьной среде. Существует мнение, что ряд причин конфликтного взаимодействия в образовательном учреждении связан с низким уровнем развития толерантности. В этих обстоятельствах формирование социальных норм толерантности, вероисповедания и миролюбия может выступать как противодействие эскалации социальной агрессии, национальных конфликтов, экстремизма, терроризма и фанатизма.

Одна из основных задач системы образования состоит в разрешении и профилактике конфликтов, и направлении вектора отношений в мирное русло. Практическая значимость данной работы представляется в анализе взаимосвязи толерантности и конфликтного поведения у детей младших классов, а также создании и апробации проекта профилактики этнических конфликтов в сфере образования.

Исследования проводились на базе начальной школы МБОУ г. Иркутска СОШ № 39. Возраст опрашиваемых респондентов составил от 7 до 9 лет. Контингент испытуемых был неоднороден по социальному статусу и национальному составу, поэтому основной задачей явился анализ уровня сформированности толерантного отношения ребенка к другим членам коллектива.

На констатирующем этапе исследования были проведены методики: адаптированный для учеников начальной школы вариант опросника «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова и метод социометрии Дж. Морено [1].

Критериями оценки уровня толерантности у детей младшего школьного возраста в данной работе были обозначены: удовлетворенность межличностными взаимоотношениями, степень распространённости этнических стереотипов, взаимосвязь толерантности и конфликтного поведения учащихся начальной школы.

Проведение анкетирования было необходимо для получения точной информации, т.к. данные из официальных документов оказались дополнительными и имели уточняющий характер. Преимуществом метода послужила возможность опроса большого количества детей, а анонимное анкетирование позволило повысить процент достоверности ответов респондентов. Метод социометрии выявил эмоциональные связи между членами группы через фиксацию взаимных симпатий и антипатий.

После проведенного метода анализа документов были получены данные об этническом составе классов начальной школы: русские 78%; буряты 12%; таджики 3%; узбеки 3% человека; азербайджанцы 4%.

По результатам социометрии Дж. Морено, средний коэффициент удовлетворенности межличностными взаимоотношениями равен 34%, что соответствовало среднему уровню взаимности и сплоченности в классах. Процент лидеров во всех классах составил 7%. 64% определили ребята, имеющие среднее количество взаимных выборов. 18% имели малое количество взаимных выборов. 4 % составили аутсайдеры, не имеющие ни предпочтений, ни антипатий. 7% учеников составили большее количество антипатий, что свидетельствовало о том, что они отвержены коллективом.

Результаты исследования демонстрировали положительную психологическую атмосферу в классах. В целом показан средний уровень групповой сплоченности и эмоционального комфорта. Однако 11% учащихся имели низкий социальный статус (отверженные и аутсайдеры). Эти дети не могли выстроить взаимоотношения в классном коллективе, имели поведенческие трудности, инфантильные черты характера. Эти ребята взаимодействовали не с теми, с кем бы им хотелось, и относились к группе «принимаемых», но неудовлетворенных межличностным общением.

Анализ результатов методики «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, показал, что большинство обучающихся (87%), имеют средний уровень толерантности. Это говорит о том, что в одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность, причем, у большинства обучающихся индекс толерантности находился в пределах от 65 до 90 баллов. Такие результаты показали респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. 13% опрошенных обладали выраженными чертами толерантной личности. Данные обучающиеся характеризовались пониженной конфликтностью, большей стрессоустойчивостью, имели высокий уровень миролюбия. Следует отметить, что как в группу отверженных, так и в категорию детей с высоким показателем толерантности входили дети разного этнического происхождения.

Оценивая проведенную диагностическую работу, можно сделать вывод о том, что имеющиеся в распоряжении методики позволили определить различные проблемы и нарушения межличностного общения, имеющиеся у учащихся, однако они были не связаны с этнической общностью.

После проведения анкетирования на основе адаптированного для младших школьников опросника было выяснено, что чем моложе респондент, тем меньше у него каких-либо положительных или отрицательных установок об этнической общности.

При беседах также было обнаружено, что дети ранее приобрели стереотипы в процессе взаимодействия с взрослыми людьми, или на основе информации, полученной из средств массовой информации. Дети чаще всего являлись отражением их окружения, включая и этнические взгляды, особенно не понимали, чем отличается одна национальность от другой, кроме внешнего различия. При анализе реальных конфликтных ситуаций описанных учителями и учениками, было выяснено, что агрессивное поведение зачинщика чаще всего не зависит от этнических различий и может адресоваться любому другому ребенку, за чей счет зачинщик хочет самоутвердиться. Любой ребенок может стать объектом агрессии, а его отличительные этнические качества не являются причиной конфликта в начальной школе.

Изучение причин возникновения межличностных конфликтов во взаимоотношениях младших школьников позволило подтвердить представленные ранее в науке исследования, что к основным причинам в школе по-прежнему относятся: неудовлетворенность потребностей личности в общении, самоутверждении, саморазвитии, оценке, признании, а также в ее притязаниях на определенный статус в группе [3].

Таким образом, конфликты в младшей школе базируются не на национальных различиях, а на причинах, связанных с игровым, учебным, личностным, гендерным интересом. Здесь уже идет речь не об этнической толерантности, а о различных причинах возникновения межличностных конфликтов в начальной школе.

Необычный внешний вид, акцент при разговоре, незнание обычаев, иная этническая принадлежность - все эти признаки не служат атакующими аргументами в конфликте. Также подобным аргументом не может послужить какая-то национальная особенность или манера разговора. Главным и поворотным фактором исследования можно назвать выяснение реальной природы межэтнических конфликтов в начальной школе, и исходя из этого, сделать вывод о том, что само понятие «межэтнический конфликт» не актуален в сфере начального образования.

Список литературы / References

1. Солдатов, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатов. – М.: Смысл, 2012. – 386 с.
2. Спицына, О. А. Формирование толерантности у младших школьников в образовательной среде / О.А. Спицына // Вестник Университета Российской Академии Образования, 2009. – №1. – С. 83-86.

3. Никулина Т.И. Конфликтологическая компетентность в образовательной деятельности. Психология образования: состояние и перспективы. Материалы научно-практической конференции психологов Сибири. / Т.И. Никулина Иркутск, Изд-во ИГУ. 2011, – С. 132-136

Список литературы на английском языке / References in English

1. Soldatova G.U. Psihologija mezhjetnicheskoj naprjazhennosti. [Psychology of interethnic tension] / H.W. Soldatova. - М.: Meaning, 2012. - 386 p. [in Russian]

2. Spitsyna O.A. Formirovanie tolerantnosti u mladshih shkol'nikov v obrazovatel'noj srede [Formation of tolerance at younger schoolboys in educational environment] / OA Spitsyna // Vestnik Universiteta Rossijskoj Akademii Obrazovaniya [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2009. - №1. - S. 83-86. [in Russian]

3. Nikulina T.I. Konfliktologicheskaja kompetentnost' v obrazovatel'noj dejatel'nosti. [Conflict competence in educational activities]. Psihologija obrazovaniya: sostojanie i perspektivy. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii psihologov Sibiri [Educational Psychology: Status and Prospects. Materials of scientific-practical conference of psychologists in Siberia]. / T.I. Nikulina, Irkutsk, Publishing House of the ISU. 2011 - P. 132-136. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.020

Почкай Е.П.

ORCID: 0000-0002-2053-9148. Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация

На сегодняшний день любительская интернет-журналистика в полной мере институцирована как часть информационного пространства наряду с системой профессиональной журналистики, ее роль в информационном сопровождении действительности постоянно растет. В статье рассматриваются мотивы обращения пользователей Интернета к любительской журналистской деятельности. В качестве стержневого рассматривается такой мотив, как стремление к самореализации. Выделяются также такие категории синонимического ряда как самоутверждение, самообозначение, самопредъявление, самопрезентация, которые все вместе и каждая по-своему вовлекают автора-любителя в процесс создания медийного продукта.

Ключевые слова: любительская журналистика, хобби, социальная активность, самореализация, самоутверждение, самообозначение, самопрезентация.

Pochkay E.P.

ORCID: 0000-0002-2053-9148, PhD in Philology, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University

DILETTANTE JOURNALISM AS A WAY OF SELF-ACTUALIZATION

Abstract

Nowadays, dilettante online journalism is completely institutionalized as a part of the information space, along with the professional journalism system, and its role in the reality's media support constantly grows. The article examines the motives which make Internet users turn to the dilettante journalism. Desire for self-actualization is considered as the key motive. Self-affirmation, self-designation, self-presentation categories are outlined, which all together and each in its own way involve a nonprofessional author in the process of creating a media product.

Keywords: dilettante journalism, hobby, social activity, self-actualization, self-affirmation, self-designation, self-presentation.

Not only dilettante journalism accompanied professional journalism since its appearance, but in general from the beginning journalism was dilettante. It happened gradually, step by step that dilettante journalism, or, in other words, civil communication has evolved into the professional journalism [1]. Dilettante journalism could not be considered as an independent phenomenon until the advent of the Internet. After the Internet appeared, it became possible to regard dilettante journalism as an independent and parallel field producing information, with its own rules, methods and manner of work.

The definition of dilettante journalism is an important factor in the understanding of this phenomenon. There are various names for this phenomenon in the scientific literature, for example: new media, online journalism, social media and citizen journalism. And it's not the end of the synonyms list; the following names could be added: public journalism, alternative journalism, media-2, WEB 2.0 and even self-made media. English name to describe this phenomenon is *media maker*, the person who creates the media without setting themselves up as a professional journalist.

Any definition brings connotations, sometimes altering the basic characteristics of the designated word. Regarding the definition of *dilettante*, originally chosen for the article, we believe that if to ignore some connotations (unprofessionalism and free-of-charge basis), the essential characteristic of this phenomenon – the dilettante hobby, journalism as a hobby – would be defined in the end. Hobby is something that reaches the soul. The desire to be yourself, this inaccessible need, is actualized through a hobby. It is no coincidence that psychologists call hobbies the “Alladin” of the desires. Hobby is people's free world where they find a complete freedom of their ego, sincerity of their true desires and no limits for creative expression. This need for a hobby (as a symbol of freedom and creativity) is one of the most attractive and strong needs [10].

The desire for self-actualization is admitted by scientists as the main motive for starting hobby activities, especially, creative ones. The difficulty of this phenomenon study is that such category as self-realization, on the one hand, is characterized by a large number of determinations [13] and, on the other hand, has a large number of synonyms. In our case,

along with the stated category, we will consider such motivations of dilettante journalism as desire for self-affirmation and self-designation.

Among the many definitions of self-actualization, we have chosen the most general one: *self-actualization* is revealing by a person of their abilities (talents) and their development in some particular activity. Such definition allows us to identify those connotations that we can determine in different synonyms of the self-actualization category.

Self-actualization intention in terms of dilettante journalism usually includes two motives: self-actualization of creative abilities and realization of the desire to use these abilities in a certain direction. By the way, the latter distinguishes dilettantes from professionals who work as assigned by their editors. For this reason, many journalists become freelancers to develop their favorite topics for different editorial teams.

Dilettante journalism can cover different spheres of life. For example, one of these spheres is related to professions. An online producer, the author of *Runetologiya* program Maxim Spiridonov in his interview with one of the creators of the collective blogs Jovan Savovich emphasizes the need to focus on the people who know the topic better than anyone else. According to him, in the future, in the media, issues and topics will be revealed by those who understand them and want to open them to other people and not by journalists who do it for work [7]. Texts of such authors now cover numerous thematic pages in social networks, purpose-designed dilettante websites *Habrhabr* (information technology), *Koliosa* (website for automobilists), *Vinsky's Website* (website for tourists). In terms of facts abundance and details of reporting, as well as verification features content these websites are sometimes better than works of many journalists writing on the same topic on the instructions of the editors.

The next sphere which dilettante journalism covers is social area, our everyday reality. Authors who have proactive attitude in this area of life start their journalism activity on the principle of "I cannot remain silent". This honorable principle is the basis of so-called citizen journalism (in two of its meanings at the same time: civic journalism and citizen journalism) [9]. The first meaning refers to the author's desire to connect to the solution of today's social problems. The second definition emphasizes the fact that it is not professional journalists who are engaged to journalism but citizens.

The question of self-actualization of social activity arises here. Materials of active citizens can be diverse as well as sites for their placement, such as thematic pages in social networks (*All-Russian Parent's resistance*), blogs articles, comments, opinions, statements in non-professional news aggregators (*Media 2*), performances on civil journalism websites (Kursk website of informal journalists *Citizen journalism*, Tyumen website *Golosa.info*, web information-analytical publishing *Free journalist*), conduct of activists of various social movements. For example, the movement *The piggies are against (Хрюууу npomue)* objects to bad quality service in stores and markets. Every performance of *The piggys* is filmed and then posted on the Internet. The same approach is used by the movement *StopHam (СмонХам)* arguing against violations of the traffic laws by drivers. This movement has been repeatedly criticized, up to the pretrial proceedings for misconduct against violators.

The story of the *StopHam* movement, as well as an aggressive and rude behavior of activists of another scandalous movement *The lion is against (Лев npomue)* confronting smoking and drinking alcohol in public illustrate the transformation of the self-actualization motive into self-affirmation desire. Activists of *The lion is against* are called state hoodlums (гопники) within the Internet [3]. Proneness to conflict, rudeness and permissiveness, though limited by abusing smokers and drinkers only, clearly indicate the desire of the movement activists to increase their self-esteem by humiliating others.

The most common definition of self-affirmation is a person's intension to have a high assessment of their personality and caused by this intension conduct. Self-affirmation is defined exactly as a man's conviction that they are worth something, that they possess certain value and that this value is their own ego. If self-actualization is found in the sense of your own competence, self-affirmation appears in the feeling of self-importance [8].

A rigid form of self-affirmation by humiliating others on the Internet is trolling. E. R. Yuzhaninova, a professor of Orenburg State University, calls this phenomenon false self-actualization. She finds it socially and psychologically dangerous and relates it to crimes against the person [13. P.87]. The core of trolling is to write provocative offensive messages inciting conversation partner (*or partners*) to reply (*often in a quite aggressive way*). Trolling as a mass phenomenon is a serious problem of the Internet.

The desire for self-affirmation can manifest in milder forms in the dilettante journalism. Such methods of self-affirmation are applied both individually and in groups. Despite being truly attracted to some field of interest, participants are mainly concerned with the opportunity to express themselves and show their socio-cultural activity [5]. Such mild forms of self-affirmation via the Internet information flow are referred to another motive which is desire for self-designation.

In real terms, this manifests in self-presentation on the webpages. Self-presentation can be described as one's readiness to express and present themselves to the others [8, p.69]. Every second, hundreds of people post texts on the Internet in which they describe their thoughts and feelings about current events and themselves hoping for a response. Such Internet sites as **Twitter**, **Pikaboo**, **Instagram**, **Periscope** and social networking websites (**Vkontakte**, **Odnoklassniki**, **Facebook**) are full of stories about small life events of users who describe or show them by posting photos or videos. It is no coincidence that the scientists of today conclude that XXI century has started as the century of self-presentation which turned into a show of global scale and which is regarded by many people as an essential element of self-actualization [2, 12]. Researchers point out that eager enthusiasm for this way of self-affirmation stimulates creativity and puts it on stream. This is especially true for the Internet and other media which have made many ambitious people join – people who want to designate and affirm themselves at the creativity (and most of all, at various simulations) [6. P.52-53].

Apparently, the majority of self-presentations, as a rule, are made to maintain a self-worth sense, to distinguish one's personality among others, to call attention, or by the definition of one of the authors of the Orthodox portal **Protoinfo**, "to stick out" (оттопыриться) [11]. However, in general, online self-presentations have many positive features. Apart from accomplishing creativity functions, they accomplish social ones. Self-designation is not only a part of the communication process [4], but it is also an integration and closer contacting. Nevertheless, what we want to highlight as the main feature is information-cognitive function: a modern world view is reflected in numerous verbal and visual self-presentations as in mirror

chips. And it can be affirmed that to some extent, this world view, despite being mosaic, is more complete than the one offered by the professional media.

Psychological motives of journalistic hobby activities – desire for self-actualization, self-affirmation, self-designation – all of them together and each in its own way involve a dilettante author in the process of creating a media product, influence the choice of the Internet site, place of the realization of their set, affecting the quality of a product.

Список литературы / References

1. Бартелдс В. Гражданская журналистика. Использование приемов гражданской журналистики в профессиональной журналистской деятельности // Press Now, Хильверсум, Нидерланды, 2008 / Перевод с голландского Кузнецовой М. / [Электронный ресурс] В. Бартелдс – URL: <http://studmed.ru/bartelds-v-grazhdanskaya-zhurnalistika> (дата обращения 02.12.2016)
2. Дубских А. И. Современные концепции самопрезентации и ее роль в обществе [Электронный ресурс] А. И. Дубских // научная база данных: «Scientific World» – URL: <http://sworld.com.ua/konfer> (дата обращения 02.12.2016)
3. Ковалев Д. «Лев против»: государственные гопники? [Электронный ресурс] Д. Ковалев – URL: <http://kolokolrussia.ru/vlast/lev-protiv-gosudarstvenno-gopniki> (дата обращения 02.12.2016)
4. Мизгирева М. Ю. Взаимосвязь самоотношения и самопрезентации в интернет-общении у юношей и девушек // Тезисы докладов конференции «Ломоносов 2015» (13-17 апреля 2015): Москва [Электронный ресурс] М. Ю. Мизгирева – URL: <http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded> (дата обращения 01.12.2016)
5. Организация творческой деятельности в учреждениях культуры [Электронный ресурс] – URL: <http://bukvi.ru/obshestvo/kulturologia/organizaciya-tvorcheskoj-deyatelnosti-v-uchrezhdeniyah-kultury>. (дата обращения 02.12.2016.)
6. Сейдалина А.О. Приоткрывая завесу / А.О. Сейдалина // Синдром Дауна XXI век. 2009. - № 2. - С.52-53
7. Спиридонов М. Юван Савович: «Проекты должны жить сами по себе» [Электронный ресурс] М. Спиридонов – URL: <http://republic.ru/biz> (дата обращения 02.12.2016) дата обращения 02.12.2016)
8. Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка/ Н.Е. Харламенкова -2 изд., испр. и доп. М.: ИП РАН, 2007. – 384 с.
9. Хлебникова Н.В. Гражданская журналистика: к истории становления термина [Электронный ресурс] // Медиаскоп.- 2011- №3 – URL: <http://mediascope.ru/node/>
10. Ценев В. Алладин своих желаний [Электронный ресурс] В.Ценев – URL: http://psylive.ru/articles/1566_alladin-svoih-zhelanii.aspx (дата обращения 02.12.2016)
11. Шевченко С. Синдром Шапокляк: поколение «желающих оттопыриться» [Электронный ресурс] – URL: <http://protoinfo.ru/sindrom-shapoklyak-pokolenie-zhelayushchih-ottopyritya/>. 03.09.2016. (дата обращения 02.12.2016.)
12. Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении: монография / И.П. Шкуратова. - Ростов н/Д: Изд-во Юфу, 2009. - 192 с.
13. Южанинова Е.Р. Интернет как новое пространство самореализации молодежи/ Е. Р. Южанинова // Вестник Оренбургского государственного университета. -2013. - №7, июль. С.82-89.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bartelds V. Grazhdanskaya zhurnalistika. Ispol'zovanie priyomov grazhdanskoj zhurnalistiki v professional'noj zhurnalisticheskoy deyatel'nosti [Civic journalism. Using the techniques of citizen journalism in professional journalism] // Press Now, Hilversum, Netherlands, 2008 /Translated from Dutch by Kuznecova M. [Electronic resource] / V. Bartelds – URL: <http://studmed.ru/bartelds-v-grazhdanskaya-zhurnalistika> (accessed: 02.12.2016) [in Russian]
2. Dubskih A.I. Sovremennye koncepcii samoprezentatsii i yeyo rol' v obshchestve [Modern concepts of self-presentation and its role in society] [Electronic resource] /A. I. Dubskih // nauchnaya baza dannyh: “Scientific World” [Scientific database: “Scientific World”] – URL: <http://sworld.com.ua/konfer29/898> (accessed:02.12.2016) [in Russian]
3. Kovaliov D. «Lev protiv»: gosudarstvennye gopniki? [“The lion is against”: state hoodlums?] [Electronic resource] / D. Kovaliov – URL: <http://kolokolrussia.ru/vlast/lev-protiv-gosudarstvenno-gopniki> (accessed: 02.12.2016.) [in Russian]
4. Mizgiriova M.Y. Vzaimosvyaz' samootnosheniya i samoprezentatsii v internet-obshchenii u yunoshej i devushek [Connection of self-attitude and self-presentation of boys and girls in web communication] [Electronic resource]/ M. Y. Mizgiriova //Tezisy докладов konferencii [Abstracts of the conference] “Lomonosov 2015” (13-17 April 2015): Moscow – URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid82644_report. (accessed:02.12.2016) [in Russian]
5. Organizaciya tvorcheskoy deyatel'nosti v uchrezhdeniyah kul'tury [Organization of creation activity in cultural institutions]. [Electronic resource] – URL: <http://bukvi.ru/obshestvo/kulturologia/organizaciya-tvorcheskoj-deyatelnosti-v-uchrezhdeniyah-kultury.html> (accessed:02.12.2016.) [in Russian]
6. Seydalina A.O. Priotkryvaya zavesu [Lifting the veil] / A.O. Seydalina // Sindrom Dauna XXI vek. [Down syndrome XXI century]. 2009.- № 2.[in Russian]
7. Spiridonov M. Jovan Savovich: “Proekty dolzhny zhit' sami po sebe”[“Projects should live by themselves”] [Electronic resource] / M. Spiridonov – URL: <https://republic.ru/biz/1041525/> (accessed: 02.12.2016) [in Russian]
8. Harlamenkova N.Y. Samoutverzhdenie podroostka [Assertiveness of a teenager] / N. Y. Harlamenkova: Moscow izd-vo ИП РАН, 2007. – 384 p.[in Russian]
9. Hlebnikova N.V. Grazhdanskaya zhurnalistika: k istorii stanovleniya termina [Citizen journalism: the history of the termformation [Electronic resource]] / N.V. Hlebnikova// Mediaskop. №3, – URL: <http://mediascope.ru/node> (accessed: 02.12.2016) [in Russian]
10. Tsenev V. Alladin svoih zhelanij [Aladdin of your desires] [Electronic resource] / V. Tsenev URL: http://psylive.ru/articles/1566_alladin-svoih-zhelanii.aspx (accessed:02.12.2016) [in Russian]
11. Shevchenko S. Sindrom Shapoklyak: pokoleniye “zhelayushchih ottopyrit'sya”[Shapoklyak Syndrome: generation of “those who want to stick out”] [Electronic resource] / S. Shevchenko. – URL: <http://protoinfo.ru/sindrom-shapoklyak-pokolenie-zhelayushchih-ottopyritya/>. 09.03.2016. (accessed:02.12.2016V) [in Russian]

12. Shkuratova I.P. Samopred'yavlenie lichnosti v obshchenii: monografiya [Self-presentation of a personality in communication: a monograph] / I.P. Shkuratova. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU, 2009. – 192 p..[in Russian]

14. Yuzhaninova E.R. Internet kak novoe prostranstvo samorealizatsii molodyozhi [The Internet as a new space for young people's self-realization] / E.R. Yuzhaninova // Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]. . -2013. - №7. - P.82-89..[in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.107

Чернов Д.Н.

ORCID: 0000-0001-5093-9970, Кандидат психологических наук

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 16-06-00822a

КВАЗИЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Обсуждается возможность использования квазиязыка для изучения уровня языковой компетенции. Описывается опыт создания искусственных текстов, в которых построение квазислов соответствует правилам русского словообразования; строй предложений подчиняется правилам русского языка. Сложность текстов для перевода проверялась на студентах. Оценка эквивалентности текстов по сложности проводилась на выборке школьников. Выявлены стратегии работы с текстами. Тексты на квазиязыке могут быть использованы для обучения правилам русского языка с опорой на языковую интуицию.

Ключевые слова: квазиязык, чувство языка, языковая компетенция.

Chernov D.N.

ORCID: 0000-0001-5093-9970, PhD in Psychology,

The Pirogov Russian National Research Medical University

The study was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, the project 16-06-00822a

QUASI LANGUAGE AS A TOOL FOR STUDYING OF LANGUAGE COMPETENCE OF SCHOOLCHILDREN

Abstract

The possibility of using of quasi language to explore the level of language competence is discussed. We describe the experience of creating of artificial texts in which building of quasi words conforms to the rules of Russian word formation; structure of sentences is consistent with the Russian rules. The difficulty of the texts for translation was tested on the students. Assessment of equivalence of texts' complexity was conducted on a schoolchildren sample. The strategies for working with texts were identified. The texts on quasi language can be used for learning the Russian rules based on linguistic intuition.

Keywords: quasi language, sense of language, language competence.

Современные требования к модернизации системы обучения русскому языку побуждают исследователей создавать новые методы совершенствования языковой компетенции. Под языковой компетенцией мы, вслед за Е.Д. Божович, понимаем целостную психологическую систему, включающую знание языка, речевой опыт и языковую интуицию («чувство языка») [1]. Мы полагаем, что методика повышения уровня языковой компетенции должна быть направлена на актуализацию языковой интуиции ребенка, – наиболее слабоосознаваемого и творческого субъектного компонента языковой компетенции, который является основой метаязыковой рефлексии. Возможным методическим приемом может стать создание текстов на искусственном языке – содержащих выдуманные слова, трансформация которых в тексте производится в соответствии с какими-либо правилами грамматики русского языка. Цель данного исследования – создание квазитекстов и оценка их эквивалентности по сложности в целях организации языкового обучения в среднем школьном возрасте.

Методика. Текст-образец состоял, в основном, из квазислов (*Гал на одном гароте Киреметь. На гароте еще гали сарапушки, бабары и паритки.* и т.д.). Испытуемым предлагалось перевести текст. Отмечалось, что корни слов могут отличаться по звучанию и кол-ву слогов от корней русских слов, однако словообразование и построение предложений в нем подчиняются правилам русского языка.

В результате анализа результатов пилотажного исследования, выполненного на студентах, были выявлены недочеты в словообразованиях, внесены коррективы в инструкцию и процедуру организации исследования в учебной группе. В результате были созданы пять упрощенных текстов для школьников. Количественная оценка текстов производилась по параметрам:

- а) смысловое соответствие квазислов смыслу текста;
- б) учет в варианте перевода морфемной/словообразовательной модели квазислова;
- в) соответствие части речи переведенного слова исходному квазислову;
- г) подбор слова по звуковому сходству с каким-либо русским словом.

Статистический анализ проводился при помощи критериев Фридмана и Ньюмана-Кейлса.

Выборка и процедура проведения. С целью проверки сложности для понимания и перевода текста-образца проведено исследование на студенческой группе (23 чел.). Основная выборка состояла из 25 школьников в возрасте 12-ти лет. Выборка разделена на 5 групп по 5 школьников. В каждой группе использовалась своя последовательность предъявления текстов; каждый текст оказывался на каждом месте в последовательности равное кол-во раз, что позволило проконтролировать эффект обучения.

Результаты и их обсуждение. Значимые различия выявлены между рядом текстов по показателям учета при переводе морфемной/словообразовательной модели квазислова (между парой текстов, $p < 0,05$) и соответствия переводов квазислов общему смыслу текста (между двумя парами текстов, $p < 0,05$). Других различий не обнаружено. Таким образом, предложенные квазитексты являются эквивалентными по сложности выполнения для 12-тилетних детей; их можно использовать взаимозаменяемо на разных стадиях диагностической и обучающей работы по развитию «чувства языка».

Выявлено несколько основных стратегий перевода.

1. Ориентация на воссоздание целостного осмысленного русского текста без учета морфологических правил образования и грамматической роли квазислов в тексте. Испытуемые относительно быстро начинают переводить текст и не отказываются от исходного замысла даже тогда, когда логика построения квазитекста начинает противоречить исходному замыслу. Данная стратегия не позволяет адекватно выполнить задание.

2. Ориентация на соответствие перевода морфемным/словообразовательным моделям слов и их грамматической роли без проработки образа смысла текста. Данная стратегия не позволяет адекватно перевести искусственный текст как целое. Текст принимает вид: «Какой-то кто-то бежит куда-то и встречает кого-то».

3. Ориентация на смысл текста при постоянной его верификации применительно к наличным языковым условиям выполнения задания. Динамическое взаимодействие смыслового и языкового уровней построения текста позволяет адекватно выполнить задание.

Таким образом, при первой стратегии морфологический и грамматический уровни построения квазитекста воспринимаются как препятствие для выполнения задания. При второй стратегии таким препятствием является необходимость осмысления текста как целого. При третьей стратегии учет языкового уровня построения квазислов помогает прийти к формированию адекватного образа смысла текста.

У студентов и школьников наиболее частыми оказались первая и вторая стратегии. Разница состояла в меньшем кол-ве слов, которые перевели школьники. Третья стратегия редко встречалась у студентов и, практически не обнаруживалась у школьников.

Предложенные квазитексты предполагается использовать не только для диагностики, но и обучения правилам языка с опорой на языковую интуицию. В связи с выявленными стратегиями перевода можно выделить возможные стратегии индивидуализации обучающей работы.

А. При ориентации ученика на воссоздание целостного осмысленного русскоязычного текста без учета правил образования и грамматической роли квазислов в тексте необходимо побуждать его обращать внимание на упущение этих правил при переводе слов. Важно, приводя в пример очевидные несоответствия предложенных русских слов морфемным/словообразовательным моделям квазислов, побудить учащегося произвести языковой анализ ключевых искусственных слов для изменения смысла текста. Добиваясь постоянной коррекции учеником своего образа смысла текста в соответствии с более уместными с грамматической точки зрения вариантами перевода квазислов, можно предлагать ученику изменить свое решение. Цель стратегии – привести ученика к пониманию необходимости ориентации при формировании образа смысла квазитекста на анализ и синтез значений квазислов в пределах заданных языковых правил.

Б. При ориентации учащегося на поиск морфемных/словообразовательных моделей слов и их грамматической роли без проработки целостного смысла текста необходимо побуждать его к воссозданию целостного смысла по правильным переводам отдельных квазислов. Ученикам, избегающим перевода существительных и прилагательных, важно показать, какое значение морфемный/словообразовательный анализ этих частей речи может иметь для воссоздания смысла текста. Анализ этих слов позволяет понять тему текста как сложного высказывания.

Таким образом, целью работы является обучение третьей стратегии перевода квазитекста – ориентации на воссоздание смысла текста по ключевым квазисловам, постоянная проверка смысла на соответствие наличным морфологическим и грамматическим условиям задания.

Методический прием позволяет создавать новое методическое обеспечение диагностики языковой компетенции и субъектноориентированного индивидуализированного обучения, основанного на создании условий для самостоятельного «открытия» школьником закономерностей функционирования языковой системы. Мы полагаем, что результаты нашей работы могут быть востребованы специалистами в области языкового обучения и коррекции языкового развития детей школьного возраста.

Список литературы / References

1. Божович Е. Д. Учителю о языковой компетенции школьников / Е. Д. Божович. – М. – Воронеж: МПСИ, НПО «МОДЭК», 2002. – 288 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bozhovich E. D. Uchitelju o jazykovoj kompetencii shkol'nikov [To teacher about language competence of schoolchildren] / E. D. Bozhovich. – М. – Voronezh: MPSI, NPO «MODJeK», 2002. – 288 p. [in Russian]

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.067

Бобкова Е.М.Кандидат социологических наук, Приднестровский Государственный Университет им. Т.Г. Шевченко
(г. Тирасполь)**ДОВЕРИЕ В ТОРГОВЛЕ МЕЖДУ СТОРОНАМИ КОНФЛИКТА КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: МЕТОДОЛОГИЯ ИЗМЕРЕНИЯ****Аннотация**

В статье рассматриваются основные теоретические и практические принципы создания системы сбора, анализа и обработки данных для определения уровня доверия в торговле между сторонами конфликта. Описывается и даются характеристики разработанной методики расчета индекса доверия в торговле между сторонами конфликта контексте эффективного и устойчивого развития региона. Приводится авторский вариант шкалы желательности ориентированной на установление соответствия между потенциальными откликами на функционирование объекта и субъективными оценками желательности определенного значения отклика.

Ключевые слова: доверие, торговля, конфликт, устойчивое развитие, методология.

Bobkova E.M.

PhD in Sociology, Pridnestrovian State University. TG Shevchenko

**TRUST IN TRADE BETWEEN PARTIES OF THE CONFLICT AS A CONDITION OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE REGION: MEASUREMENT METHODOLOGY****Abstract**

In article the basic theoretical and practical principles of creation of system of collecting, the analysis and data processing for determination of level of credibility in trade between parties of the conflict are considered. It is described and are given characteristics of the developed method of calculation of an index of trust in trade between parties of the conflict a context of effective and sustainable development of the region. The author's option of a scale of the desirability focused on establishment of compliance between potential responses to functioning of an object and value judgment of desirability of a certain value of a response is given.

Keywords: trust, trade, conflict, sustainable development, methodology.

Events that accompany the modern relations between Moldova and Transnistria demonstrate that in their actions the parties in the Transnistrian settlement process do not always consider the peculiarities of collective consciousness shared by the residents of both banks of the Dniester river. As a rule, decisions are made without taking into consideration scientific rationale behind their compliance with the existing norms and with practices in collective consciousness of the people on both banks of the Dniester river, as well as without forecasting social implications of economic and political transformations.

In conditions in which political interaction in the established negotiation format on the Transnistrian settlement is hindered, public discussions are a priority for the expert community (Think Tank) and for the civil society in general. Overcoming the crisis is impossible without restoring confidence on both banks of the Dniester river. At the same time it is important to understand the role of confidence in the context of effective and sustainable development of the region in a post-conflict phase.

The method of measuring confidence has a significant potential as it allows to strengthen and to fill with analysis the work of decision-makers (Stakeholders), and of the working groups established under the negotiation format, as well as the work of civil society, mass media and other public institutions. The given research offers a methodologically tested approach for the identification and subsequent solution of key issues that divide the society and complicate trade relations between the parties.

The objective of this research carried out with the financial support of the British Embassy Chisinau is to create a system of collecting, analysing and processing data in order to determine what is the general and sectorial degree of confidence in trade. The project's team focused its efforts on designing a method providing a high-quality and quantitative evaluation aiming to ensure the identification and implementation of the most effective measures of overcoming barriers in developing mutual trade, adapting economy to new trade regimes and securing growing confidence between Moldova and Transnistria in a wider context of a comprehensive settlement.

The designed method of calculating the index of confidence in mutual trade is focused on determining the level of institutional and interpersonal confidence, evaluating the impact of tariff and non-tariff barriers, analysing the impact of integration systems. The method is grounded on the analyses made by project's experts, as well as on personal experiences shared by businessmen involved in mutual trade between the two banks of the Dniester river.

This research is a result of joint efforts took to collect and analyse data, as well as to design a methodology and calculations of the Index of confidence in trade (D_{ict}) between Moldova and Transnistria. The findings resulting from this research are published as an output of a programme on «The development of trans-Dniester trade relations as an important factor of conflict reduction between Chisinau and Tiraspol» funded by the British Embassy Chisinau through the Conflict Security and Stability Fund.

Detailed review of the object's structure was a very important step at the first stage. In other words, it was necessary to highlight factors influencing building of a confidence in post-conflict trade relations. It became a reason for defining analytically the most problematic and sensitive fields of mutual trade between Moldova and Transnistria. Specialists from Sigma Expert and IDIS-Viitorul identified eight fields (Table 1).

Proposed methods are based on a wide use of expert reviews. Line experts from Moldova and Transnistria were selected. Their comments and proposals let to make some correction into the list of impact factors and to define indicators which let to changing confidence temperature in each separate factor.

Table 1 – Factors of influence on mutual trade

Nr.	The most sensitive fields	Factors of influence (pre-test)	Factors of influence (accepted by experts)
1	Absence of formalised rules of domestic and external trade	Institutionalisation of trade relations: mutual and external trade regime	Institutional and legal bases of trade relations functioning
2	Double taxation of goods on VAT	Tariff and tax barriers	Tariffs and taxes
3	Absence of mutual recognition of certificates	Technical barriers: measures of technical regulation, veterinary and phytosanitary control	Technical barriers: measures of technical regulation, veterinary and phytosanitary control
4	Double customs clearance	Customs protection of goods traffic	Customs protection of goods traffic
5	Prohibition of international cargo transportation by Transnistrian transport	Transport problems, migration, citizenship	Communication between parties
6	Restrictions on mutual settlements with foreign banks	Bank and financial spheres	Financial flows
7	Different oriented integrations	Integration factors	Integration factors
8	Misbalance between interpersonal and institutional confidence	Interpersonal and institutional confidence	Interpersonal and institutional confidence

Factors' indicators are an integrated part of a process, the state of which could be defined at the moment. Next step was developing indicators for factors' state definition. Developed questionnaires are based on defined indicators.

Received results became basis for creating tools of research: questionnaire for expert assessment (defining factors' significance) which could be associated with the expert questionnaire for involved in the process entrepreneurs for defining real current state of trade relations between Moldova and Transnistria.

During session Nr.1 of the working group of the Project line experts completed ranking of supposed factors' significance and their indicators. Any social research presupposes comparison and arrangement of objects and their characteristics. Arrangement is a measurement method which allows defining order level. This research includes arrangement of factor's significance in confidence development in mutual trade. Applied method can define direct, simple arrangement according to 1 to 10 scale (where 10 – the highest meaning, 1 – the lowest meaning).

A poll among entrepreneurs was carried out simultaneously. 30 Moldovan and 30 Transnistrian business representatives involved in trade relations between banks of the Dniester river participated in the poll. The Likert scale was applied for indicators evaluation basis of which are questions and arguments which should be evaluated using five- seven- or nine- grade system. Note that middle of the scale is neutral answer. Grade scale is adaptable for every single case. In this case it is seven grade scale and it has the following features: from +3 max. positive, 0 – neutral, to -3 max. negative.

Among various methods of creation of the generalised indicator Harrington's function of desirability, being characterised by continuity, monotony and smoothness, is the most adequate, possessing possibility of a versatility of approach to assessment and measurement problem.

The considered mathematical apparatus on the basis of Harrington's function for receiving exact assessment assumes transformation of natural meanings of private responses (answers given by experts) to a non-dimensional scale of desirability. The generalised Harrington's [1], function of desirability was widely applied in the psychological and ecological researches [2, P. 115–118] of efficiency in the form of particular number which can be used in the further analysis of technical means.

This scale is oriented on compliance establishment between potential answers concerning functioning of the object and subjective estimation of desirability of a certain answer.

During development of author's scales of compliance between relations of preferences in empirical and numerical systems for the current case – confidence changes, we used existing experience of earlier developed scales of desirability. Due to specific use of the desirability scale standard grades range ('good', 'satisfactory', 'bad' etc.) needs additional interpretations. For more usability we united them in the following table (Table 2).

Table 2 – Unified table of desirability scales

Standard grade of desirability	Mark on a Harrington's desirability scale	UNESCO mark on a scale	Author's interpretation
Very good	1,00 – 0,80	100-88	The parties trust each other; economic interests of the parties coincide; relations are constructed on mutually profitable arrangements; creation of integration and development programs for economic relations; there are no barriers for people, finance, goods and services flows.
Good	0,79 – 0,63	87-71	The parties form their relations on a contractual basis; trade relations are conducted in accordance with approved rules and norms; mechanisms of conflicts resolution and compromises search work at a system basis; development of positive dynamics in various spheres of relationship
Satisfactory	0,62 – 0,37	70-51	Satisfactory level of confidence; there are agreements on the basis of compromises, but they have irregular character; low level of agreements documenting, there is a potential for relationship development
Bad	0,36 – 0,20	50-37	Minimum level of confidence (limit) close to mistrust, insignificant field for possible compromises; process of finding solutions has non-systematic character; insignificant prospects for relationship development
Very bad	0,19 – 0,00	36-0	Mistrust, high level of hostility; uncompromising attitudes of the parties; there are no agreements; absence of conditions necessary for development of positive relationships

It is supposed to calculate index at the level of each indicator to receive generalised confidence index in trade, and then on their basis - weighted index of factor's confidence, and, at last, the generalised confidence index in trade. At the same time, for development of adequate presentation of confidence level condition in mutual trade these calculations should to be made using replies from Moldova and Transnistria.

The methodology and obtained results in this research demonstrate that the goal of this project was achieved. The obtained data give a possibility to formulate priority actions that would allow to normalise trade between Moldova and Transnistria.

The designed methodology of quantitative evaluation of confidence in trade between the two banks of Dniester may become a method to evaluate the efficiency of confidence-building programmes, should similar researches be conducted on a regular basis or at least every six months, or in an event of a situation(s) caused by significant external and internal impact on this process.

It is expedient to use the conclusions of this research in order to develop a step-by-step roadmap. At the same time, the preparation of a list of directions under a "Roadmap for mutual trade development" indicates that in the follow-up it would be necessary to determine significant statistics-based indicators, which would be calculated after a repeated collection of data and analysis of the dynamics in the mutual trade process.

This task can become the subject of a subsequent research on the given matter.

Additionally, the most sensitive factors and indicators identified in mutual trade relations can become a basis of a documented fixing of norms in trade activity (Agreement on mutual trade).

The developed technique and found results in this research are meant not only to stimulate the development of confidence between Transnistria and Moldova, but they can also be used in a wider regional context.

Список литературы / References

1. Кузьмичев В.Е. Исследование способов изменения показателей свойств деталей при изготовлении одежды: метод. указания / В.Е. Кузьмичев, Г.К. Попова. – Иваново, 1992. – 27 с.
2. Зазнобина Н.И. Оценка экологической обстановки в крупном промышленном центре с помощью обобщенной функции желательности (на примере города Нижнего Новгорода) //Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 115–118.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kuz'michev V.E. Issledovanie sposobov izmenenija pokazatelej svojstv detalej pri izgotovlenii odezhd: metod. ukazaniya [Research of ways of change of indicators of properties of details at production of clothes: method. instructions] / V.E. Kuz'michev, G.K. Popova. – Ivanovo, 1992. – 27 p. [in Russian]
2. Zaznobina N.I. Ocenka jekologicheskoy obstanovki v krupnom promyshlennom centre s pomoshh'ju obobshhennoj funkcii zhelatel'nosti (na primere goroda Nizhnego Novgoroda) [Assessment of an ecological situation in the large industrial center by means of the generalized function of desirability (on the example of the city of Nizhny Novgorod)] //Vestnik Nizhegorod. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. – 2007. – № 2. – P. 115–118. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.081

Гостенина В.И.¹, Мельников С.Л.²¹ORCID: 0000-0002-8487-6418, Доктор социологических наук,Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»²ORCID: 0000-0002-2147-4729, Кандидат педагогических наук,Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»**УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОГО
РИСКА****Аннотация**

Социальный институт образования за многовековую историю эволюции претерпел различные трансформации, однако современный период системных изменений в российском обществе актуализировал проблему социального риска, как основополагающую в подготовке конкурентоспособных специалистов. Систематизация современных рисков, представленная в статье, позволяет разработать превентивные меры, направленные на избежание рисков в предстоящих социальных практиках выпускников ВУЗов. Селекция управленческих технологий в социокультурном пространстве высшей школы расширяет потенциал институционализации данной системы и оформить базовую основу современного социокультурного пространства высшей школы.

Ключевые слова: социальный риск, мобильность, факторы реформирования, социальный статус, социальный институт.

Gostenin V.I.¹, Melnikov S.L.²¹ORCID: 0000-0002-8487-6418, PhD in Sociology,

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Academician I.G. Petrovski University»

²ORCID: 0000-0002-2147-4729, PhD in Pedagogy,

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Academician I.G. Petrovski University»

MANAGEMENT EDUCATION IN THE CONTEXT OF SYSTEMIC CHANGE AND SOCIAL RISK**Abstract**

Social Institute of Education for the long history of evolution has undergone various transformations, but the modern period of systemic changes in Russian society actualized the problem of social risk as fundamental in the preparation of competitive specialists. Ordering of modern risks presented in the article, allows the development of preventive measures to avoid risks in the forthcoming social practices graduates. Selection of management techniques in the socio-cultural environment of high school expands the potential of the institutionalization of the system and issue the basic framework of modern social and cultural space of higher education.

Keywords: social risk, mobility, the reform of factors, social status, social institution.

Актуальность управления в условиях системных изменений Российского общества обусловлена доминантой, социального взаимодействия в поле социального риска. Дефиниция «социальный риск» указывает на неблагоприятное для людей событие, которое имеет как природное, так и социальное происхождение. Возникновение природы опасности происходит во всех сферах жизни общества в контексте конкретной культуры. Социальная практика предвидения и прогноза рисков требует обращения к исследованию теории вопроса, в котором институт образования формирует новую праксеологию общества.

Социальное значение образования как института, цель которого подготовить человека к самостоятельной жизни, сформулировал Э. Дюркгейм. Ученый определил значение образования для общества в его широком значении как системы, обеспечивающей социализацию человека. Такой подход означает наличие образовательного пространства, как своего рода среды, в которой реализуются социальные отношения, происходит подготовка человека к реально действующим социальным, экономическим, политическим институтам. Технологии обучения обеспечивают когнитивные и другие мыслительно – коммуникативные технологии, цель которых – подготовить конкретного субъекта обучения к профессиональной деятельности [1].

Опыт реализации двухуровневой технологии подготовки в высшей школе с точки зрения социокультурных особенностей позволяет обобщить черты трансформации и определить их как «вызовы перехода». Социальная структуризация этих рисков включена в транзакцию субъект – субъектного взаимодействия в образовательном пространстве.

Во - первых, данное пространство рассмотрим как транзакцию трех уровней возможных рисков, которая включает поле «инструкций» как основы государственного управления, среднее поле транзакций, т.е. дискурса в самом учебном заведении, третий уровень транзакции - личностное взаимодействия – через принятие и реальное внедрение двухуровневой подготовки.

Во – вторых, пространство риска в представленной структуре расширяется за счет слабой институционализации системы, непонимание интересов и ценностей основных потребителей образовательных услуг и их современных отличий от традиционных, что подтверждается несформированностью ключевых субъектов трансформации. Социокультурные особенности перехода к новой системе определяются начальным этапом институционализации транзакций государства и социума, инициатором которых выступает государство. Зачастую наталкиваясь на непонимание общества.

В-третьих, транзакции академическое сообщество с субъектами образовательного пространства осуществляется одновременно с адаптацией к происходящим изменениям и нормативным механизмам реализации двухуровневой подготовки.

Следует отметить еще одну особенность пространства риска, в котором вместе с российской экономикой пребывают и высшие учебные заведения - это массовый всплеск инновационных процессов, направленных на замену старой статичной модели управления, на модель новую, вариативную. Ее эффективная работа возможна в том случае, если высшее учебное заведение развивается опережающими темпами по отношению к быстро меняющимся условиям социума на основе собственных тенденций развития.

Кроме того, вводимые инновации в большинстве своем слабо связаны с реальными потребностями в образовательных услугах, как всего общества, так и отдельных потребителей и заказчиков услуг.

На основе указанных параметров риска проведем их интерпретацию с позиций основных социологических парадигм.

Первый подход – структурно – функциональный (Т. Парсонс, Р. Мертон) [5,6] основан на изучении корреляции между социальными фактами в конкретном социальном и культурном пространстве.

Если устойчивые корреляции, т.е. сила и напряженность связей между социальными фактами по определенным причинам нарушается, то происходит дисфункция или нефункциональность индивидуальных или коллективных акторов, что приводит к образованию новых корреляций, трансформация индивида к которым создает риск девиантного поведения.

Второй подход обозначен интерпретацией социального риска с позиций теоретико – методологического синтеза (Ю.А. Макрушина), в котором риск рассматривается в качестве многозначности ситуации выбора в условиях неопределенности либо неоднозначности последствий деятельности индивида, возникающей в результате несоответствия темпов индивидуального и общественного развития. Учитывая, что базовой природой многих современных рисков являются эмерджентные свойства, периодически возникающие в процессе развития общественных структур, американский социолог П. Блау приходит к выводу о наличии эмерджентных качеств отдельных элементов социального явления и как потенциальная энергия этих свойств заложена в каждом социальном риске.

В третьем подходе, учитывающем взаимодействие структур и акторов, по мнению Э. Гидденса, риск определяется с позиций социологии картографии, т.е. пространственное размещение акторов в социуме определенной территории. В связи с этим интересно отметить, что социальный риск ухудшения качества жизни городская аудитория конкретной муниципальной территории г. Брянска (2009 г., N=500 чел., выборка случайная) связывает с недостаточностью усилий государственных и муниципальных органов, которые направляются на решение жизненно важных проблем населения.

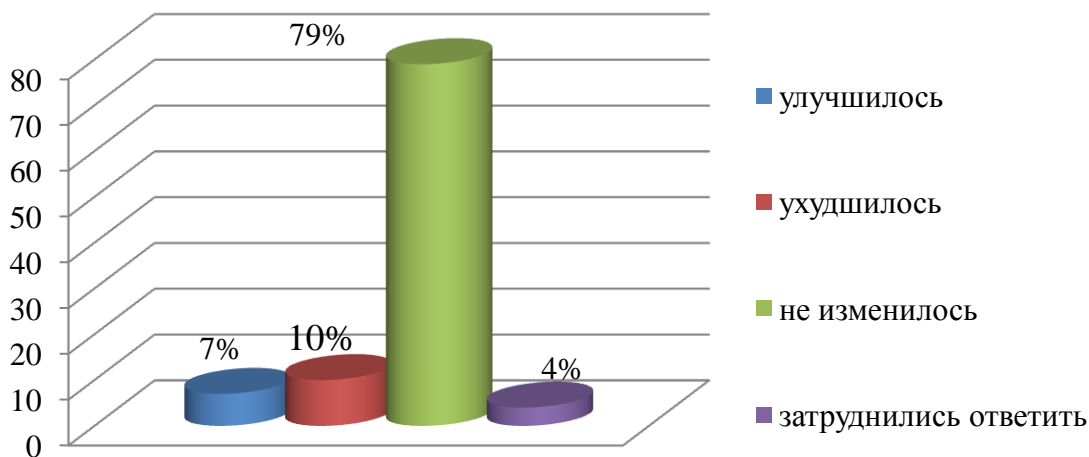

Рис. 1 – Диаграмма динамики качества предоставления услуг

Большинство респондентов отметили, что качество предоставления чиновниками услуг населению по сравнению с прошлым годом не изменилось (рис. 1): только 7% респондентов отметили положительные сдвиги в качестве работы чиновников. 10% опрошенных считают, что предоставление услуг стало хуже, чем год назад и 79% не заметили каких-либо изменений.

Рис. 2 – Диаграмма уровня доверия населения к государственным органам

Четвертый подход постмодернистского толка не считается чисто социологическим. Он предполагает интегральную аккумуляцию достижений, как социологии, так и ряда других социальных и естественных наук [2].

Такой подход характерен для теории общества риска У.Бека. Сущность его в том, что риски нельзя понять и объяснить с помощью одной отрасли знания, одна отрасль знания не способна оценить реальные, совокупные опасности для жизни и деятельности человека. Социально направленная тяжесть аргументов риска приходится на угрозы, ожидаемые в будущем.

Каждая парадигма раскрывает лишь отдельный аспект риска. Содержательное обогащение понятия «социальный риск» происходит в процессе разработки интегрированного определения понятия. Обобщая сказанное, следует отметить, что риск сложный социальный феномен, подлежащий детальному научному исследованию.

В этой ситуации кардинально меняется роль управления высшим учебным заведением, при котором целостная система становится стержнем всего процесса управления. Однако, несмотря на внедрение отдельных элементов антикризисного менеджмента, полноценный результат удовлетворения потребителей образовательных услуг не достигает эффекта.

Общеизвестно, что упорядоченность социальных отношений обеспечивает стабильность и предсказуемость – условие благополучного существования общества. Обеспечение безопасности первично, оно является необходимым основанием любой социальной деятельности. Можно утверждать, что безопасность общества связана с устойчивостью социального порядка. В этом случае необходимо предусмотреть еще один риск при реформировании высшей школы: дестабилизация существующих структур, в том числе, иницируемая программами, а также инновационными подходами управления, обозначены риском аномии или даже катастрофой.

Риск реформирования высшей школы сопряжен также с тем, что по различным оценкам социологов, не менее половины выпускников вузов не работают по своей первой дипломной специальности. Они освоили новые профессии, часто даже такие, которых не было в период их студенческой жизни. Поэтому новый смысл образования заключен в формуле – не просто научить молодого человека учиться, а развить компетенции самостоятельного получения необходимой информации. В такой ситуации не имеет принципиального значения, на каком информационном массиве идет обучение и сколько лет оно продолжается. Именно в этом ракурсе следует оценивать социальный риск начавшегося в отечественной высшей школе перехода к двухуровневой системе подготовки, которая позволяет точнее ориентироваться на общественные потребности, гибко перестраивать образовательные программы, вплоть до перехода на другие направления подготовки [3].

Риски и девиация ведут к формированию современности, где транзакции субъектов обеспечивают собственную безопасность, безуспешно актуализируя условие социальной упорядоченности. Развитие коммуникативного пространства связано с ростом процессов демассификации и дестандартизации социальной жизни. В этих условиях традиционная упорядоченность социальных отношений (устоявшиеся механизмы социальных ограничений) необходимым образом отстает или видоизменяется [5].

Список литературы / References

1. Добренков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. М.: ИНФРА – М. - 2003. – С. 46-64.
2. Гостенина В.И. Социально – экономические факторы реформирования российского университетского образования // Международная научно – практическая конференция «Социокультурные проблемы подготовки современного педагога». Брянск - 2008. - С. 166-172.
3. Мельников С.Л. Социальные риски современного общества: диссонансы информации в молодежной среде // Коллективная монография «Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды», Брянск: РИО ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского», 2015. – С. 63 – 77.
4. Шафранов-куцев Г. Ф. Профессиональное образование в условиях информационного взрыва // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования.-2011. - №9. - С. 6-13.

5. Kravchenko S. A. Social Games and Game-ization of Modern Societies: Theoretical Approaches. // Actual Issues in History and Theory of Sociology. Materials of International Sociological Symposium. Towards the 36 World Congress of the International Institute of Sociology. - Nauchnaya Kniga Publishing. - 2004.
6. Shils E., Parsons T. Working Papers in the Theory of Action. - N. Y.: Free Press. - 1953. - p. 9 – 12.
7. Parsons T., Shils E. Towards General Theory of Actions. - Cambridge, mass; Harvard University Press, 1951.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dobrenkov V.I., Nechaev V.J. Obshchestvo i obrazovanie [Society and Education] - M.: INFRA – M. 2003. P. 46-64. [in Russian]
2. Gostenina V.I. Socialno – ekonomicheskie faktory reformirovaniya rossijskogo universitetskogo obrazovaniya [Socio - economic factors of reforming of the Russian university education] / V.I. Gostenina // Mezhdunarodnaja nauchno – prakticheskaja konferencija «Sociokul'turnye problemy podgotovki sovremennogo pedagoga» [International scientific - practical conference "Social and cultural problems of modern teacher training"] - Brjansk. 2008. P. 166-172. [in Russian]
3. Melnikov S.L. Socialnye riski sovremennogo obshchestva: dissonansy informacii v molodezhnoj srede [Social risks of modern society: the dissonances of information among young people] / S.L. Melnikov // Kollektivnaja monografija «Dinamika socialnoj realnosti: rossijskie i zarubezhnye trendy» [The collective monograph «The dynamics of social reality: Russian and international trends»] - Brjansk: RIO FGBOU VPO «Brjanskij gosudarstvennyj universitet im. akademika I.G. Petrovskogo», 2015. - P. 63 – 77. [in Russian]
4. Shafranov-kucev G. F. Professionalnoe obrazovanie v uslovijah informacionnogo vzryva [Professional education in the information explosion] / G. F. Shafranov-kucev // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Tyumen State University Herald. Socio-economic and legal studies]. 2011.- №9. -P. 6-13. [in Russian]
5. Kravchenko S. A. Social Games and Game-ization of Modern Societies: Theoretical Approaches. // Actual Issues in History and Theory of Sociology. Materials of International Sociological Symposium. Towards the 36 World Congress of the International Institute of Sociology. - Nauchnaya Kniga Publishing. - 2004.
6. Shils E., Parsons T. Working Papers in the Theory of Action. - N. Y.: Free Press. - 1953. - P. 9 – 12.
7. Parsons T., Shils E. Towards General Theory of Actions. - Cambridge, mass; Harvard University Press, 1951.

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.048

Казаков Н.В.

Магистрант, Уральский федеральный университет

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассмотрено электронное участие граждан как инструмент GR-коммуникации между гражданами, некоммерческими и коммерческими организациями с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Приведены результаты исследований, которые проведены Федеральной службой государственной статистики и Министерством связи и массовых коммуникаций РФ, а также социологического опроса населения Свердловской области в рамках гранта РГНФ «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты» в период 2014-2015 год.

Ключевые слова: Government Relations, GR, GR-технологии, электронное участие граждан.

Kazakov N.V.

Master student, Ural Federal University

E-PARTICIPATION OF CITIZENS IN THE SYSTEM OF GR-PERFORMANCE

Abstract

The article deals with e-participation of citizens as a tool for GR-communication between citizens, non-profit and commercial organizations with government authorities and local authorities. The results of investigations that are carried out by the Federal Service of State Statistics and the Ministry of Communications and Mass Communications of the Russian Federation, as well as a sociological survey of the population of the Sverdlovsk region in the framework of the grant RGNF "Information Culture of Sverdlovsk region: settlement and socio-demographic aspects" in the period 2014-2015 year.

Keywords: Government Relations, GR, GR-technology, e-participation of citizens in public policy.

Government Relations (GR) - это политическая коммуникация, которая представляет собой взаимодействие, инициируемое коммерческими и некоммерческими организациями, а также индивидами, направленное к органам государственной власти и органам местного самоуправления.

Электронное правительство в данном контексте служит инструментом данного взаимодействия посредством электронных средств коммуникации. ИКТ предоставляют гражданам следующие возможности: пассивное наблюдение и потребление государственных и муниципальных услуг; активное участие в формировании государственной политики. В настоящее время происходит переход из пассивной роли граждан в активную.

В широком понимании электронное участие граждан – это использование гражданами информационно-коммуникационных технологий для непосредственного и опосредованного участия в политическом процессе. В узком же понимании (с точки зрения GR) — это совокупность конкретных методов, посредством которых происходит GR-коммуникация граждан с ОГВ и ОМСУ для выработки определенных политических решений. Оно дает возможность оказывать влияние на формирование государственной политики посредством: участия граждан в обсуждениях; электронных голосованиях; обратной связи [2].

Существуют GR-технологии, которые могут быть применимы при электронном участии граждан: прямое взаимодействие с представителями органов власти; grassroots; корпоративная социальная ответственность; медиарилейшнз; воздействие через экспертное сообщество.

GR-технологии, дополняя традиционные инструменты участия граждан в государственной политике, которые основываются на принципе «снизу вверх», позволяют гражданам быть не столько потребителями государственной политики, сколько ее производителями. Электронное участие граждан меняет однонаправленный формат социального взаимодействия. Таким образом, можно сказать, что внедряя GR-технологии в гражданские практики, общество влияет на формирование государственной политики.

Приведем некоторые исследования, чтобы оценить современное состояние и выявить проблемы электронного участия граждан в государственной политике как инструмента GR-коммуникации в Свердловской области.

Указом Президента РФ от 07.05.2012 №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» установлен показатель: «Доля граждан, использующих механизм получения услуг в электронной форме, к 2018 году – не менее 70 процентов». Также указано, что показатель на 2014 год по плану – 35%, а на 2015 год – 40%. Результаты Выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, которое проводит Росстат, показали, что в 2014 году в РФ был достигнут плановый показатель, а по итогам 2015 года – нет. Доля граждан, которые используют электронные государственные услуги, в 2013 году – 30,8%, в 2014 году – 35,2%, в 2015 году – 39,6% [1].

В 2015 году в Свердловской области доля граждан, использующих механизм получения услуг в электронной форме, составила 33,6%. Можно сказать, что плановый показатель, а также показатель по РФ не достигнуты.

Также Минкомсвязи составило рейтинг по уровню развития информационного общества среди субъектов РФ. Свердловская область заняла 8 место в этом рейтинге.

Для детальной оценки электронного участия граждан и GR-коммуникации был проведен анализ результатов социологического опроса населения Свердловской области в рамках гранта РГНФ «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты» в период 2014-2015 год. Исходя из некоторых результатов данного исследования, можно сделать выводы, которые касаются электронного участия граждан в государственной политике.

В Свердловской области 58,7% жителей используют интернет несколько раз в неделю, 18,2% – один раз в день, остальные меньше одного раза в неделю. Жители Свердловской области чаще всего пользуются из Интернет-ресурсов социальными сетями (22,6%), а блогами всего – 3,1%.

В целом жителям Свердловской области достаточно получаемой информации (68%). Считают, что избыточно (16,5%). Недостаточно получаемой информации (8,3%).

Жители Свердловской области отмечают, что в большинстве поселений есть интернет для получения информации (68,7%), есть возможность покупать газеты и журналы в книжных магазинах, киосках (76,1%), просмотр нескольких телевизионных аналоговых каналов (70,7%), посещение библиотеки в месте проживания (64,8%), просмотра нескольких телевизионных цифровых каналов (54,4%) и т.д.

У большинства (29%) с получением информации никаких трудностей не возникает, не хватает времени для поиска и изучения интересующей информации (20,3%), жалуются на плохое качество передаваемого сигнала в поселении (11,5%), проблемы из-за нехватки средств на приобретение технических устройств (8,9%) и т.д.

Жители Свердловской области в интернете представлены через: электронную почту (83,3%), через социальные сети (74,2%), в специализированных приложениях для общения (45,2), зарегистрированы на портале госуслуг (32%), зарегистрированы на специализированных порталах покупок (24%).

О реализации программы «Электронное правительство» в нашей области не знакомы (49,4%), что-то слышали об этом (34,6%), хорошо знакомы с программой (16%).

Официальные сайты органов власти время от времени посещают (45,7%), не посещают (45,6%), регулярно посещают (8,8%).

Государственные и муниципальные услуги через Интернет не получали (51,1%), получали несколько раз (26,8%), получали один раз (11,8%), пытались получить, но не смогли (10,2%).

Письма, обращения, комментарии на официальный сайт органа власти, адресованные должностным лицам государственной власти, не отправляли (80,3%), один раз (12,2%), несколько раз (7,4%).

Опыт обращения к официальным Интернет-ресурсам (сайтам органов власти т.д.) оценивают как положительный (23,8%), как нейтральный (23,4%), не имеют такого опыта (32,2%), затрудняются ответить (14,5%), имеют отрицательный опыт (6,0%).

Половина опрошенных жителей Свердловской области не знают о существовании такой программы как «Электронное правительство», а значит, что информация распространена на низком уровне. Можно сказать, что ОГВ и ОМСУ недостаточно информируют граждан через СМИ, что является самым продуктивным, так как в нашей стране большое количество человек использует масс-медиа, а не новые медиа. Так как жители не знают, что такое Единый портал государственных и муниципальных услуг, электронное правительство, официальные сайты ОГВ и ОМСУ, и не имеют возможности узнать этого, они не имеют возможность пользоваться государственными и муниципальными услугами в электронном виде, а также проявлять активное электронное участие и формировать государственную политику.

Исходя из этого всего, можно сказать, что основными причинами малого электронного участия граждан являются: отсутствие информации о существовании электронного правительства, ЕПГУ, электронного участия граждан, GR-технологиях, которые реализуются посредством ИКТ; слабый уровень знаний и навыков в области информационных технологий.

Список литературы / References

1. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (дата обращения 25.11.2016).
2. Шевцова И.В., Днепровская Н.В. Социальные медиа в коммуникации между гражданами и органами государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск. 2015. № 51. С. 138-151.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vyborochnoe federal'noe statisticheskoe nabljudenie po voprosam ispol'zovaniya naseleniem informacionnyh tehnologij i informacionno-telekommunikacionnyh setej [Selectively federal statistical supervision on the use of information technology and a population of information and telecommunication networks] [Electronic resource] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (Reference date of 25.11.2016). [in Russian].
2. Shevcova I.V., Dneprovskaja N.V. Social'nye media v kommunikacii mezhdru grazhdanami i organami gosudarstvennogo upravlenija [Social media in the communication between citizens and public authorities] // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik Vypusk. 2015. № 51. P. 138-151. [in Russian].

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.098

Пашков А.А.¹, Фарахутдинов Ш.Ф.²

¹ORCID: 0000-0002-7501-9115, Аспирант, ²ORCID: 0000-0002-0849-7248, Кандидат социологических наук, Тюменский индустриальный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация

Приведены результаты социологического исследования, осуществляемого при участии авторов в Тюменской области. Выделено пять групп проблем с точки зрения их актуальности для молодёжи. Показано, что социально-экономические проблемы стоят перед молодыми селянами очень остро. Выявлено, что условия для решения этих проблем у молодых людей оставляют желать лучшего. Делается вывод о необходимости проведения грамотной политики по всем вопросам, затрагивающим интересы сельской молодёжи.

Ключевые слова: сельская молодежь, социология села, социальное самочувствие, социально-экономические проблемы.

Pashkov A.A.¹, Farakhutdinov Sh.F.²¹ORCID: 0000-0002-7501-9115, Postgraduate, Tyumen Industrial University,²ORCID: 0000-0002-0849-7248, PhD in Sociology, Tyumen Industrial University

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN RURAL YOUTH

Abstract

The article discusses the results of sociological research, carried out with the participation of the authors in the Tyumen region. It identified five groups of problems in terms of their relevance to young people. It is shown that socio-economic problems faced by young villagers very serious. It was revealed that the conditions for the solution of these problems in young people could be better. The conclusion about the need for a competent policy on all matters affecting the interests of rural youth.

Keywords: rural youth, sociology of the village, social well-being, social and economic problems.

Сегодня в России почти треть населения страны – это молодые люди. От их социального самочувствия зависит будущее всей страны. Понимание процессов и явлений, происходящих в молодёжной среде, способствует совершенствованию социальной политики государства по отношению к молодым людям. В этой связи, исследования, направленные на изучение проблем молодёжи, в особенности, наиболее уязвимой её когорты – сельской молодёжи представляются крайне актуальными.

Летом 2016 года в рамках деятельности Совета муниципальных образований Тюменской области, при участии авторов было проведено исследование, направленное на изучение адаптационных возможностей молодёжи в социально-экономической сфере. Опрошены жители 6-ти районов, 14 сельских поселений. Объём выборочной совокупности составил 892 человека. Возраст респондентов 23-35 лет (экономически активная группа). Исследование предполагало решение ряда задач, одна из которых заключалась в изучении значимости социально-экономических и политических проблем для сельской молодёжи.

Изучение проблем, актуальных для современной сельской молодёжи является важным аспектом, т.к. именно эти проблемы будут определять вектор их адаптационных стратегий, усилия, которые молодые люди будут предпринимать, чтобы снизить их воздействие. Исходя из этого, в анкете один из ключевых вопросов был направлен на выявление рейтинга значимости различных проблем. Респондентам была дана возможность выбора не более 5 вариантов (табл.1). Обзор приведённых данных показывает, что исходя из степени актуальности, можно выделить 5 групп проблем, схожих по содержанию.

К **первой** группе можно отнести самые актуальные для молодёжи проблемы, связанные с экономическим аспектом их жизнедеятельности. Это «Рост цен» (71,2%), «Низкие зарплаты, пенсии» (69,2%) и «Безработица, недостаток рабочих мест» (42,7%).

Вторую группу составляют проблемы связанные с обеспечением комфортной и удобной жизненной среды: «Жилищная проблема» (33,1%), «Состояние дорог» (25,2%), «Проблемы медицинского обслуживания» (21,4%). Сюда же можно отнести беспокоящую молодых людей проблему пьянства и алкоголизма – 28,8%.

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов относительно наиболее актуальных проблем

Проблема	
1. Безработица, недостаток рабочих мест	42,7%
2. Снижение уровня производства, закрытие промышленных, сельскохозяйственных предприятий	18,6%
3. Низкие зарплаты, пенсии	69,2%
4. Рост цен	71,2%
5. Жилищная проблема	33,1%
6. Проблемы благоустройства, чистоты села	11,1%
7. Экологические проблемы, загрязнение окружающей среды	10,9%
8. Состояние дорог	25,2%
9. Неудовлетворительная работа ЖКХ,	8,6%
10. Проблемы медицинского обслуживания	21,4%
11. Проблемы с недостатком образовательных учреждений	6,2%
12. Нехватка или недоступность досуговых учреждений	14,3%
13. Отток из села молодёжи	19,0%
14. Пьянство, алкоголизм	28,8%
15. Рост бытовой преступности, ухудшение криминальной обстановки	4,9%
16. Падение нравов, агрессивность, равнодушие людей	14,3%
17. Наплыв приезжих из ближних и дальних регионов России, зарубежья	5,6%
18. Проблемы, связанные с религиозной и национальной напряжённостью	3,4%
19. Низкое качество связи, Интернета	13,7%

Третья по значимости для молодёжи группа представлена следующими проблемами: «Отток из села молодёжи» (19%), «Снижение уровня производства, закрытие промышленных, сельскохозяйственных предприятий» (18,6%), «Нехватка или недоступность досуговых учреждений» (14,3%), «Падение нравов, агрессивность, равнодушие людей» (14,3%), «Низкое качество связи, Интернета» (13,7%). В целом эту группу проблем можно охарактеризовать как недостатки социального и коммуникативного пространства селян.

Пятая группа – наименее актуальные для респондентов проблемы. Сюда можно отнести проблемы с недостатком образовательных учреждений (6,2%), наплыв приезжих из ближних и дальних регионов России, зарубежья (5,6%), рост бытовой преступности, ухудшение криминальной обстановки (4,9%), проблемы, связанные с религиозной и национальной напряжённостью (3,4%). Нетрудно заметить, что эта группа связана, в основном, с межнациональными и межконфессиональными отношениями, криминогенной обстановкой.

Полученные результаты представляются закономерными. Аналогичные тенденции фиксируются современными исследователями в научной литературе [1]. Каковы же реальные возможности у молодёжи для преодоления экономических трудностей? Для ответа на этот вопрос в анкету был включён блок вопросов, направленных на выявление особенностей их трудовой и финансово-экономической сферы жизни.

Первый вопрос касался полученного респондентами образования. Отвечая на него, почти половина указали на наличие среднего специального образования (48,5%). У почти трети опрошенных высшее образование, причём высшее гуманитарное или экономическое у 21,8%, а техническое или естественнонаучное у 8,6%. Те, кто указал вариант «другое», как правило, отмечали, что они ещё находятся в процессе обучения. Анализ сопряжённости рассматриваемого вопроса с полом, показал, что неполное среднее образование в 4 раза чаще встречается у мужчин (81,8 – у мужчин, 18,2% у женщин), а высшее гуманитарное или экономическое в 4 раза чаще у женщин (81,6 – у женщин, 18,4% у мужчин).

Также анализ результатов опроса выявил прямую связь между уровнем профессионального образования и планами молодых людей относительно возможности переезда на другое место жительства. Респонденты с высшим образованием чаще указывали на возможность переезда, особенно это касается тех, у кого образование техническое или естественнонаучное.

В условиях сложностей на рынке труда в сельской местности, дополнительные источники поддержки семейного бюджета могут сыграть ключевую роль в их экономическом самочувствии. На вопрос о наличии таковых, больше половины указали, что такие источники имеются (табл.2).

Таблица 2 – Дополнительные источники поддержки семейного бюджета респондентов

Подработка по найму	7,0%
Случайные приработки	14,8%
Сезонный сбор ягод, грибов и других «даров природы»	13,1%
Личное подсобное хозяйство	25,9%
Сдача квартиры, дачи, иной недвижимости	2,7%
Охота, рыбалка	7,8%
Регулярная материальная помощь со стороны родственников	5,1%
Не имею дополнительных источников	44,7%
Другое (укажите)	1,3%

Как выяснилось, наиболее часто встречающимся источником поддержки молодых людей в сельской местности, является личное подсобное хозяйство. На его наличие указал каждый четвёртый респондент (25,9%). Примерно

равное количество респондентов выбрали такие источники как «Случайные приработки» и «Сезонный сбор ягод, грибов и других «даров природы»» - 14,8% и 13,1% соответственно. Те, кто выбрал вариант «другое» (1,3%), упоминали социальные пособия: «детские пособия», «пенсия по потере кормильца». Один респондент отметил, что ухаживает за бабушкой, а ещё один указал на занятие сетевым маркетингом.

Последний вопрос рассматриваемого блока предлагал респондентам оценить достаточность зарабатываемых средств для полноценного существования. Для подавляющего большинства молодых людей зарабатываемых средств оказалось недостаточно. Отвечая на вопрос об уровне дохода семьи, всего 8% указали, что их доходы позволяют жить без проблем и делать накопления, а 17,9% отметили, что могут ни в чём себе не отказывать. Чуть более половины могут позволить себе приобретать только самое необходимое (55%), с трудом поддерживают своё существование 16,9%, а 2,1% не имеют даже самого необходимого.

Подводя итог, следует отметить, что экономические проблемы стоят перед современной сельской молодёжью очень остро. Ситуация усугубляется низким уровнем доходов существенной части респондентов, а также высоким уровнем безработицы. Многие молодые люди вынуждены искать дополнительные источники поддержки семейного бюджета, а почти половина не имеет дополнительных источников дохода.

Несмотря на то, что молодёжная политика в нашей стране сегодня оформлена в нормативном и организационном планах, необходимо говорить о необходимости поиска дополнительных механизмов поддержки сельской молодёжи. Представляется, что это должны быть меры, осуществляемые в комплексе с развитием муниципальных образований.

Список литературы / References

1. Стовба Е.В. Исследование социально-экономических проблем молодёжи сельских территорий региона (на примере респ. Башкортостан) / Е.В.Стовба, Р.Н.Масалимов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 441.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Stovba E.V. Issledovanie social'no-jekonomicheskikh problem molodezhi sel'skih territorij regiona (na primere respubliky bashkortostan) [A study of socio-economic problems of youth of regional rural areas (as an example the Republic of Bashkortostan)] / E.V. Stovba, R.N. Masalimov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 6. – P. 441. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.007

Самарин А.В.¹, Мехришвили Л.Л.²

¹ORCID: 0000-0001-9348-8575, Соискатель,

²ORCID: 0000-0002-2411-2678, Доктор социологических наук, профессор,

Тюменский индустриальный университет

ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

Целью исследования является анализ роли и места здоровья в системе жизненных ценностей студенческой молодежи. Значимость данного аспекта исследования определяется тем, что для студенческой молодежи на сегодняшний день здоровье не является базовой ценностью. Студенты определяют здоровье как второстепенную ценность, что и попытались показать авторы статьи на основе результатов собственного эмпирического исследования. Проведен анализ составляющих здорового образа жизни студенческой молодежи по результатам социологических исследований.

Ключевые слова: студенческая молодежь, здоровье, ценности, система ценностей, иерархия ценностей студенческой молодежи.

Samarin A.V.¹, Mekhrishvili L.L.²

¹ORCID: 0000-0001-9348-8575, Postgraduate student,

²ORCID: 0000-0002-2411-2678, PhD in Sociology, Professor,

Tyumen Industrial University

HEALTH IN THE LIFE VALUE OF STUDENTS: SOCIAL RESEARCH RESULTS

Abstract

The aim of this study is to analyze the role of health and place in the system life values of student's youth. The importance of this aspect of the study is determined by the fact that for the students of today's health is not a basic value. Students define health as a secondary value, and tried to show that the authors based on the results of their own empirical research. The analysis of the components of a healthy way of life of students according to the results of sociological research.

Keywords: students, health, values, hierarchy of values of student's youth.

Трансформация российского общества не могла не затронуть систему ценностей и ценностных установок россиян. В связи с этим большое внимание уделяется проблеме ценностей молодежи, которые определяются как стабилизирующие элементы общественного сознания, социального взаимодействия и образцы поведения индивида в обществе. В социологии данная проблема продолжает оставаться достаточно актуальной, поскольку ее решение связано с системой жизнедеятельности личности и социальных групп [2].

Приоритетными социальными ценностями студенчества являются высокий материальный доход, получение качественного образования, престижная работа и взаимоотношение с другими людьми. Ценностные установки

студенчества в настоящее время связаны, в основном, с достижением высокого материального благополучия и жизненного успеха, в следствии чего вытесняются такие значимые ценности как здоровье и здоровый образ жизни.

С точки зрения аксиологического подхода, здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, которая соотносится с основными ценностными ориентациями личности, и занимает определенное положение в ценностной иерархии. Преобладание одних ценностных ориентаций над другими рассматривается как факторы, определяющие здоровье человека [4].

Распространенность среди студенчества таких пагубных привычек как курение, употребление алкоголя, наркотических веществ и психотропных препаратов свидетельствует о том, что существующие методы формирования ценностного отношения к здоровью пока не дают желаемых результатов. Соответственно, существует необходимость комплексной корректировки данных методов.

Эмпирическая база исследования - материалы анкетного опроса студентов (N=430), проведенного в ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» и ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» в марте - апреле 2016 года. Объем выборочной совокупности составил 430 человек, из них 208 студентов вуза с гуманитарной направленностью и 222 с технической направленностью. В опросе приняли участие студенты: 1 курса - 118, 2 курса - 112, 3 курса - 122, 4 курса - 77.

Самооценка здоровья – это оценка индивидом своего физического и психического состояния, ключевой показатель отношения к здоровью, для которого характерны три основные функции: 1) регулятивная, 2) оценочная, 3) прогностическая [1].

Наше исследование отношения студенчества к своему здоровью показало, что 18,4% студентов определяют свое здоровье как «отличное», 52,8% студентов определили собственное здоровье как «хорошее», 24,9% студентов считают, что у них «удовлетворительное» здоровье и 2,8% студентов определили свое здоровье как «плохое» (рис. 1).

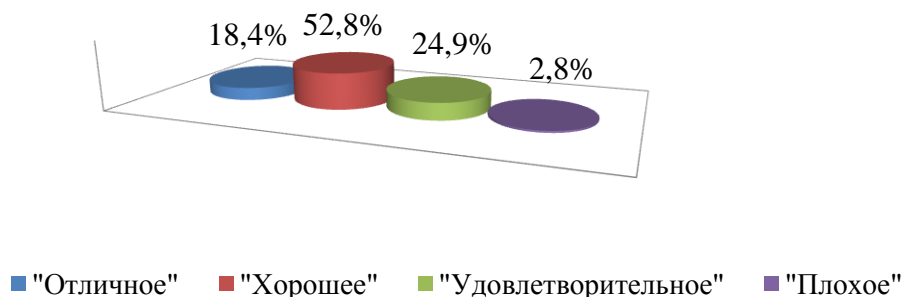

Рис. 1 – Самооценка собственного здоровья студентами гуманитарного и технического вузов, (в %)

Как показано на рис. 1, наибольшая доля ответов приходится на вариант «хорошее». Тем не менее, необходимо учитывать то обстоятельство, что самооценка собственного здоровья является субъективным показателем. Студенческая молодежь оценивает свое здоровье, основываясь на стандарты, нормы и ценности культурной среды, которая их окружает. Опрашиваемые студенты ведущих вузов тюменского региона позиционируют себя как элиту общества, которая должна быть на высоте и иметь хорошее здоровье. Проведенное исследование продемонстрировало, что большая часть студентов (81,3%) считает здоровье определяющим фактором жизнеобеспечения.

Само по себе вузовское образование должно являться центром управления здоровьем студентов. На сегодняшний день реалии таковы, что в современном вузовском образовании существует множество факторов риска, влияющих на здоровье студенческой молодежи. По сути все это способствует гиподинамии, ослаблению мышечной системы организма студентов, а он рассчитан на значительные двигательные объемы, в которых испытывает большой дефицит [5].

В данном исследовании респондентам предлагалось определить наиболее актуальные на их взгляд факторы риска, способствующие ухудшению состояния здоровья. Самыми популярными были ответы: 1-е место - «Вредные привычки», 2-е - «Нарушение режима питания» и 3-е - «Нарушение режима труда и отдыха». Наше исследование подтверждает результаты идентичных социологических исследований проведенных ранее, которые демонстрируют, что вредные привычки входят в первую тройку факторов риска здоровью.

Здоровый образ жизни — это все то, что в поведении и деятельности человека благотворно влияет на его здоровье. Здоровый образ жизни способствует сохранению и укреплению здоровья и является основой профилактики большинства заболеваний. По данным ряда отечественных и зарубежных исследователей, здоровье населения более чем на 50 % зависит от образа жизни [7, С. 18].

В блоке анкеты нашего исследования, который касался здорового образа жизни студентов, респондентам предлагалось определить одно наиболее значимое препятствие для ведения здорового образа жизни.

Таким образом, 27,2% студентов выбрали ответ – «отсутствие свободного времени». Соответственно 21,4% и 20,9% - «отсутствие желания» и «отсутствие мотивации». 16,5% респондентов выбрали ответ – «отсутствие средств». Незначительными препятствиями ведения ЗОЖ для студентов являются: «отсутствие необходимого уровня поддержки физической культуры и спорта со стороны органов государственной власти» и «отсутствие соответствующих знаний» - 6,2% и 3% соответственно. В строке «Другое» респонденты могли выразить собственное мнение по данному вопросу. Самыми популярными мнениями являлись: «лень», «плохое здоровье», «уклад, сложившийся в семье» и «образ жизни ближайшего окружения».

Для того что бы выяснить, влияет ли здоровый образ жизни на жизненный успех, респондентам предлагалось определить три наиболее важные условия, способствующих достижению жизненного успеха в первую очередь. Так по общему массиву опрошенных респондентов на 1-е место студенты поставили «наличие жизненной цели», на 2-е – «взаимоотношения с другими людьми», на 3-е – «здоровый образ жизни». Тем самым для студенческой молодежи ведение здорового образа жизни является одним из важных аспектов в достижении жизненного успеха.

Ценности. Исследования прошлых лет показали, что главными жизненными ценностями молодежи являются семья, друзья и здоровье, затем следуют: интересная работа, деньги и справедливость [6].

В данном исследовании студентам предлагалось проранжировать ценности по степени значимости от 1 до 10 (1-наиболее значимо, а 10-наименее значимо) (табл. 2).

Таблица 2 – Иерархия жизненных ценностей студентов, (весь массив опрошенных)

	Ранг	Среднее значение
Взаимоотношения в семье	1	3,9
Взаимоотношения с друзьями	2	4,2
Хорошее здоровье	3	4,9
Получение качественного образования	4	5,2
Материальное благосостояние	5	5,3
Приятное времяпрепровождение, отдых	6	5,5
Карьерный рост	7	5,7
Признание и уважение людей	8	6,5
Социальная активность	9	6,9
Высокий социальный статус	10	7,0

Наиболее значимыми ценностями для студенческой молодежи являются: «взаимоотношения в семье», «взаимоотношение с друзьями» и «хорошее здоровье». Наш опрос подтверждает результаты идентичных исследований. Необходимо так же отметить, что по своей ценностной сущности здоровье выступает благом, т.е. тем, что отвечает потребностям, интересам, имеет положительное значение для людей. По аксиологической иерархии здоровье относится к разряду высших, универсальных ценностей, так как имеет непреходящее, всеобъемлющее и вневременное значение [3].

Подводя итоги, отметим, что при самооценке собственного здоровья студенты определяют его в большей степени как хорошее, при этом респонденты, определяя факторы риска, способствующие ухудшению состояния здоровья, выделяют вредные привычки.

Студентам в большей степени не хватает свободного времени для ведения здорового образа жизни. Здоровый образ жизни является одним из приоритетных условий в достижении жизненного успеха. Тем не менее, студенческая молодежь полагает, что самым приоритетным условием в данном вопросе являются взаимоотношения с другими людьми. Современная молодежь считает, что наличие хороших связей поможет в реализации жизненных планов, в поиске престижной работы и карьерном росте.

Доминантой жизненных ценностей для студентов является взаимоотношение в семье. Потребность в счастливой семейной жизни у респондентов объясняется тем, что уже сейчас студенты задумываются о создании собственной ячейки общества, понимая, что для них это является наиболее важным в жизни. Следовательно, интерес к семейной жизни является преобладающим. Хорошее здоровье является неотъемлемой частью жизни любого человека, в том числе и студенческой молодежи. Большинство студентов понимают, что, не имея хорошее здоровье, не будет ни сил, ни желания что-либо делать в жизни – развиваться, ставить и достигать своих целей.

Список литературы / References

1. Здоровье студентов: социологический анализ / отв. ред. И.В.Журавлёва: Монография. – Москва: ИНФРА-М, 2014. – 272 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/375 (www.doi.org).
2. Конев Ю.М., Ребышева Л.В., Савицкая Ю.П. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи (по результатам социологического опроса студентов Тюменского государственного нефтегазового университета) // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-2.
3. Ларионова И.С. «Здоровье современного человека как ценность». Человек Будущего и критериальное сознание. Выход из глобального кризиса. Материалы всемирной этической дискуссионной конференции (Тула, 2005 г.) Том 1.
4. Платон. Законы // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1994, Т. 4. С. 78.
5. Самарин А.В. Влияние факторов риска на формирование здоровья студенческой молодежи. Электронный журнал «Современные проблемы науки и образования». – 2015. – № 1; URL: www.science-education.ru/121-18162 (дата обращения: 27.04.2016).
6. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи [Текст] // В.Е. Семенов // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 37-43.
7. Яблокова А.В. Здоровье человека и окружающая среда. М. 2007 — 186 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zhuravlëva I.V. Zdorov'e studentov: sociologicheskij analiz [Health students: the sociological analysis] / hole. Ed. I.V.Zhuravlëva: Monograph. - Moscow: INFRA-M, 2014. - 272 p. - (Scientific Thought). - DOI 10.12737 / 375 (www.doi.org). [in Russian]

2. Konev Y.M., Rebysheva L.V., Savitskaya Y.P. Cennostnye orientacii sovremennoj studencheskoj molodezhi [Valuable orientations of modern students] (according to the results of a poll of students Tyumen State Oil and Gas University) // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015. №1-2. [in Russian]
3. Larionov I.S. Zdorov'e sovremenno go cheloveka kak cennost' Chelovek Budushhego i kriterial'noe soznanie. Vyhod iz global'nogo krizisa. [Health of modern man as the value of. Man of the Future and the dimensionless consciousness. Out of the global crisis.] *Materialy vseмирno j eticheskoi diskussionnoi konferencii* (Tula, 2005 g.) [Materials World ethic discussion conference (Tula, 2005)] Volume 1. [in Russian]
4. Plato. Laws // Coll. cit. : In 4 t. M., 1994, T. 4. S. 78. [in Russian]
5. Samarin A.V. Vlijanie faktorov riska na formirovanie zdorov'ja studencheskoj molodezhi [The impact of risk factors on the health of students]. *Elektronnyj zhurnal «Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya»*. – 2015. – № 1 [Electronic Journal "Modern problems of science and education." - 2015. - № 1]; URL: www.science-education.ru/121-18162 (reference date: 27.04.2016). [in Russian]
6. Semenov V.E. Cennostnye orientacii sovremennoj molodezhi [Valuable orientations of modern youth] [Text] // *VE Semenov // Sociologicheskie issledovaniya*. – 2007. – № 4. – S. 37-43. [Sociological studies. - 2007. - № 4. - S. 37-43]. [in Russian]
7. Yablokov A.V. Zdorov'e cheloveka i okružhajushhaja sreda [Human health and the environment]. M. 2007 - 186 p. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.030

Стрельникова Т.В.

ORCID: 0000-0003-2362-9875, старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются социальные механизмы функционирования и развития организационного самоуправления. Автор проанализированы механизмы создания и координации горизонтальных связей в организации. Особое место уделено рабочей команде как наиболее эффективному механизму горизонтальной связи в организации, что подтверждают результаты данного исследования.

Ключевые слова: рабочая команда, сельское хозяйство, самоуправление, согласие, качество и производительность труда, кооперация.

Strelnikova T.V.

ORCID: 0000-0003-2362-9875, Senior Lecturer,

The Bonch-Bruевич Saint - Petersburg State University of Telecommunications

SOCIAL MECHANISMS OF FUNCTIONING AND DEVELOPMENT ORGANIZING SELFMANAGEMENT

Abstract

The article addresses the social mechanisms of functioning and development of organizational self-management. The author analyzes the mechanisms of creation and coordination of horizontal relations in the organization. Particular attention is paid to the working team as the most effective mechanism of horizontal communication within the organization, which is confirmed by the results of this study.

Keywords: team work, self-management, agriculture, compliance, quality and productivity, cooperation.

Современные способы управления устаревают, а зачастую предлагаемые рекомендации в литературе по тому, какой путь развития выбрать становятся не помощью, а проблемой. Организации в различных сферах: сельского хозяйства, социального обслуживания, информационно-коммуникационных технологий и т.д., декларируют принципы самоуправления, а руководители не всегда понимают каковы механизмы его функционирования и развития. В настоящее время важнейшим открытием в менеджменте стало появление "бирюзовых организаций - возможность преодолеть вековую проблему неравного распределения власти при помощи организационной структуры, в которой никто не обладает властью над другими" [1, С. 83], такие организации имеют в структуре самоуправляемые команды, и если есть необходимость координировать действия команды поступают так: "Когда возникает проблема или появляется благоприятная возможность, спонтанно организуется встреча, в которой принимают участие представители нескольких команд. Когда требуется более или менее постоянный способ координации, команды привлекают административную или вспомогательную службу при помощи обратного делегирования полномочий. Ничто не требует одобрения сверху. Все происходит естественно. Совещания и роли возникают сами собой". [1, С. 104] Организации переходят к горизонтальным структурам, функционирующим на принципах самоуправления и самоорганизации в целях достичь высокого качества и производительности труда. Исследованиям механизмов управления и самоуправления посвящено достаточное количество трудов. Среди них Р. М. Белбин., Н. Захаров, Т.П. Галкина, Л.М. Хижняк, А. Калабин, А.А. Авдеев, Г. Хакен, Р. Дафт, Дж. Мерфи, Х. Уилмот, А.М. Карякин, М. Перфильева, Р. Танненбаум., Г.М. Паркер, Д.Г. Анкона и др. Среди современных исследований систем социального управления и самоуправления можно выделить исследования Дафта Р., Мерфи Дж., Уилмотта Х., которые выделили пять координационных механизмов горизонтальных связей, которые способствуют координации действий и улучшают информационный поток: информационные системы (используют для установления взаимоотношений по всей организации, чтобы поддерживать и улучшать существующую

горизонтальную координацию), непосредственный контакт (реализуется через создание роли связующего и размещения работников близко друг к другу, чтобы они могли контактировать друг с другом), целевые группы (решают проблемы путем непосредственной координации усилий по горизонтали и снижения информационной нагрузки на вертикальную иерархию), штатный интегратор (реализуется через создание должности или отдела, занимающегося исключительно вопросами координации), команды (реализуется через элемент сотрудничества, используя коммуникации). [2, С. 129-134]

Центральным элементом дизайна современных организаций являются команды, а исследования эффективности связаны с вопросами развития потенциала сотрудников и с понятием "самоуправляемой команды". Самоуправляемая команда "самостоятельно:

- планирует свою работу;
- организует работу входящих в нее сотрудников путем определения и согласования обязанностей каждого, наделения полномочиями для выполнения задания и принятия решений, составления рабочего графика;
- координирует работу входящих в нее сотрудников, а также деятельность всей команды с функциональными отделами в организации, развивает кооперацию и коммуникации как на внутрикомандном, так и межкомандном уровнях;
- мотивирует своих сотрудников на эффективное выполнение заданий;
- принимает на работу новых сотрудников;
- обучает своих сотрудников смежным профессиям;
- выявляет и разрешает потенциальные и реальные проблемы, которые мешают ее деятельности;
- поддерживает инициативу каждого сотрудника – члена команды - в отношении новых творческих способов выполнения задания;
- задает стандарты качества;
- несет коллективную ответственность за полученные результаты работы". [3, С. 103-104]

Процесс командообразования можно рассматривать и как вариант естественной групповой динамики или же как определенный набор специальных технологий для организации и управления социальным развитием группы, предполагающий достижения высокого уровня кооперации за счет согласия между структурными элементами.

Сила команды в ее структурной организации - формирования ее на основе функциональных и командных ролей, и высокого потенциала возможной согласованности данных ролей, о чем указано в работах М. Белбина и Ч. Маргерисона.

По мнению Президента кадрового агентства Ward Howell Сергея Воробьева «Есть ощущение, что с сырьевой халевой мы покончили и наконец-то будем учиться повышать качество и производительность труда и переходить к экономике знаний, и переходить к новой модели бизнеса. Она будет горизонтальная, потому что надо, чтобы все со всеми общались и друг у друга учились. А иерархия убивает общение. Но любое общение — это возможность конфликта. Ведь только кажется, что мы с детства предрасположены дружить, а на самом деле мы в общем и целом достаточно эгоистичны, у нас есть предел сотрудничества. И для того чтобы его снимать, современное управление уже тратит больше половины усилий на развитие этих самых soft skills, „гибких навыков“, которые помогают нам сотрудничать. Потому что, еще раз повторюсь, оказывается, людям неестественно сотрудничать — и этому нужно учиться». [4]

Ф. Гласл и Р. Байлрайх рассмотрели командное развитие в связи с описанием природы и сути конфликтного потенциала, присутствующего в командах и организациях, при этом выделив четыре фазы развития команды: 1) Штурминг 2) Приведение в норму 3) Исполнение 4) Реформирование; и присущие каждой стадии возможные конфликтные ситуации. [5]

В таком понимании управление представляет собой обучение сотрудников в таком направлении, чтобы они сами руководили собой, для этого от специалистов требуется понимания не только социально-психологической динамики в командах и в организациях, но и учета многофакторных последствий социальных подсистем в организации с ее связями и сетями. Особый управленческий кризис наблюдается в сфере сельского хозяйства и требует особого внимания в анализе социальных процессов, протекающих в сельском хозяйстве, и возможных перспектив его развития заслуживает личность руководителя сельскохозяйственной организации. Именно он является движущей силой, определяющей вектор развития хозяйства вместе с сельской территорией, где оно располагается. Руководитель хозяйства является ключевой фигурой на селе, именно он своей волей может «задавать ритм и порядок труда огромного коллектива» либо своим попустительством и безразличием допустить растаскивание и последующий крах хозяйства. Именно внутренние резервы не в меньшей мере, чем внешние макроэкономические, оказывают влияние на общее состояние аграрной экономики. [6]

В связи с изложенным, предлагается стратегия управления посредством развития субъектности индивида, где велика роль самосознания личности и необходимости:

1. Организовывать встречи социальных субъектов.
2. Подбирать субъектов взаимодействия таким образом, чтобы избежать единомыслия, при этом должны присутствовать разные люди, и противоборствующие в реальной жизни и схожие друг с другом, для обеспечения сторон борьбы или исследуемого действия. Подбор субъектов должен осуществляться самими участниками взаимодействия.
3. Производить открытый обмен точками зрения, контролируя ход заседания, предельно избегая дискуссии и спора. В этом заложена функция управления - в координации.
4. Проводить "заседания" анализа встреч.
5. Целью заседаний обозначить коллективный анализ своих действий, таким образом чтобы вовлечь каждого в процесс регуляции поведения и обеспечить вклад каждого в управленческий процесс, в повышение уровня историчности, это и есть степень самоуправляемости». [7, С. 132-136]

Функционирование и развитие самоуправления реализуется в команде через развитие личностных качеств сотрудника, а именно его умения сотрудничать с другими в коллективе, раскрытию его способности к самоанализу и самостоятельности действий для координации и интеграции его с организацией.

Список литературы / References

1. Лалу Ф. Открывая организации будущего / Ф. Лалу. - 2-е изд. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. - 432с.
2. Дафт Р., Мерфи Дж., Уилмотт Х. Организационная теория и дизайн / Р. Дафт., Дж. Мерфи., Х. Уилмот. - СПб.: Питер, 2013. - 640 с.
3. Томпсон Л. Создание команды / Л. Томпсон. - Вершина, 2006. - 544 с.
4. Соратники или наемники. Почему мы не лояльны своим работодателям? [Электронный ресурс]. - URL: <http://maxrub.livejournal.com/8441.html?media> (дата обращения 06.12.2016)
5. Бальрайх Р., Гласл Ф. Построение команды и организационное развитие как методы предупреждения и разрешения конфликтов [Электронный ресурс] / Р. Бальрайх, Ф.Гласл. - 290 с. - URL: www.bergholf-hadbook.net. (дата обращения 06.12.2016).
6. Вождаева Н.Г., Волков И.В. Управление в сельском хозяйстве [Электронный ресурс] / Н.Г. Вождаева, И.В. Волков // Вестник Нижегородского государственного инженерно — экономического университета. - 2015. - № 5 (48). - С. 16-24. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-v-selskom-hozyaystve-problemy-i-perspektivy> (дата обращения 20.12.2016).
7. Стрельникова Т.В. Методологический подход А.Турена к исследованию современных систем социального управления / Т. В. Стрельникова // Журнал научных статей "Здоровье и образование в 21 веке". - 2016. - № 8. - С. 132-136.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Laloux F. Otkryvaya organizacii budushhego [Reinventing organizations] / F. Lalu. - 2-e izd. - M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. - 432 p. [in Russian].
2. Daft R., Murphy J., Willmott H. Organizacionnaja teorija i dizajn.[Organization theory and Design] / R. Daft, J. Murphy, H. Willmott. - SPb.: Piter, 2013. - 640 p. [in Russian].
3. Tompson L. Sozdanie komandy [Making the team: A Guide for Managers] / Tompson L. - Vershina, 2006. - 544 p. [in Russian].
4. Soratniki ili naemniki. Pochemu my ne lojal'ny svoim rabotodateljam?[Companions or mercenaries. Why are we not loyal to their employers?] [Electronic resource]. - // Maxrub. - 2016. - URL: <http://maxrub.livejournal.com/8441.html?media> (accessed: 06.12.2016) [in Russian]
5. Bal'rajh R., Glasl F. Postroenie komandy i organizacionnoe razvitie kak metody preduprezhdenija i razreshenie konfliktov [Team building and organizational development as a method of prevention and resolution of conflicts] [Electronic resource] / R. Bal'rajh, F. Glasl. - 290 p. - URL: www.bergholf-hadbook.net. (accessed: 06.12.2016) [in Russian]
6. Vozhdaeva N.G., Volkov I.V. Upravlenie v sel'skom hozjajstve [Management in agriculture: problems and prospects] [Electronic resource] / N.G. Vozhdaeva, I.V. Volkov // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo inzhenerno — jekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University]. - 2015. - № 5 (48). - P. 16-24. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-v-selskom-hozyaystve-problemy-i-perspektivy> (accessed: 20.12.2016). [in Russian]
7. Strelnikova T.V. Metodologicheskij podhod A.Turena k issledovaniju sovremennyh sistem social'nogo upravlenija [Methodological approach of A. Touraine to research of modern systems of social management] / T.V. Strelnikova // Zhurnal nauchnyh statej "Zdorov'e i obrazovanie v 21 veke". [The journal of scientific articles "Health and millenium Education"]. - 2016. - № 8. P. 132-136. [in Russian]

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.103

Сушко В.А.

¹ORCID: 0000-0003-4868-2437, Кандидат социологических наук,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Социологический факультет

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ**Аннотация**

В статье анализируется проблема гендерного неравенства, которая является наиболее критичной именно в политической сфере жизни общества. На примерах исследований и статистических данных автор показывает масштаб рассматриваемого социального явления, а также роль женщины-политика, которая сегодня крайне важна в решении вопросов, возникающих в социальном направлении деятельности органов государственной власти. Выявленные источники гендерного неравенства в управленческой структуре России дадут понять степень серьезности проблемы, выработать пути снижения ее остроты или решения в целом, а также спрогнозировать возможные дальнейшие изменения в изучаемом социальном явлении.

Ключевые слова: гендер, гендерное неравенство, российская политическая элита.

Sushko V.A.

ORCID: 0000-0003-4868-2437, PhD in Sociology,
Moscow State University name M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology
GENDER INEQUALITY IN RUSSIA POLITICAL ELITE

Abstract

The article analyzes the problem of gender inequality, which is the most critical in the political sphere of society. For examples of research and statistics, the author shows the scale of considered social phenomenon and the role of a woman politician, which today is extremely important in dealing with issues arising in activities of public authorities in the social life. Identified sources of gender inequality in the management structure of Russia will give us an understanding of the seriousness of the problem, a chance to develop ways to reduce its severity or the overall solution. Also, it will predict possible future changes in the study of social phenomena.

Keywords: gender, gender inequality, the Russian political elite.

Феномен элиты сформировался еще до того, как появились первые государства на Земле, однако уже тогда были определенные критерии для включения человека в группу высшего порядка. К таким относились сила, доблесть, военные навыки, высокоразвитый интеллект и справедливость, которые существовали как основополагающие вплоть до XX века. Отсюда следует, что «Традиционно изучение элиты происходило без учета пола, поскольку лидерская роль считалась только мужской» [1. С. 1]. Однако во второй половине XIX века начали происходить некоторые события, приведшие к последующей эмансипации женщин и, как следствие, перестройке общества с его установленными социальными ролями. Речь идет именно о развитии феминистского движения с его декларациями и митингами, которое «...повлияло на политические институты, на самосознание женщин, на изменение гендерной системы, оно открыло табуированные темы и изменило интерпретацию ранее обсуждаемых тем» [2. С. 50]. При этом перестройка содержания политической сферы жизни общества была начальной и основной задачей, вылившейся в первую волну нового направления. Нельзя сказать, что его участники ничего не добились, даже наоборот – женщины в настоящем пользуются всеми правами наравне с мужчинами. Но даже эта возможность не искоренила гендерного неравенства во многих областях, и в частности в политической. Прошло уже более ста лет с формирования и деятельности феминистского сообщества, однако достичь полного равноправия до сих пор не удастся. Многие правительства пытаются проводить эгалитарную стратегию управления социумом, но и она малоэффективна. О наличии этой проблемы свидетельствуют различные объективные показатели, отражающие половое соотношение во многих сферах. Так, например, количество женщин в составе Совета Федерации России не превышает 18,6%, а в Государственной Думе – 13,5% при стандартизированном и разумном для современного общества показателе в 30-40%. Казалось бы, какие осложнения может принести данный феномен, если исторически сложилось так, что именно представителям сильного пола была дана власть над миром. Однако проблемная ситуация есть и без участия женщин она включает в себя крайне слабое развитие социального направления, которое охватывает большую часть населения – пенсионеров, детей, многодетные семьи, беременных и т.д. Неудовлетворенность масс, в свою очередь, может привести к серьезным последствиям, выраженным в бунтах и государственных переворотах. Таким образом, «Исследования, проведенные в скандинавских странах, демонстрируют, что присутствие значительного числа женщин (более 40%) в структурах власти способствует продвижению социально-ориентированной политики, даже если она идет вразрез с мнением партий» [3. С. 246].

На сегодняшний день, согласно социологическому исследованию СКАГС, проведенному в первом десятилетии 2000-х годов, «Населением и экспертами современная элита характеризуется такими качествами как: «коррупционность – недостаточный профессионализм – игнорирование запросов и интересов населения – ориентация на интересы состоятельного меньшинства»» [4]. Исходя из этого, вполне логичными и аргументированными представляются требования граждан по отношению к высшему сословию, заключающиеся в ответственности, гибкости и взвешенности принимаемых решений государственной важности со стороны последнего, в соответствующих ценностях народа у него моральных позициях, а также в компетентности ононого. Другими словами, «В современной России четко формируются требования к профессионализму правящих групп, эффективности их правления, а также к уровню их нравственного и интеллектуального развития» [5. С.90] - ко всему тому, чего, по мнению населения, нет в реальности и совершенно ей противоположно.

Однако здесь представлено только общественное суждение относительно руководства страны, но вот интересно, что же думают о себе сами высокопоставленные люди? Как они себя характеризуют? Какие мнимые или действительные качества себе приписывают? Все довольно просто: «Представители самой элиты выбирают ту же тетраду: «Профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм»» [4]. То есть можно сказать, что они сопоставляют себя с конкретным сложившимся в управляемом ими социуме идеалом, вследствие чего в их сознании формируется то, что ученые называют сегодня «элитной идентичностью». Это понятие включает в себя осознание и ощущение собственной принадлежности к верхушке общества, или некоей избранности, а также ответственности за проведение конкретной политической деятельности на всех уровнях: от местного до мирового. Помимо всего перечисленного у элитарной личности в условиях нормального функционирования ее группы существуют свои отличительные особенности, к которым относятся «...развитая индивидуальность с пассионарными устремлениями в политико-управленческую деятельность, с высоким уровнем подготовленности к этой деятельности и эффективными результатами» [4. С. 10]. Таким образом, высокопоставленные структуры видятся в теории и в представлениях их самих, однако не следует забывать, что данное описание является своеобразной желаемой утопией.

И все же, как социологи-исследователи с объективной точкой зрения на любой социальный феномен, в том числе и на политическую элиту, мы должны опираться не только на чье-то субъективное мнение и результаты его выявления, но и на конкретную статистическую информацию, представленную ведущими организациями мира. Так, например, индекс Worldwide Governance Indicators, оценивающий качество управления в разных странах и вычисляемый по методике Всемирного банка. Он учитывает шесть показателей, таких как: отсутствие насилия и политическая стабильность, качество законодательства, учет мнения населения и подотчетность государственных органов, эффективность работы правительства, сдерживание коррупции, верховенство закона. И вот последние результаты за 2013 год: «По данным расчетов эффективность правительства России составляет всего 41,6 пунктов из 100 возможных, в то время как у Франции – 89,5, Германии – 91,9, Англии – 92,3» [5. С.96]. В связи с этим вполне можно доверительно относиться к рассмотрению высшего класса с вышеуказанной точки зрения народа о том, что управленческая структура нашего государства имеет довольно узкие и ограниченные интересы, ориентированные в большинстве своем на личные потребности, а также она характеризуется неподготовленностью к исполнению важных целей, направленных на национальное развитие. «Политическая элита, находящаяся на уровне принятия решений, не всегда принимает рациональный выбор в интересах граждан страны» [6. С. 105]. В рамках же данной статьи следует добавить не менее важную характеристику политической элиты – преобладание мужчин. Нельзя сказать, что это исключительно российское качество, и в других странах данного феномена не наблюдается, однако в нашей стране этот показатель куда более критичен, чем в остальных хорошо развитых государствах мира.

Таким образом, гендерное неравенство – это одна из характерных черт российской политической элиты, имеющая свои конкретные корни и оказывающая непосредственное воздействие на продуктивность действий лидеров органов государственной власти. С нынешними показателями это является большой проблемой для российского общества, которую максимально незамедлительно надо решать, иначе это может привести к плачевным для всех последствиям. И при правильной перестройке некоторых частей политической системы «По оценкам организации «ООН-Женщины» в государствах с мажоритарной системой выборов (при отсутствии нормативного квотирования) показатель – 40 % женщин на госслужбе – не будет достигнут и к концу XXI в., а с пропорциональной системой и применением квотирования этот показатель прогнозируется на 2026 г.» [7. С. 139].

Список литературы / References

1. Кондратович И.В., Звездунова Г.В. Гендерный разрез элиты / И.В. Кондратович, Г.В.Звездунова // Интернет-журнал Науковедение. – 2010. – № 5. – С. 1-8. URL : <http://naukovedenie.ru/sbornik1/3-18.pdf>. (дата обращения: 11.10.2016).
2. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция / Т.А.Королева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 44-50.
3. Котоманова О.В. Женщина в российском обществе: проблемы гендерного неравенства / О.В.Котоманова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 243-248.
4. Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Швеиц Л.Г. Политические элиты современной России: идеология, ценности, идентичность современных российских политических элит / В.В.Рудой, А.В.Понеделков, А.М.Старостин, Л.Г.Швеиц // Интернет-журнал Науковедение. – 2010. – № 3. – С. 3-10. URL: <http://naukovedenie.ru/sbornik1/3-3.pdf>. (дата обращения: 23.10.2016).
5. Абрамова И.Е. Политическая элита как составляющая политического процесса: на примере России / И.Е.Абрамова // Сборник Российское образование: проблемы, векторы и ориентиры развития материалы международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 88-93.
6. Леонтьева О.В., Сквиков А.К. Политические противоречия в механизмах формирования политических элит / О.В.Леонтьева, А.К. Сквиков // Youth World Politic. – 2014. – № 3. – С. 105-113.
7. Тарусина Н.Н., Исаева Е.А. О политической активности российских женщин / Н.Н.Тарусина, Е.А.Исаева // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 138-145.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kondratovich I.V., Zvezdunova G.V. Gendernyj razrez jeliti [The gender section of the elite] / I.V.Kondratovich, G.V. Zvezdunova // Internet-zhurnal Naukovedenie [Internet Journal of science of science]. – 2010. – № 5. P. 1-8. URL : <http://naukovedenie.ru/sbornik1/3-18.pdf>. (accessed: 11.10.2016). [in Russian].
2. Koroleva T.A. Zhenskoe dvizhenie: genezis i jevoljucija [The women's movement: Genesis and evolution] / T.A.Koroleva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2013. – № 368. – P. 44-50. [in Russian].

3. Kotomanova O.V. Zhenshhina v rossijskom obshhestve: problemy gendernogo neravenstva [Woman in Russian society: gender inequality] / O.V.Kotomanova // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. – 2011. – № 5. – P. 243-248. [in Russian].
4. Rudoj V.V., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Shvec L.G. Politicheskie jelity sovremennoj Rossii: ideologija, cennosti, identichnost' sovremennyh rossijskikh politicheskikh jelit [Political elites in contemporary Russia: ideology, values, identity of contemporary Russian political elites] / V.V.Rudoy, A.V.Ponedelkov, A.M.Starostin, L.G.Shvets // Internet-zhurnal Naukovedenie [Internet Journal of science of science]. – 2010. № 3. – P. 3-10. URL: <http://naukovedenie.ru/sbornik1/3-3.pdf>. (accessed: 23.10.2016) [in Russian].
5. Abramova I.E. Politicheskaja jelita kak sostavljajushhaja politicheskogo processa: na primere Rossii [Political elite as a part of the political process: the case of Russia] / I.E.Abramova // V sbornike: Rossijskoe obrazovanie: problemy, vektory i orientiry razvitija materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [In miscellany: education in Russia: problems and guidance development vectors materials of the international scientifically-practical Conference]. – 2015. P. 88-93. [in Russian].
6. Leont'eva O.V., Skovikov A.K. Politicheskie protivorechija v mehanizmah formirovaniya politicheskikh jelit [Political controversies in the mechanisms of formation of political elites] / O.V.Leont'eva, A.K.Skovikov // Youth World Politic. – 2014. – № 3. – P. 105-113. [in Russian].
7. Tarusina N.N., Isaeva E.A. O politicheskoy aktivnosti rossijskikh zhenshhin [On the political activity of Russian women] / N.N.Tarusina, E.A.Isaeva // Vestnik JarGU. Serija: Gumanitarnye nauki [Bulletin JarGU. Series: the humanities]. – 2014. – № 2. – P. 138-145. [in Russian].

DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.129

Фарахутдинов Ш.Ф.

ORCID: 0000-0002-0849-7248, Кандидат социологических наук,

Тюменский индустриальный университет

СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ: СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ**Аннотация**

Приведены результаты очередного этапа комплексного исследования, осуществляемого Советом муниципальных образований Тюменской области. Показано, что характер и направленность миграционных процессов сельских территорий зависит от ряда факторов, к числу которых можно отнести степень развитости дорожной сети, удалённость от ключевых инфраструктурных узлов, типов специализации сельских поселений на уровне экономических агентов. Делается вывод о развитости миграционных процессов и высокой мобильности сельского населения.

Ключевые слова: миграция, село, социологическое исследование, пространственный анализ, социальная география, социология села.

Farakhutdinov Sh.F.

ORCID: 0000-0002-0849-7248, PhD in Sociology,

Tyumen Industrial University

RURAL MIGRATION: CURRENT STATUS AND CHARACTERISTICS**Abstract**

The article presents the results of the next phase of complex research carried out by the Council of municipalities of the Tyumen region. It is shown that the nature and direction of migration of rural areas depends on several factors, among which include the degree of development of the road network, distance from key infrastructure nodes, types of specialization in rural settlements in the level of economic agents. In conclusion, it formulated a conclusion about high level of migration and high mobility of the rural population.

Keywords: migration, villages, sociological research, spatial analysis, social geography, rural sociology.

Миграция как сложный феномен связана с пространственной локализацией и перемещением индивидов, протекающих под воздействием множества разнообразных факторов. Это явление имеет не только количественную, но и качественную характеристику, поскольку социально-демографические и стратификационные характеристики людей, составляющих различные миграционные потоки, могут существенно различаться. Таким образом, особенности миграционных процессов могут служить важнейшим показателем благополучия протекания социально-экономических процессов на определенной территории.

Последние несколько лет Совет муниципальных образований Тюменской области осуществляет исследование, направленное на изучение потенциала развития сельских территорий. Исследовательский коллектив (помимо автора включающий: Шелудкова А.В., Быстрова Е.В., Фомичева Е.И.) в течение 2015 года осуществил 10 полевых экспедиций, охвативших 20 муниципальных районов и 1 городской округ Тюменской области. Всего было реализовано более 100 выездов в различные сельские поселения, где проводились глубинные полуструктурированные интервью с их главами. Кроме того по сплошной выборке был реализован онлайн-опрос глав администраций всех сельских поселений области (293 человека). Основная цель – изучение мнения управленцев относительно различных аспектов функционирования сельского социума, выявление скрытых социальных процессов и явлений, целостное описание социальной картины мира тюменского села. Также был организован сбор статистической информации с хозяйственных книг сельских поселений и ведомственной статистики [3].

Одной из задач исследования стало изучение миграционных процессов, протекающих в сельских территориях. Результаты нашего исследования показывают, что в зависимости от удаленности поселения по отношению к центральным территориям, могут возникать различные социальные феномены – маятниковая миграция, «отходничество», «вахтовая» работа.

В ходе опроса мы включили в анкету для глав поселений вопрос о частоте выезда населения за пределы места жительства. Оказалось, что основные перемещения населения осуществляются в соседние населенные пункты и муниципальные образования – почти три четверти глав указали, что жители их поселений выезжают туда часто и четверть – время от времени. Вариант «редко» выбрало незначительное количество респондентов (2,61%). Другие районы области селяне, в основном, посещают «время от времени», а поездки в областной центр зависят от степени удаленности муниципального образования от него. Дальние поездки сельских жителей Юга Тюменской области (в другие регионы России и за границу) происходят довольно редко (табл. 1). Примечательно, что респонденты тем чаще затруднялись оценить перемещения земляков, чем дальше предполагаемое место назначения от места жительства.

Таблица 1 – Частота выездов жителей сельских муниципальных образований за пределы места жительства

	Часто	Время от времени	Редко	Затрудняюсь ответить
В соседние населенные пункты и МО	74,78%	21,74%	2,61%	0,87%
В другие районы области	7,27%	61,82%	29,09%	1,82%
В Тюмень	32,46%	41,23%	24,56%	1,75%
В другие регионы России	0,95%	19,05%	68,57%	11,43%
За границу	0,00%	3,00%	54,00%	43,00%

Наши наблюдения показывают, что если в сельском поселении дорожная инфраструктура развита хорошо, то миграция носит маятниковый характер, и представляет собой регулярные поездки определенной части населения из одного пункта назначения в другой и обратно. Люди возвращаются в места своего проживания, а основной целью поездок являются работа, учеба, совершение покупок и получение услуг, посещение медицинских, развлекательных учреждений и др.

Маятниковая миграция является источником формирования трудовых ресурсов и обеспечивает сбалансированное использование трудовых ресурсов города и деревни, способствует социальной мобильности населения, изменению социальной структуры сельских жителей, распространению городского образа жизни, преодолению существенных различий между городом и деревней [2].

Пространственное распределение показателей трудовой миграции показывает, что наибольшая географическая мобильность привязана к ключевым транспортным артериям региона и его инфраструктурным узлам (Рис. 1).

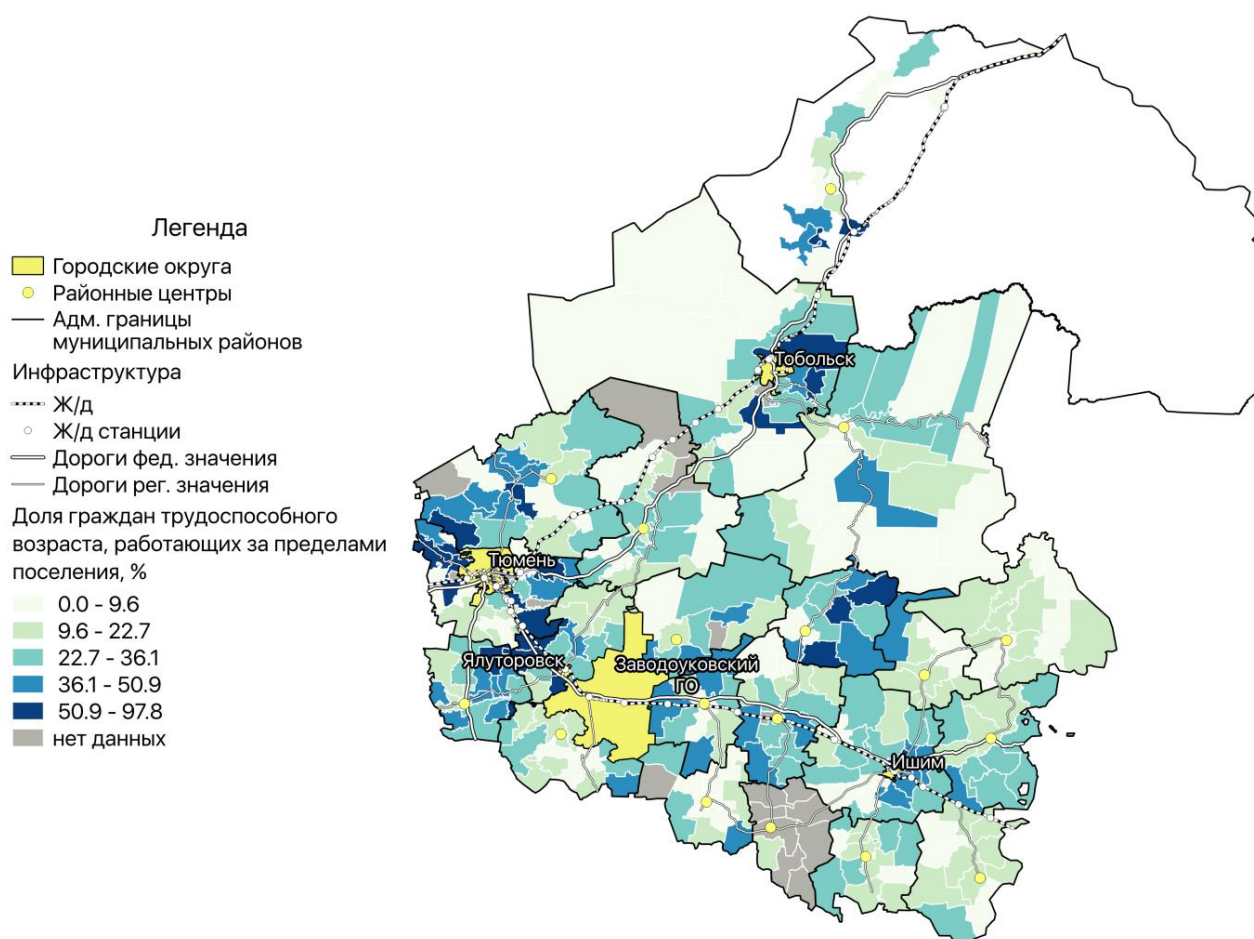

Рис. 1 – Доля граждан трудоспособного возраста, работающих за пределами поселения, %

Главными центрами притяжения в Тюменской области являются города, наиболее привлекательный среди них – Тюмень. При этом, чем дальше муниципальное образование от инфраструктурных узлов и чем хуже качество соединения с ними, тем выше амплитуда и ниже частота миграции. На периферии люди не уезжают, потому что для них коммуникационные барьеры становятся непреодолимыми. Хорошая дорога здесь, напротив, может стать фактором «оттока» жителей. На периферии дорога работает не на развитие, а выполняет функцию «насоса»: люди либо уезжают вовсе, либо живут только часть года, например, в летний сезон. В последнем случае сельчане, по факту, превращаются в горожан-дачников, даже если и не меняют официальную «прописку».

Таким образом, удаленность и труднодоступность сел становится одной из причин депопуляции периферийных территорий. Эта зависимость прослеживается при анализе демографических показателей, в частности, естественного прироста населения и доли граждан в трудоспособном возрасте (рис. 2,3).

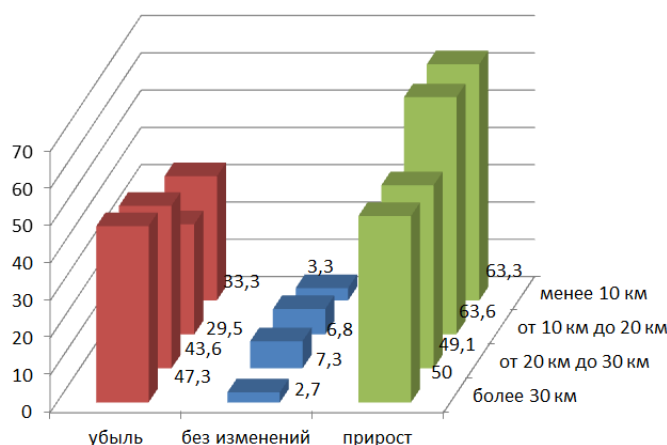

Рис. 2 – Зависимость естественного прироста и убыли населения и удаленности от районного центра, %

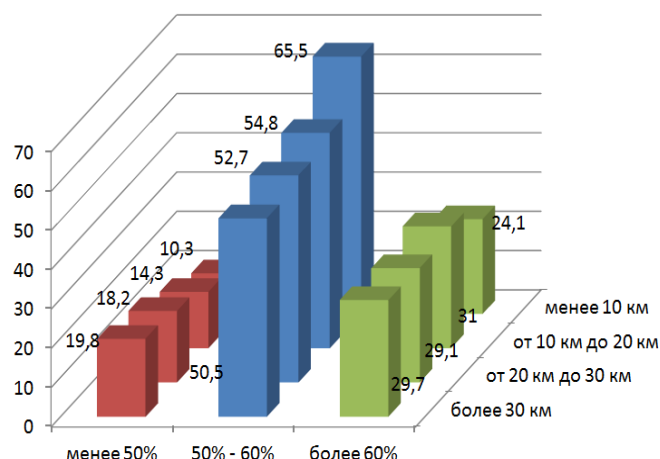

Рис. 3 – Зависимость доли трудоспособного населения от удаленности к районному центру, %

Именно на периферийных территориях сильнее актуализирована проблема «оттока молодежи»: ее чаще в ходе опроса указывают в своих анкетах главы администраций удаленных поселений. В интервью респонденты связывали проблему с неразвитостью коммуникаций и инфраструктуры в целом.

Особенности миграции создают предпосылки для появления сложных социальных феноменов, в частности, «распределенного образа жизни» [1]. На сельских территориях это явление часто имеет яркую демографическую специфику – формируются «распределенные семьи»: старшее поколение остается в деревне, молодежь переезжает в города, при этом связи между ними сохраняются. Как итог, между городом и деревней возникают различные нерыночные потоки «благ» – в город идут мешки картошки, в деревню текут новые технологии – телефоны, компьютеры и пр.

Развитые миграционные процессы и высокая мобильность различных социальных групп сельского населения оказывают влияние на стирание различий в уровне жизни между городом и деревней в муниципальных образованиях региона. Это неоднократно отмечается в беседах с главами: «Селяне теперь хотят жить в благоустроенных домах, как в городских квартирах»; «...в деревянные дома проводят водопровод, ставят стиральные машинки, душевые кабины».

Подводя итог анализа миграционных процессов сельских территорий, а также сопоставив их с другими данными, полученными в результате нашего исследования можно сделать следующие выводы.

В результате социально-экономических трансформаций 1990-2000-х гг. под влиянием комплекса географических факторов (ландшафт и положение в рамках центр-периферийной структуры) на сельском пространстве юга Тюменской области оформились несколько типов специализации на уровне экономических агентов, представляющих различные хозяйственные уклады. Произошедшая дифференциация затрагивает ключевые стороны жизни сельского населения, в том числе и миграционную составляющую. Как итог, выделяются:

1) пригородная зона, районные центры и отраслевые поселения – здесь сильнее всего стерты границы между городом и деревней. В пригородах развита маятниковая миграция – как из городов в села (дачники, строители, родственники селян и пр.), так и из сел в города (на заработки, за покупками и пр.). Наиболее ярко проявляется «распределенный образ жизни».

2) В районах, близких инфраструктурным центрам, но не настолько, чтобы быть ими поглощены (полупериферия), преобладают крупные модернизированные предприятия, которые составляют основу локальной экономики. Муниципалитеты полупериферии расположены на транспортных артериях. Уехать в город отсюда легко, но расстояния и, соответственно, издержки на поездку существенно выше. Сельские жители частично заняты на предприятиях, часть работает в центрах (хотя и не так массово, как в пригородной зоне).

3) На периферийных территориях транспортное сообщение значительно затруднено, в отдельных случаях может иметь сезонное транспортное сообщение – летом они доступны только авиатранспортом, зимой устанавливается автомобильное сообщение. Жители живут за счет даров леса и рыбной ловли, а население формирует крепкую общину с сильной локальной идентичностью. Издержки на поездки из периферийных поселений до любого из центров либо дестимулируют миграцию, либо приводят к окончательному выезду.

Список литературы / References

1. Кордонский С.Г. Ресурсное государство: сборник статей / С.Г. Кордонский – М.: REGNUM, 2007. С. 72 – 76.
2. Хорев Б. С. Житель села - работник города / Б.С. Хорев, В.Н. Лиходел – М.: Финансы и статистика, 1982. - 95 с.
3. Шелудков А.В. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть / Шелудков А.В., Рассказов С.В., Фарахутдинов Ш.Ф. – М.: Страна Оз, 2016. – 184 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kordonskii S.G. Resursnoe gosudarstvo: sbornik statej [Resource State: a collection of articles] / S.G. Kordonskii – М.: REGNUM, 2007. P. 72 - 76. [in Russian]
2. Xorev B. S. Zhitel' sela - rabotnik goroda [A resident of the village - an employee of the city] / B.S. Xorev, V.N. Lihodel – М.: Finansy i statistika, 1982. - 95 p. [in Russian]
3. Sheludkov A.V. Sel'skie municipalitety juga Tjumenskoj oblasti: prostranstvo, statistika, vlast' [Rural municipalities south of the Tyumen area: the space, the statistics authority] / Sheludkov A.V., Rasskazov S.V., Farakhutdinov Sh.F. – М.: Strana Oz, 2016. – 184 p. [in Russian]